

Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
Ташкент — 1979

ИБРАГИМ РАХИМ

ТРУДНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

«Как закалялся человек»

РОМАН

*Авторизованный перевод с
узбекского Юрия КАРАСЕВА*

Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
Ташкент — 1979

ББК 84 Уз
Р 27

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма,
1979 г. (перевод)

Глава первая

I

Разрешите представиться. Фамилия моя — Акбаров, имя — Эркин. Образование среднее. После окончания школы пробовал поступить в институт, почему-то педагогический (хотя к профессии учителя у меня не было ни склонности, ни призвания), и завалился на первом же экзамене. Сейчас даже не помню, по какому предмету...

В армию меня не взяли: медицинская комиссия обнаружила... плоскостопие. Уж не знаю, откуда оно взялось, и вообще — что это такое. Сам я считал себя вполне здоровым. Правда, если я много ходил, ноги у меня начинали побаливать, но разве из за такого пустяка можно браковать человека? Впрочем, врачам виднее...

Выбор профессии надолго затянулся, поскольку меня вообще не привлекала никакая определенная работа. Ну, любил я копаться в автомобильных и мотоциклетных моторах, мог, если хотел, запросто починить магнитофон или телевизор, но все это так, от скуки. А еще я, не по своей воле, заделался нештатным махаллинским электромонтером.

У нас в доме часто гас свет. Мы уж устали приглашать к себе монтеров, да и не так-то легко их было дозваться. Кое-какие сведения по части электричества я почерпнул еще из школьных учебников, до остального дошел своим умом, ну и стал, в порядке самодеятельности, исполнять монтерские обязанности: сперва — у себя дома, а потом меня начали зазывать к себе соседи — если у кого случалось замыкание и перегорали пробки. Мое «монтерство» было, конечно, чистой воды любительством, занимался я лишь несложными починками, никто меня ничему не учил — а что такое ученик без учителя? Ноль без палочки. Приходилось действовать на свой страх и риск.

Председатель нашего махаллинского комитета Бердыев устраивал какое-то торжество, дастархан он расположил посреди двора и попросил меня провести проводку и повесить над столом

большие лампы. Я сказал: «Хоп!»— и приступил к делу. Провода во двор я протянул от электрического столба, торчавшего на улице, но, видать, что-то напутал, и при первой же попытке включить свет воздух над столбом озарила яркая вспышка, во все стороны с шипением посыпались искры. И в тот же миг погасли все лампы и в доме Бердыева, и в соседних домах. Все накинулись на меня с бранью и упреками, я полез на столб, чтобы устранить повреждение. Послышались предупреждающие возгласы: «Эркин! Слезай же, не то тебя током убьет!». Но во мне уже заговорило самолюбие, я все карабкался по столбу вверх, хотя с моими скудными познаниями и навыками, да еще без изоляционных приспособлений мне там нечего было делать. Слава богу, кто-то догадался вызвать аварийную машину, меня чуть не силком стащили со столба и как следует всыпали за «самодеятельность». Досталось, наверное, и Бердыеву — за то, что серьезную работу, требующую профессионального умения, он поручил леваку-любителю. На другой же день он вызвал меня к себе и, грозно шевеля своими пышными усами, прошипел:

— Если я еще когда-нибудь увижу, что ты занимаешься не своим делом, тебе не поздоровится! И близко не подходи к электрическим проводам, пока не овладеешь профессией монтера.

А мне ничем не хотелось овладевать, ни к чему меня понастоящему не тянуло. И никакими талантами я не обладал — кроме, пожалуй, одного: язык у меня хорошо подвешен, я и в компаниях соловьем разливался, и мог толкнуть такую речугу, что все диву давались. В своей махалле я заполучил прозвище! Эркин-булбул, Эркин-соловей, и вот как это произошло. Как-то выбирали мы нового председателя махаллинского комитета, и какой-то бес толкнул меня под руку: я попросил слово, — будто кроме меня некому было выступить, — и уж всласть наговорился, вдохновенно разобрал все изъяны в характере и недочеты в работе прежнего раиса, Бердыева. Уж когда я начну молоть языком, так меня не остановишь... Только, видно, слушали меня не слишком внимательно, и на пост главы махаллинского комитета избрали опять Бердыева. Поораторствовал я на свою голову... Когда после собрания я нос к носу столкнулся с Бердыевым, он язвительно усмехнулся:

— Вон ты, оказывается, какой шустрый, парень. Я-то тебя всегда считал безобидным воробьишкой, а ты у нас — соловей! — И он повторил громко, чтоб все окружающие слышали: — Эркин-булбул!

С того дня и закрепилась за мной эта кличка, — на мой взгляд, не из самых худших, и в дальнейшем, если кто-нибудь,

говоря обо мне, называл меня просто Эркином, то мои соседи в толк не могли взять, о ком же идет речь...

Жаль вот только, что вместе с прозвищем я приобрел и врага в лице Бердыева.

Но лучше уж все по порядку.

II

Семья у нас небольшая: мама, я и мой старший брат Ислам, уже женатый.

Брат работал продазцом газированной воды. А так как и мне надо же было что-то делать, то некоторое время после того, как я завалил экзамены, я помогал ему. Сами знаете, каким спросом пользуется газировка в жаркую летнюю пору: только успевай наполнять стаканы. Разливать воду в две руки было куда легче, и дело у нас спорилось. Только вскоре я стал замечать, что брат явно мухлюет. Когда у него кончался газ в сатураторе, он принимался торговать вместо газированной — обыкновенной водопроводной водой. Да и сироп частенько разбавлял, погчуя горожан, которых мучила жажда, чуть подкрашенной водичкой. Я долго молча наблюдал за его махинациями, а потом не выдержал.

— Совести у тебя нет, братец, кого ты обманываешь — своих земляков, честных работяг!..

Брат, не долго думая, влепил мне затрещину, так что у меня искры из глаз посыпались, и я взвыл от боли. Ну, уж этого я ему не мог простить, каким бы незлобивым ни был, и на следующее же утро, когда мы всей семьей сидели за дастарханом, я, горячась, рассказал матери о жульнических проделках брата. Мать накинулась на него с гневными упреками, брат терпеливо слушал ее, бросая на меня исподлобья испепеляющие взгляды, а когда мать вышла, он, собираясь на работу, процедил сквозь зубы, глядя куда-то мимо меня:

— Спасибо, братец, удружил. Не пытайся за мной увязаться, мне помощник нужен, а не шпион и доносчик. Заруби на носу: ты теперь сам по себе, я сам по себе. И только пикни еще, я тебя живо из дома выставлю.

С той поры он со мной больше не разговаривал и вообще перестал замечать.

К взаимному удовольствию мы с Исламом вскоре расстались: он приобрел для своей семьи отдельный добротный дом, мы с мамой остались в старом.

Наступила зима, а я все бил баклуши. Ваялся в постели, поплеывая в потолок, читал запоем книжки, ходил в кино, ша-

тался с приятелями по ташкентским улицам. Много я за эту зиму перечитал, пересмотрел, переслушал всякой всячины...

Но что за жизнь — без денег? Скромной маминой пенсии нам едва-едва хватало на еду. Кое-какую мелочь она подрабатывала вязаньем, стежкой одеял. Изредка братец подкидывал грошовые подачки... Меня все это, естественно, никак не устраивало, и я стал ломать голову над тем, каким бы наиболее легким способом раздобыть побольше денег? В отличие от брата я считал, что надо их зарабатывать, хоть и не прилагая особенных усилий, но по-честному. Несколько дней я все думал: чем же мне заняться, чтобы разбогатеть быстро и не надрываясь?

При доме у нас был дворик. Вот я подумал: а почему бы не засадить его цветами? Возни с ними не так уж много, — толк я в них понимал, — а на рынке они всегда нарасхват.

Прежде чем приступить к делу, я хорошенько все обмозговал. Облюбовал в нашем дворике самые солнечные уголки и посадил там розы. Между ними разбросал семена ранних цветов. Возле калитки, вдоль дорожек и забора разрыхлил землю для цветов попроще: ведь чем цветок неприхотливей, тем за ним легче ухаживать. Расчет у меня был такой — опередить на рынке других цветоводов. Ну, а где и как продать мой товар, этому меня не надо было учить. Уж тут-то мне пригодились и моя ловкость, и сообразительность, и мой «соловьиный» талант. Нет, что там ни говори, а числиться в соловьях не так-то уж худо: птица это вольная, и петь ей можно сколько угодно и где и когда захочется — в любое время, на любой ветке. Я уже говорил, что не лез за словом в карман — ни на вечеринках, ни в гостях, за пиалушкой чая, я даже на собраниях был на высоте, не в пример иным ораторам, которые глаз не могут оторвать от шаргалки. Ну, а на рынке красноречие особенно ценится и часто верх одерживает не добросовестный продавец, а ловкий зазывала. Научитесь привлекать покупателя щедрым красноречием, личным обаянием, тонким обращением, и дело в шляпе: вы сможете всучить ему любой товар. Тем более — цветы, тем более в такое время, когда они еще редкость.

Цветы у меня распустились как раз в нужный срок, удались на славу, и наполнив ими корзину, я стал разгуливать по улицам и дворам, громко выкрикивая: «Эй, люди добрые, налетайте, разбирайте, товар — что надо, для будней и для парада!». Уж не помню, что я там плел, но от покупателей отбоя не было. Завелась и постоянная клиентура. И порой получалось так, что собственные цветы у меня кончались, а спрос все не иссякал, и тогда приходилось «занимать» товар у моих коллег, крупных оптовиков, у которых дело было поставлено на широкую ногу.

Признаюсь, успех я имел только у покупателей, а «оптовики» всерьез меня не принимали. Для них я был мелкой сошкой. Дилетантом. Особенно их сместило, когда клиенту, который мне чем-нибудь нравился, я отдавал цветы чуть ли не задаром. И если у меня просто было хорошее настроение, то плевал я на деньги и всех готов был одарить своими цветами.

И все-таки в убытке я не оставался. Тугрики так и шли мне в руки, я сорил ими налево и направо, жил в свое удовольствие, являлся на свадьбы и другие торжества с дорогими подарками. Друзей и приятелей становилось все больше, крутились вокруг и какие-то подозрительные люди. Самому себе я показался любимцем всей махалли. И только Бердыев, председатель махалинского комитета, тот самый, которому я был обязан своим прозвищем, не давал мне житья. Видно, не мог простить моего выступления, когда я его так крепко покритиковал... Ох, уж и донимал он меня своими указаниями да наставлениями!.. Какое, мол, ты имеешь право продавать цветы? Говорю: а вам-то что за дело, мои цветы, что хочу, то с ними и делаю... Я уж, чтоб отделаться от него добром, и к дастархану своему его приглашал. Он не отказывался, заглядывал ко мне домой, но вместо того, чтоб пожелать этому дому достатка и процветания и поблагодарить за угощение, заводил занудливый разговор:

— Когда же ты начнешь честно трудиться?

— А разве я сейчас воровством занимаюсь? Цветы выращивать — это вам не труд?

— Ты их выращиваешь на продажу. Ради своей выгоды.

— Как будто у нас кто бесплатно работает...

— Я этого не говорю. Но трудиться по-настоящему — значит приносить пользу обществу.

— Ха!.. А те, кто у меня цветы покупает, не общество?

— Поощряя частную торговлю, они совершают антиобщественные действия.

— А где им еще цветы покупать, как не у нас?

— Это другая сторона вопроса...

Нет, уж если Бердыев упрется на своем, так его не переспоришь. Для него я обыкновенный туеняец. «Лицо без определенных занятий». Дармоед. Он, конечно, неправ, разве я даром ем свой хлеб, разве я покупаю его на чужие, а не свои, потом заработанные деньги? Ведь чтобы цветы вырастить, немало приходится затратить и времени, и труда. Да и продать их не так-то просто, тут надобны сноровка и умение. Но Бердыева в этом не убедишь. Он одно твердит:

— Ты молодой. Ты все силы должен отдавать работе на благо народа. А цветоводство — это занятие для стариков...

Ну, да, для стариков!.. Положим, посадить и вырастить цветы — это еще в их силах. А гоняться за покупателями? Бегать с корзиной по улицам? Подниматься в новых домах на последние этажи? После землетрясения вон каких громадин понастроили. Ладно еще, если лифт работает. А как нет? Есть ведь и такие лифты: три дня на ходу, три месяца на ремонте. Иные дома и вовсе без лифтов. Что там старикам-то делать? Дай бог с грехом пополам до второго этажа доплестись. А для меня раз плюнуть — подняться на самую верхотуру. Ноги-то молодые...

Только для Бердыева все это — не доводы.

Вы только не подумайте, что сам он — такой уж идеальный. Нотации читать, громкие фразы выдавать, это Бердыев мастер. Но сам-то вряд ли кому может послужить достойным примером. Недаром же я его критиковал...

Видя, что я не поддаюсь ни на уговоры, ни на угрозы, он махнул на меня рукой. Но наведываться ко мне стал, пожалуй, еще чаще, только уже не для душещепательных бесед, а чтобы занять десятку-другую — как я понимал, без отдачи. Ну, в скупости меня не обвинишь, облагодетельствовал я его несколько раз, и ему это понравилось, а мне вскоре надосло. Если уж я сам тунеядец, то зачем мне нужно, чтоб кто-то у меня на шее сидел? Ушел он от меня однажды с пустыми руками, и тут же мне и отомстил: занес в райисполкоме в списки «элементов, уклоняющихся от общественно-полезного труда».

Вот тут-то меня взял в переплет наш участковый, старший лейтенант Хакимов. Аккуратно, раз в неделю, он приходил ко мне и справлялся: поступил ли я на работу. Я пока вовсе не собирался бросать такое выгодное дело как цветоводство, но участковому, естественно, об этом не сообщал, а всякий раз находил какие-нибудь отговорки, чаще всего ссылаясь на то, что я, мол, никак не могу подобрать работу по душе: ведь устроиться куда-нибудь — это вам не цветок купить, надо все основательно взвесить и семь раз отмерить, прежде чем раз отрезать.

Участковый выслушивал меня вроде бы даже и участливо, но, наконец, терпение у него лопнуло, и он твердо сказал:

— Вот что, друг любезный. Если ты сам не в состоянии найти работу, давай я тебе помогу. Нам сейчас требуются милиционеры. Вот и ступай к нам. Нам жалованье прибавили. Форму тебе выдадут. Конечно, рядовой милиционер — фигура не такая уж важная, но все-таки — власть. И как представитель власти, ты будешь пользоваться всеобщим уважением. Думаю, работа эта тебе по плечу...

Я замаялся.

— Но по сердцу ли? Я-то ведь подумывал о том, чтобы поехать на какую-нибудь стройку...

— Куда же?

— Ну...— И я ляпнул первое, что мне пришло в голову. — На Дальний Восток.

Хакимов только головой покачал.

— Ну, размахнулся!.. Да что тебе, в Ташкенте дела не найдется? Ты глянь, всюду ж у нас объявления красуются — с приглашением на работу. Выбирай любую специальность.—Он ожилился.— Слушай, а не хочешь учиться на регулировщика? Я тебе это тоже могу устроить. Поучишься совсем немного, и ты— хозяин ташкентских улиц!

Я усмехнулся скептически.

— Какой уж там хозяин! Машин-то в городе — вон сколько, с их потоком и не управисься. Нет, уличный регулировщик — профессия отмирающая. Вы лучше установите в Ташкенте побольше светофоров. Наш век — век техники.

Тут уж ухмыльнулся Хакимов:

— Ты-то зато, вижу, изучил только технику торговли цветами.

— А что цветы?— вскинулся я. — НТР цветы не отменяет. Наоборот, людей сейчас еще больше тянет к живой природе. — Немного подумав, я добавил:— Да, я ими давно уж и не торгую...

Я, конечно, кривил душой, и стоило старшему лейтенанту день-другой последить за мной, как он тут же поймал меня с полициным. И как я ни уверял его, что нес цветы знакомой девушке, а если и делился ими с кем из прохожих, то бескорыстно, исключительно из душевной щедрости, Хакимов оставался немолчимым.

— Чтоб больше я не видел тебя на своем участке с цветами! До каких пор ты будешь позорить свою махаллю? И мне нервы выматывать?

— Да что вам-то я сделал плохого?

— А ты думаешь, мне приятно каждый день выслушивать, что вот, дескать, смотрю я сквозь пальцы на некоего Эркинабулбула — единственного нетрудоустроенного типа на моем участке!

Я клятвенно прижал к груди ладонь.

— Вот честное слово вам даю — трудоустроюсь!

— Ты мне не раз это обещал. Но что-то я и по сей день не вижу твоей трудовой книжки.

— Увидите! Скоро увидите!

— Когда же именно?

— А вот наступит осень, и я сам заявлюсь к вам с трудовой книжкой в руках.

Он посмотрел на меня с подозрением.

— А зачем ждать осени? До осени-то еще далеко. И все это время ты намерен шататься без дела? Не пойдет, парень. С какими-то мускулами, как у тебя, и все лето лодыря гонять — да как тебе не совестно?

С трудом удалось мне уговорить Хакимова, чтобы он дал мне еще хоть неделю сроку. Цель у меня была одна: выиграть время. Я уж понимал, что как там ни крути, а на работу все равно придется устраиваться, но у меня оставались еще не проданными розы, и я надеялся за неделю избавиться от них, получив взамен звонкую монету.

Ровно через неделю Хакимов появился у нас во дворе. А я только-только собрал и уложил в корзинку последние розы. Завидев его, я поспешно припрятал корзинку за кустом, взяв из нее лишь одну чайную розу, самую красивую и душистую, и загоропился с этим цветком навстречу участковому.

— Товарищ старший лейтенант! Вы и не представляете, как я рад вас видеть! Вот, примите от меня розу в подарок — клянусь аллахом, я выращивал ее специально для вас!

Я протягивал ему цветок, ждал со страхом, как-то он отнесется к моим словам, которые я произнес с ненатуральным пафосом, и примет ли мой подарок или отвергнет его с сердитым презрением? Но на его лице было написано добродушие, и я осмелел:

— Вы только понюхайте, как она пахнет!..

На мой взгляд, Хакимов вел себя странно: он не набросился на меня с очередными упреками, а взял у меня из рук розу, с наслаждением вдохнул ее аромат, и вполне миролюбиво, даже дружески, осведомился:

— А есть у тебя еще такие розы?

Я не знал, что и думать. Ловушка ли это? Или ему действительно нужны цветы? Вот было бы здорово — заполучить в клиенты самого участкового! Идея эта показалаась мне такой заманчивой, что я с радостной готовностью проговорил:

— А сколько вам нужно, товарищ старший лейтенант?

— Неси весь свой запас!

— Будет сделано, товарищ старший лейтенант, будет сделано! — Я от волнения перешел на скороговорку. — Вы сами их унесете или доставить вам их на дом?

— Ты давай сюда свои розы, а там посмотрим.

Я вытащил из-за куста корзинку с цветами, Хакимов окинул их осцивающим взглядом.

— И это все, что у тебя имеется?

— Клянусь аллахом, все!

Я не лукавил: роз у меня действительно больше не было. Но я уже жалел, что и эти, последние, показал Хакимову. Кто его знает, с чем он все-таки ко мне пришел — с добром или злом? Что-то непохоже было, чтобы его интересовали только цветы. Сам срок его визита настораживал: ведь минула как раз дарованная мне неделя...

Казалось, однако, что участкового удовлетворил мой ответ, и кроме цветов ему от меня ничего и не надо. Кивнув на корзину, он спросил:

— Сколько же стоят твои розы?

— Я же говорил вам,— сказал я с наигранным возмущением,— я не торгую цветами! Если они нужны вам — берите так.

— Ну, ну, ты не кипятись. И не темни. Со мной нечего в прятки играть.

— Ладно, — сказал я, делая вид, что сдаюсь. — Красная цена им — рубль.

— А если по делу?

— Ну, если это для вас дорого... Платите полтинник и забирайте всю корзину.

Хакимов начал злиться.

— Слушай, с тобой как с человеком говорят, а ты тут дурачка из себя строишь.— Он взглянул мне прямо в глаза.— Вот тебе три рубля. Хватит?

От стыда я готов был првалиться сквозь землю. А Хакимов, чуть не силой вручив мне трешку, уже миролюбивей продолжал:

— Мне хотелось бы думать, что эта купля-продажа в твоей жизни последняя. И слушай меня внимательно. Сам знаешь, я мог бы отправить тебя на принудительные работы. Но неудобно как-то... Ведь ты парень с головой, вроде интеллигентный... Так что давай договоримся по-хорошему: ты завтра же по доброй воле поступаешь на работу. А работу для тебя я нашел...

— Какую же это, если не секрет?

— Пока секрет.

— А все-таки?

— Ай, Эркин-булбул, не будь ты таким любопытным. Когда тебя угощают виноградом, то не спрашивай, в каком саду он вырос. Ясно? Ну, согласен или нет? Можешь быть спокоен, работа не хуже других.

Что мне оставалось делать, как не согласиться?

— Вот и отлично!— обрадовался Хакимов.— Забирай свою корзину и пошли.

Меня опять подозрение взяло: что это он задумал? Куда —

«пошли!»! Может, вместе с моей корзиной он приведет меня прямо в отделение милиции? И цветы послужат прямой уликой против меня? Вот, мол, он даже мне, милиционеру работнику, умудрился розы продать.

— Ну, что же ты? — поторопил меня Хакимов. — Идем.

Я все ждал, когда он сам сдвинется с места, чтобы последовать за ним, но он велел мне идти впереди него. Сердце мое забилося тревожно. Получалось, что я шел под конвоем. В тоже время и вид, и тон Хакимова были сегодня какие-то благодушные. Так что, возможно, моя тревога и напрасна, и просто такая уж у него милицерская привычка: всегда идти позади. Я чуть не прыснул, представив себе, что он и с женой так ходит: будто конвоируя ее. Все же я готовил себя к худшему и мысленно прощался и с домом, и со своим двором, еще недавно засаженным самыми разнообразными цветами, и с дорогими моими покупателями, снабжавшими меня купюрами, которые так приятно шелестели в ладонях!..

Мы шествовали по улице в прежнем порядке: я впереди, с корзиной цветов в руках, Хакимов сзади. И меня так и подмывало удрать, бросив корзину, но я покорно вышагивал перед старшим лейтенантом. От такого джигита черта с два убежишь. В глубине души я порой даже восхищался Хакимовым: в нем чувствовались сила и ловкость, видно было, что он занимался спортом, и в ладной, подтянутой фигуре чудилось, спрятана была уругая пружина, вот-вот готовая развернуться. В общем, он был из породы тех богатырей, которые если уж рвануться вперед, так коня обгонят, а грянут кулаком по скале — скалу сокрушат. И уж коль ты попался такому в руки, пиши пропало: не вырвешься.

Лучше было — смириться...

Но куда же все-таки он меня вел? Отделение милиции, которого я так боялся, осталось в стороне. Но беспокойство мое не проходило. Самое противное и мучительное в жизни — это неизвестность...

От этих мыслей я оторвался, когда Хакимов тронул меня за плечо.

— Стоп! Мы пришли.

Он завел меня во двор, куда въезжали и откуда выезжали мусороуборочные машины, и где проворно сновали люди в замызганных комбинезонах, и направился к солидному мужчине, спокойно наблюдавшему за всей этой суетой. Для него-то, наверно, в ней было что-то осмысленное.

— Привет начальству! — еще издали крикнул Хакимов и, подойдя к мужчине, кивнул на корзину. — Принимайте цветы,

это подарок нашего Эркина-булбула. Эркинджан, знакомься, перед тобой начальник городской конторы по уборке мусора.

У мужчины лицо расплылось в довольной улыбке.

— Рад, рад с вами познакомиться, молодой человек. И большое спасибо вам за цветы. Я уже хотел на базар за ними посылать. — Он взял у меня корзину и принялся объяснять. — Помните, мы сегодня провожаем на пенсию нашего лучшего работника. Ваши цветы как раз ко времени. Если у вас есть желание, приходите на наш вечер.

Хакимов засмеялся.

— Что цветы, у меня для вас есть подарок получше. Вы ведь искали замену Ахмеду-ата, вот — рекомендую вам Эркинджана. У парня золотые руки, и он так и рвется работать у вас...

Я метнул от старшего лейтенанта злой взгляд, а начальник конторы, сложив руки на объемистом животе, рассматривал меня некоторое время, то ли желая понять, что я за птица, то ли прикидывая, куда меня лучше пристроить, а потом спросил:

— Что же вы умеете делать, молодой человек?

Я глазами показал на корзину с розами.

— Вот, цветы выращивать...

— Что ж, дело благое. Только мы-то не за цветами ухаживаем, а за всем городом, стремимся, так сказать, Ташкент превратить в ароматный прекрасный цветочек.

И мужчина хохотнул, довольный своим сравнением.

— Вот в этом вам Эркин-булбул и поможет, — вмешался Хакимов. — Знали бы, какой это борец за красоту и чистоту! — Он постарался не заметить моего испепеляющего взгляда. — Стоит ему взяться за дело, и на месте ваших.. гм.. объектов появятся цветники.

Начальник конторы посмотрел на меня ласково.

— Старший лейтенант убедил меня, Эркинджан. Как ваша фамилия? Акбаров? Так вот, товарищ Акбаров, с завтрашнего же дня и выходите на работу.

— А что я должен буду делать?

— Как что? Убирать мусор. Ай, молодой человек, не сверкайте так глазами! Наше хозяйство оснащено техникой, вы будете разезжать по своему участку на мусоровозе.

— Вы предлагаете мне быть мусорщиком? — тон у меня был ссдорбленный.

— Зачем же так? Работником горкоммунхоза — вместо уходящего на пенсию уважаемого Ахмеда-ата. Зарплата вполне приличная, чуть поменьше, чем у водителей. И сами знаете, молодой человек, у нас всякий труд почетен.

Я буркнул:

— Учили в школе...

И опять-таки у меня не было иного выхода, как принять предложение начальника конторы. Отнесся он ко мне тепло. И не руками же я буду выгребать мусор из помоек, — к моим услугам машина. И вообще, чем жить в постоянном страхе перед карами, которые сулили мне Бердыев и Хакимов, лучше уж потрудиться малость на благо общества.

На следующий же день я приступил к работе.

Вдвоем с шофером, тоже молодым парнем, мы с утра объезжали закрепленные за нами улицы, постепенно заполняя наш мусоровоз содержимым помойных ведер и бачков, выставленных во дворах и у калиток. Днем и вечером мы были свободны, что меня лично вполне устраивало.

Не прошло и нескольких дней, как я перезнакомился чуть не со всеми жителями моего участка. Среди них обнаружили и мои бывшие клиенты, и я прятался от них, боясь, что они начнут приставать ко мне с расспросами: мол, почему тебя так давно не видно, где же твои цветы?.. Поначалу я вообще стыдился своей профессии и краснел, когда встречался со знакомыми. Они теперь сторонились меня, и однажды я услышал шелестящий шепоток: «Мусорщик, мусорщик...».

Как я жалел о прежней своей беззаботной жизни, о том времени, когда возился с цветами!.. Они ведь были для меня не просто товаром, я испытывал удовольствие, выращивая их, ухаживая за ними, и мог часами любоваться розами, тюльпанами, гвоздиками... А теперь, когда я в ведрах с мусором и отбросами замечал увядшие стебли, засохшие лепестки, у меня сердце начинало щемить.

Но человек ко всему привыкает, ко всему может приспособиться. Понемногу я втянулся в свою работу, да еще придумал, как совместить ее с прежним своим занятием: торговлей цветами. На досуге я принялся снова разводить цветы — теперь уже поздние, осенние, утром, перед тем, как уйти на работу, набивал ими корзину и, объезжая участок, уже не только собирал мусор, но и снабжал цветами своих постоянных клиентов. Все были довольны, и я больше всех. В моих ладонях опять захрустели асигнации, и приятели, которые недавно брезгливо, отворачивались, снова заюлили передо мной...

А тут отыскался еще один дополнительный источник доходов. На этот раз я и мой водитель оказались в роли соблазненных, пошли на поводу у некоторых наших «коллег», таких прожженных пройдох, комбинаторов, до которых мне было далеко... Мой напарник сказал как-то о них, что они хитрей самого шайтана.

Эти плуты научили нас делать «левые» ездки». Дело в том,

что нам иногда приходилось работать и по субботам, и по воскресеньям. А это, как известно, самые бойкие базарные дни. И многим нужен был транспорт, чтобы отвезти на базар дыни, арбузы или какой другой ходовой товарец. Для этой цели годились и наши мусоровозы. И вот, вместо того, чтобы убирать мусор, мы по субботам и воскресеньям стали обслуживать тех, кому требовалось поскорее сбыть свои фрукты-овощи. А порой мы и сами их покупали, а на базаре продавали чуть подороже. Карманы наши лопались от денег... Ох, и житуха же у меня была! Я накупил себе ворох современной одежды, и не было в Ташкенте ресторана, где официанты и метрдотели не знали бы меня в лицо.

Да, тогда мне казалось, что лучше жизни и быть не могло, что я достиг предела своих желаний...

Мальчишка!..

Впрочем, и этому мнимому моему счастью скоро пришел конец. Верно говорят: как веревочке не виться... Как-то поехали мы за город, чтобы забрать у одного хозяина помидоры — на продажу. Он обещал нам за наши услуги хорошие деньги. Предвкушая солидный куш, мы довольно потирали руки, но когда добрались до базара и заглянули в мусоровоз, то ахнули... Что-то случилось с нашим прессом, он в дороге внезапно заработал, и помидоры, которыми мы полностью загрузили машину, превратились в томатный сок.

Во избежание скандала нам пришлось отдать хозяину помидоров все деньги, которые у нас были. Но беда не приходит одна. Надо же было так случиться, чтобы именно в этот день на наш участок забрели, для проверки, работники санинспекции, которых до этого мы почти и не видели. Они словно дожидались, когда мы совершим промах... И мало того, что они увидели во дворах переполненные ведра и бачки, тут еще наши «подшефные», у которых давно лопнуло терпение, принялись дружно на нас жаловаться: мол, это уже не впервые, в последнее время мусор часто оставался на месте, никто за ним не приезжал, и на улицах было не продохнуть от вони... Что правда, то правда: хоть уже приближалась зима, но погода держалась жаркая, и стоило ведам с мусором простоять лишний день, как от них начинало нести такими миазмами, что только нос зажимай...

Как ни клялись мы, что уже через час от всего мусора, скопившегося на нашем участке, не останется и следа, — инспектора проявили непреклонность (вот что значит: редкие гости на участке; надо же им было выказать рвение) и доложили обо всем нашему начальству. Начальнику же конторы легче легкого было вывести нас на чистую воду: против нас свидетельствовали и

путевые листы, и спидометр, и приборы, фиксирующие количество израсходованного бензина. А в акте комиссии прямо говорилось: мусор не убирается в такие-то и такие-то дни, включая сегодняшний.

Я не читал корана, но знал, что там есть упоминание о двух ангелах, заносящих в особую книгу все прегрешения и добродетельные поступки каждого человека.

По-моему, наш начальник тоже имел такую книгу: все наши грехи были у него, как на ладони, и нам ничего не оставалось, как чистосердечно во всем признаться.

При благоушной своей внешности начальник обладал характером крутым и суровым, и когда он взглянул на меня из-под сердито насупленных бровей, сердце у меня ушло в пятки. Больше всего я боялся, что он тут же позвонит старшему лейтенанту Хакимову и обо всем ему расскажет. И уж тогда не оберешься позора: я заранее представлял себе, как участковый посмотрит на меня с презрением и безнадежно покачает головой: эх, мол, Эркин-булбул, Эркин-булбул, я рекомендовал тебя на самую нехитрую работу, а ты и с ней не справился, больше того, умудрился и тут заняться темными махинациями. Вот и выходит, что ты отпетый лодырь, неумеха и жулик...

И он был бы прав.

Начальник конторы, однако, никому и ничего не сказал о моем позоре, только велел мне убираться прочь и больше не показываться ему на глаза.

А я был рад, что меня уволили... Подумаешь, беда: не копаться больше в мусоре!.. Работенка-то, конечно, была доходная, но неужели же я не придумаю других способов разжиться деньжатами?

Несколько дней я безвыходно просидел дома, опасаясь встретиться с Хакимовым или с Бердыевым. А сам все шевелил мозгами: чем бы мне теперь-то заняться? И ничего мне не пришло в голову — кроме как опять вернуться к торговле цветами. Цветы, цветы, они пустили корни в самое мое сердце. Я словно слышал их запахи, и взор мой ласкала их красота. Некуда мне было деться от этого наваждения...

Но тут новость: наш дом шел на снос. Оказывается, на этом месте должна была строиться линия ташкентского метрополитена. Когда нам сообщили об этом, я заартачился: чем это, мол, наш дом мешает метростроецам? И нам метро — не помеха: ну, будут грохотать под нами поезда — велика беда, мы и не к такому привыкли, нас и землетрясениями не запугаешь! Но мне объяснили, что через наш участок проложат не тоннель, а надземную линию. Я только вздохнул: это, конечно, другое дело.

В глубине души больше всего я жалел о том, что не смогу уже в нашем дворике выращивать цветы...

III

Нас переселили в один из домов, возведенных после знаменитого ташкентского землетрясения. Квартиру нам дали на самом последнем, пятом этаже. Теперь уж ни о каких цветах не могло быть и речи. Даже, если думать о будущем. Ну, а в эту пору и подавно: уж какие цветы — зимой?

И все-таки я не в силах был отказаться от своего увлечения. Я начал рыскать по оранжереям, выпрашивал или покупал там цветы, а потом «распределял» их по своим клиентам, и хоть выручка оказывалась скудная, но жить было можно. Действовал я осторожно, носил цветы прямо на квартиры, и все же мне не удалось укрыться от неусыпного ока старшего лейтенанта Хакимова. Он как-то задержал меня на улице, когда я шел с корзиной, заполненной цветами, и устроил допрос с пристрастием:

— Это что ж, твои цветы?

— Ага, мои.

— Но ты ведь в новом доме живешь. Как же ты умудряешься цветы выращивать, да еще зимой? Или теплицу на крыше устроил?

Мне пришлось сознаться, что цветы — оранжерейные, но я поспешил заверить участкового:

— Только, честное слово, я их не украл!

— Я в этом и не сомневаюсь. До воровства ты еще не опустился. Иначе сидеть бы тебе за решеткой. Но спекуляцией заниматься — это тоже не дело.

Я нагло взглянул ему в глаза.

— А почему это вы думаете, что я спекулирую?

— Не думаю. Уверен.

— А как вы это докажете? Может, я эти цветы для себя взял? Или хочу подарить их кому-нибудь? А если в цветах — вся моя жизнь, если это моя единственная любовь? Вы поглядите, какие они красивые... Отказаться от них — все равно, что изменить любимой девушке...

Мой напыщенный тон, однако, не сбил с толку Хакимова, он сказал с какой-то раздумчивостью:

— Да я верю, что ты любишь цветы. Но любовь твоя — корыстная. И я ведь не говорю тебе, чтоб ты бросил возиться с цветами. Только не делай ты эту красоту предметом купли-продажи. А то получается, что ты «любимую девушку» — за деньги уступаешь другому. Разве не так, а, Эркин-булбул?

— По-вашему, я, выходит, пропащий человек?

— Совсем пропащих у нас нет. Все от тебя зависит, Эркинбулбул. Сумеешь ты обуздать свою страсть к наживе — да, да, к наживе, а не к розам и тюльпанам, сойдешь вовремя с кривого пути, и тогда из тебя еще выйдет толк. Ты ведь парень мозговитый и немало пользы можешь принести людям.

Мне вдруг стало стыдно перед Хакимовым. Я чувствовал: он ведь прав. И все последнее время он усовещивал, уговаривал, убеждал меня, мне же желая добра. А я, вместо благодарности, только подводил его. Вот что бы я сам сделал на его месте, если бы мне постоянно мозолил глаза такой вот, как я, «нетрудовой элемент»? Да я бы его в порошок стер, а не стал с ним цацкаться. Выходит, он и вправду не считает меня вовсе уж бродячим и надеется, что я в конце концов возьмусь за ум. Ну и терпение же у него...

И, подталкиваемый этими мыслями, я искренне пообещал участковому, что прекращу свои походы по оранжереям и в ближайшие же дни устроюсь на какую-нибудь приличную работу.

И я действительно устроился — электриком в нашем ЖЭКе (благо Бердыеву он не был подчинен). В этом-то деле я немного кумекал; пришлось, правда, пополнить свои знания. Мне, честно говоря, даже доставляло удовольствие — ходить по квартирам, починять проводку, розетки и выключатели, а заодно и всякие электроприборы, знакомиться с жильцами, выслушивать слова благодарности, а потом толковать с ними о том, о сем. При моей общительности я скоро стал своим чуть не в каждой квартире.

Но эта была все же не та работа, которая могла бы что-то перевернуть во мне, — для меня она оказалась слишком легкой, да и свободного времени у меня оставалось слишком много. А денег на всяческие развлечения не хватало. Хапать же трешки и пятерки у своих жильцов я считал ниже своего достоинства.

В общем, моего благоразумия и усердия хватило ненадолго, и в конце весны меня потянуло на базар. Для начала я решил просто разведать: а что там почем, какая вообще обстановка... Я прошелся, прежде всего, по цветочным рядам. И поразился их жалкому виду. Перед частинками, судя по всему, поставили крепкие заслоны, цветы продавались лишь «государственные» — боже, что это были за цветы! Разве сравнишь их с теми, какими, к примеру, я в прошлом году промышлял? Меня охватило даже какое-то горькое чувство: неужто же побороть частника можно только официальными запретами, а не здоровой конкуренцией — оставляя на базары цветы и краше, и дешевле?.. И тут же я подумал: приди я сейчас сюда ну, например, с первыми весен-

ними тюльпанами, так вокруг бы толпа собралась, все давились бы из-за моих цветов. Ох, и хорошую же деньгу я бы зашиб...

В других рядах торговля шла побойчей. Вон помидоры, вон грибы — и цены кусаются... На этом я тоже мог бы неплохо заработать. Но откуда мне взять помидоры? А ехать в предгорную степь за грибами, так нужна машина, грибов надо много набрать, иначе все хлопоты с ними себя не окупят. Во мне уже забилась коммерческая жилка. Так... На что же сейчас все-таки наибольший спрос?

И тут, задержавшись у зеленого ряда, я услышал, как кто-то с волнением проговорил:

— Скажите, а исырка у вас нет? Вот незадача... Где же его найти?

Рядом со мной один из посетителей базара пожаловался другому:

— Представляете, уж какой день я за исырком охочусь, готов дать за него любые деньги, он мне для больной жены нужен, только ни на одном базаре его нет.

— Да и я бы все отдал за пучок исырка!

Вот оно дело какое, все исырик ищут — достать бы его, и деньги рекой потекли бы в мой карман, да и люди были бы мне благодарны. Помочь больным — разве это не благое деяние?

Позднее-то я понял, что все хитрил перед самим собой: мне хотелось, как русские говорят, и невинность соблудости, и капитал приобрести. Думал-то я, в первую голову, о собственной выгоде, но при этом тшился придать своим намерениям оттенок некоторого благородства: цветы продавал, так считал, что дарю людям радость и красоту, теперь вот задумал торговать исырком — и опять же пытался убедить себя, что этим принесу пользу больным людям...

Исырек — это такое целебное растение, я о нем кое-что слышал, но вот где он растет — мне было неизвестно.

И я поинтересовался у одного из зеленщиков, пожилого, с серой бородкой и коричневой, продубленной солнцем и ветрами, кожей:

— Простите, вы, видать, человек опытный, не скажете ли мне, где растет исырек?

Мужчина усмехнулся.

— Уж не собираешься ли ты его собирать? Не завидую тебе, парень. За ним надо к черту на кулички ехатъ, в пустыню...

Я прикинул про себя: ну, до пустыни-то я как-нибудь доберусь, а там разыщу исырек, набью им полный мешок, тяжесть небольшая, не так уж трудно донести мешок до дороги, где

можно остановить попутную машину... Ладно, ухлопаю на это один день. Овчинка стоит выделки.

И, разузнав поподробней про места, обильные исырком, я в ближайшее же воскресенье махнул в пустыню.

Глава вторая

I

Я смотрел вокруг и видел только бескрайнюю пустынную степь и небо над ней, огненно-голубое, словно сотворенное из расплавленного металла. Пыль и песок желтым колючим туманом стелились над степью, жаркий необузданный ветер, могучий властелин этих мест, расшвыривал, закручивал, вздымал к небу облака пыли, сбивал песок в огромные текучие барханы с гофрированными боками, казалось, — он уже пожрал, уничтожил все живое. Хоть бы попалось на глаза какое-нибудь деревце с благодатной тенью... Да откуда ему взяться среди этой сплошной суши? Меж раскаленных камней, полузасыпанных раскаленным песком, сиротливо торчали лишь чахлые, будто раздетые догола, кустики полыни и засохшей верблюжьей колючки. Да и их, наверно, скоро заметет песком или разбойник-ветер вырвет с корнями и покатит по неоглядной степи.

Небо и пустыня. Пустыня и небо. Хрустящий на зубах песок. Палящее солнце. И я тут — как лепешка, засунутая в тандыр... Мне даже почудилось, будто я житель какой-то другой планеты, и меня примчал сюда, в этот суший ад, космический корабль, высадив — в наказание за какие-то грехи, а сам снова улетел в безграничные дали.

Но нет, я самый обыкновенный городской парень, и не силой меня заташили в пустыню, а очутился я тут по доброй воле, погнавшись за легкой добычей... И если меня все окружающее и изумляло, и пугало, то как раз потому, что я был закоренелым горожанином, прежде почти и не вылазившим из Ташкента.

Черт же меня дернул сунуться в пустыню... А интересно, так вот и была здесь пустыня испокон веку, или давным-давно жили в этих местах люди, сажали деревья, овощи, выращивали цветы?.. Может, вот тут, где я сейчас стою, шумел когда-то базар, богатый, многоцветный, и на нем торговали и фруктами, и цветами, и исырком?..

Исырк, исырк... Что-то не видно его, этого чудодейственного средства от всех недугов и даже от глаза... Уж сколько времени я брожу тут, еле вытягивая ноги из песка, шарю вокруг напря-

женным взглядом, так что в глазах стало рябить, а исырка все нет и нет.

И если еще недавно я говорил себе, что поездка за исырком для меня плевое дело, то спустя два-три часа я на все начал смотреть уже другими глазами, и поиски исырка казались мне теперь чуть ли не подвигом. Вот, думал я, найду я этот проклятый исырк, привезу его на ташкентский базар, и пусть попробует кто-нибудь назвать меня «нетрудовым элементом» или спекулянтом!.. Да я в этом аду и помереть мог что называется ни за грош-копейку. Ясно, почему исырк такой дефицитный: кому захочется тащиться за ним в безжизненную степь, подставлять плечи под лаву солнечных лучей, а лицо — жаркому шершавому ветру, увязать в песке, мучиться жаждой (я-то всю прихваченную с собой воду сразу выдул)?.. Да еще надо разыскать сам исырк — это тоже дело нелегкое...

Убедив себя, что нынешний день провожу в самоотверженном труде, я малость прибодрился, и даже нашел в себе силы запеть... По старым поверьям, распространившимся, в основном, знахарями-табибами, исырк, услышав человеческий голос, поворачивается к путнику своими цветками. Чепуха, конечно, но чем черт не шутит? И я шел, разливаясь соловьем, и пустыня уже не казалась мне такой страшной. Пожалуй, больше-то я сам себя пугал, с непривычки преувеличивая беды и тяготы, которыми грозила мне пустынная степь. Верно, ее и глазом не охватишь, но я-то знал, что до дороги — рукой подать. Жарко? Как будто в Ташкенте летом царит прохлада... А простор — это здорово, человеку на просторе привольно, как кораблю в океане, иди, куда пожелаешь, ори хоть во все горло!.. Кто тебя здесь услышит? Всякие жуки да ящерицы, которые выскальзывали у меня из-под ног серыми струйками. Да еще ветер, дружище-ветер, он срывал с моих губ слова и мотив, чтобы унести их далеко-далеко... Как знать, может, и исырк услышит, и оборотит ко мне свои соцветия, поклонится мне благодарно? Человек живет надеждой, и я надеялся отыскать, в конце концов, заветный исырк и наполнить им свой мешок. Я шагал все более спорно, приноровившись к вязкой мягкости песка, и ветер помогал мне, то подталкивая в спину, то осторожно поддерживая под локти... Он словно знал — что я тут ищу. И случаются же такие чудеса: ветер притащил меня к песчаному холму, и когда я остановился перед ним, мой приятель, озорной ветерок, словно посчитав, что выполнил свой долг, овеял напоследок теплым дыханием мое лицо и умчался прочь — а я остался стоять перед холмом, поросшим полынью, у которой от прощального прикосновения ветра листики завернулись, и со стороны казалось, будто пыль-

ные кусты накинули на себя пепельно-серебристые покрывальца...

Я перевел взгляд на верхушку холма и заметил четыре бусинки, маленькие и недвижные, как глаза змеи. Я невольно отшатнулся — только змей мне еще не хватало! И тут же меня смех разобрал: разве бывают четырехглазые змеи? Ну, и пугливым же я стал в пустыне...

С взволнованно бьющимся сердцем, готовя себя к любым неожиданностям и соблюдая осторожность, я начал подниматься на холм. И все смотрел, смотрел на бусинки, которые, чудилось, обладали какой-то чарующей, притягательной силой. Когда я приблизился к ним, то не смог сдержать торжествующего возгласа. Ура! Я, наконец, нашел то, что искал. Это же исырек! Исырек!.. Я огляделся и ахнул: как же я сразу не заметил, что исырька на этом холме видимо-невидимо: и на верхушке, и на склонах. Ветер пустыни, с которым я подружился, привел меня в царство исырька. И у меня было такое ощущение, будто исырек только и ждал моего прихода, ждал, что я заберу его с собой, в город, и ради этого случая празднично разрядился, украсил себя бусинками и сережками.

Вот ведь штука какая: я настолько был ослеплен желанием поскорей найти, увидеть исырька, что и не заметил его, когда подошел к холму.

Некоторое время я стоял не шевелясь, жадно вглядываясь в исырька — чудом привалившее мне богатство. А потом, нагнувшись, принялся бережно рвать хрупкие желтоватые растения, стараясь не потерять ни веточки, ни листочка. Если уж набрел на клад, то нельзя допустить, чтобы от тебя укатилась хоть одна золотая монета!.. Я так увлекся сбором исырька, что и не заметил, как до краев набил им свой мешок.

Переведя дух, я вскинул мешок на плечо и зашагал по направлению к дороге. То ли исырек был легкий, то ли я был воодушевлен удачей, но ноши я почти не чувствовал. И будто и не шел, а летел по воздуху, подгоняемый и ветром, который спешил теперь выдворить меня из своих владений, и мыслями о бойкой торговле, которую я разверну на базаре.

Я трусил по пустыне, не оглядываясь по сторонам, подпрыгивая под ударами ветра, все толкавшего меня вперед, и не сбавляя шага даже тогда, когда услышал позади чей-то голос:

— Хорманг, братец!..

Я и не подумал обернуться, решив, что меня обманывает слух: не мог же, в самом деле, еще кто-нибудь очутиться в этих гиблых местах!

Но тот же голос раздался у меня уже чуть ли не над самым ухом.

— Эй, парень, куда несешься, сломя голову? Передохни хоть немного.

Я с ходу остановился, повернул голову назад и увидел худощавого мужчину, нагонявшего меня. У меня екнуло сердце. Откуда он тут появился? Может, это дух пустыни — див или злой джинн? Но мужчина, приблизившись ко мне, дружелюбно протягивал руку.

— Салам алейкум, братец. Куда путь держите? Я уж давно вас заприметил, и любопытство меня взяло: чего это вам в пустыне занудилось? Но вы так бежали, что я еле догнал вас...

Ха!.. А зачем было догонять? Шел бы своей дорогой. Любопытный какой выискался... Я смотрел на мужчину с досадой и настороженностью, но внешность у него была вполне располагающая, и выглядел он куда старше меня, и вежливость обязывала — поздороваться с ним и вступить в разговор, коль уж он его начал.

— А вы сами откуда будете? — спросил я, опуская на землю мешок с исырком. — Я уж думал, тут ни души...

— Я в здешнем совхозе работаю. А сейчас в город иду.

— Так тут и совхозы есть?

— И немало. Степь-то осваивается. Вы что, не слышали об этом?

— Читал в газетах, — буркнул я смущенно.

Оказавшись в пустыне, я чувствовал себя так, будто попал в другой мир, и у меня из головы вылетело, что именно вот на эту пустынную степь, как пишут газеты, ведется широким фронтом решительное наступление. Правда, в тех местах, где я был, все еще оставалось в первоначальной неприкосновенности. Совхозы-то отсюда — далеко...

Я покосился на мужчину. Так он, значит, из совхоза... Не отберет ли он у меня мои сокровища? Кто знает, может, этому совхозу принадлежит земля, на которой растет исырек. Я во всем этом не очень-то разбирался.

На всякий случай я сел на свой мешок и почувствовал, как подо мной что-то захрустело. Бедный исырек... Он ведь такой нежный, хрупкий, и под тяжестью моего тела веточки, наверно, сломались, листочки смялись. Мне почудилось, что они шуршат, шелестят жалобно и протестующе, и я ощутил боль — будто мне самому сдавили ребра, переломали кости. Я вскочил с мешка, новый знакомый с беспокойством посмотрел на меня и заинтересовался:

— Что это у вас в мешке, братец?

Все-то ему надо знать! Я так разозлился, что решил сказать правду:

— Да я тут исырка набрал.

Мужчина удивленно поднял брови.

— Исырка? А зачем он вам?

— Отвезу в город. А там продам на рынке.

— В Ташкенте, что же, исырк в цене? А что с ним делают? Барят и едят?

Мой собеседник проявлял прямо-таки детскую любознательность. А я уже видел, что опасаться мне его нечего, и откровенно отвечал на его вопросы.

— Да нет, его как лекарство используют.

— А от каких болезней?

— Да я и сам не знаю. Мне бы только денжку за него получить.

— И сколько вы получите?

— Да уж, наверно, в накладе не останусь. До этого исырка на базаре много охотников.

Мы так заговорились, что все стояли на месте, в потоках полуденного зноя. С меня уже пот лил градом, я поднял мешок, перебросил его за плечо.

— Если вам тоже в город, так пошли.

Некоторое время мы шли молча.

— Послушайте, братец,— сказал мой спутник,— я думаю, больших денег вы за этот исырк все-таки не выручите. Трава, она и есть трава. Ну, продадите его и опять сюда? Так, наверно, собирать-то его можно только в определенное время. Да и сколько его тут? Сегодня вам повезло, а там — кто знает... И денешки ваши вскоре растают, как дым. Вы мне, братец, сразу пришлись по душе, и я вам вот что посоветую: уж если вы хотите иметь надежный, постоянный доход, то подавайтесь-ка в гектарщики.

— В гектарщики? А что это такое?

— Вы сами видите, чего здесь вдоволь, так это земли. Только полей ее, и на ней вырастет все, что душе угодно. В здешних совхозах воды для полива хватает. А вот рабочих рук — раз, два и обчелся. Можно заключить с каким-либо совхозом договор и взять участок земли, вроде как в аренду. Совхоз и водой вас обеспечит, и техникой поможет. Вскопаете вы свою землю, посадите дыни и арбузы, польете их два-три раза и к осени соберете богатый урожай. Договорную долю сдадите совхозу, а все остальное — ваше: хотите, сами ешьте, угощайте друзей, хотите, продавайте. Думаю, вы предпочтете базар. И уверяю вас, братец, будете купаться в деньгах...

Я слушал своего многословного спутника внимательно, а когда он умолк, спросил с сомнением:

— Уж так и купаться?

— Я сам гектарщик, зачем мне врать.

Тут было над чем призадуматься. На всякий случай я записал его адрес: тем временем мы вышли к дороге, нам тут же, как по заказу, попалась попутная машина, и мы благополучно добрались до Ташкента.

II

В следующую же субботу я отправился на базар. Он был более многолюдным, чем обычно, уже появились и клубника, и черешня. С мешком за плечами я некоторое время слонялся меж рядов, приглядываясь ко всему, прислушиваясь к разговорам. Вокруг меня засуетились ловкачи-перекупщики:

— Что у тебя в мешке, парень?

— Торговать собираешься? А чем? Исырком? Беру твой товар оптом. Ну, по рукам?

Говорят, надо опасаться даже козы, хоть раз побывавшей на базаре. Но меня-то голыми руками не возьмешь, я стреляный воробей, мне были известны все хитрости, традиции и законы базарного бытия...

Вот только исырк — я ни разу здесь не продавал. И на первых порах попал впросак.

Я знал, что на базаре многое зависит от выбранного тобой места, но из-за самонадеянности пренебрег этим правилом. Я был настолько уверен в успехе своего предприятия, что мне казалось: где я ни пристроюсь со своим мешком — меня тут же окружают покупатели.

Недолго думая я примостился в укромном уголке, расстелил перед собой циновку, разложил на ней исырк, еще дома увязанный в маленькие пучки, похожие на аккуратные букетики цветов, и стал с нетерпением ждать, когда набегут покупатели... Но никто не обращал на меня внимания. Я терялся в догадках... Может, спрос на исырк уже кончился? Все в городе — излечились и от хворей, и от суеверий? Или кто-то опередил меня и уже обеспечил исырком весь Ташкент? А может... Может, я просто не умею его «подать». Реклама — двигатель торговли. А меня же недаром называют «булбул» — «соловей». Чего я жду у моря погоды? Надо просто напрячь свои голосовые связки, не лениться, расхваливать свой товар. Ведь не собираюсь же я никого обманывать, вводить в заблуждение? Исырк нужен ко-

му-то, и моя задача — лишь привлечь внимание тех, кто страждет его.

И я, прибегая к испытанным приемам, принялся, как соловей, выводить зазывные рулады:

— Эй, подходи, налетай, мой исырек покупай? Берите чудо-травку — только не создавайте давку? Торопитесь, а то все продам, и вы уйдете с пустыми руками. Медлить станете — больше исырек нигде не достанете! Вы знаете, что эта за трава? Болезни пугает, от всяких бед оберегает! Покупайте исырек! Покупайте чудо-траву, дарящую здоровье! Он на дороге не валяется, кто мимо пройдет — будет горько каяться...

Я вдохновенно пел гимн исырку, который еще недавно бранил в душе, и возле меня начали останавливаться покупатели.

Однако первым на мой голос прибежал базарный контролер и заставил взять квитанцию на право торговли. Рассчитавшись с ним, я возобновил свою рекламную деятельность.

— Покупайте исырек! Он предупреждает ангину и грипп, возвращает голос, если ты охрип, ослабляет действие алкоголя, спасает от зубной боли! От его дыма — большой прок, все микробы пустятся наутек! Берите исырек — не пожалее! Торопитесь, а то все продам!

Хоть я и верил в силу рекламы, но у меня от изумления глаза полезли на лоб, когда я увидел, какая очередь образовалась за моим исырком. Люди толкались, слышались возгласы:

— Куда — без очереди?

— Кто последний?

— Товарищ! А исырка на всех хватит?

Вскоре очередь была уже длиннее, чем за билетами на какой-нибудь модный фильм. Я сле успевал совать в руки покупателям — кому два, кому три пучка, и брать за них деньги. Торговля шла бойко, я постепенно повышал цену на исырек, сообразуясь со спросом, но покупателей это не смущало, они расхватывали исырек с такой поспешностью, словно это и впрямь было невесть какое чудо, и от приобретения этих пучков зависела их жизнь. Мне бы радоваться, а у меня на душе было муторно, я не испытывал того благостного возбуждения, какое охватывало меня, когда я продавал цветы...

Последний пучок исырка я пожертвовал контролеру, который все крутился вокруг меня.

— Вот, возьмите от меня в знак уважения. Может, и пригодится, если у вас дома кто-нибудь, не дай-то бог, захворает...

Я продолжал работать в ЖЭКе, а в свободное время, которого у меня было навалом, ездил в пустыню за исырком и по субботам и воскресеньям с немалой для себя выгодой сбывал

его наивным, легковерным покупателям, над которыми сам же про себя посмеивался. В самом деле, дался им этот исырек... Откуда пошла молва о его универсальной чудодейственности? Сам-то я сильно сомневался в его целебных свойствах, хотя и расхваливал его изо всех сил... Мне-то что, текут денежки в карман и ладно.

Как-то на базаре появился Бердыев. Он взял у меня два пучка исырка, и я не осмелился потребовать за них деньги. Бердыев же и не предлагал их, принял мой «дар» как должное и завел старую песню:

— Гляди, Эркин-булбул, как бы не развратили тебя легкие заработки. Деньги твои — шальные, и попомни мое слово, когда-нибудь они станут тебе поперек горла.

Я искренне возмущился.

— Шальные? А вы бы побродили по пустыне в поисках исырка, пожарились на солнце, поглотали пыль, тогда сами бы убедились, что я свои червонцы в поте лица добываю. Я не вор и не спекулянт, а честный труженик!

Лицо Бердыева исказило кривой ухмылкой.

— Честные труженики живут на официальную зарплату.

— А я и зарплату получаю. Я в ЖЭКе работаю, электриком. А исырек — это мое хобби.

Бердыев, насупясь, отошел от меня. У меня словно гора с плеч свалилась, я этого моралиста терпеть не мог, меня бесили его ханжеские нравоучения. Я был уверен, что он просто завидует мне, и будь у него такая возможность, он и сам не отказался бы от «шалых» денег. Он ведь когда-то пытался вымогать их у меня...

Встретил меня на базаре и мой старый знакомый, старший лейтенант Хакимов. Он купил у меня несколько пучков исырка, а потом сказал:

— Хочу посоветовать тебе напоследок...

Удивительно, но советы и предупреждения Хакимова не действовали на меня так раздражающе, как наставления Бердыева. Я внимательно слушал участкового.

— Меня назначают на новую должность, у вас будет теперь другой участковый, лейтенант Аллаяров. Как ты себя с ним поведешь — это твое личное дело, но хочу предупредить: уж он тебе спуску не даст!

— Так я ж работаю, товарищ старший лейтенант!

— Знаю. Но я и тебя знаю. Надолго ли это, Эркинджан? И требует ли твоя работа всех твоих сил, энергии и способностей? Вон, ты уже опять на базаре торчишь... Исырком приторговываешь.

— А вы думаете, легко его раздобыть, да привезти на базар...

Но Хакимов не дал мне «завестись».

— Вот я и говорю: не очень-то ты устаешь на своей работе. А насчет исырка я с тобой согласен: надобно потрудиться, чтоб разыскать его. Только это — труд частника. И надрываешься ты в погоне за длинным рублем. Ну, с меня-то за исырек недорого запросил. А сколько с других дерешь?

— Как грубо, товарищ старший лейтенант... «Дерешь!» — я изобразил на своем лице обиду. — Рыночные цены диктует рыночный спрос...

— Образованный ты, Эркинджан, — Хакимов почему-то вздохнул, — но посуди сам: кто больше всех в исырке нуждается? Больные люди, верящие в его целебность и готовые отдать за него последние деньги. Вот и выходит, что ты наживаешься на чужой беде. Формально ты сейчас не тунеядец. Но и честным человеком я тебя тоже не назову. Ты уж не обижайся на меня. Я бы не стал тебе всего этого говорить, если бы не верил, что ты еще способен задуматься над своим образом жизни.

Я стоял перед Хакимовым, низко опустив голову, чем-то его слова меня проняли. Он хлопнул меня по плечу.

— Что ж, прощевай, Эркинджан. Надеюсь, с Аллаяровым ты будешь встречаться не так часто, как со мной.

Что-то мне после разговора с Хакимовым стало неинтересно торговать исырком. Да и сезон, когда его еще можно было собирать, подходил к концу.

На работе я тоже заскучал. Что это, в самом деле, за работа, от которой ни радости, ни денег?

Старший лейтенант Хакимов из нашего района исчез и уже не мог говорить со мной — голосом моей совести, и я увалился из ЖЭКа и принялся за старое: опять начал рыскать по оранжереям, скупал цветы оптом у тех, кто их разводил и продавал их маленькими букетиками по несусветным ценам. Как сказал бы Хакимов, я «сдирал» за них — сколько мог... И это была уже чистая спекуляция, и на цветы, которые я перепродавал, я взирал уже не любующимся взглядом, а с какой-то грустью: ведь не я их сажал, холил, лелеял...

Не нуждайся в легких деньгах — бросил бы это дело. Да я и не столько нуждался, сколько привык к ним...

Хакимов оказался прав насчет нового участкового: он не заставил себя долго ждать, заявился ко мне на квартиру и, даже не поздоровавшись, хмуро спросил:

— Это ты, значит, Эркин Акбаров? Так, так... Так вот, учти: если в ближайшее время ты не предъявишь мне справки с места

работы, я с тобой церемониться не стану. Я не Хакимов, сопли-лопли разводить не собираюсь. Таких паразитов, как ты, поздно воспитывать — наказывать надо!.. Так что смотри: не поступишь на работу — пеняй на себя...

Мне-то до этого думалось, что все милиционеры выпечены из одного теста, но с первых же слов Аллаярова я почувствовал разницу между ним и Хакимовым. Прежний участковый разговаривал со мной все-таки как с человеком, и хотя я и злоупотреблял его добротой, но прислушивался к его мнению. А Аллаяров сразу начал с угроз, когда же меня запугивают, то я весь наливаюсь упрямством, и теперь, смотря прямо в глаза Аллаярову, я думал: вот назло ему — буду жить, как жил. Пусть не воображает, что я его испугался...

И я, естественно, оказался на базаре, правда, лишь с разведывательными целями. В воздухе реял сладкий, нежный запах дынь, высились горы арбузов, и каждый арбуз был величиной с барашка. Я долго оглядывал эти богатства, потом спросил у продавцов, откуда они.

— Из Мирзачуля.

Мирзачуль... Голодная степь... Ведь это как раз те места, с которых рассказывал мне гектарщик, встреченный мной в пустыне.

И я полюбопытствовал у мирзачульцев:

— А вы, случаем, не гектарщики?

Один из них с подозрением посмотрел на меня и сказал, не скрывая раздражения:

— Послушай, братец, ты тут дыни ищешь или грядки, где остались их стебли? А, может, ты из народного контроля, а? Так у нас все документы в порядке.

Вдруг кто-то позвал меня:

— Эй, братец!.. Отведайте-ка моих дынь!

Я обернулся на голос и увидел того самого гектарщика, о котором только что думал. Вот уж вправду — легок на помине. Я подошел к нему, очень обрадованный неожиданной встречей. Он восседал перед желтым курганом, сложенным из большущих дынь. Усадив меня рядом с собой, он выбрал из кучи дыню средних размеров, разрезал ее на тонкие аккуратные дольки, разложил их на циновке, служившей дастарханом, и сделал приглашающий жест:

— Угощайтесь, братец, прошу вас. Дыньки — с собственной бахчи.

Вот почему мирзачульцы так спокойно предлагали всем дыни и арбузы — ведь они вырастили их на собственных бахчах. Ну, не совсем собственных, а принадлежавших совхозам, но это

была их доля урожая, они торговали своим добром на законном основании, им не нужно было бояться ни милиции, ни контролеров...

Собственная бахча... Заманчиво!

Я размышлял об этом, с аппетитом уплетая дыню, которой потчевал меня мой знакомый. Она была такая сладкая, что даже язык защипало. Казалось, она впитала в себя мирзачульское солнце, небо и воздух...

До самого вечера я помогал гектарщику. Узнавая своих клиентов, бравших у меня когда-то цветы и искры, я окликал их и на все лады расхваливал мирзачульские дыни.

— Возьмите вот эту красавицу, не пожалеете! Только глядите, не проглотите язык, когда начнете ее есть! Прошу вас, попробуйте дыню — с собственной бахчи. Да вы не стесняйтесь, лакомьтесь, я уверен — вы купите у нас две, три дыни!

Наш товар расхodziлся быстрее, чем у других мирзачульцев, мой знакомый только удивлялся.

— Ну, братец, вместе же вы людям зубы заговаривать! Вам бы в каком рекламном бюро работать...

А я, поощренный его похвалами, разливался соловьем:

— Налетайте, покупайте дыни — высшего сорта, могут ублажить самого черта!.. Яркое мирзачульское солнце, сладкая сырдарьинская вода, бараний навоз, а не минеральные удобрения, — вот кто вырастил наши дыни, сочные, как ханские жены, белые...

Голос мой звенел на весь базар. К сумеркам у нас не осталось ни одной дыни.

Мы достали водки и до рассвета пировали и пересчитывали деньги, заработанные Баракабаем, — так звали «гектарщика». С завистью глядя на пачки замусоленных ассигнаций, я спросил:

— Что вы собираетесь делать с такой кучей денег?

— Э, братец, главное — чтоб они были у тебя в руках, а уж там подумаем, на что их потратить...

Я вздохнул.

— Я-то свои все уже пустил на ветер.

— Видать, не так уж много у вас их было. Так как, братец, хотите гектарничать? Я вам помогу на первых порах. Поедем завтра в совхоз, договоритесь там обо всем, вам выделят участок, вы его заранее подготовите — к весенним посадкам.

— Спасибо, Баракабай-ака! — горячо сказал я.

Но Баракабай остудил мой пыл.

— Э, братец, рано еще меня благодарить. Деньги-то гектарщикам не так уж легко достаются. И самое трудное — доста-

вить арбузы и дыни на базар. Видели бы, сколько их валяется на дорогах — так и сгнивают под солнцем. Чаше приходится убытки подсчитывать, а не доходы...

— Вы-то вон сколько дынь привезли на базар!

— Повезло в этом году... А бывает, что и до базара не доберешься. Первый заслон — карантин. Везешь бахчевые в город, а на дорогах уже санитарная инспекция. Уж не знаю, чего она опасается, только ни одну машину с дынями и арбузами не пропускает в город: карантин, карантин... Хоть тащись со своим добром обратно или вываливай все прямо на дорогу... Такие вот дела. И после отмены карантина не слаще приходится. На себе же такой товар не понесешь. Надо, значит, нанимать «левую машину». А к «левакам» у автоинспекции — никакого снижения. Вот и проскочи попробуй в город при таких строгостях. Нет, братец, не ищите на этом свете легкой жизни...

Слова Баракабая повергли меня в уныние. Заметив, что я совсем скис, он рассмеялся.

— Да вы не вешайте носа, братец. Воробьев бояться — прося не сеять. Я просто хотел подготовить вас к возможным напастям, чтобы потом впросак не попали. Давайте, давайте, присоединяйтесь к нашей честной компании, погектарничаем вместе...

На другой день я нарядился, как на праздник. Роскошный модный костюм всем бросался в глаза, и Бердыев, встретив меня на улице, не преминул уколоть:

— Ну, чистый павлин! Куда это ты собрался — уж не в Москву ли?

Я окатил его презрительным взглядом. Зачем мне Москва? Я уже заранее представлял себе, какие замечательные дыни и арбузы вырашу на своем участке, — не хуже баракабаевских! И когда они созреют, я нагужу ими машину с прицепом, доставлю их на Алайский базар, и у меня отбоя не будет от покупателей, и я всем стану говорить, что все это добро, мед и сахар, — с моей собственной бахчи. Я набью карманы деньгами и пройду по своей махалле, гордо выпятив грудь. Что ж, смотрите: вот идет честный труженик, с мозолистыми ладонями, с обветренным, прокаленным солнцем лицом. И Бердыеву с Аллаяровым уж не к чему будет придрататься: все законно, у меня договор с совхозом, я, можно сказать, освоитель новых земель...

Когда мы с Баракабаем приехали в совхоз, и я объявил о своем желании получить участок под бахчевые культуры, представитель дирекции провел меня в степь и обвел рукой бескрайние просторы.

— Это все наша земля, сажай свои бахчевые, где захочется...

Я выбрал участок рядом с баракабаевским, в совхозе мне пообещали, что вспашут его трактором, и я укатил в Ташкент, чтобы вернуться на целину весной.

Хоть и не светила мне работа в ЖЭКе, но пришлось снова устроиться туда, на этот раз слесарем-ремонтником в бойлерную. Надо же было на что-то жить... Мягкая зима не обременила меня особыми хлопотами, можно было и пофилонить... Но надо сказать, безделье томило, — у него не тот вкус, когда в карманах пустовато, — и я еле дождался весны.

Участок мой был уже вспахан, с помощью Баракабая я посадил его семенами дынь и арбузов, колхозный мираб показал мне, как надо проводить поливы.

Хоть Баракабай и уверял меня, что растить бахчевые — сущий пустяк, мне и весной и летом довелось немало потрудиться. Бахчевые — это, конечно, не хлопок, но и за ними нужен уход. Я всегда придерживался принципа: минимум усилий, максимум прибыли, но на этот раз мне не удалось провести его в жизнь. Насчет прибыли-то я не беспокоился, сам видел, сколько денег получил Баракабай за один только день, проведенный на базаре. А вот чтоб работать, не утруждая себя, — с этим у меня не вышло. Вкалывал я здорово, от пста, который лил с меня градом, кожа покрылась какими-то прыщами, лицо под постоянным солнцем обгорело, как уголь, я похудел и осунулся. Были минуты, когда я проклинал себя за то, что поддался на уговоры Баракабая. Но удивительное дело: я часто ловил себя на том, что работаю с душой, получаю удовольствие. Было что-то увлекательное — в поединке с самой природой, которая то пыталась спалить мой участок, то в совсем неподходящее время обрушивала на него проливной дождь, то насылала на бахчу буйные горячие ветры, которые засыпали песком грядки с совсем еще молоденькими дыньками и арбузами. Я трясся над ними, как насадка над цыплятами, всячески оберегая их от зловердных стихий.

С какой-то благоговейной нежностью вспоминал я о том, как пестовал у себя во дворе — цветы... Вот была жизнь!.. И в то же время здесь, в пустыне, я чувствовал к самому себе тайное уважение, я вздох радовался, когда мне удавалось справиться с бедами, грозившими моим дыням и арбузам, и мне приятно было сознавать, какой я сильный, ловкий, упрямый.

Упрямство, наверно, и помогло мне добиться на моем участке доброго урожая, заменив дехканский опыт, споровку, умение. Дыни у меня выросли такие сочные, что не успевал я под-

нести к ним нож, как они разваливались надвое, арбузы трещали, стоило мне коснуться их пальцами.

Я решил сначала продать дыни. В Ташкенте у меня были знакомые водители, я легко договорился с одним из них, посулив хороший куш, и мы отправились в совхоз. Там мы загрузили машину дынями с моего участка (я отобрал самые спелые) и двинулись к дороге, которая вела в Ташкент, но не успели проехать и несколько метров, как нас остановил милицейский свисток.

— Инспектор!— с испугом шепнул шофер, глядя на меня с откровенной неприязнью, словно я был виноват в том, что мы попались.

Инспектор потребовал у шофера водительские права и путовой лист. Тот, изображая растерянность, зашарил по карманам.

— Они у меня, верно, в другом пиджаке, товарищ начальник. Я его дома оставил.

Инспектор понимающе усмехнулся.

— Ясно. Так, значит, и запишем: левая ездка.

— Да какая же левая... Гараж у нас сегодня выходной, ну, я попросил машину, чтоб вот товарищу помочь...

Обращаясь уже ко мне, инспектор кивнул на кузов машины.

— Это ваши дыни?

— Мои. С моего участка. То есть не с моего...

— Так с вашего или не с вашего?

— Ну... у меня договор с совхозом.

— Вы, значит, гектарщик?— с какой-то брезгливостью сказал инспектор.

Я закивал утвердительно.

— Ну да, ну да.

— У вас есть какие-нибудь документы, подтверждающие ваши слова?

Вот беспечность! При мне не было ни одной бумажки. Я пожал плечами.

— Какие еще документы? Они дома остались, я же не знал, что вас тут встречу.

— Еще острить?— инспектор перешел на «ты».— Ладно, разберемся.

Он велел шоферу отогнать машину чуть в сторону от дороги, и повел нас к мотоциклу, стоявшему у обочины дороги. Его коллега уже вылез из коляски, стоял возле, поджидая нас. Каковы же были мое изумление и радость, когда я узнал в нем старого знакомого Хакимова!.. Я чуть не бросился к нему с объятьями.

— Товарищ старший лейтенант! Вот встреча! Салам алейкум!

— Не старший лейтенант, а капитан,— поправил меня задержавший нас инспектор и обратился к Хакимову.— Вот, товарищ капитан, эти двое дыни везли в Ташкент. А у самих никаких документов. Дома, видите ли, оставили. И в объяснениях путаются...

Не обращая на него внимания и не отрывая глаз от Хакимова, я бодро проговорил:

— Поздравляю вас с новым званием, товарищ капитан! Хакимов жельно усмехнулся.

— А тебя — с новым товаром, Эркин-булбул. Теперь, значит, перепродаешь дыни?— Он насупил брови.— Сколько я на тебя времени потратил, как с человеком разговаривал и все, как об стенку горох. Правду говорит пословица: скорпион своих прищечек не меняет. А я-то надеялся...

Ох, как больно били по мне его слова!.. Я стал торопливо оправдываться.

— Товарищ Хакимов, я не спекулянт, честное слово! Дыни — с моей собственной бахчи. Сам их выращивал...

— Он уж тут прикидывался гектарщиком,— вмешался инспектор.— Но что-то не похож он на рачительного хозяина. Поглядели бы на его дыни. Одни треснули, у других плети длиной чуть не в метр. О чем это говорит? Парень спешил, когда собирал их и грузил на машину. А зачем бы ему спешить, если дыни, как он уверяет, его собственные? Нет, товарищ капитан, я убежден, что они ворованные. И у вашего знакомого одно было на уме: поскорей убраться отсюда с похищенным...

Железная логика!.. Я чувствовал себя так, словно меня заковывали в цепи и, пытаясь вырваться из них, закричал:

— Это мои дыни! Мои! Мои!

Хакимов досадливо поморщился.

— Без истерики, Эркин-булбул. Положим, я тебе поверил. Ты гектарщик, и дыни с твоей бахчи! А ты рассчитался с совхозом? У тебя есть разрешение на вывоз дынь? Ты получил справку от санинспекции?

Я обреченно вздохнул. Но вместо того, чтобы осудить себя, принялся мысленно ругать Баракабая: это он во всем виноват, он вовлек меня в это «гектарничество», будь оно неладно, соблазнил легкими заработками.

Я будто и забыл, что он предупреждал меня насчет возможных неприятностей, говорил, как трудно сбывать бахчевые. Легкомысленно отнесся я к его словам. Да еще совершил непростительный промах, пренебрегши условиями моего договора

с совхозом. И вот — наварлся на Хакимова, и он смотрит на меня сердито и строго, без искорки жалости.

— Да, допрыгался ты, Эркин-булбул. Выходит, ты удрал с этими дынями, не выполнив своих обязательств перед совхозом. А это дело подсудное. И я не собираюсь больше с тобой церемониться. Хватит. — Он провел ребром ладони по горлу. — Вот ты где у меня, Эркин-булбул...

Наверно, он не очень-то одобрял и всю эту историю с «гектарничеством». Он-то ждал, что после его внушений и доверительных разговоров со мной, я займусь «общественно-полезным» трудом. А я, мало того, что не оправдал его ожиданий, так еще нарушил закон. И подвела меня не столько даже неопытность (Баракабай-то мне все растолковал), сколько желание поскорей заполучить денежки — за свои дыни... А они, оказывается, по закону вовсе и не мои... И мне нечего возразить Хакимову.

Только обидно, что он вроде совсем уж махнул на меня рукой. В его взгляде я видел лишь желчь и презрение. Впрочем, а как ему еще было на меня глядеть? Кто я — в его глазах? Беспечная птаха, не желающая знать «ни заботы, ни труда», и перепархивающая с дерева на дерево, с ветки на ветку в поисках легкой добычи и легкой жизни. Лодырь и шалопай, непутевый, ветреный малый, не способный взяться за что-нибудь серьезное, берегущий смолоду силы — а не честь, перекаати-поле, которое скользит по жизни — куда подует ветер выгоды...

Правда, когда он сказал: «Допрыгался, Эркин-булбул!», — в его голосе я уловил нотки сожаления.

Сам я понимал, что действительно допрыгался... Мне было стыдно и перед Хакимовым, и перед представителем совхоза, за которым съездил инспектор. И хотя выяснилось, что я действительно гектарщик и дыни вырастил своими руками, это не снимало с меня вины. Ведь я должен был сначала сдать дыни совхозу, а уж остатками распорядиться по собственному усмотрению. Я же решил первым делом отправиться на базар... И все из-за жадности к деньгам, пропади они пропадом!

Хотя какой же я жадный? Я просто хотел жить в свое удовольствие...

Меня судили и приговорили к одному году исправительных работ с удержанием из заработной платы двадцати пяти процентов ежемесячно. Суд, конечно, мог бы проявить ко мне и снисхождение, но уж очень весомой выглядела «совокупность обстоятельств»: я ведь, по существу, был и туеядцем, и мелким спекулянтom. Так что в общем-то все правильно, по заслугам.

Мне нужно было устроиваться на какую-нибудь стройку — а

их у нас в Узбекистане более чем достаточно. Хакимов советовал осесть в одном из целинных совхозов Голодной степи, по-настоящему участвовать в освоении новых земель. В суде мне называли Янгир, где строился новый завод. Да, надо было срочно принимать решение.

Матери я решил пока ничего не говорить — ни о суде, ни о приговоре. В последнее время я ее и так часто расстраивал, и хотя она ни в чем меня не упрекала, но смотрела на меня какими глазами, что сердце сжималось...

К тому же я боялся, как бы она опять не слегла, узнав о приключившейся со мной новой неприятности.

Мама ведь только недавно оправилась от серьезной болезни...

III

Я был в семье младшим сыном, мать ничего для меня не жалела, я был благодарен ей за это и как-то в благородном сыновьем порыве сказал:

— Потерпите, мама, скоро я сам начну о вас заботиться. Сумею и прокормить, и приодеть. Я не позволю вашим рукам касаться холодной воды и горячих казанов. Вы будете спать на восьми одеялах и сидеть на самом почетном месте, в белом кисейном платке. И стоит вам только чего-нибудь захотеть, как я мигом исполню все ваши желания. Поверьте, мама, я люблю вас больше жизни.

Это были не мои слова, а вычитанные из книг, услышанные от взрослых, но я произносил их со всей горячностью и искренностью, на какие был способен.

До сих пор, надо сказать, я доставлял матери одни огорчения.

В школе я всем был поперек горла. Вместо того, чтобы прилежно учиться, я шалил на уроках, выкидывал всякие фокусы, дергал за косы девчонок, а в старших классах завел с ними активную переписку. Переписка, правда, была, в основном, односторонняя, я посылал записочки не получая ответа. Одну такую записку перехватил наш классный руководитель. Прочитав ее, он укоризненно покачал головой:

— Ну-ну, Эркин... Ты, значит, выбрал примером для подражания фонвизинского Митрофанушку? Мол, не хочу учиться, хочу жениться...

В классе захихикали, я обвел всех угрожающим взглядом, а классный руководитель насмешливо продолжал:

— Надеюсь, в ближайшее время ты все-таки не женишься. Но голова у тебя забита не тем, чем надо... Придется мне серьезно поговорить с твоими близкими...

Мать не раз уже вызывали в школу и жаловались ей на мое поведение, теперь же классрук решил обратиться к помощи брата, и тот взял меня в оборот.

— Ишь, еще и молоко на губах не обсохло, а он решил с девочками любовь крутить! Да ты представляешь, что будет, если о твоих записках узнают их родители или братья? Тебе тогда так хвост накрутят... Не позорь нашу семью. Мать пожалей... Уж пора бы тебе, лоботрясу, за ум взяться.

Брата поддержала мать.

— Сынок, выкинь ты из головы эту дурь... Вот подрастешь, я сама сосватаю ту, которая тебе приглянется. А пока учишься и слушайся своих муаллимов. Ты осчастливишь меня, если закончишь школу...

С грехом пополам на одних «троечках» я перебрался в десятый класс.

В общем-то, как сказал однажды преподаватель литературы, я был «не без способностей». И стоило мне только приналечь на учебу (когда на меня вдруг находило вдохновение), как я тут же добивался успеха, хватал и «четверки» и «пятерки». Только меня-то хватало ненадолго... Верх одерживали — лень и беспечность. Особенную скуку я испытывал на уроках химии и математики, преподаватели этих предметов, по-моему, ненавидели меня лютой ненавистью и с каким-то злорадным удовольствием выводили в моем дневнике проклятые «двойки».

На родительских собраниях матери постоянно приходилось краснеть за меня; возвращаясь домой, она выговаривала мне со слезами:

— Ну что мне с тобой делать, сынок? От твоих учителей я только и слышу: Эркин такой, Эркин сякой... У других дети как дети, занимаются прилежно, только и думают, как порадовать своих родителей, а ты... И в кого только ты такой, ягненочек мой? Отец-то у тебя был золотой человек. Как он мечтал о том, чтобы ты стал доктором или инженером... Боже мой, хоть бы одним волоском ты на него походил...

При воспоминании об отце мать разрыдалась, проговорила сквозь слезы, омывающие ее морщины:

— Выл бы жив твой отец, разве ты рос бы таким неслухом... Уж он бы сумел наставить тебя на путь истинный. А матери — отца не заменить. Брата ты тоже не слушаешься...

Я смутно помнил отца, умершего уже давно, но дорогой его образ берег в душе, как святыню. И когда мать заговорила о

нем, у меня тоже защищало глаза. Да и от жалости к матери, которая рыдала так безутешно, что щемило сердце и самого себя было жаль. Да, был бы жив отец, он никому не дал бы меня в обиду, сумел бы защитить от вечных нападок да придираков учителей и брата. Все только и знают, что ругать меня, нет мне жизни ни в школе, ни дома. Вот плюну на все, подумал я с горьким и каким-то мстительным чувством, уйду, куда глаза глядят, посмотрю тогда, как вы все запоете... Я представил себе, как бреду по пыльным дорогам от кишлака к кишлаку, бездомный, голодный, неприкаянный, и такая тоска на меня напала, что я уже не мог сдерживать слез.

Уж не знаю; с чего это я в ту минуту почувствовал себя таким несчастным, только плакал я искренне, и мать принялась меня утешать, нежно и ласково глядя по волосам.

— Что с тобой, сынок, стыдно тебе сырость разводить, ты уж взрослый. Ах, ты, бедный мой сиротинушка... Ну, не сердись на меня, глупую, я ведь добра тебе желаю, если и браню, так люблю...

Добрая у меня мать. Слишком добрая...

Она от души радовалась, когда я получил аттестат, который старался никому не показывать, а после моей неудачи с поступлением в институт хоть и расстроилась, но и виду не подала.

— Ладно, сынок, не огорчайся, не всем же быть учеными. Да буду я твоей жертвой, ты еще выйдешь в люди. Можно на завод поступить или еще куда... Проживем, бог даст, как-нибудь...

Но рабочие профессии меня не привлекали, и жить «как-нибудь» мне тоже не хотелось. Матери все мои занятия не очень-то нравились, но я приносил в дом деньги, как я сам считал, заработанные честным трудом, и мать мирилась с моей безалаберной жизнью, только укоряюще вздыхала, когда я возвращался слишком поздно.

У нее и без меня хватало забот, она вела хозяйство, поскольку я так и не выполнил своего обещания — избавить ее от домашних тягот, а после моей ссоры с братом — стала жить на два дома, и подолгу пропадала в семье брата, нянчась с внуками. Она начала гостить там еще чаще, когда мы переехали в новую квартиру: современный комфорт не пришелся ей по душе. И я в этой квартире чувствовал себя полным хозяином.

Все-таки мать беспокоило, что я шалопайничал, и она решила меня женить. Долго она подыскивала невесту в знакомых семьях и остановила выбор на моей бывшей однокласснице, племяннице Бердыева, Джурахан, которую в школе называли «Цыпленком» — «Джуджахан», потому что она была маленькая,

круглая, с блестящими бусинками глаз и мягкими, как пух, светло-желтыми волосами... Между прочим, и она получила от меня в свое время немало любовных посланий. Но все это было, конечно, ребячеством, ни о какой женитьбе, в отличие от Митрофанушки, я всерьез не помышлял, и когда мать завела со мной речь о Джурахан как о возможной невесте, я только рассмеялся:

— Мама, мама, не губите мою молодость. Дайте мне пожить, как хочется. Я в душе холостяк, больше всего на свете — после вас, конечно — люблю свободу, и хомут на свою шею всегда успею надеть.

Как мать ни уговаривала меня, я твердо стоял на своем, лишь отшучивался.

Вряд ли мое упрямство в этом вопросе так повлияло на мать, видно, сказались и давние недуги, и усталость, и постоянная тревога за меня, — но только вскоре ей сделалось плохо, она слегла, я вынужден был вызвать даже «Скорую помощь», и врачи сказали, что у мамы инсульт. Ее увезли в больницу, а когда она стала чувствовать себя лучше, брат из больницы забрал ее к себе. Узнав об этом, я кинулся к брату, сказал ему, что и сам сумею присмотреть за матерью, но брат даже на порог меня не пустил и заявил непреклонно и жестоко:

— Ты уже о ней «позаботился», это по твоей милости она в больницу угодила. Останется и дальше с тобой жить, так ты се в могилу сведешь.

Я пытался что-то возразить, но брат оборвал меня.

— Все. Точка. Мать теперь у нас будет жить. За ней уход нужен, этим твоя невестка займется. А ты проваливай и больше не показывайся мне на глаза! Клянусь, я предпочел бы ослепнуть, чем видеть твою бесстыжую рожу. Ты плохой брат и плохой сын! Заявишься к нам еще раз, так я тебе ноги перелломаю...

Слова брата дышали такой откровенной злобой, что я даже поежился. Ну, что я сделал ему плохого? Резанул когда-то в глаза правду-матку? Так мало ли кто что про меня говорил — я же зла в сердце ни на кого не держу. И сколько уж воды утекло с тех пор... Братцу, конечно, не по душе был мой «беспутный» характер. Так ведь и сам не ангел. Правда, он человек расчетливый, хозяйственный, а у меня, по его мнению, ветер в голове. Ну и что? Зато я честнее его.

В общем, так или иначе, а мне нечего было и думать — при брате появиться в его доме. Но я любил маму, считал себя обязанным заботиться о ней, и потому договорился с моей невесткой, Мохинисо, что в отсутствие брата буду навещать больную. Накупив всякой всячины на деньги, вырученные от продажи

цветов, я приходил к маме и сколько мог сидел возле ее постели. Ей трудно было разговаривать, она только смотрела на меня любящими, жалеющими глазами. У нее еще долгое время левая половина тела оставалась парализованной, и спасибо Мохинисо, она себя не щадила, ухаживая за больной. Я бы, конечно, не смог окружить мать такой заботой...

Мама уже начала поправляться, когда я влип в историю с дынями.

Расскажи я ей всю правду,— ее болезнь могла бы обостриться.

IV

Некоторое время я провел в одиночестве в своей квартире, никуда не выходя, никого не видя, размышляя над своей несчастной судьбой.

По ночам меня мучали кошмары. То мне снилась мама, седые спутанные волосы закрывали ее лицо, она протягивала к кому-то руки и, рыдая, просила: «Пожалейте его, мой бедный сыночек ни в чем не повинен!» То я видел во сне брата: вперив в меня злой взгляд, он шипел, как змея: «Наконец-то воздастся тебе за все твои фокусы!» Брата сменял капитан Хакимов, крепко сжав мою руку, он тащил куда-то, и мы оказывались во дворе, где теснились мусоровозы, и капитан грозил мне: «Если ты не согласишься снова убирать мусор, я упрячу тебя за решетку!» Самыми страшными были сны, в которых ко мне являлся новый участковый, Аллаяров, он ходил вокруг меня, плотоядно потирая руки, облизываясь, как кот на сметану, и все повторял одну фразу: «А ну, покажи мне свою трудовую книжку». И хотя голос у него был ласковый, даже мурлыкающий, я просыпался в холодном поту...

Да, кончилось время, когда я жил припеваючи, не думая о завтрашнем дне — если не считать соображений насчет того, чем завтра буду торговать. Я вдруг почувствовал себя таким одиноким, что хоть вой. Все были против меня, никто не хотел за меня вступиться, не у кого было попросить помощи и совета. Одной матери я оставался по-прежнему дорог, но она была старая, слабая, и сама нуждалась в помощи. И уже устала — и переживать за меня, и надеяться, что я когда-нибудь выберусь на прямую дорогу.

Моя судьба, как я тогда думал, никого не интересовала. Никому до меня не было дела. И, как это случалось в трудные минуты, я вмиг растерял всех своих дружков. Ведь все это были приятели — до первой беды.

Мне вдруг сделалось неуютно и в Ташкенте, и в собственной квартире.

Какая-то непонятная усталость давила на плечи. Голова была тяжелой, как мельничный жернов. Вялые, смутные мысли лениво копошились в ней, как сонные змеи в своих гнездовьях.

Видно, таким уж я уродился — несчастливым и невезучим. И разве я не прав, ропща на свою судьбу? Ведь за что бы я ни брался, все кончалось неудачей. Со всех сторон на меня сыпались удары... Дело, вон, даже до суда дошло...

Я все никак не желал признаться себе, что сам подставлял себя под удары, сам виноват в своих неудачах, и если потерпел полный крах, то дело вовсе не в моей злой участи, а во мне самом. Ведь если человек — кузнец своего счастья, то и своих несчастий — тоже...

Бедная моя голова разламывалась от мыслей, которые только угнетали меня, а надо было принимать и какие-то конкретные решения: надо мной висел приговор суда. Хотелось мне этого или не хотелось, но я обязан был податься на какую-нибудь стройку.

Так и не додумавшись до чего-нибудь определенного, я собрал свои вещички и вскоре очутился на обочине дороги, ведущей из Ташкента в неизвестность. Идея у меня была такая: остановить первую попавшуюся машину и уехать на ней — куда глаза глядят.

И будь, что будет...

Глава третья

I

В кузове грузовика, который меня подобрал, было всего пять-шесть человек, но шуму от них, как от грачиной стаи. В машине царило радостное возбуждение, мои невольные попутчики обменивались шутливыми репликами, во все горло орали гссни...

Как молвит пословица, если у тебя сосед слепой, то и сам прищуривайся.

И я тоже пытался шутить, а когда мои попутчики запевали песню, присоединялся к ним.

Скоро я стал для них «своим», и один из веселой компании, мужчина средних лет, с коричневым от загара, открытым лицом, с натруженными руками, на которых выделялись вздувшиеся вены, обратился ко мне с вопросом:

— Послушай, братец... Ты уж прости меня за любопытство... Но где ты работаешь и куда сейчас путь держишь?

Он пристально посмотрел мне в глаза, как будто в них надеялся прочесть ответ. Глаза, видно, выдавали меня: как я ни бодрился, а они оставались грустными и задумчивыми. Я ответ взгляда в сторону. Что я мог сказать своему попутчику? О приговоре суда, который обрек меня на труд в принудительном порядке? Совестно... Да и как довериться человеку, которого я совсем не знал? Кто ведаст, что у него на уме. Может, он расспрашивал меня с какой-нибудь задней мыслью.

Увертываясь от ответа, я сам спросил:

— А вы куда едете?

Мужчина, видно, разгадал мою уловку, усмехнувшись, сказал:

— Мы-то? Ну, тут никакого секрета нет. Мы — строители, и целой бригадой направляемся в пустыню — там возводится крупная электростанция. Сарданская ГРЭС. Не слышал о такой?

Я пожал плечами.

— А где это?

— Точно я и сам не знаю. Пустыня, братец, что океан: огромна и безбрежна. Поглядим, куда нас шофер завезет...

— Вы что, и раньше все вместе работали?

— Да, братец. По многим стройкам нас помотало. Но ты не ответил на мой вопрос. У тебя-то какая профессия?

Я тяжело вздохнул:

— Нет у меня никакой специальности. В последнее время я гектарничал — в одном совхозе...

— Гектарничал? — Мужчина почесал затылок. — Извини, братец, я в сельском хозяйстве не сильно-то разбираюсь.

Нас тряхнуло на какой-то неровности, все повалились друг на друга, потом долго рассаживались по местам, смеясь и перешучиваясь, и это избавило меня от необходимости пускаться в подробные объяснения. Я только сказал:

— Сейчас я без работы. Как раз думаю на какую-нибудь стройку податься.

— Вот и ладно! — обрадовался мужчина. — Хочешь с нами — на строительство ГРЭС? Ты парень веселый, свойский, я с удовольствием тебя возьму к себе в бригаду.

Я так и понял, что он — бригадир... Опять вздохнув, я проговорил:

— Да я бы со всей душой. Но вы, видать, опытные строители. А я ничего не умею...

— Э, братец, с опытом-то никто не родится, его постепенно

наживают. Было б желание, а строительному делу мы тебя научим. Ну как, согласен? Едешь с нами?

Мне нравились мои попутчики. И ведь все равно надо было обосновываться на какой-то стройке. А тут — крупная ГРЭС... И заработки, наверно, большие, и строителям — почет и уважение.

Я утвердительно кивнул:

— Уговорили. Еду.

— Вот и ладно! — и мужчина обратился к своей бригаде. — Ребята, нашего полку прибыло! — Он повернулся ко мне. — Как тебя звать?

— Эркин.

— Вот, товарищи, прошу любить и жаловать, новый член нашей бригады — Эркин! — он показал на меня сидевшему неподалеку худощавому парню. — Хуридин! Будешь над ним шефствовать на первых порах.

Тот перегнулся и пожал мне руку:

— Поздравляю, подшефный. Ты не пожалеешь, что попал под крыло Забира-бригадира.

Мне представлялось, что как только доберемся до места, нас устроят в общежитии, накормят сытным и вкусным обедом в столовой. Ведь Забир-бригадир говорил о крупном строительстве... Велико же было мое удивление и разочарование, когда грузовик остановился посреди голой пустынной степи, да еще такой знакомой! В прошлом году я собирал тут исрык. Вон и холм, где я впервые его нашел... Только не то что от исрыка, но и от полыни, и от верблюжьей колючки не осталось и следа. Вся местность вокруг была изуродована, словно перепахана колесами тяжелых машин. Казалось, тут совсем недавно произошло танковое сражение...

Изумленно озираясь, я спросил у бригадира:

— А где же мы жить будем?

— А вот тут, братец, на этом самом месте.

— Хм... Что-то я не вижу здесь жилья.

— Жильем мы себя сами обеспечим... — И он крикнул: — Эй, ребята! Выгружайте палатки!

Оказалось, что на палатках мы и сидели в кузове грузовика.

Я с некоторым скептицизмом переводил взгляд с вороха брезента на кучу кольев, тоже сброшенных на песок.

— Сразу видно, что ты впервые на стройке, — сказал бригадир. — Эх, братец, самая это сладость — начинать с нуля, обстраиваться, обживаться на пустом месте... После ты и не поверишь, что вот тут был пустырь. Так... Сейчас мы малость перекусим — и за работу.

Вместо горячего обеда пришлось довольствоваться сухим пайком. Новые знакомые наперебой предлагали мне всякую снедь, которую запасливо прихватили с собой. У меня тоже была кой-какая еда, я поделился ей с бригадой.

Первый колышек вбил в землю сам бригадир — среди такого торжественного молчания, словно он совершал какой-то священный обряд.

Потом носком сапога он проделал в земле углубления, — для других кольев. И уже к вечеру возле заветного холма, когда-то покрытого полынью и ислыком, выросли две просторные палатки.

Впервые в жизни я спал в палатке, чуть ли не под открытым небом. И, сморенный усталостью, обилием впечатлений, спал так крепко, что утром меня еле добудились. Хуриддин покачал головой.

— Здоров же ты храпака задавать!

— А что тут плохого? — сказал бригадир. — Так спят люди с чистой совестью

Знал бы он, какая у меня «чистая» совесть...

Нашей бригаде было поручено строить палаточный городок для тех, кто должен появиться следом за нами. Прибыли машины с необходимыми материалами. В управлении Забира-бригадир (так его все называли) снабдили планом.

Бригада с горячим рвением взялась за дело: нас торопили с возведением палаток.

Так началась моя подая, трудовая жизнь.

Надо сказать, я старался изо всех сил и выполнял — вернее, тщился выполнить — все указания бригадир. Но сказывалось мое «петрудовое» прошлое... Уж, казалось бы, велика ли хитрость: выровнять место, предназначенное для установки палатки, прорыть в земле ямки, вбить колья, натянуть на них брезент... Но у меня, видно, не получалось как надо, потому что от этой работы бригадир меня вскоре отстранил и всучил кегмень как более привычное орудие производства — нужно было рыхлить землю...

В общем-то, я был доволен, что попал под опеку Забира-ака. Бригада у нас подобралась на редкость дружная, — «один за всех, все за одного», хоть характеры у всех были разные и родом все были из разных мест, но жили одной спаянной семьей. Ребята, видно, сблизил, сплотил общий труд, и они привыкли делить между собой и невзгоды, и радости, и последнюю лепешку. Я ни разу не услышал слова: «это мое»; все, что у кого-то было, принадлежало всей бригаде. Прежде я не раз слышал притчу о том, как сорок человек сумели поделить между собой одну изюминку,

ю всерьез ее не принимал, сказка — она и есть сказка... А теперь подумал: да ведь это притча о нашей бригаде!

А еще меня удивляло, что какие бы ни были у меня промашки, — никто надо мной не издевался, не посмеивался, все старались помочь, а если и наставляли, то по-дружески, если и учили, то как-то ненавязчиво, не высказывая своего превосходства...

Так вот он какой — рабочий коллектив...

Я не был в армии, но мне много рассказывали о царящих в ней законах дружбы, выручки, взаимопомощи, и я сравнивал нашу трудовую спайку с солдатской...

Мы спали в палатках по-солдатски, в один ряд, от «отбоя» до «подъема».

В общем, поначалу я в бригаде чувствовал себя совсем неплохо. Трудиться вместе со всеми оказалось куда приятней, чем в одиночку. Мне передавалось от ребят сознание важности, значительности того, что мы делали.

Правда, условия, в которых мы жили, были не слишком-то комфортабельные. каждый день — безвкусная, однообразная пища, теплый борщ да сухие котлеты, а вместо постелей — брезент, под который мы подстелили солому. Но и это меня не особенно смущало: ребята-то ни на что не жаловались, будто и не замечали бытовых неудобств. А я что — хуже других?.. Уж мне-то и вовсе грех ныть: я в бригаде был самый молодой.

Но тут со мной приключилась одна неприятность, которая и напугала, и породила мысли, нагнавшие на меня мрачное уныние...

II

Еще когда я работал гектарщиком, то и от Баракабая, и от других «целинников», хорошо знавших пустыню, наслушался немало рассказов о ее обитателях.

Если в дремучей тайге хозяйничает медведь, если в непроходимых джунглях, недоступных для человека, владеют львы, тигры, слоны, то и в знойной необозримой пустыне, которая обжигает ноги путникам, подпаливает крылья пролетающим над ней птицам, в пустыне, где, казалось бы, нет жизни, — налицо свои «хозяева» и «владыки», начиная от волков, не уступающих размерами доброму пшаку, и кончая змеями толщиной в человеческую руку.

И хотя люди неотвратимо наступают на пустыню, отвоевывая пядь за пядью землю у ее постоянных обитателей, — те не так-то легко уступают свои позиции.

Так вот, однажды, расчищая место для очередной палатки, выдирая кетменем из песка жесткие сорняки, я заметил неподалеку от себя какую-то кривую палку... Сперва я подумал, что это ветка саксаула, а две точки на ней принял за личинки кузнечика. А когда из любопытства подошел поближе, то душа у меня ушла в пятки, а по спине забегали целые полчища муравьев... Какой там саксаул, какие там личинки!..

Змея!..

Говорят, змеи не трогают человека, если он на них сам не нападает. Но моя-то, наверно, решила, что я собираюсь атаковать ее, а может, тут у нее гнездо было, только повела она себя совсем не мирно. Она выпрямилась наполовину, голова ее покачивалась, как бутон какого-то зловещего цветка на толстом стебле, глаза, даже при сияющем солнце горели двумя желтыми фонарями.

Судя по всему, ей прежде не доводилось видеть здесь человека, и то, что я без спроса заявился в ее владения и размахивал кетменем, как бы посягая на ее жилище, вызвало у царицы пустыни законный гнев.

Она смотрела на меня своими немигающими глазами, словно гипнотизируя, а я не знал, что делать: дать деру, так она наверняка нагонит и ужалит, а стоять навытяжку — так она уже разозлена и, того и гляди, вот-вот прыгнет на меня, обовьется вокруг шеи и удушит. Нет, скорее всего ядом своим убьет... В общем, куда ни кинь, всюду клин.

Тут мне вспомнилось любимое изречение футбольных комментаторов: лучший способ защиты — нападение (только почему-то сами футболисты постоянно об этом забывают). Я угрожающе поднял кетмень и шагнул по направлению к змее. Выгнувшись, как драчливый баран, переднюю часть туловища, она ринулась на меня в мощном броске, я тут же, как щит, выставил перед собой кетмень, змея с силой ударилась о него и, разрубленная, упала на землю. Возле моих ног извивалось безголовое туловище, я несколько раз ударил по нему лезвием кетменя, и ядовитая гадина стала похожа на нарезанную колбасу.

Мне бы торжествовать победу, а я чувствовал себя совсем обессиленным, все тело покрылось липким холодным потом, я дрожал от страха как последний трус, — будто это не я над змеей, а она надо мной верх одержала.

Весь ужас в том, что я убил самку, змею-мать. Говорят, мертвый слон это все равно слон. Так вот, мертвая самка змеи еще опасней живой... Я наслушался немало легенд и былей о том, как жестоко мстят змеи за убийство змеи-матери... А в тот момент мне чудилось, что здешние места кишмя кишат злобными и ко-

варными ползучими тварями, и некуда мне спрятаться от их мести.

Разыскав Забира-бригадира, я мрачно рассказал ему о происшедшем, он серьезно посмотрел на меня, сочувственно покачал головой.

— Да, братец, плохи твои дела. Надо же, умудриться уби́ть самку змеи! Теперь ее сородичи житья тебе не дадут...

— А что мне еще было делать? Она сама на меня напала...

— Ты, верно, потревожил ее покой.

Я криво усмехнулся.

— Если уж заботиться о покое этих гадов, так не надо строить тут электростанцию.

— Ладно, что сделано, то сделано,— примирительно сказал Забир-ака. — Будем теперь думать, как обезопасить себя от змеиного нашествия.

Вокруг нас уже собралась вся бригада, посыпались предложения:

— Змеи нас ведь только ночью могут захватить врасплох, — значит, здесь больше нельзя ночевать.

— Может, нам в город уехать?

— Давайте на станцию сегодня вечером махнем, там есть вагончики.

Бригадир поднял руку.

— Нет, товарищи, на дорогу туда-сюда уйдет немало времени, время для нас на вес золота. Мы будем по-прежнему ночевать в палатках. Уж как-нибудь отразим атаку царей пустыни. Неужто ж мы не сумеем перехитрить каких-то пресмыкающихся.

Я стоял хмурый, насупленный. Хорошо ему говорить... Да и всем остальным — чего бояться? Змею-то убил я, и ее сородичи мне будут мстить, а других могут и не тронуть.

— Нет, Забир-бригадир, — проговорил я угрюмо и решительно. — Вы как хотите, а мне надо уносить отсюда ноги подобру-поздорову.

Я уж направился к палатке, чтобы собрать вещички, но Забир-ака удержал меня, положив руку на плечо.

— Без паники, братец. Или ты не веришь, что мы справимся со змеями?

— И что же вы думаете предпринять?

— Нынешней ночью мы примем самые простые меры для защиты от змей. — Обращаясь к ребятам из бригады, он сказал: — Приготовьте к вечеру шерстяную веревку и как можно больше шерстяных вещей: одеяла, войлочные подстилки, в общем, все, что у нас найдется...

Перед тем как лечь спать, мы, по указанию бригадира, разло-

жили вокруг палатки все шерстяные вещи, которые удалось раздобыть ребятам, а перед входом в палатку протянули длинную веревку.

— Как волки боятся огня, — пояснил Забир-бригадир, — так змен — шерсти. А уж веревка нагонит на них прямо-таки панический страх.

То ли наш бригадир и, правда, верил в «антизмеинные» свойства шерсти, то ли у него просто были железные нервы, но в эту ночь он спал как убитый, и брезент палатки сотрясался от его богатырского храпа. В крепкий сон погрузились и остальные, и только я не мог сомкнуть глаз... Сжав в руке кетмень, я со страхом ждал нашествия змей... В полночь мне почудилось, будто бурьян, окружавший нашу палатку, подозрительно зашелестел. С кетменем наготове я высунул из палатки голову. В небе стояла полная луна, заливая землю мертвенным светом. От напряжения зрение мое настолько обострилось, что казалось, я смотрел в бинокль. И представшая передо мной картина заставила меня передернуться от ужаса и отвращения. За защитным валом из шерстяных вещей копошились змен, они с гнусным шипением ползали взад-вперед, ища лазейку, головы у них были приподняты, будто они высматривали что-то (или кого-то!) Но и к шерсти, и к веревке они не решались приблизиться. Это меня успокоило, страхи мои стали постепенно рассеиваться, но вдруг в голову мне ударило: черт побери, а что если они могут издалека плеваться своим ядом? Я где-то читал о таких змеях: приподнявшись, они влоют человеку прямо в глаза, ослепляя его. От этой мысли волосы встали у меня дыбом, я торопливо попятился в палатку и в темноте наступил на ногу Хуриддина. Он подскочил, как ужаленный, я начал извиняться:

— Прости, я нечаянно.

— Какого дьявола ты тут бродишь ночью? — беззлобно выругался Хуриддин. — Я ведь мог подумать, что это змея и за просто придушил бы тебя.

С последними словами голова его снова упала на подушку, и, по-моему, он принялся досматривать свой сон с того места, на котором я прервал его. Удивительно, как я вообще смог его разбудить: он ведь перед сном выпил водки — по его уверенню, на тот случай, если его ужалит змея: водка якобы нейтрализовала действие яда.

Для храбрости я выдул из бутылки остатки водки, приятное тепло разлилось по телу, и я действительно настолько осмелел, что, откинув полог палатки, высунулся из нее чуть не всем телом. Змей вроде стало больше... У входа в палатку валялся моток веревки, я подтянул его к себе и, размахнувшись, швырнул в

самое скопление змей. Они прыгнули в сторону, и вскоре уже закопошились, злобно шипя, чуть левее, метрах в десяти от меня. В мозгу у меня мелькнула шальная мысль: а что, если броситься на них с кетменем да порубать всех к чертовой матери? Но как только я представил себя среди скопища этих ползучих тварей,— меня мороз подрал по коже... Бр-р... Нет уж, лучше с ними не связываться, а терпеливо дожидаться утра.

Так я и продежурил у входа в палатку до рассвета, вцепившись обеими руками в рукоять кетменя.

Но вот над горизонтом показался краешек солнца, похожий на арбузную дольку; солнышко словно жмурилось спросонья, все дальше и дальше откидывая от себя голубую вуаль; его лучи рассыпались по небу тонкими золотистыми волосами, один из лучиков прокрасил к нашей палатке, пошарил по спящим, словно выбирая, кого разбудить первым, и задержался на лице Забира-бригадира, щекоча ему глаза... Бригадир быстро поднялся, потянулся до хруста в костях, поглядел на будильник, стоявший у него в изголовье, и громко, как в армии, скомандовал:

— По-о-одъе-ем!..

Пока ребята одевались, он подошел ко мне.

— Ты что, так и не ложишься спать?

— Не до сна было...

— Значит, навещали нас твои «друзья»?

— Всю ночь вокруг палатки маневрировали.

— Искали место для прорыва?

— Наверное. Вон, гляньте, они и сейчас сторожат, когда мы выйдем

— Наверяд ли, — усомнился бригадир. — С рассветом змен прячутся по своим гнездам.

Он выбрался из палатки, выпрямился во весь рост, щурясь от яркого солнца, внимательно огляделся:

— Что я говорил? Ни одной змен...

Я вышел следом и вздохнул облегченно: все змен, и вправду, уползли от палатки.

А на самом доньшке моей души продолжал копошиться страх, обдавая неприятным холодком, и чем дальше, тем все более непривлекательным казались и обстановка на стройке, и сама работа, и все чаще начали сниться как бы отрывки из прежней уютной беззаботной жизни...

Ясно, что не встретить я тут змею и не убей ее, нашелся бы какой-нибудь иной повод для моего уныния и разочарования. Потому что мне просто надоело жариться в пустыне, и после того, как прошел первый романтический угар, сгладилась острота и свежесть начальных впечатлений, меня стала тяготить моя ра-

бота. Мало того, что она была для меня непривычной, но я ведь еще вкалывал тут не по доброй воле, а вынужденный к этому определенными обстоятельствами. Такой труд для человека вроде меня — не в радость, а в тягость.

Кстати, я еще так никому и не признался, что отправился работать на стройку — по приговору суда. А скоро первая моя зарплата... И я обязан сообщить в суд, где я работаю, дабы из моего жалованья начали вычитать двадцать пять процентов. Сколько же после этого на руках-то у меня будет оставаться? Жалкие гроши... И бригада узнает, кто я такой... Как-то я стану смотреть ребятам в глаза? Ведь они хоть и относились ко мне с некоторым снисхождением, как к избалованному городской жизнью белоручке, но в то же время считали меня парнем честным, желающим трудиться не за страх, а за совесть. Здорово же я их разочарую...

III

Дни стали тянуться так медленно, как будто их волокли за собой упрямявшися ишаки. Я по-прежнему орудовал кетменем, и к вечеру у меня так ломило поясницу, так ныли руки и ноги, что я, несмотря на страшную усталость, не мог уснуть. Лишь под утро мне удавалось забыться в какой-то дурманной, совсем не освежающей дремоте. Вставал я с превеликим трудом, вялый, не отдохнувший, а надо было тащиться на работу, обливаясь потом под безжалостным, все еще жарким солнцем, потом за обедом через силу проглатывать дежурные котлеты и борщ — шедевры кулинарного искусства нашего повара, явно лишнего воображения, и опять махать кетменем (я уж плечо себе отмахал), до самого вечера, который не приносил мне ничего хорошего — я заранее поживался, как от озноба, думая о предстоящей бессонной ночи...

Нет, так больше не могло продолжаться. Я еще смутно представлял себе, что стану делать, удрав отсюда, но мысль о бегстве все чаще и чаще приходила мне в голову, пока не созрела окончательно — как яблоко в осеннем саду. Яблоко, правда, было червивое, с гнильцой...

Я, конечно, и сам себя подзаводил, постоянно сравнивая свою нынешнюю жизнь — с той, какую я вел в Ташкенте. Как легко и вольготно дышалось, когда я торговал цветами и исырком, а выручку тратил — где и как хотел... Мне даже труд гектарщика уже не казался тяжелым: я ведь работал тогда на себя...

Здесь же, в пустыне — я тянул трудовую лямку неизвестно во имя чего. Что меня ждало в будущем? Достаток? Ха-ха, мно-

го тут заработаешь... Слава передовика? Хорош передовик по приговору суда, ничего не скажешь... Развлечения? Ну да, аттракционсы со змеями... Змеи мне уже повсюду мерещились, и я шагу не мог ступить без оглядки. А однажды ночью до меня донесся волчий вой, и я похолодел от ужаса. Ну и места... Не покусают тебя змеи, так достанешься на обед голодной волчьей стае.

До рассвета я проворочался без сна, а ближе к утру осторожно поднялся, связал в узел свои вещички и крадучись стал пробираться к выходу из палатки. Но не успел я выскользнуть из нее, как сзади раздался строгий окрик:

— Стой! Ты куда это лыжи наострил?

Я обернулся и увидел перед собой Забира-бригадира. Вот незадача... И как это он учуял, что я собрался дать деру? Или следил за мной последние дни?

Оглядев меня подозрительно, бригадир кивнул на узелок.

— Что это у тебя?

Я решил не врать.

— Барахлишко мое...

— Так-так... — Лицо у бригадира было хмурое, удрученное.

— Значит, надумал дезертировать?

— Сразу уж и «дезертировать»? — обиделся я. — Я сюда добровольно явился, а захотел вот и уйду.

— Ты, выходит, из перелетных птиц?

— Я — вольная птица...

Я уже вышел из палатки, Забир-бригадир неотступно следовал за мной.

— погоди, Эркинджан. Ты все-таки объясни, какая муха тебя укусила. Я ведь видел, ты последнее время какой-то смурной. Что у тебя на душе, а? Дома что-нибудь стряслось или, может, на что обиделся?

Тон у бригадира был такой участливый, что меня потянуло на откровенность.

— Да не на что мне обижаться. И все у меня в порядке. Только не гожусь я для героического труда. Кишка у меня тонка, понимаете, Забир-ака? Надоело мне тут надрываться. И бригаду не хочу подводить, ведь вы из-за меня и отстать можете... Какой я работник?

— Ну, за бригаду ты не беспокойся, легче всем — потянуть одного вперед, чем одному потащить всех назад. А насчет того, что кишка у тебя тонка, это ты глупости говоришь. Ты слышал, чтоб из материнской утробы кто-нибудь вышел уже с бородой и усами? Нет? То-то же... И опытными, умелыми рабочими люди не сразу становятся.

Я слушал бригадира, а сам все шел и шел удаляясь от палатки.

— Эй, Эркин! — услышал я позади голос Хуриддина. — Постой! — Он нагнал нас и выхватил из моей руки узелок.

— Так-то лучше будет. Ты это куда наладился?

Я пожал плечами.

— Мир велик...

— Он, видишь ли, решил, что работа на стройке ему не по плечу, — объяснил бригадир. — Силенок, дескать, не хватает...

— Э, есть у тебя силы или нет — это лишь время покажет. Знаешь пословицу? Глаза боятся, руки делают... Работа наша, конечно, не сахар, и стройка — это тебе не курорт. Но если ты хочешь стать человеком...

Я одного хотел в эту минуту: чтобы и бригадир, и Хуриддин отвязались от меня. Какое им, в конце концов, дело до моих намерений? Что они все всполошились? У меня было такое впечатление, будто вся бригада за мной следила и угадала-таки момент, когда я решился на побег... В то же время меня не могла не трогать та заботливость, с какой разговаривали со мной и Забир-ака, и Хуриддин.

Хуриддин меж тем продолжал:

— ...и если ты не какой-нибудь там белоручка, маменькин сынок, то ты себя переборешь и приспособишься и к нашей работе, и к палаточному нашему быту. Ко всему можно привыкнуть — при желании. Не враз, конечно...

— Я уж с ним об этом толковал, — кивнул Забир-бригадир. И ободряюще потрепал меня по плечу. — Выше голову, братец! Ты еще научишься работать. Да и жить мы будем — не все же время в палатках. Вот построим город в пустыне — Сулим и первыми переберемся в новые квартиры. Кстати, ты куда идти-то вознамерился?

А я и сам не знал, куда... Куда глаза глядят... Так я и сказал.

— Думаешь, есть где-нибудь работа с курортными условиями? Нет, братец. Любой труд — это удел людей мужественных и выносливых. Тем более труд строителей.

— Не все же стройки — в пустыне...

— Чуждак-человек, да чем тяжелей обстановка, тем интересней работать! Это ж такое счастье — спустя несколько лет оглянуться вокруг, увидеть на месте пустыни электростанцию, новый город, весь в зелени, пышные тенистые парки и сказать себе с гордостью: это творение моих рук, это я превратил пустыню в сад!.. Неужто тебя не привлекает такая перспектива, а, Эркин?

В общем, не дали они мне осуществить мой замысел, затащили обратно в палатку. Ребята, уже одевавшиеся, приняли меня

так, как будто ничего особенного и не произошло, хотя наверняка всем все было яснее ясного.

На «газике» к нам прибыл в термосах завтрак — настоявшийся до черноты теплый чай и все те же котлеты с рисом. Ребята дружно, с аппетитом накинулись на еду, лишь мне кусок не шел в горло.

— Ты ешь, ешь, — уговаривал меня бригадир, — не то до обеда не продержишься, свалишься без сил.

Хуриддин сунул мне в руки котлету.

— Перед работой обязательно надо подкрепиться. Знаешь, если в армии кто отказывается от еды, так это считается дисциплинарным проступком. А мы тут живем по армейским законам...

Жуя без всякой охоты котлету, я с хмурой неприязнью покопился на Хуриддина, он обиженно проговорил:

— Что ты на меня-то дуешься? Я что, сжал твою рожь неспелой? Черт, из-за тебя и у меня аппетит пропал...

В это утро бригадир разлучил меня с кетменем. Я помогал ему сооружать палатки. Дело у меня не очень-то клеилось, и когда наступило время перекура, бригадир усадил меня рядом с собой в тени палатки, угостил сигаретой, сам тоже задымил и, блаженно жмурясь при каждой глубокой затяжке, неторопливо заговорил:

— Ты думаешь, почему я не хочу отпускать тебя из бригады? Да потому что уверен — ты сегодня проявил минутную слабость. Ты бы сам потом пожалел, что ушел от нас... Ну, трудно тут, солнце жарит, песок в поздри и уши набивается, на змей можно наткнуться... Так зато великое дело делаем. И вокруг — друзья. А это тоже надо ценить... С друзьями нигде не пропадешь, они тебя и в обиду не дадут, и поддержат в тяжкую минуту. Я все это на своем опыте знаю. Ведь когда-то и я был таким же желторотым птенцом, как ты. Работать начал на строительстве Фархадской ГЭС, и тоже ничегошеньки не умел, и уставал так, что все у меня из рук валилось, и порой белый свет был не мил, и не помогало даже сознание, что работаю я во имя Победы. Ведь тогда война шла... Да... Нынешние-то трудности, которых ты испугался, и не сравнить с теми, какие нам приходилось одолевать. Кто ФархадГЭС-то строил? Старики, женщины да подростки. Все мужчины, настоящие рабочие, были на фронте. И надо было трудиться и за себя, и за них. Одну-то норму просто стыдно было выполнять, все стали давать две нормы, а то и три. А еда какая была? Ломоть черного хлеба — на целый день... А техника? Кетмень да лопата... С утра до вечера мы копали землю, таскали ее на носилках, а не хватало носилок, так в мешках. Плечи-то прямо чужими становились. Да... А мне в ту пору всего шестнад-

цать годков етукнуло... — Бригадир вдруг оживился, у него заблестели глаза. — Кстати, братец, я тогда из Сабира в Забира превратился. Мне как раз паспорт надо было получать. А девица в милиции оказалась рассеянная, да и вписала мне в паспорт вместо «С» — «З». Я на радостях этой ошибки не заметил, а когда спохватился, было уже поздно. Так я и остался Забиром. Родня, правда, называет меня по-прежнему Сабиром, только я на это имя уже и не откликаюсь. Привык к новому...

Я усмехнулся, вспомнив, как стал Эркином-булбулом... А бригадир вернулся к рассказу о трудностях на строительстве Фархадской ГЭС.

— Да, совсем я тогда был зеленый... Аппетит-то в таком возрасте — будь здоров, организм свое требует, а мы жили в голоде и холоде. Война... Я совсем из сил выбился и надумал бежать на фронт. Я так рассуждал: тут-то я скоро ноги протяну, а на фронте все ж таки и кормежка посытнее, и пользы от меня будет больше: фашистов бить, это тебе не землю копать... Да... Не удалось мне далеко уехать, сняли меня с поезда, вернули на стройку. До фронта, сказали, ты еще не дорос. А стройке нужны твои молодые руки. Уж поднатужься, сынок... Ну, я стиснул зубы и давай вкалывать за двоих, за троих, и вскоре вышел в передовые строители, мою фотографию повесили на Доску почета. Тяжким грузом давили на нас невзгоды и лишения той военной поры, а мы не сдавались. И я многим обязан той стройке, тем трудностям, и друзьям, которые меня окружали, работали со мной плечом к плечу...

Я с каким-то новым чувством смотрел на своего бригадира, и мне о многом говорили и седина на его висках, и раннее серебро в волосах. Что-то благородное, располагающее было во всем его облике. Когда слушаешь таких людей, с мудрыми, чуть усталыми глазами, то веришь каждому их слову.

Все-таки я не удержался, чтобы не заметить.

— Забир-ака, но ведь тогда война шла, решалась судьба страны. И всем было нелегко, верно?

— А мы, братец, и сейчас решаем судьбу страны. Да... И заруби себе на носу: легкого труда не бывает! Ты вот от нас хотел дать стрекача, не выдержав тяжелых условий. А где ты надеялся найти — легкие? Тебе не доводилось встречать людей, которые — стоит предъявить к ним претензии — огрызаются: а вы, мол, поработайте на моем месте... Плохо, что они огрызаются. Но ведь они и правы, считая свою работу сложной и трудной. Потому что такова — всякая работа... Правда, можно увидеть и искусников, которые трудятся словно бы играючи, и им поневоле позавидуешь: вот, дескать, какая у них легкая работа. А эта

легкость в работе — мастерство, и путь к нему лежит длинный, тяжкий, потом политый... Ты случаем не интересуешься тяжелой атлетикой? Не слышал о нашем богатыре Эркине Каримове?

— Слышал.

— А видел его? Когда он на помост выходит, то невольно улыбаешься: такой он невзрачный. А он толкнул сто шестьдесят килограмм и стал чемпионом мира. Вроде легко это у него получилось. Если со стороны смотреть... А сколько на самом деле понадобилось и терпения, и усилий, и тренировок, чтобы добиться такого результата, сделать невозможное — возможным... Вот и ты, братец, не жалей сил в работе, и чем дальше, тем свободней ты будешь справляться с любым делом.

Время перекура давно уже кончилось, но бригадир не спешил приступать к работе, ему, видно, было куда важнее со мной поговорить, убедить меня в том, что для него самого было выношенным, ясным, естественным.

Неожиданно, без всякой подковырки, он спросил:

— Ты-то, видать, не привык трудиться по-настоящему?

И уж не знаю, что на меня нашло, но я, как на духу, выложил ему все подробности своей короткой биографии. Я рассказал и о своих торговых «операциях», и о гектарничестве, и о том, как попался с дынями, без особого раскаяния, не упустил возможности даже прихвастнуть своим умением завлекать покупателей, он слушал меня внимательно, не перебивая, а когда я закончил свое повествование, сообщив и о приговоре суда, Забир-ака понимающе кивнул:

— Что ж, все ясно. Не довелось тебе еще лиха-то хлебнуть.

Я криво усмехнулся — ведь сам-то я считал свою жизнь полной злоключений — и сказал с горечью:

— Не довелось... А сколько раз я на неприятности напарывался? И не сосчитать...

— А тебе не кажется, что ты их сам на себя навлекал? Ведь когда ты пытался честно работать, к примеру, в ЖЭКе, так тебе спокойней жилось, правда?

— А на кой мне сдалась такая спокойная жизнь? В карманах-то ветер свистел.

— Так... Но ты же видишь: мои ребята и трудятся честно, и неплохо зарабатывают.

— Сколько ж времени пройдет, пока я научусь работать, как они!

— Какой нетерпеливый! Слушай, Эркинджан, ну, а куда бы ты подался, удрав с нашей стройки?

— Мало ли у нас городов...

— А ты не слышал поговорку: не стремись в дальние страны, там тоже есть и весы, и гири.

— Я другую слышал: рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше.

— А вот еще говорят: там хорошо, где нас нет. Эх, Эркинджан, Эркинджан. У нас тут, значит, ад, а в других местах рай? Нет, братец, любая работа в любом месте и в любое время и трудна, и почетна. И мой тебе совет: оставайся с нами. Дерево плохо будет расти — если его пересаживать с места на место. Ты пока нигде еще не успел пустить корни... Вот и обосновывайся у нас. Ты ведь сейчас под стать молодому саженцу... Приживешься здесь и пойдешь в рост! Ну?.. А будешь, на манер беззаботной пичуги, прыгать с ветки на ветку, так еще сорвешься, и крылья себе обломаешь, и уже и по земле-то не сможешь ходить...

Видя, что его слова заставили меня задуматься, бригадир подбадривающе проговорил:

— Да что тут долго думать, братец? Лучшей школы, чем эта стройка, тебе не найти. Я говорю о школе и жизненной, и трудовой. Работать-то тебе все равно где-то надо. А здесь ты, считай, уже в родной семье и сделал первые шаги. Сообщай куда надо о своем постоянном месте работы, ведь скоро у нас получка. Необходимые документы тебе в конторе выдадут. И учти: ребятам я пока ничего не скажу о твоих прегрешениях перед законом... Сочтешь возможным — сам обо всем расскажешь. А теперь за работу. Нам еще придется наверстывать упущенное...

Забир-бригадир доверил мне самому ставить палатки и лишь изредка подходил поглядеть, как идут у меня дела. А я заметил, что и Хуриддин не спускал с меня глаз — словно его назначили моим персональным телохранителем.

Я решил пока остаться в бригаде. И рассуждения, и доводы Забира-бригадира были так доходчивы и убедительны, что не могли не произвести на меня впечатления...

Ладно, сказал я себе, поживем — увидим...

Глава четвертая

I

Однажды к нам подкатили грузовики, мы уселись, и они помчали нас на железнодорожную станцию.

Начальник станции, толстяк в фуражке с красным околышком, накинулся так, словно мы перед ним в чем-то крепко провинились.

— Наконец-то! Сколько можно вас ждать? Состав давно на путях стоит, вот-вот второй прибудет, а вы только-только изволили явиться! Живо, живо за разгрузку! За каждую минуту простоя вашему начальнику придется платить штраф, и немалый!...

Он говорил быстро, отдуваясь, отфыркиваясь, то и дело вытирая платком пот с красного лба. Никогда не думал, что толстые люди могут быть такими нервными и суетливыми... Мы с ребятами переглядывались, еле сдерживая смех. Чего он на нас то взъелся? Мы и ведать не ведали, зачем нас везут на станцию, скомандовали: по машинам, мы и поехали!...

Оказалось, на станцию пришел товарный состав со всяческой техникой и оборудованием, и нам предстояло его разгрузить.

Пока работали в пустыне, лишь начиная ее обживать, мы как-то не представляли себе масштабы развертывающегося строительства. И теперь с некоторым изумлением глазели на прибывший состав — длиннющий, с экскаваторами, бульдозерами, скреперами на платформах, он являл собой внушительное зрелище.

А ведь эта землеройная техника была лишь малой частью того, что требовалось нашей стройке...

Так как разгрузочных площадок на станции не имелось, нам пришлось соорудить деревянные настилы, по которым мы и начали перемещать на землю огромные машины. Работала на разгрузке не одна наша бригада, но людей все равно не хватало, а тут один за другим приползли еще два товарняка, и, в общем, мы пропытели на станции около трех суток. Вот уж когда я на собственной шкуре испытал, что такое по-настоящему тяжелая работа. Да еще и суматошная — нас все время подгоняли и начальник станции и представители стройуправления, следившие за разгрузкой. По-моему, от пролитого пота возле железнодорожной линии должны были бы образоваться соленые озера, но нет, песок оставался сухим и горячим...

Вернувшись в свои палатки, мы почувствовали себя счастливыми. С легкой душой принялись мы достраивать палаточный городок — после разгрузочной страды наша привычная работа казалась нам чуть ли не отдыхом. Как легко, однако, убедиться, что все на свете относительно...

В просторных палатках, которые я про себя окрестил «брезентовыми бараками», размещались экскаваторщики и другие «землеройщики», которых прибывало с каждым днем все больше и больше...

Стройка становилась все более шумной, многолюдной, и я жалел, что не мог обойти ее всю и посмотреть — где что делается. Свободного времени у нас не было ни минутки...

— Когда мы ставили уже последние палатки, к нам подошел высокий мужчина, хоть и худой, но с виду сильный и крепкий, и заинтересовался у Забира-бригадира:

— У вас что же, до сих пор еще не готова палатка для конторы?

— Товарищ Фунтиков, — с обидой в голосе сказал бригадир, — вы же сами велели сперва народ жильем обеспечить...

Мужчина махнул рукой.

— Да мне-то что, я свой стол могу и посреди пустыши поставить, мне не привыкать. — Он улыбнулся. — Но вот наши ханум — существа хрупкие...

Я сначала не понял, про каких еще «ханум» он говорит, и лишь когда мы соорудили поодаль от палаточного городка брезентовый шатер, на котором тут же появилась вывеска: «Управление строительства Сарданской ГРЭС», и в шатер этот потянулись женщины, одетые по-мужски, с чертежными приборами и пишущими машинками, я догадался, что это, верно, именно их имел в виду высокий мужчина. Они обращали на себя внимание и громкими голосами, и какой-то хозяйской, твердой, совсем не женской походкой. Я бы сказал, что в своих кирзовых сапогах они топали, как лошади...

— Это кто же такие? — спросил я Забира-бригадира.

— Ну, если посчитать, что контора — штаб строительства, то это штабные офицеры.

— А этот, длинный, с которым вы недавно разговаривали?

— А это начальник штаба. Скажем — генерал...

Стройка набирала размах и темпы...

Я был официально оформлен подсобным рабочим в бригаде Забира-ака.

Наступил день получки. Хуриддин еще с утра начал канючить:

— Это ведь твоя первая зарплата у нас? Так просто грех ее не обмыть!

Он напомнил мне об этом и после того, как все мы расписались в бухгалтерской ведомости. А я и не возражал. Правда, на руки мне выдали не бог весть какую сумму, но это были деньги честные, заработанные в поте лица, и я даже решил, что все их потрачу на скромный той, а до следующей получки как-нибудь перебысь: нельзя же было ударить в грязь лицом и перед Хуриддином, и перед другими ребятами.

Однако устроить той оказалось не так-то просто. Ближайший магазин находился от нас километрах в десяти, и открыт был только в то время, когда и мы работали. Уйти с участка в разгар рабочего дня мне бы, конечно, никто не разрешил. Тогда я надумал отправиться туда спозаранку, чтобы вернуться как раз

к завтраку, а вечером и попить. Но сами знаете, стоит только человеку задаться какой-нибудь благородной целью, как на пути к ней тотчас вырастут неодолимые препятствия...

В первую же ночь после получки нашу бригаду послали на дальний разъезд разгружать товарняк со стройматериалами. Станция не смогла его принять, потому что была забита другими составами. Грузы текли на стройку полноводной рекой, готовой выйти из берегов...

Только к следующему вечеру мы возвратились в свои палатки. Мадно, подумал я, вот оснуд малость — и в путь. Если встану в четыре утра, то успею обсернуться до восьми.

Но лишь коснувшись подушки, я заснул как убитый и поднялся вместе со всеми, в семь... О походе в магазин нечего было и думать.

А Хуриддин все тормозил меня.

— Ну, друг, где же твой той? Когда мы обмеем твою первую получку? Или ты хочешь второй дожидаться? И на обе сразу бригаду угостить?

Мне было неловко перед Хуриддином... Нет, я не могу сказать о нем ничего дурного. Это был честный, хороший парень, верный товарищ и работал — дай бог каждому, и когда рассказывал какую-нибудь байку, мы покатывались с хохоту. Одна у него была слабость: он любил иногда что называется заложить за воротник. А стоило ему чуть выпить, как он становился невыносимо болтливым, мог любого заговорить и нес обычно такую ахинею, что хоть затыкай уши.

Обычно он доставал водку у шоферов, ездивших на станцию, и в ближайшие города, выдувал ее тайком от бригадира, и мне немного наливал, каждый раз предупреждая: «Только гляди, никому ни слова!».

Да ведь шила в мешке не утаишь. Достаточно было Забируака с минутой послушать Хуриддина, и он, усмехаясь, покачивал головой.

— Ой, что-то опять разговорился наш дорогой Хуриддинджан. И где он только раздобыл ее, пропади она пропадом? Спасайте, братцы, я от него оглохнул!..

Взяв листок бумаги, бригадир, как умел, изображал на нем большое ухо и вручал рисунок Хуриддину.

— Вот теперь болтай, сколько душе угодно. Это ухо не устанет от твоих пьяных излияний...

Не дождавшись от других должного внимания, Хуриддин подзывал меня, и я должен был терпеливо выслушивать его беспорядочную исповедь. Если и я был малость навеселе, то не оставался в долгу и откровенно излагал историю своей жизни, заведомо

зная, что как только Хуриддин протрезвеет, так напрочь забудет обо всем сказанном — и им, и мной.

Мы иногда могли так изливать душу до самого утра. И на работу плелись вялые и сонные, как осенние мухи.

Забир-бригадир, видимо, предупредил шоферов, чтоб они не давали водки Хуриддину, и в последнее время они перестали принимать у него заказы на спиртное.

Вот потому-то Хуриддин так и наседал на меня с требованием обмыть первую получку.

Я не мог ему отказать. Да и перед другими ребятами я чувствовал себя должником. А самое главное — первая зарплата в бригаде Забира-ака была для меня таким торжественным событием, что просто нельзя было его не отметить...

И я все-таки заставил себя встать пораньше. Правда, уже начало светать, но часа два в моем распоряжении оставалось.

Мой взгляд упал на мотоцикл Забира-бригадира, стоявший у входа в палатку. Водить мотоцикл я умел, и у меня мелькнула мысль: а что, если я смотаюсь на нем в Гулистан или Янгир, достану водки — хоть из-под земли, накуплю продуктов и приготовлю для ребят плов. Казана, правда, у нас не было, но имелось ведро, — бог с ним, плов можно сварить и в ведре.

Бригада еще спала, из палатки доносился залихватский храп Забира-ака. Следовало бы, конечно, разбудить его и попросить мотоцикл. Но было жалко нарушать его сон, да и рискованно, он может не разрешить мне отлучиться в город, начнет, пожалуй, допытывать вопросы: «А зачем тебе туда ехать? Что ты там потерял? А ты не думаешь, что можешь опоздать на работу?».

Ладно, решил я, он и проснуться не успеет, как я слетаю туда и обратно.

Взявшись за руль мотоцикла, я отволок его подальше от палатки, — чтобы треск мотора не разбудил ребят. Мотоцикл был тяжелый, а я дотащил его чуть не до дороги и так взмок, будто все происходило в жаркий полдень, а не прохладным утром. Времени у меня оставалось мало, я быстро вскочил в седло и вихрем помчался в Гулистан. В городе было тихо, безлюдно... Я метался на мотоцикле от магазина к магазину, от чайханы к чайхане — на всех дверях висели еще замки.

Говорят, если уж тебе не повезет, то тебя и на верблюде укусит собака.

Издали я и не заметил офицера милиции, стоявшего на тротуаре. А он, видно, специально меня поджидал, и когда я поравнялся с ним, поднял руку:

— Гражданин! Стойте!

Это был капитан Хакимов... Я затормозил. Слез с мотоцикла. А капитан, узнав меня, вроде и не удивился, только нахмурился.

— Эркин-булбул!.. И правду молвится — мир тесен. Наверно, если бы меня в Африку послали работать, ты мне и там бы встретился. Ты чего это разъездился, людям спать не даешь?

Я промямлил:

— Да у меня тут... дела...

— Знаю я твои дела. Ну-ка, давай сюда свои водительские права.

— Это не мой мотоцикл.

— Так... Угнал, значит? Жизнь так тебя ничему и не научила?

— Да не угонял я!— В голосе моем слышалось отчаяние.— Я взял этот мотоцикл на время у своего бригадира. Это его лошадка...

Я видел, что Хакимов не верит ни одному моему слову. Усмехаясь скептически, он сказал:

— Ну, ну, заливай дальше. У тебя это всегда здорово получалось.

Я закатил глаза.

— О, аллах великий, ниспошли удачу этому человеку! Произведи его поскорей в майоры — может, он тогда станет добрее.

Хакимов засмеялся, а я, обращаясь к нему, горячо заговорил:

— Да провалиться мне на этом месте, если я вру. Это, действительно, мотоцикл моего бригадира. Я ведь работаю, честное слово, работаю, товарищ капитан! Строю Сарданскую ГРЭС. Не верите — поедemте со мной, сами во всем убедитесь.

На лице Хакимова все еще было написано сомнение, и я принялся торопливо рассказывать ему обо всем, что приключилось со мной после нашей последней злополучной встречи. Не утаил я и цели своей сегодняшней поездки в Гулистан.

— Надо ж мне угостить ребят с первой полочки, верно? Честно скажу, бригадир не знает, что я воспользовался его мотоциклом... Бог с ним, пусть узнает. Зато и вы узнаете, что я теперь честный труженик...

Наверно, Хакимову самому было интересно убедиться в том, что я, наконец, устроился на работу, он взглянул на свои часы и решительно произнес:

— Ладно, гони в свой палаточный городок. На месте во всем разберемся... если ты, конечно, не пускаешь мне пыль в глаза.

— Да не пускаю, не пускаю! Садитесь сзади, я вас мигом домчу куда надо.

Мне хотелось показать ему, что хотя у меня и нет водитель-

ских прав, но управляюсь я с мотоциклом не хуже настоящего гонщика.

Поднимая клубы пыли, мотоцикл устремился к палаточному городку.

Я лихо притормозил возле нашей палатки, из нее на шум высыпали ребята во главе с Забиром-бригадиром. Все недоуменно воззрились на меня и Хакимова: с чего бы это милиционер сюда пожаловал?

Я подвел Хакимова к Забиру-ака.

— Вот мой бригадир. Он вам подтвердит каждое мое слово.

Капитан и бригадир поздоровались, Хакимов кивнул на мотоцикл:

— Это ваш?

— Мой... — Забир-ака перевел на меня сердитый взгляд — Это ты на нем ездил?

— Он вашего коня совсем загнал. Потрогайте-ка мотор...

Бригадир прикоснулся к мотору и отдернул руку.

— У, какой горячий! — И снова посмотрел на меня. — Зачем тебе понадобился мотоцикл, Эркинджан?

Я переминался с ноги на ногу, отводя взгляд в сторону. Забир-ака повернулся к Хакимову:

— Он натворил что-нибудь, товарищ капитан?

— Да нет — если не считать того, что раскатывал по Гулистану с утра пораньше, не имея водительских прав...

Я попытался объяснить, как все случилось, и после первых же моих слов бригадир набросился на Хуриддина:

— Это все твои штучки! Это ведь он для тебя водку искал, а? Ты что, обойтись без нее не можешь?

— Да я что? — У Хуриддина бегали глаза. — Я только напомнил Эркину после получки об одной старой доброй традиции... Он и сам хотел поставить бригаде угощение. От чистого сердца... Ну, взял у тебя мотоцикл, — единственный из бригады, Хуриддин был на «ты» с Забиром-ака, — ну, сгонял в город. Стоит из-за таких пустяков шум поднимать!

Хакимов, прислушиваясь к этой перепалке, внимательно разглядывал ребят из моей бригады, потом он каким-то задумчивым взором окинул расстилавшуюся вокруг степь, всю в отметинах начавшейся стройки; выражение его лица постепенно смягчилось, ему уже все было ясно, и лишь для проформы он спросил у Забира-бригадира:

— Так, Эркин-булбул у вас работает?

— У нас, — кивнул бригадир. — Только для нас он — Эркинджан...

— И давно он тут?

— А мы все здесь недавно. Вот на днях Эркинджан получил свою первую зарплату. Пока он у нас числится разнорабочим, вроде как в учениках ходит, но, думаю, скоро он станет полноценным членом бригады. Он мне рассказывал о вас, товарищ капитан. И я рад познакомиться с вами...

— Так вы им довольны?

— Ну, ангелом его не назовешь...— Бригадир покосился сначала на мотоцикл, потом на меня, и я понял, что сегодня-то он не очень мной доволен.— Но он старается...

Хакимов протянул мне руку.

— Поздравляю тебя, Эркинджан, поздравляю! Строитель — это почетное звание. Гляди, не урони его... Мне бы, конечно, следовало наказать тебя за самовольную езду на чужом мотоцикле, но уж ладно, прощаю на этот раз. Главное, что ты нашел свое место в жизни...

Я только вздохнул. Сам-то я в себе не слишком был уверен и вряд ли смог бы убежденно сказать: да, вы правы, товарищ капитан, я обрел свое жизненное призвание и горжусь тем, что стал строителем, и вообще я не прежний шалопаи Эркин-булбул, а совсем другой человек...

Нет, я покревил бы душой, если бы так сказал.

Но мне было приятно, что я наконец-то чем-то угодил Хакимову, и с души у меня свалился камень, когда я услышал, что мне ничего не будет за «угон» мотоцикла.

Попрощавшись со всеми, Хакимов ушел ловить попутную машину.

За завтраком вся бригада оживленно обсуждала случившееся. А бригадир посматривал на меня хмуро. Сейчас его можно было сравнить с тучей, которая и благодатного дождя не несет, и солнца застит. Забир-ака ни в чем меня не упрекал, но от его взгляда кошки скребли на душе... И в глазах Хуридина я ловил немой упрек: что ж ты, братец, от тебя всего-то и требовалось — спиртного где-нибудь раздобыть, а ты с таким простым делом не справился.

Не выдержав, он проворчал:

— Какой он Эркин-булбул, он Эркин-сорока. Только трепаться мастер.

Ребята подхватили его шутку.

— Нет, он у нас Эркин-небезучий! Все у него шиворот-навыворот...

Все эти подкалывания попадали в цель, я сидел, кусая губы, и думал: ладно, погодите, я вам еще покажу, какой я беззучий, будет вам ваше угощение, и Хуридин не посмеет больше называть меня трепачом...

А Хуриддин продолжал разглагольствовать:

— Ты никогда не слышал, дорогой мой Эркин-сорока, о таком морском обычае: человека, который впервые плывет на корабле, пересекающем экватор, окунают в воду. Заруби себе на носу: все, что происходит впервые, положено обмывать...

Ах, как ему хотелось выпить!.. Бригадир, глянув на него, неодобрительно покачал головой, а я спросил:

— А кто не обмоет?

— Тому не будет удачи. Я добрый и продляю тебе срок до завтрашнего дня.

На этот раз мне повезло: после работы несколько человек снова отрядили разгружать очередной состав, привезший стройматериалы, я как разнорабочий оказался в числе грузчиков, мы трудились допоздна, и бригадир дал нам отгул. Ребята решили отоспаться всласть, а я прикорнул ненадолго, и утром, когда бригада ушла на работу, озираясь, подкрался к мотоциклу Забира-ака. Недаром же говорится: битому неймется. Мне казалось, что уж на этот-то раз я не попадусь и сумею всех обвести вокруг пальца. Бригадир, правда, надеялся меня перехитрить, повесил на мотоцикл пломбу, но я осторожно снял ее, запомнил цифру, маячившую на спидометре, дотащил мотоцикл до дороги, а там уж только меня и видел...

В Гулистане я набил покупками оба отделения хурджуна и возвратился восвояси, когда одни еще спали, а другие не успели возвратиться с работы. Никто и не заметил, что я отсутствовал несколько часов, — кроме Хуриддина. Убедившись, что я вернулся не с пустыми руками, он заговорщически подмигнул мне и радостно потер руки в предвкушении вечерней пирушки.

Я взглянул на спидометр: на нем было накручено больше двухсот километров сверх утренней цифры. Это меня не обескуражило, я вбил два колышка, пристроил на них мотоцикл и принялась вертеть колеса в обратную сторону. Это у шоферов называется «перемоткой». Цифры на спидометре стали стремительно уменьшаться, я «работал» до тех пор, пока не выскочила цифра, стоявшая перед моей поездкой в Гулистан. Уф!.. Я облегченно вытер со лба пот тыльной стороной ладони и только тогда почувствовал, как вымотался, устал — не только физически, сколько от страха и тревоги, которые я испытывал все это время. Ведь в любую минуту кто-нибудь мог выйти из палатки (ну, Хуриддина-то я не боялся), не исключено было и неожиданное появление самого Забира-бригадира. Но все обошлось, пломба была возвращена на место, мотоцикл тоже, — никому и в голову не пришло бы, что я совершил на чем нелегальное путешествие...

Вечером, когда вся бригада была в сборе, Хуриддин знаком попросил внимания и, засучив рукава, жестикулируя и кривляясь, как плохой иллюзионист на цирковой арене, интригующим тоном проговорил:

— А сейчас, дорогие зрители, я покажу вам необыкновенный, невиданный фокус. Па-апрашу всех закрыть глаза! Так, спасибо. Вы откроете их, когда я скажу: «три». Итак, начинаю считать... Раз... Два...

Пока все стояли с зажмуренными глазами, я расстелил перед палаткой дастархан, притащил хурджун, который был у меня спрятан под одеялом, торопливо расставил бутылки, разложил закуску, а потом подскочил к «зрителям» и тоже закрыл глаза — как будто сам я к «фокусу», обещанному Хуриддином, не имел никакого отношения.

— Три! — сказал Хуриддин. — Можете открыть глаза. Ну, как вам мой фокус?

Когда ребята увидели дастархан с изобильным угощением, у них глаза полезли на лоб. Многие восторженно завопили: «Ур-р-ра!». Судя по всему, «фокус» произвел большое впечатление на бригаду. Лишь Забир-ака вроде заподозрил что-то неладное, он метнул на меня быстрый взгляд и кинулся к своему мотоциклу. Но все было в порядке, и бригадир подошел к нам, широко улыбаясь.

— Ну, ты даешь, Хуриддин! Откуда эта роскошь — с неба, что ли, свалилась?

— Фокус! — только и сказал Хуриддин. — И должен заметить: когда ешь виноград, не спрашивай, где он вырос.

Я скромненько помалкивал. Многие, наверно, догадывались, что обильный дастархан — это моих рук дело, но мне лично достаточно было самого сознания, что я выполнил свой долг перед бригадой.

II

Как я сейчас понимаю, место, выбранное под строительство Сарданской ГРЭС, обладало и своими достоинствами, и своими недостатками.

Близко находились вода и газ, в которых нуждалась стройка и будущая ГРЭС. Неподалеку же пролегал и автомагистраль, и железная дорога, что представляло немалые удобства: легко было доставлять грузы на строительные участки.

В то же время ГРЭС предстояло возводить посреди пустыни, открытой для лавы солнечных лучей, со всех сторон обду-

ваемой могучими ветрами, негладкой и бездорожной... А почва? Большею частью это были непрочные, вязкие солончаки.

Если летом мы страдали от невыносимой жары, то поздней осенью нас стали донимать дожди, стояла непролазная грязь, сделаешь шаг — увязнешь по колено, словно в болоте, вонзишь в землю кетмень — все лицо тебе забрызгает жидкая грязь... Когда же задували сильные ветры то со стороны Хаваста, то из глубины пустыни — невозможно было открыть глаза. Иногда порывами ветра чуть не сносило наши палатки, мы их с трудом удерживали, вцепившись в брезент всей бригадой.

Впрочем, палатки отживали свое. Приближалась зима — с буранами и стужей.

Мы теперь соорудили деревянные бараки, рыли землянки, ставили вагончики.

Помню, когда мы еще вбивали первый колышек, Хуридин торжественно процитировал Пушкина: «Тут будет город заложен...». Но до закладки города было еще далеко, в пустыне разворачивались пока подготовительные работы, и то, что мы строили, это, конечно, было жилье временное...

Нам, первостроителям, приходилось особенно тяжело. Рабочих рук на стройке было еще мало, и нас постоянно отвлекали от нашего основного дела: сооружения жилых помещений.

Одной из главных помех на стройке было бездорожье, и чем дальше, тем больше оно давало себя знать. Когда все вокруг развезло, то для шоферов, мало знакомых со здешней местностью, круто просоленные трясины стали прямо-таки ловушками, жидкое месиво затягивало, засасывало машины, и на выручку звали опять-таки нас, строителей, мы выволакивали машины из грязи, устилали топи толстыми ветками, длинными жердями.

Меня порой недоумение брало: если уж подвижная техника застревает, вязнет в пустыне, превратившейся в болото, то как же сюда будут доставлять стройматериалы и оборудование, необходимые для такой крупной стройки? А на железнодорожную станцию, на разъезды все прибывали и прибывали стальные конструкции, изготовленные металлургическими заводами нашей страны, цемент и другая ценная продукция.

Как скоро выяснилось, страхи мои были напрасными, наши инженеры все продумали.

К зиме на всех участках закипела работа, и началась она со строительства дорог и рытья каналов. На это была брошена вся техника.

Мой взгляд часто задерживался на тех участках, по которым должна была пройти трасса основного канала, — она легко уга-

дывалась по длинному ряду экскаваторов, вгрызавшихся в землю: издалека казалось, будто они отвешивают земле низкие поклоны. Людей там совсем не было видно. Да и что бы могли сделать люди без мощной современной техники, сколько времени они прокопались бы, роя канал, если бы были вооружены лишь кетменями, и сколько понадобилось бы здесь народу? А кетменей? Ведь наш канал, по длине и размерам, не уступал, пожалуй, Большому Ферганскому...

Дороги строили хоть и ускоренными темпами, но на совесть. Это, собственно, были шоссе, асфальтовые и бетонные. Широкие — и очень прочные. Словно отростки виноградной лозы, они тянулись к железнодорожной станции, к реке, к автомагистрали...

Мы, «градостроители», продолжали исполнять роль мастеров на все руки. Нас перебрасывали с одного «узкого» участка на другой, и мы, прерывая свою основную работу, то помогали протягивать через пустыню подсобную железнодорожную ветку, то размещали на открытых базах трактора, плитовозы, экскаваторы, грузовики, самосвалы и другую технику, то ладили площадки для прибывающего оборудования и стройматериалов и, естественно, занимались их разгрузкой, то устраивали навесы для хранения цемента.

А когда всюду развернулось сооружение каналов и дорог, нам поручили строить деревянные мосты через ручьи и арыки — там, где нельзя было проложить трубы или использовать железобетон.

— Живес, молодцы, живее! — торопил нас начальник строительства Фунтиков, когда мы перекидывали мост через один большой ручей, и работа застопорилась; казалось, нет на стройке более важного объекта, чем этот мост. — А ну, поднатужьтесь, поднажмите! Мост позарез нужен стройке, чем быстрее вы его сладите, тем скорее пойдут по нему колонны автомашин!

Но как мы ни спешили, а прежде чем по нашему мосту прошли автомашины, на него обрушился жесточайший буран. Он, как спички, разметал в разные стороны уже уложенные нами бревна, под напором ветра они катились по земле со скоростью бочек, пущенных вниз по горному склону. Мы побежали за ними, пытаюсь догнать, а когда уже ухватились за них, то ветер и нас повалил и поволок куда-то вместе с бревнами.

Буран все свирепел, и впору было думать не о бревнах, а о том, как нам самим спастись. Труды наши пошли прахом, но бог с ними, мост-то можно будет потом восстановить. А с бураном шутки плохи. Если уж он швырялся, как мячиками, толстыми бревнами, то с нами-то справиться ему ничего не стоило.

Такие мысли одолевали, наверно, каждого из нас, мы оставили затею с бревнами, крепко ухватившись друг за друга, прижавшись к земле, поползли против ветра к мосту и укрылись под его остатками.

Мы сидели бок о бок, подобрав к подбородку колени, и боялись пошевелиться, а вокруг бесчинствовал ветер, завывал по-волчьи, свистел разбойно...

Но это были цветочки, ягодки ждали нас впереди... Не успел утихнуть буран, как по земле забарабанил град. Он, казалось, не падал с неба, а встал сплошной белой стеной от земли до свинцово-тяжелых туч, ничего кругом нельзя было различить, слышался лишь шелестящий грозный шум, градины долетали и до нас, били в лица, как пули, выпущенные из автомата. Резко похолодало... Мы по-прежнему сидели съжившись, не решаясь высунуть нос из-под моста, нас колотила дрожь, всем нам грозила опасность превратиться в ледяные статуи.

— Надо уходить отсюда,— сказал Забир-бригадир,— не то замерзнем. Хоть ползком, а мы должны добраться до наших палаток.

— Вай, чудак-человек,— отозвался Хуриддин, стуча от холода зубами.— Ты еще надеешься, что на месте осталась хоть одна палатка?

— Мы их на совесть ставили.

— Да перед таким бураном и каменный дом не устоит! И разве в палатке согреешься?

— Есть же и землянки...

— Нет, бригадир, у нас только один путь к спасению: обратиться за помощью к белоголовому аксакалу. Он не раз меня выручал в дождь и в стужу.

Забир-ака с подозрением посмотрел на Хуриддина.

— Ты не бредишь, братец? Какой еще аксакал?

— А вот какой!— И Хуриддин с ловкостью фокусника вытащил из-за пазухи припасенную впрок бутылку водки.— Лучшее согревающее средство! Предупреждает насморк, простуду, грипп, воспаление легких и т. д. и т. п.— Откупорив бутылку, он сделал из горлышка несколько быстрых глотков и передал посудину мне.— Выпей. Только не жадничай, другие тоже нуждаются в этом лекарстве. Норма: каждому по два глотка.

Все по очереди приложились к бутылке, Хуриддин поглядел, сколько в ней осталось водки, и протянул ее Забиру-бригадиру.

— Хотя ты, бригадир, и не жалуешь белоголового аксакала, но от души советую, ради твоей же пользы, поцеловаться с ним крепче, сам же потом и ему, и мне спасибо скажешь...

Хотя наш Забир-ака принципиально не брал в рот спиртного, но на этот раз не стал демонстрировать свою гранитную принципиальность, молча взял из рук Хуриддина бутылку, допил оставшуюся водку и швырнул бутылку в ручей, загустевший от града. Вместо всплеска до нас донесся какой-то шуршащий звук...

В это время рядом послышался чей-то громкий зов:

— Эй! Есть кто там?

Оказалось, Фунтиков разослал повсюду вездеходы со спасательными группами.

Вездеходы доставили нас в палаточный городок, который теперь с полным правом можно было назвать «бывшим». Хуриддин как в воду смотрел: от палаток и следа не осталось, ветер сорвал их и унес в неизвестном направлении.

Есть такая поговорка: если буря подняла в воздух верблюда, то и козу свою ищи в небесах. Вместе с палатками исчезли и постели наши, и все пожитки...

Но эти наши потери и в счет не могли идти по сравнению с тем, что натворили буран и град на территории строительства. Уцелели лишь объекты, сработанные фундаментально, так сказать, на века, ну, и вся наша техника оказалась не по зубам разгулявшейся стихии.

Все же руководство стройки извлекло из происшедшего должный урок, и Фунтиков, собрав все бригады, выступил перед нами с короткой речью.

— Друзья, не будем ждать немилостей от природы, а постараемся посолидней от них застраховаться. У нас все равно было запланировано строительство капитальных домов, мы хотели до этого провести все общие подготовительные работы — кто ж знал, что зима нагрянет раньше обычного. Теперь мы вынуждены пересмотреть плановые сроки и уже с завтрашнего же дня приступить к возведению города строителей и эксплуатационников. Будет город, будет у нас и больше рабочих рук. — Он чуть лукаво улыбнулся. — Не все же романтики, не всех влекут трудности и неудобства...

Мы, наконец, стали работать по своей основной специальности: сооружать не временные жилища, а красивые, уютные, современные дома.

Самим нам пока пришлось мириться с неудобствами: после бурана все расселились по баракам, вагончикам и землянкам, и мы и для себя вырыли землянку, глубокую и просторную, утеплили ее, и началась для нас новая жизнь...

А я часто вспоминал, как теснились мы под мостом, пережидая буран и град, и думал: а что было бы, если бы я в такую

непогоди очутился в пустыне один-одинешенек? Бр-р, и представить-то страшно...

Нет, что там ни говори, а в бригаду я попал хорошую, дружную. Вот уж, действительно, крепкая семья...

Семья...

Мне все чаще вспоминалась мама. Я ведь по-своему любил ее. И скучал, конечно...

III

А мама моя все жила у брата, на попечении Мохинисо, и уже знала, где я работаю. Я отправил ей со стройки несколько писем (кое о чем в них все-таки умолчал), она мне ответила, рассказала, как ей живется. Так что я за нее был спокоен.

Но после бурана мне страх как захотелось увидеть маму. Ведь уже есть чем перед ней похвалиться... По улицам родного Ташкента я вправе был пройтись с гордо поднятой головой: я работаю на такой важной стройке!.. Ох, думал я, удивятся же и мои родные, и мои дружки...

Я рассказав о моем намерении Забиру-бригадиру, попросил отпустить меня на несколько дней, он только понимающе кивнул головой и предложил мне ехать в Ташкент на его мотоцикле. На руках у меня была трудовая книжка с записью о месте работы, так что я мог не бояться ни участкового Аллаярова, ни моего давнего недруга Бердыева. Я дождался следующей полочки, закупил подарков — для мамы, невестки и брата (чтоб задобрить его), попрощался с ребятами и бригадиром (сколько сердечных напутствий я от них услышал!), оседлал мотоцикл Забира-ака и помчался в Ташкент.

Я заранее радовался тому, что увижу, наконец, маму, и с каким-то злорадным удовольствием представлял себе возможную встречу с Бердыевым и Аллаяровым. Если что, помашу перед их физиономиями своей трудовой книжкой, со всеми нужными штампами и подписями, ну и для пушей важности могу и Маяковского пересфразировать «Читайте, завидуйте, я — строитель Сарданской ГРЭС!».

IV

В Ташкент я приехал в замечательном настроении. Ведь как ни проклинал порой новую работу, но в глубине-то души понимал, какие преимущества она мне дала...

Разве бы мог я ворваться в свою махаллю с видом победителя, если бы по-прежнему торговал исырком или дынями?.. Я

ведь и тогда считал, что честным трудом добывал себе кусок хлеба, да только между тем трудом и нынешним была большая разница.

Улицы Ташкента были все в снегу, он начал подтаивать, и от колес мотоцикла разлетались серые хрусткие комья. Сизый дымок струился за ним, на его треск из дворов высыпали ребяташки, я-то узнал многих из них, но они смотрели не на меня, а провожали завистливыми горящими взглядами мою машину. Некоторые озорно кидали вслед снежки, один угодил мне в спину, он был тяжелый, твердый, сразу чувствовалось, что он слеплен из сырого снега. Я остановил мотоцикл, с притворной угрозой оглянулся на мальчишек. Кто-то крикнул:

— Ребята, да это же наш Эркин-ака!..

Ребята тотчас окружили меня галдящей стаей, засыпали вопросами:

— Эркин-ака, это ваш мотоцикл? Вы меня покатаете?

— Где вы пропадали, Эркин-ака?

— Вы насовсем приехали?

Мальчишек моей махалли я любил, часто даже на равных участвовал в их забавах, охотно удовлетворял их бездонную любознательность (хотя сам-то знал не так уж много); вот и теперь я еле успевал отвечать на их вопросы.

Первым, как на уроке, поднял руку Камиль Дурдыев, мальчишка живой и смысленый, не в отца.

— Дядя Эркин! Нам в школе говорили про вашу ГРЭС. Она большая? Больше Днепрогэса, да?

Я на стройке успел уже нахвататься кое-каких сведений про нашу будущую электростанцию и ухмыльнулся горделиво.

— Днепрогэс!.. Да наша махина будет в несколько раз мощнее. Она разве что Братской ГЭС уступит, да и то малость. Мы строим Дворец Света. От Сарданской ГРЭС потянутся провода далеко-далеко, и по ним польется энергия во все концы страны, в тысячи домов, фабрик, заводов...

— А какая она из себя, эта электростанция?

— Ну... ее ведь никто еще не видел. Мы ее только начали строить.

— А вы нас свозите на стройку?

Я засмеялся.

— На мотоцикле, что ли? Да вы на нем все вряд ли умчитесь. Вот подрастете немного, и я приеду за вами на большом грузовике, и покажу вам первые энергоблоки, и, как знать, может, кто из вас захочет тоже работать на стройке, и вы вольетесь в ряд создателей света — Нурджанов и Нурхан.

Кто-то разочарованно вздохнул.

— Э, когда мы подрастем, электростанция уже будет построена.

— Нет, братцы, чтоб возвестить такую громадину, потребуется не один год.

Долго я еще «просвещал» ребятшек, разливался, как соловей, несколько преувеличивая свою собственную роль на стройке, рассказывая о том, что видел собственными глазами, и о чем знал лишь понаслышке; мальчишки слушали меня, затаив дыхание, не сводя с меня восторженных взглядов, и я млея от самодовольства...

Но надо было спешить к маме. Я застал ее лежащей на тахте в столовой. Она не сразу осознала, что происходит, а когда я бросился к ней, в глазах у нее вспыхнула радость, а по бледным морщинистым щекам полились слезы. Она попыталась приподняться на тахте, я обнял ее, просяще сказал:

— Лежите, мама, лежите...

Сев рядом, я наклонился над ней, вглядываясь в черты дорогого лица, а она гладила мою голову худыми иссохшими руками и говорила сквозь слезы:

— Сыночек, ягненок мой... Где же ты пропадал так долго? Я уж извелась вся... Думала, навеки закрою глаза, так больше и не повидавшись с тобой. Но, слава аллаху, ты дома, ты со мной...

В это время вернулась невестка, сгибаясь под тяжестью битком набитых сумок. Она, видно, ходила по магазинам. Когда она освободилась от покупок, я поздоровался с ней, а она всплеснула руками, и из меня обрушился град восклицаний и вопросов.

— Эркинджан! Вы ли? Где же вы были все это время? Почему вестей не подавали? Мы уж не знали, что и думать. Вдруг исчезли, никого не предупредив... Боже, как вы возмужали!..

С улицы прибежали мои племянники, их мое появление в доме ничуть не удивило, у них были свои интересы.

— Дядя Эркин, это ваш мотоцикл на улице?

— Вы нас покатаете?

Я обещал им прогулку на мотоцикле, и они радостно завопили:

— Ур-ра-а!

Из прихожей послышался сердитый голос:

— Эй, что вы там расшумелись? Бабушке покой нужен...

Это пришел брат. Ребятишки кинулись ему навстречу, прижались теребить его.

— Папа, папа! А кто к нам приехал!.. С вас суюнчи! А вы мотоцикл видели? Дядя Эркин обещал покатавать нас...

Весть о моем приезде не слишком-то обрадовала брата, войдя в комнату, он бросил на меня взгляд исподлобья и командовал своим отпрыскам:

— А ну, марш в свою комнату! Раскричался тут...

Судя по его хмурому виду, он с удовольствием дал бы сунучи, если бы ему сообщили, что я уехал за тридевять земель.

Мать, обращаясь к нему, попросила:

— Сынок, ты бы поздоровался с братом.

— Шайтан ему брат!— огрызнулся тот.— Ишь, явился, не запылится.

Пришлось сделать вид, что ничего не слышал.

До самого вечера я услаждал слух матери, которая была на седьмом небе от счастья, рассказами о стройке, о нашей бригаде, о своей работе. О своих промахах и недостойных богатыря-строителя поступках и мыслях я, конечно, умолчал, чтобы не расстраивать маму, да мне и неприятно было бы вспоминать об этом и не хотелось, чтобы брат надо мной злорадствовал. Он, надо сказать, проявил удивительное терпение, даже позволил Мохинисо покормить меня и лишь с наступлением сумерек (зимой они не заставляли себя ждать) наемкнул, что мне уже пора возвращаться восвояси. Да мне и недосуг было рассиживаться — меня ждали Забир-ака, ребята из бригады. Главное, я повидал мать, и она осталась мной довольна...

Уж теперь, надо полагать, ее здоровье быстро пойдет на поправку...

Глава пятая

I

Из всех ребят в бригаде я крепче всех сдружился с Хуридином. Мало того, что он заботливо опекал меня, поддерживал в трудную минуту,— у нас оказалось много общего и в характерах, и в судьбах.

— Я в конце войны родился,— рассказывал он.— Отец умер от ран, я остался на руках у матери. Время, сам знаешь, было тяжелое, случались дни, когда в доме совсем не было еды. Мать себя не жалела, а меня как-то ухитрялась прокормить, отдавала мне что называется последнюю крошку хлеба. Выходила, вырастила... И не дождалась дня, когда я сам начал зарабатывать на хлеб. Голодные годы надломли ее, и она угасла, как свеча, когда я еще учился в школе. Школу пришлось бросить, я подался в строители... Ох, Эркин, была бы сейчас жива

мама, как бы я заботился о ней!.. Дастархан ее ломился бы от вкусной еды. Нет на свете ничего дороже матери, Эркин...

Он не мог удержаться от слез, когда говорил о своей матери. И если я вспоминал про свою маму, глаза его тоже наполнялись слезами.

Со всеми подробностями я описал ему свою поездку в Ташкент, поведал и о том, как встретил меня старший брат.

— Твой брат — жестокий, бессердечный человек, — решительно отрубил Хуриддин. Но, подумав немного, смягчил свою оценку: — Хотя ведь и его можно понять. Ты-то ведь не отличался примерным поведением, верно? Вот он и переживал за тебя. Сам знаешь, после смерти отца вся ответственность за судьбу младшего брата ложится на плечи старшего. Твой брат и боялся, как бы ты не пошел по кривой дорожке.

— Он терпеть меня не может!

— Да, конечно, он мог бы быть к тебе и добрее. Но ты все же старайся поменьше его огорчать. Хотя бы из уважения к матери. Ведь это он ее содержит, это его жена ухаживает за ней...

— Теперь я тоже буду помогать ей деньгами.

Надо сказать, что советы Хуриддина не прошли для меня даром. В каждом письме к маме я просил ее передать привет брату. А деньги я посылал на имя Мохинисо, ведь она вела хозяйство, и, зная ее порядочность, я был уверен, что она на мои деньги купит маме и необходимые лекарства, и всякие яства, чтоб приготовить из них любимые мамины блюда. Купит, не отчитываясь перед братом...

Хуриддин придирчиво следил за тем, чтобы я вовремя отправлял маме и письма, и переводы. Он даже требовал, чтобы я показывал ему квитанции на переводы, и всегда внимательно их просматривал. А мне посоветовал:

— Ты квитанции-то сохраняй.

— Ты что, думаешь, на почте могут присвоить мои деньги?

— Нет, я так не думаю. Квитанции ты берегай, чтоб потом брат не мог к тебе придрататься. Ведь если он такой, каким ты его рисуешь...

— А зачем мне на него напраслину возводить?

— Вот я и говорю: если он такой, так можешь не сомневаться, он обязательно когда-нибудь заявит: а ну-ка, Эркин, раскошелейся, ведь пока ты жил в свое удовольствие, я кормил мать, она была на моем иждивении...

Я искренне возмутился:

— Мать только живет у него, пока больная. А деньги у нее и самой есть, да и я ей посылаю...

— А как ты это докажешь, если будешь выбрасывать квитанции?

Пришлось согласиться с Хуриддином, ведь, как и говори, братец мой на многое способен. И «бумажки» эти, надо сказать, очень скоро мнегодились.

Работа в бригаде шла своим чередом. Живя по-прежнему в землянке, мы возводили кирпичные дома на одном из участков будущего города. В отличие от моих товарищей, разряда у меня еще не было, я числился разнорабочим, со своими обязанностями справлялся вроде неплохо, успел уже набить руку; ребята мною были довольны и пользовались любым удобным поводом, чтоб похвалить меня, хотя вряд ли я всегда заслуживал, и бригадир Забир-ака, который славился своей строгостью и требовательностью, за последнее время не сделал мне ни одного замечания. Я и сам этому удивлялся...

И вот в один из дней, когда я заполнял котлован под фундамент раствором бетона, меня вызвали в отдел кадров. Я шел и ломал голову: зачем бы это я понадобился нашим «кадровикам»?.. Кто-нибудь «телегу» на меня покати? Но кто? И в чем можно было меня обвинить? О моем прошлом, и о суде, и о его решении, в отделе кадров уже знали. С милицией я все свои дела вроде урегулировал. И на работе все в порядке....

Но инспектор по кадрам встретила меня холодно и неприятно и учинила форменный допрос.

— У вас есть мать?

— Да.

— Она прописана на вашей площади?

— Да, но живет пока у брата. За ней нужен уход, она недавно перенесла тяжелую болезнь.

— Но вы ведь тоже обязаны ей помогать?

— Я помогаю. Посылаю ей деньги. Правда, на имя жены брата...

— Вот как? А ваш брат пишет, что, оставив мать на его попечение, вы забыли о ней, не оказывали ей материальной поддержки.

— Меня будто кипятком обдало.

— Как это не оказываю? Да я матери всю зарплату готов отдавать.

Да, недаром Хуриддин ждал от моего брата какого-нибудь подвоха. Уверенный в том, что я по беспечности и легкомыслию не сберегаю квитанций на переводы, отправляемые матери, он надумал содрать с меня еще денежки — сверх тех, которые я выделял для матери из каждой получки, и послал на имя само-

го начальника строительства Фунтикова письмо, где жаловался на мое «равнодушие» и «черствость» по отношению к родной матери. Из письма явствовало, что я удрал из Ташкента, бросив больную мать на произвол судьбы, и не присылаю ей ни копейки, а все свои деньги пускаю на ветер. В конце письма он интересовался, какую зарплату я получаю на стройке — хоть дома я рассказывал о своих заработках, пока скудно-ватых.

«Наш Хуриддин — пророк!» — подумал я про себя, сбегал в землянку и принес в отдел кадров квитанции на денежные переводы. Строгая девушка инспектор внимательно просмотрела их и покачала головой:

— Есть же такие люди... — это явно относилось к брату. — Извините, товарищ Акбаров, что я вас потревожила. Но письмо вашего брата передал мне в отдел товарищ Фунтиков, и мы должны были его проверить. Ступайте, работайте. Я доложу обо всем начальству.

Мне и в голову не могло прийти, что начальник строительства запомнит эту историю, которая касалась какого-то разнорабочего... Но когда он однажды появился у нас на строительной площадке, то, поговорив о чем-то с Забиром-ака, подозвал меня к себе и спросил:

— Так это ты Эркин Акбаров? Как здоровье твоей матери?

— Ей сейчас лучше.

Он смотрел на меня оценивающе, а я, вспомнив о письме брата, торопливо напряженным голосом проговорил:

— Товарищ Фунтиков, все, что писал вам мой брат, это клевета! Я матери все время посылаю деньги...

— Знаю, знаю, — кивнул Фунтиков. — Но разве дело только в деньгах? Ведь ты младший сын, это твоя обязанность — обеспечить в старости покой своей матушки. У старшего-то семья и так большая: жена, дети...

— Да я хоть сейчас готов привезти сюда мою маму, только где ей жить? Не в землянке же... И она еще не совсем поправилась...

— Ты любишь свою мать?

— А как же!..

На лице Фунтикова мелькнула добродушная, удовлетворенная улыбка.

— Прости, Эркинджан, это я тебя испытывал. Сам знаю, не можешь ты пока взять к себе свою матушку. Придется малость потерпеть... Вот завершим строительство города и постараемся выделить тебе однокомнатную квартиру.

Я чуть не подпрыгнул от радости.

II

О Фунтикове я на стройке успел уже наслышаться. Он слыл руководителем опытным, знающим, у него перед страной было немало заслуг.

Почти всю жизнь провел он на колесах, мотался из конца в конец необъятной нашей земли, и трудно представить и упоминать, сколько под его началом сооружено электростанций, поселков и всяких других объектов.

Можно сказать, он и сейчас жил на колесах, только недвижимых. И рабочим кабинетом, и спальней служил ему обыкновенный вагончик, в каких ютились пока многие строители.

Но Фунтикова на стройке уважали и любили не только за его трудовые заслуги, но и за душевность, чуткость, доброту. Он умел найти «подход» к каждому человеку, знал по фамилиям чуть не всех строителей и не жалел времени для долгих, искренних, проникновенных бесед с рабочими.

Вот даже для разговора со мной, еще неоперившимся юнцом, он нашел несколько минут. Как я ему был благодарен за это!..

Теперь я уже не удивлялся тому, что даже наша «элита» — экскаваторщики, ребята малость заносчивые, спешили снять шапки, увидев Фунтикова. И это вовсе не было «культом личности» нашего начальника, просто все почитали его по-сыновьи, как старшего товарища, мудрого и заботливого. Не случайно еще ни один из строителей не попытался выпорхнуть из-под его крыла и перелететь на другую стройку. А легко ли удержать человека в пустыне, где летом на людей всюю жмет жара, донимают пыльные ветры, зимой — гуляют метели, вот вроде недавней, сорвавшей наши палатки и чуть не заморозившей нас под мостом...

За зиму мне довелось несколько раз встретиться и поговорить с начальником строительства, он расспрашивал меня о моей работе (а я уже кое-чему научился и получил первый разряд), о здоровье мамы, интересовался, хватает ли мне денег (ведь зарплата у меня была все еще урезанная), как я ими распоряжаюсь... Мое уважение к нему все росло, и мне страх как хотелось сделать для него что-нибудь приятное.

И когда наступила весна, я решил посадить вокруг его вагончика цветы. Множество цветов, которые радовали бы глаз.

Своими цветоводческими делами я старался заниматься в отсутствие Фунтикова. Он, правда, всегда был такой затюканный, что и не замечал цветников, которые я разбил, тем более что обычно и возвращался в свой вагончик поздно ночью, а

днем обходил строительные участки, вникая в каждую мелочь, или «заседал» с инженерами в штабе стройки.

Но если бы даже он и обратил внимание на мои цветы и спросил — чих рук это дело, я бы без зазрения совести сослался на бригаду: мол, это у ребят Забира-ака пробудился вкус к цветоводству.

По правде говоря, все обстояло как раз наоборот. Ребята отнеслись к моей затее с сомнением, а Забир-бригадир, видя, как я вожусь с цветами, только плечами пожимал.

— По-моему, Эркинджан, зря ты усердствуешь. Ну, посадил цветы, а дальше? Как ты их поливать-то будешь? Сам знаешь, воды тут и для питья не всегда хватает.

Это-то я знал. Мы с нетерпением ждали, когда будет завершено строительство канала, а пока приходилось довольствоваться водой, которую привозили на стройку в цистернах. Каждому доставалось совсем немного, грамм воды поистине был равноценен грамму золота.

Из бригады лишь один верный Хуриддин поддержал меня.

— Ты, бригадир, напрасно расхолаживаешь парня. Уж коль цветы посажены, неужто мы воды для них не найдем? Да если каждый по одному глотку сэкономит, так и то наберется целое ведро. Действуй, Эркин-булбул, действуй! Цветы в пустыне — какая это радость для человека. Глядишь на них — душа очищается... Вот посмотрите, наш Эркин еще всю пустыню превратит в цветник!

И цветы, взлелеянные мной, весело тянулись к солнцу. Я на них налюбоваться не мог, верно сказал Хуриддин: большая это радость — цветы в пустыне.

Как-то утром, когда я поливал свои цветы, ко мне подошла незнакомая девушка и, застенчиво улыбаясь, спросила:

— Вы не скажете, как мне найти товарища Фунтикова.

Я как глянул на нее, так лишился дара речи. В голове у меня помутилось, в глазах потемнело. Это было — как удар грома и вспышка молнии!.. Никогда еще со мной такого не случалось...

Девушка эта словно явилась из другого мира, где живут одни ангелы. Да нет, и ангелам было далеко до нее! Ее лучистые глаза прожгли меня насквозь, ее голос обволакивал меня, как теплая прозрачная волна. Стыдно вспомнить, как, заикаясь и краснея, сбивчиво объяснил я ей, где сейчас мог быть начальник строительства. Она тепло поблагодарила меня:

— Спасибо. Будьте счастливы.

И ушла — исчезла, растворилась в воздухе, как видение, а я долго еще стоял на месте, и в ушах у меня звучали слова: «Как

мне найти товарища Фунтикова, как мне найти товарища Фунтикова?». Казалось, это прокручивался, снова и снова, один и тот же кусок ленты в испорченном магнитофоне. «Будьте счастливы, будьте счастливы, будьте счастливы...»

Когда я появился в бригаде, Забир-ака, присмотревшись ко мне, с беспокойством спросил:

— Что с тобой, Эркинджан? Уж не заболел ли? А, может, тебя кто обидел?

— Не волнуйтесь, со мной все в порядке.

— Хм... В порядке... А чего ж у тебя лицо все пылает? Может, ты опять змею встретил, и она тебя ужалила?

— Да что ты привязался к человеку?— бригадира прервал Хуриддин.— Сказано же: все в порядке.— А сам отвел меня в сторону.— А ты и правда будто не в себе. Что с тобой?

Я шепнул ему в самое ухо:

— Я на земле — ангела встретил...

Догадливый Хуриддин наморщил лоб, вспоминая что-то.

— Погоди, погоди... Утром и я одного ангела видел, в образе весьма симпатичной девушки. Этот ангел направлялся к вагончику Фунтикова: Уж не он ли, — ангел, конечно, а не товарищ Фунтиков, — разбил твое сердце?

— Он, он!.. То есть — она. Значит, и ты ее видел? Правда ведь, прекрасней ее нет никого на свете?

— Ну, так уж и нет... Не обольщайся, красавицами наша земля еще не оскудела. Но для тебя, естественно, твой ангел — самый белокрылый. Ты ведь влюбился, да, да, влюбился с первого взгляда! Прямо как в песне поется «Как я ее увидел, так сразу полюбил...».

Надо же было Хуриддину напеть мне эту строчку! Она постоянно теперь вертелась у меня на языке, и что бы я ни делал: работал, обедал, бродил, сидел, лежал, — губы мои невольно шевелились, повторяя: «Как я ее увидел, так сразу полюбил». Мне даже снились эти слова, и во сне я распевал, как сладко-голосый хафиз: «Как я ее увидел...».

Совсем я лишился покоя, и все валилось у меня из рук.

Я однажды вычитал в журнале «Здоровье», что у человека, живущего нормальной, размеренной, бестревожной жизнью, частота пульса к вечеру сокращается. А у меня сердце билось теперь весь день, от восхода до заката, и ночью тоже, так часто и сильно, что я стал опасаться, как бы оно мне бок не протаранило...

А еще там говорилось, что наше сердце за сутки перегоняет по венам и артериям до двухсот тонн крови. У меня же было такое ощущение, будто с тех пор, как я повстречал девушку-

ангела, сердце мое за сутки выполняло месячную норму, и кровь не лилась по жилам, а кипела в них!

О моей «болезни» всю правду знал один лишь Хуриддин. Другие полагали, что я и впрямь захворал. Забир-бригадир даже посоветовал обратиться к врачу...

В одну из ночей, когда все в землянке спали, Хуриддин тихо спросил меня:

— А как зовут твоего ангела?

— Не знаю.

— А кем она работает?

— Не знаю.

— Может, хоть знаешь, где работает?

— Тоже не знаю. Ничего не знаю, кроме того, что она прекрасна и я ее люблю.

— Ну, тогда ты встретил не ангела и не земную девушку, а дочь джинна. Ты можешь хоть описать ее?

— Ты же ее видел.

— А вдруг не ее?

— Ну... она очень красивая!

— Да, исчерпывающее описание. Я и говорю: это дочь джинна, и она околдовала тебя, отняла у тебя разум. Откуда хоть она шла?

— Она спустилась с неба!

— На парашюте, что ли?

— Наверно, на крыльях...

— Так. Совсем спятил,— соболезнующе констатировал Хуриддин.— Учти: все нормальные девушки ходят по земле, а не летают. И у каждой из них есть лицо, глаза, брови, шея, руки и так далее. И все это можно более или менее точно обрисовать: щеки, мол, румяные, как маганганские яблоки, глаза, как две луны, брови черные, как смоль... А тебя твоя красавица так ослепила, что ты и вспомнить ничего не можешь. Вот, повторяю, выходи, что она дочь джинна, волшебница, и я советую тебе сходить к знахарю, пусть он прочтет подходящие к случаю заклинания и освободит тебя от злых чар.

— Иди ты!— сказал я.

Хуриддин обиженно отвернулся и вскоре захрапел.

А я провел еще одну ночь без сна.

Отвлекался я от своих дурманных мыслей, только работая и ухаживая за цветами.

Новый город поднимался, как на дрожжах, дома росли, словно грибы после дождя.

В них уже обосновались первые переселенцы, строители самой ГРЭС и будущие эксплуатационники. Мы, конечно, ду-

мали, что первыми вселимся в новые квартиры, уж мы-то имели на это полное право, но нас, как раз как старожилов, успевших притерпеться к местным условиям, попросили еще немного обождать...

Из коммунальных предприятий прежде всего, по указанию Фунтикова, был построен продовольственный магазин. Мы строили его с особой охотой и энтузиазмом, нам уже надоело из-за каждого пустяка мотаться на станцию или в ближайший (но по расстоянию совсем не близкий) городок... Автолавка же приезжала к нам лишь раз в неделю, да и то ненадолго, часто мы не успевали сделать все необходимые покупки, и меня посылали, обычно на мотоцикле Забира-ака, вдогон автолавке, спешившей обслужить другие участки.

Когда магазин открылся, мы были первыми его посетителями, удовлетворенно озирали переполненные прилавки, и только на лице Хуриддина читалось явное разочарование: при обилии бутылок молока и кефира полностью отсутствовали бутылки с вином. Оказывается, Фунтиков категорически запретил продавать спиртное...

— Ну, начальник, ну, удружил, — ворчал Хуриддин. — Закусок — завались, а что закусывать? Жратва без водки — это как мотоцикл без бензина. Кому такой нужен? Далеко на нем не уедешь. Товарищ Фунтиков еще пожалеет о том, что наложил вето на продажу драгоценной жидкости. Ну, накуплю я продуктов, так разве обойдусь без водочки? А ее нет... Ей-богу, дождется наш дорогой начальник, что люди начнут гнать самогон или лакать всякую дрянь. Выиграет он от этого, а?

Хуриддин оказался прав. Хотя Фунтиков и вызвал из Ташкента какого-то ученого дядю, который прочел нам лекцию «О вреде алкоголя», однако нужного действия она не произвела, и с открытием магазина, не торговавшего спиртным, пить на стройке стали больше. Воистину, запретный плод сладок. Обходя стройку, все чаще можно было теперь наткнуться на валяющиеся прямо на земле пустые бутылки из-под самых разнообразных спиртных напитков.

Пришлось начальству снять свой запрет, как бесполезный. Продуктовый магазин был переименован в «Гастроном», в нем появился и винный отдел, и вот чудеса-то — количество брошенных пустых бутылок на территории строительства сразу заметно поубавилось. И не потому, что их можно было теперь сдать в тот же магазин. Поскольку в нем теперь уже всего было вдоволь, в том числе и спиртного, то у людей, как говорится, «насытились глаза». Видимо, и начавшаяся жара отбавила аппетит к горьчительным напиткам. А если какой-нибудь завзя-

тый ханурик не унимался, то попадал в руки капитана Хакимова, которого назначили к нам начальником милиции.

Отделение милиции заняло часть здания, где разместились почта и телеграф.

Когда Хакимов прибыл на место новой работы, он вызвал к себе меня, расспросил подробно о житье-бытье, остался, видимо, доволен моим рассказом, и после того, как мы потолковали с ним по душам, как старые знакомые, о том, о сем, он попросил меня посадить цветы и возле его резиденции. Он уже видел клумбы у вагончика начальника строительства. И сам привез из Ташкента рассаду.

— Надеюсь, Эркинджан,— сказал он мне с улыбкой,— что ты весь наш город украсишь цветами. А понадобится помощь, ты только скажи, я выделю под твоё начало всех временных гостей нашей КПЗ. Ну, тех, кто схватил энное количество суток...— И доверительно сообщил:— Я, знаешь, думаю лозунг здесь выдвинуть: «Сделаем наш городок образцом культуры и коммунистического труда!». Как считаешь, поддержат меня новоселы и строители?

Меня подкупило то, что он серьезно советовался со мной о важном начинании, и я уверенно пообещал ему поддержку своей бригады.

На первых порах, пока в городке не было еще ни горсовета, ни даже поссовета, Хакимов являлся у нас единственным представителем местной власти. И он не ограничивался лишь прямыми обязанностями начальника милиции, а считал своим долгом следить за всем, что происходило в городке, и всей душой болел за то, чтобы город стал настоящим чудом в пустыне... Он часто появлялся и в нашей бригаде, поторапливал нас со строительством детского сада и ясель.

— Это сейчас наиважнейшие объекты! Вот поселятся в ваших домах семьи рабочих, а куда им детей девать? Не на улице же оставлять. Между прочим, по нашей статистике, большинство правонарушителей в детстве не ходили в детсады.

Пословица молвит, что от толпы и зайцу не убежать. Навалились мы всей бригадой, поднапряглись, и не прошло и нескольких недель, как в списке сданных объектов числились уже не только ясли и детсад, но и промтоварный магазин, и клуб.

Я уже наловчился укладывать кирюичи. От других, правда, отставал, но Забир-ака хвалил меня, и я тогда надувался от гордости, как индюк. Со стройки меня больше никуда не тянуло, я выдержал испытание и змеями, и жарой, и тяжелой зимой, и для меня стало привычным и обыкновенным делом — каждое

утро подниматься чуть свет, наспех завтракать и отправляться на работу. И честно скажу, было приятно чувствовать себя солдатом великой армии строителей...

Весной дни летели незаметно. Сердце мое грела любовь к незнакомке. И теплело на душе, когда я возился со своими цветами... На них зазеленели листочки, потом появились бутоны, потом они раскрылись, нежные, как девичья улыбка. И я мечтал о том, что вот придет сюда моя девушка-ангел (по Хуриддину, дочь джинна), и своими руками нарвет цветов, и поднесет их к лицу, вдыхая тонкий пряный аромат...

Мечтать ведь никому не возбраняется.

Однажды на работе ко мне подлетел Хуриддин, весело блестя глазами — я уж подумал, не «поддал» ли он с утра пораньше, и ликующе закричал:

— Эй, Эркин-булбул! С тебя суюнчи!

— Это по какому же поводу?

— Ха! Я только что видел твою пери.

Я так и вскинулся.

— Где она? Пошли к ней!

— Э, там, где она была, ее уж нет. Она куда-то торопилась. Но раз она еще на стройке, значит, тут и работает. Усек?

— Так давай поищем ее!

— Ха! Это все равно, что искать иголку в стоге сена. Стройка-то вон какая, глазом не охватишь. Где, на каком именно участке прикажешь высматривать твою пери? Положись на судьбу. Если ты везучий, так твой ангел и так тебе встретится.

Я все-таки не стал доверяться своей везучести и, помня о половице: «на бога надейся, а сам не плошай», принялся в свободное от работы время рыскать по всем участкам стройки: побывал и на канале, и в бригаде, прокладывающей железнодорожную ветку, и у экскаваторщиков, и у бульдозеристов. Всюду трудилась лишь богатырской стати джигиты, а женщин что-то не было видно. Я «проверил» весь личный состав бетонщиков и арматурщиков, «прочесал» конторы, — все напрасно. А расспрашивать о «пери» ребят опасался, они наверняка подняли бы меня на смех: ведь я не знал ни имени ее, ни профессии. А какие приметы я мог назвать? Самая красивая, с лучистыми глазами... Маловато.

Снова я услышал о ней все от того же Хуриддина, который опять потребовал от меня суюнчи.

— Если ты хочешь видеть свою Ширин, то поскорей собери букет цветов и беги к клубу, я там ее встретил. Торопись, дорогой Фархад!..

Черт побери, как же мне самому не пришло в голову, что я могу увидеть ее в клубе, который мы отгрохали совсем недавно.

Там должен был состояться митинг, посвященный, так сказать, дню рождения нашего нового, пока безымянного города.

Со всех ног я кинулся к цветникам. Нарвав ворох самых чудесных цветов, я прижал их к своей груди. Мне казалось, что я обнимаю... как назвал ее Хуриддин? Ах, да, Ширин!.. Интересно, это ее настоящее имя, или Хуриддин пошугил, присвоив ей имя героини знаменитой легенды о Фархаде и Ширин? Недаром же он и меня не без иронии назвал Фархадом.

А чем я не Фархад? Тот своим богатырским кетменем сокрушал горы, чтобы провести воду в пустыню, а мы в пустыне сооружаем мощную электростанцию, которая даст ток не только Узбекистану, и строим новый город, красота которого вполне сравнится с красивой легендарной Ширин.

Ох, как же они любили друг друга, Фархад и Ширин!.. Позавидуешь...

Охваченный этими думами, с букетом в руках, я поспешил к клубу. Над зданием развевался на ветру алый флаг. А в клубе яблоку негде было упасть, столько народу в него набилось.

Первым выступил председатель только что образованного горсовета Халмухамедов. Он предложил назвать новый город Сулим — Прекрасный.

— Любое творение рук человеческих — прекрасно, — сказал он, — но наш город особенный. Он возводится в пустыне. Это оазис в пустынной степи!.. Что может быть желанней и прекрасней такого оазиса?

Слова его были встречены восторженными аплодисментами.

Других ораторов я не слушал, потому что был занят понска-ми моей «Ширин».

И тут черт меня дернул погостить на глаза Фунтикову! Он подозвал меня и, кивнув на цветы, спросил:

— Кому это ты такой пышный букет приготовил?

Я как растерялся, что только и смог промямлить, запинаясь:

— Я... это... вам!

Не мог же я сказать правду.

Фунтиков расплылся в благодарной улыбке.

— Ну, спасибо, друг! — Он взял у меня букет и передал его Халмухамедову. — Вот, познакомьтесь с нашим Эркином. Он славится своей любовью к цветам, и я думаю, что его стараниями наш город превратится в сплошной цветник! — Он глянул на меня лукаво. — Ведь цветы у моего вагончика и у отделения милиции — это только начало, так Эркинджан?

Я готов был сквозь землю провалиться. Мало того, что я лишился букета, предназначенного для моей «Ширин», так еще вы-

яснилось, что начальник строительства в курсе всех цветоческих дел! Вот уж впрямь, шила в мешке не утаишь.

Хуже того, стоило мне расстаться с букетом, как я увидел ту, которой намеревался его вручить!

Она стояла в дверях, собираясь уже уходить, а я пялился на нее, не в силах отвести взгляд, и в глазах у меня рябило, словно я долго-долго смотрел на ослепительное полуденное июльское солнце.

Подойти к ней?.. Неловко с пустыми-то руками. Я с неприязнью покосился на Халмухамедова, который то и дело подносил к носу мои цветы, нюхая их с явным наслаждением.

Отобрать их у него, что ли?

В это время рядом оказался вездесущий Хуриддин, он оттащил меня в сторону и, показав головой на мою пери, сказал:

— Это ведь она, верно?

— Ага. Она.

— Так чего же ты, подхалим несчастный, поторопился отдать начальству цветы, которые собрал для любимой? Э, далеко тебе до Фархада!

Я и правда места себе не находил. Лоб покрылся испариной, лицо, наверно, было багровое, как сзекла — так все и пылало, а перед глазами словно повис черный туман...

Вот незадача-то!

И пока я раздумывал: подойти — не подойти к девушке, пока мы говорили с Хуриддином, пока я переживал свое состояние, — она исчезла, как сон.

Я ругал себя последними словами. Ах, дубина, ах, ротозей! Сам святой Хызр устроил мне встречу с любимой, а я упустил ее, как плохой охотник кеклика из силков.

Но тут же я стал себя утешать: ничего, говорят, слепому суждено лишь однажды потерять свой посох. Так хватит быть размазкой. Уж постарайся, друг Эркин, больше не совершать промашек. Будут еще митинги и собрания, и уж хоть на один из них твоя пери обязательно явится, так гляди в оба!..

Когда я, понурясь, с опущенной головой брел из клуба по главной городской улице, меня нагнал капитан Хакимов. Сбавив шаг, пристроившись рядом и приноравливаясь к моей походке (получалось, что опять шел под конвоем), он сказал подтрунивая:

— А ты, соловушка, знаешь, кому дарить цветы. Может, наш новый мэр — из твоей прежней клиентуры?

— Я его в первый раз видел.

— Лучше бы ты преподнес букет пери, которая стояла с ним, рядом...

Какая такая пери? Я ее не заметил, шарил в это время глазами в толпе, выглядывая свою «Ширин». На всякий случай я спросил:

— А кто это была, его жена?

— Да нет. Она в коммунальном отделе у него работает. Да ты ее должен знать, она из твоей махалли.

«Может, и так. Но какое мне до нее дело?» — Так я подумал, а вслух спросил:

— А не знаете, как её звать?

— Чтоб работник милиции — да чего-нибудь не знал!.. Зовут ее Джурахан. Да это племянница Бердыева, председателя вашего махаллинского комитета.

Я даже вздрогнул от неожиданности. Джурахан! Цыпленок! Как же она тут очутилась? Мать хотела женить меня на ней. И об этом знала вся махалля. И все удивлялись, как это я мог небрежно так сказать о такой невесте...

Черт же принес ее на стройку. Мне это было совсем ни к чему. А ведь она-то меня, конечно, узнала, когда я вручил цветы начальнику строительства. Это я тогда не видел никого вокруг...

У меня, наверно, было расстроенное лицо, потому что Хакимов, присмотревшись ко мне, спросил:

— Ты что, огорчен? Другой бы обрадовался, встретив землячку.

— Мы в одном классе учились!

— Вот видишь! — почему-то торжествуя воскликнул Хакимов. — А ты не рад. — Он глянул на меня внимательней. — Погоди, погоди. Ты нынче вообще как в воду опущенный. Что с тобой? Неприятности на работе? Или дурные вести из дома?

— Просто я устал.

— Ну да, ну да, — понимающе закивал Хакимов. — Вкалывает ваша бригада дай бог. А ты к такой работе непривычный. Верно? Ну, извини, ступай отдыхать...

Молодец капитан! Он, наконец, догадался, что мне хотелось остаться одному — наедине со своими мыслями.

А мысли все были о моей «Ширин»...

III

Мне довелось снова увидеть ее в конце апреля, когда мы собрались возле котлована, вырытого под фундамент первого из восьми будущих гигантских энергоблоков. Собрались, чтобы отпраздновать день рождения Ленина.

На нашей стройке трудились посланцы чуть не всех совет-

ских народов. И Фунтиков распорядился, чтобы каждое «землячество» явилось к котловану со знаменем своей республики.

На самом почетном месте был водружен государственный флаг СССР. Рядом с ним строители из Ташкентской, Сырдарьинской, Самаркандской, Андижанской областей укрепили древко ало-голубым полотнищем — цветами Узбекистана. По обе стороны от них красовались флаги РСФСР и других братских республик. Полотнища трепетали на теплом ветру, ярко, многоцветно сверкали на солнце.

Фунтиков держал речь и говорил горячо, страстно:

— Не случайно мы приурочили закладку бетона в первый наш котлован к дню рождения великого Ильича. Ведь тут поднимается первый энергоблок, мощностью превосходящий знаменитый ДнепрогЭС. А что говорил Ленин? «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны!» Возводя нашу ГРЭС, мы в этот «плюс» вносим весомый вклад. Вклад — всенародный. Поглядите на знамена, они символизируют нерушимое единство советских наций. Вся страна участвует в строительстве Сарданской ГРЭС, и электроэнергия, которую она будет вырабатывать, — это подарок для всей страны. И как всякое новое энергетическое сооружение — это шаг к коммунизму.

Я так заслушался Фунтикова, что чуть не выронил из рук цветы, которые прихватил, надеясь встретить на митинге свою «Ширин». Да, я не терял надежду снова ее увидеть...

По команде Фунтикова котлован начали наполнять раствором бетона.

И в этот момент совсем неподалеку я и заметил желанную перил...

На этот раз я не стал колебаться. Подумав с какой-то отчаянностью: эх, была не была! — я пробрался к ней и обеими руками протянул ей цветы.

— Это — вам. Не отказывайтесь, пожалуйста. Берите. Я их специально для вас нарвал. И вырастил я их — сам...

Улсеив в ее взгляде вполне естественное недоумение, я торопливо проговорил:

— Мы ведь с вами уже виделись. Помните, вы спрашивали меня, как найти Фунтикова?

Она наморщила лоб, вглядываясь в меня, — две звезды сверкали передо мной, пронзая мне сердце своими лучами! — а я, неизвестно чему улыбаясь, спросил:

— Кстати, а как вас зовут? Меня, между прочим, Эркин.

Возможно, именно эти мои «кстати» и «между прочим» заставили и ее улыбнуться.

И в ответ мне словно прозрачный ручеек прожурчал:

— Хурилико...

Мои цветы уже покоились в ее объятиях.

Никогда еще ветерок не овеивал мое лицо так ласково, и небо не было таким шелково-голубым, и солнце таким лучезарным...

Мир был прекрасен...

IV

Итак, ее звали Хурилико, и это имя, значившее: красавица, фея, удивительно ей подходило.

Мы стали встречаться, и на каждое свидание я приходил с цветами. Она, видно, как и я, прямо-таки обожала цветы, прижимая от меня очередную букет, прижимала его к груди и погружалась в него лицо, вдыхая тонкий аромат. И такая она была в эти минуты: красивая, что я готов был умереть от любви...

Я уже многое знал о ней. Оказывается, она родилась в горах, на берегу быстрой говорливой речки. И как это я сразу не признал в ней горянку? Ведь многое выдавало в ней жительницу горного кишлака: гибкий стан, черные глаза, нежная светлая кожа, яркий румянец на щеках...

А какой у нее голос!.. Мягкий и теплый, он походил на шелк, нагретый солнцем. Я бы мог слушать ее целую вечность... Голос ее становился особенно проникновенным, журчащим, когда она говорила о своей нынешней работе, о машинносчетной станции (которую она сама гордо называла вычислительным центром), и считала, что нет на всей стройке участка важнее. Скоро и я стал так считать...

Посудите сами, ведь огромная строительная площадка, где сооружался Дворец Света, напоминала поле битвы; каждую пядь земли строители отвоевывали в жестокой борьбе с силами природы; а когда идет такой бой, такое наступление, то все должно быть тщательно продумано и рассчитано. На глазок тут ничего нельзя было определить, и на помощь людям приходили умные и послушные электронно-вычислительные машины. Они выполняли такой объем работы, который не по плечу был и тысячам мудрецов, надо было что-то подытожить — подытоживали, предсказать — предсказывали. Они способны были распутать проблемы, завязанные в сложнейшие «морские узлы», и делали все четко, быстро, безошибочно. Надо было лишь правильно поставить задачу, которую им предстояло решить, — только и всего.

Так мне сказала однажды Хурилико, и я засмеялся:

— Только и всего? Действительно, какие пустяки!..

Я вместе с Хурилико восхищался ее чудо-машинами, но еще больше — их хозяйкой.

Про себя я называл место ее работы «центром Хурилико». А Хуриллин, относившийся к нашей дружбе (пока только дружбе!) с добродушным поощрением, саму Хурилико награждал «подпольной кличкой» Центр и часто спрашивал у меня:

— Ну, как там Центр поживает? Ты с ним сегодня виделся?

Когда я только-только познакомился с Хурилико, помещение машиносчетной станции еще достраивалось. Строила его другая бригада, но мы с Хуриллиным вызвались завершить там отделочные работы и так старались, что сам Хуриллин, оглядев содеянное нами, прищелкнул языком:

— Не станция — конфетка!..

Когда по-настоящему любишь девушку, то тебе дорого все, что с ней связано. «Центр Хурилико» тянул меня к себе, как магнит, я навещался туда, как только у меня выпадала свободная минута, и охотно слушал мудреные пояснения Хурилико, с искренним интересом наблюдал, как работают ее волшебницы-машины, с какой царственной непринужденностью повелевает ими Хурилико.

Даже не верилось, что она, совсем юная (она была моложе меня), успела после школы закончить специальные курсы и может так свободно обращаться со сложнейшей электронной техникой. А машины как живые, только и ждут ее приказаний и готовы по первому ее слову произвести любую математическую операцию, решить любую заданную ею задачу... Они были ее чуткими, преданными, покорными и исполнительными слугами.

— Скажи, Хурилико,— попросил я ее однажды,— а могут ваши машины подсчитать, сколько кубометров земли вырыто здесь с начала строительства, сколько уже затрачено дерева, железа, бетона, сколько уложено кирпичей, сколько тонн конструкций перевезли наши шоферы?

Хурилико небрежно пожала плечами.

— Пожалуйста! Эта информация заложена в машинах, они ведут постоянный подсчет. Удовлетворить твое любопытство — для них сущий пустяк.

И когда верные слуги Хурилико выдали данные, которые она у них потребовала, я ошалел... Все, чем я интересовался, исчислялось в миллионах!.. Получалось, что за короткий, в общем-то, срок строители Сарданской ГРЭС и Сулима проделали громадную работу.

Да, прав был Забир-ака, когда говорил: «Глаза боятся, руки делают».

Сколько уже завоеванных рубежей оставили мы позади, какие горы свернули — уму непостижимо... Но это было только началом, и когда я представил себе, какие трудности нас еще ждут,

сколько еще надо рыть, возводить, перевозить, устанавливать, укладывать, сооружать, у меня озноб пошел по коже... И я с боязною подумал: сам-то я сумею ли выдержать такие нагрузки?

Но стоило мне взглянуть на горевшее вдохновением лицо Хурилико, как все мои сомнения рассеялись, и я почувствовал себя сильным, способным на любой подвиг!.. Ради Хурилико я готов был на все...

И мучился вопросом, на который не могла бы ответить самая мудрая машина: а как относится ко мне сама Хурилико? Что дружески — это я видел, чувствовал. Но этого мне было мало...

Как-то в одно из воскресений я попросил у Забира-ака мотоцикл и с шиком подъехал к общежитию Хурилико. Она вышла на треск мотора, и я, показывая на мотоцикл, предложил:

— А не совершить ли нам сегодня небольшую прогулку? Мы всю неделю так вкалывали, что не грех отдохнуть и поразвлечься.

Девушка не стала ломаться.

— А куда мы поедем?

— О, кругом столько чудесных мест!.. Но я отвезу вас в горы, и вы вспомните свое детство, свой кишлак... Соскучились, наверно, по родным пейзажам?

Спустя несколько минут она появилась в легком розово-белом, как яблоня в цвету, платье из креп-жоржета, уселась на заднее седло мотоцикла, и мы помчались по главной, пока единственной улице нашего юного городка. Правда, юным и даже поворожденным его можно было назвать только условно: ведь он еще лишь рождался -- рождался, рос на глазах...

Наш мотоцикл, естественно, привлек к себе внимание всех новоселов, которые в это время спешили куда-то или сидели на лавочках возле подъездов. Такая особенность у небольших городков и поселков: стоит тебе выйти на улицу, и уж все на тебя пялят глаза, чихнешь — весь город слышит. Тут каждый на виду, и ничто не укроется от любопытных взглядов...

Чуть не до конца улицы нас сопровождала стайка ребятшек. Капитан Хакимов, встретившийся нам, глянул с улыбкой и в приветствии рванул руку к козырьку своей милицейской фуражки. Когда мы проезжали мимо нового универмага, то заметили возле него Хуридина, он тоже, как и Хакимов, расплылся в широкой улыбке, показал большой палец, давая понять, как доволен он, видя нас вдвоем, и этим же пальцем ткнул в сторону витрины. Мы успели разглядеть два манекена, юноши и девушки, их, верно, лишь сегодня здесь выставили. Юноша стоял, приветственно прижав к груди руку, на которой болтался плакатик: «Дорогие Нурханлар!.. Мы рады обслужить вас!» А девушка держала в вытянутой руке табличку с призывной надписью: «До-

рогие Нурджанлар! Добро пожаловать! Все, что у нас есть, предназначено для вас!». Плакатики были явно плодом самодеятельности работников магазина, буквы шатались, как пьяные... И все равно приятно прочесть эти добрые, радушные, уважительные надписи.

Обернувшись к Хурилико, я сказал:

— Видали? Ведь это нам оказывают такие знаки уважения. Нам, творцам света — Нурханам и Нурджанам!

Она качнула головой:

— Придумали тоже. Нурхан, Нурджан...

Но и она была польщена таким обращением.

Мы выехали на шоссе, тут, как говорится, надо было держать ухо востро: нас обгоняли и неслись нам навстречу и грузовые, и легковые машины. Я жался к краю дороги, больше всего опасаясь мощных грузовиков, которые садили по шоссе с угрожающим, реактивным ревом. Нам попались на пути и несколько автобусов, видимо, с иностранными туристами, они с жадным любопытством глазели в окна и о чем-то оживленно переговаривались. Пассажиры обычных автобусов, молодые парни, высунувшись из окон, отпускали по нашему адресу какие-то шуточки; хорошо еще, что слова их заглушал шум, царивший на шоссе.

Мы и не заметили, как оказались у подножья гор. И тут после грохота, рева, треска и чиханья моторов на дороге нас оглушила тишина...

Мы слезли с мотоцикла и долго стояли, не в силах произнести ни слова и лишь с восторгом оглядываясь кругом.

Перед нами огромными зелеными волнами вздымались холмы, за которыми начинались горы, неровными ступенями уходявшие к небу.

Свежий горный ветерок шевелил сочную траву, овевая наши лица. В небе весело посвистывали жаворонки. У самых наших ног, извиваясь, как змея, перепрыгивая через гладкие камни, с лукавым, завораживающим журчанием бежал прозрачный ручей, даря нас благодатной прохладой. Наверно, где-то поблизости находился родник...

Хурилико склонилась над ручьем и вымыла руки, а потом сполоснула разгоряченное, все в пыли, лицо. Я последовал ее примеру.

По другую сторону ручья росла арча, листьев на ветках было совсем мало, видно, их объели козы или коровы. А из травы, густевшей вокруг, выглядывали редкие васильки, и они привели Хурилико в такое восхищение, что она, перепрыгнув ручей, тут же принялась собирать их. Я пришел ей на помощь, но добыча наша

оказалась скудной — васильки уже отцветали. Сорвав последний и передавая его Хурилико, я сказал:

— Возблагодарим природу за то, что она сберегла для нас хоть немного этих голубых красавчиков.

Хурилико посмотрела на меня ласково и как-то значительно:

— Это вам спасибо, Эркинджан. Как хорошо, что вы привезли меня сюда! Я бы и не знала, что совсем недалеко от нашей стройки — такая красота..

Для меня эти слова были самым желанным подарком.

Осторожно положив васильки на траву, Хурилико побежала к холмам.

— Хурилико! Куда вы?

Она на бегу помахала мне рукой.

— Я сейчас!

Еще когда я торговал цветами в Ташкенте, мне не раз доводилось составлять свадебные букеты.

И поджидая, пока вернется Хурилико, я стал мастерить букет из васильков и зеленых веток арчи. В эту немудреную работу я вложил столько любви и тщания, что букет получился на загляденье. И только я успел перевязать его стебельком пальчатки, как увидел Хурилико, спускающуюся с холма. То ли от быстрого бега,— она примчалась так же стремительно, как и умчалась,— то ли от жарких ласк ослепительного горного солнца, лицо ее разалелось, щеки так и пылали ярким румянцем.

Остановившись передо мной, тяжело дыша, она сказала, глядя на пучок скромных растений, который держала в руках:

— У меня в ладонях — счастье...

Я удивленно посмотрел на нее.

— Вы говорите об этой травке?

— Ну да. Это же горный янтак — верблюжья колючка. По поверьям, он приносит счастье -- если его пайдешь в пору цветения.

Я тоже слышал, что янтак — это вестник счастья.

— Поздравляю, Хурилико, от души поздравляю! Видно, сам пророк Хызр привел нас к этим цветкам.

Я протянул ей свой букет.

— А это вам от меня -- в придачу. Желаю, чтоб вы всегда, всегда были счастливы!

Сам я в этот день чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

Глава шестая

I

Скоро слово «счастье» прозвучало в речи нашего мэра Хая мухамедова. Собрав строителей, он сказал:

— С вашей помощью город уже обзавелся многими зданиями. Горсовет считает, что дошла очередь и до Дома Счастья — Дворца бракосочетаний.

Я с трудом удержался, чтобы не закричать: «Ура!». Уж очень меня обрадовало известие, что я своими руками буду строить дом, куда, может быть, мы скоро войдем вместе с Хурилко. Когда я сообщил ей, что нашей бригаде поручено возводить Дом счастья, она, по-моему, тоже обрадовалась. Вообще-то она умела скрывать свои чувства, но я уже знал, что когда она чем-нибудь довольна, то у нее лицо делается алым, как цветок граната, а глаза начинают светиться... Вот и после моего известия щек у нее запылали, глаза заблестели, и хотя ничем другим она не выдала своих чувств, но с меня и этого было достаточно. Я вспомнил ее слова о счастье, произнесенные у горного ручья, и сердце у меня сладко сжалось... Неужели мы мечтаем об одном и том же?

Вскоре выяснилось, что мою радость разделяют в бригаде далеко не все. Когда уже окончательно стало известно, что нас перебрасывают на строительство Дворца бракосочетаний, Забир-ака проворчал:

— Спешим, спешим... Ох, построим мы этот Дом счастья на свою голову.

— Как прикажете вас понимать, Забир-бригадир? — спросил я с недоумением и настороженностью.

— А так, что сперва надо обеспечить людей жильем. Вот о чем следует думать в первую очередь. А то сладим мы этот дворец, помчатся туда наши Нурханы и Нурджаны, и когда станут молодоженами, то уж непременно потребуют: а ну-ка, товарищи строители, подавайте нам ключи от квартир! Не жить же нам в этом Доме счастья?! А что мы им скажем? Жилых-то домов пока не хватает. Сами в землянках ютимся...

— Верно, бригадир! — поддержал его Хурилкин. — Фунтиков давно обещал нам квартиры в новых домах. Ведь тебе тоже обещал комнату, а, Эркин-булбул?

— Ну, обещал.

— А где она?

— Так ведь курильщик всегда без спичек. Вон сколько заявлений в нашем горсовете лежит — с просьбами о предоставлении жилищной площади: Мы-то можем и подождать...

Хуриддин усмехнулся.

— Давно ли ты заделался таким сознательным? Подождать... А сколько можно ждать? И нам, и другим? Ведь уж почти год тут торчим... Нет, бригадир прав, надо навалиться на строительство жилья. Не то ребята с ГРЭС скажут: мы-то уж заканчиваем сооружение первого энергоблока, а вы чем занимаетесь, дорогие соиздатели нового города? Где квартиры для всех нас? Нет уж, если с чем и можно подождать, так это со строительством Дома счастья.

Вот тогда-то я, пожалуй, впервые позавидовал тем, кто строил ГРЭС. Они тут — главные, и мы для них возводим новый город. И, надо сказать, здорово пока отстаем... Работаем-то мы, в общем, так, как все каменщики во все века. А там, на ГРЭС, — техника, передовые методы труда. И если уж вкалывать, то только там...

Правда, мысль об уходе из бригады Забира-ака мне еще не стукнула в голову, но маленькая искорка уже вспыхнула.

Наши разговоры дошли до Халмухамедова, и он неожиданно появился у нас в бригаде.

— А ну-ка, признайтесь, кто у вас воду мутит, кому не по душе указания горсовета?

Хуриддин соорил невинную физиономию.

— Это вы о чем?

— Да вот слышал я, что вы не хотите строить Дом счастья. Кто же это вас подогрел?

Глаза его метали молнии, легко было представить, какой разнос учинит он Забиру-ака. И так как для меня чувство товарищества — превыше всего, я поспешил взять вину на себя.

— Товарищ Халмухамедов, это я считаю, что строить Дом счастья — преждевременно.

На самом-то деле я придерживался противоположной точки зрения. Но ради друзей не грех и соврать, а уж врать-то я был горазд..

Халмухамедов метнул на меня гневный взгляд.

— Вот как? Преждевременно?

Но тут на меня накинулся Хуриддин:

-- Ты тут не изображай из себя громоствод. Мы и сами сумеем себя защитить. — И обращаясь к Халмухамедову, спокойно сказал: — Простите, раис, но Эркин-булбул как раз спит и видит этот Дом счастья. А вот я, к примеру, категорически против его строительства. Конечно, в данный момент.

— А не много ли ты берешь на себя? — насмешливо и сердито проговорил Халмухамедов.

— Нет. Не много, — в тон ему возразил Хуриддин. — Мне

ведь паспорт для чего выдан? Он мне постоянно напоминает, что я советский гражданин. И не только имею право, но и обязан критиковать ошибочные решения и действия местных властей.

Слова Хуриддина понравились Халмухамедову, он уже более мягко, увещевающе произнес:

— Никто твоих прав и не оспаривает. Но только в чем наша ошибка? В том, что мы хотим пойти навстречу чаяниям нашей молодежи? Вот явится ко мне завтра тот же Эркинджан под руку с электронной девушкой и скажет: «Зарегистрируйте нас, пожалуйста, раис-ака». Что я им отвечу? Ну, брак-то можно зарегистрировать и в казенных стенах горсовета. Но не лучше ли, если это произойдет в более торжественной обстановке? Чтобы об этой минуте молодые люди помнили всю свою жизнь?

Но и Хуриддин не полез за словом в карман.

— Хорошо, а если Эркинджан спросит вас: а где же нам жить после свадьбы? Не вести же ему невесту из Дома счастья в нашу землянку. Мы, конечно, можем уступить им место, ну, к примеру, между мной и Забиром-ака. Только устроит ли их это?

Халмухамедов замаялся, не зная, что сказать, и его замешательством воспользовался Забир-бригадир.

— Товарищ Халмухамедов, а вообще справедливо ли по отношению к строителям города, что они до сих пор ютятся в землянках?

— Все получают квартиры — в порядке очереди.

— Когда наша-то наступит? Я ведь не первый город возвожу, сюда прибыл со строительства Навоинской ГРЭС. И повсюду первые квартиры давали строителям. Ладно, я не настаиваю, чтоб всех нас обеспечили жильем. Мы, строители, как цыгане, привыкли к кочевой жизни. Поработаем тут и тронемся дальше. Если даже и получим квартиры, то вскоре же и сдадим их горсовету. Но некоторые, наверно, захотят здесь остаться. Скажем, тот же Эркинджан. Его к этим местам многое привязывает...

Я ожидал, что и он ляпнет что-нибудь насчет «электронной девушки». Уж всем-то все известно — причем даже больше, чем мне самому.

Забир-ака, между тем, продолжал:

— И ведь сам товарищ Фунтиков заверил его, что он в скором времени получит комнату.

Внезапно лицо Халмухамедова посуровело.

— Уж кто-кто, а Эркинджан не может, в смысле жилья, иметь к нам никаких претензий.

— Это почему? Разве он не такой же строитель, как все мы?

— В том-то и дело, что не такой. Бы, это точно, кочевой на-

род. А у него в Ташкенте имеется и квартира, и дом. Так теперь ему жилплощадь понадобилась и здесь, в Сулиме?

— В Ташкенте у него только квартира. И там его мать прописана, — сказал Забир-ака. — Но работает-то он здесь. Что же, прикажете ему из Ташкента сюда каждый день ездить? Или, по-вашему, ему надо вообще в Ташкент возвратиться? Стройку бросить?

Халмухамедов оставался непреклонным.

— Он ведь пристроен в землячке — с него достаточно. А в нашем городе квартиры получают, прежде всего, остро нуждающиеся.

Еще немного поспорив, Халмухамедов и Забир-бригадир пришли к компромиссному соглашению: мы обязались завтра же приступить к строительству Дома счастья, а председатель горсовета твердо обещал в ближайшее же время выделить нашей бригаде однокомнатную квартиру, только ордер выписать на Хуриддина.

На прощанье Халмухамедов, уже в мирном тоне, сказал мне:

— Учтите, Дом счастья — это подарок не только, так сказать, брачующимся. В нем будет регистрироваться и рождение новых жителей Сулима. А после мы там же станем провожать на заслуженный отдых ветеранов труда. Какой же это город — без новорожденных и без пенсионеров?

После его ухода я долго ломал голову: кто же это наплел ему насчет того, будто у меня в Ташкенте избыток жилплощади? Бердыев? Этот на всякую гадость способен... И нечего Забину-ака решать за меня: останусь я на стройке или нет. Придет срок, и я еще подумаю, что мне делать... Ха, а почему это, кстати, и Забир-ака, и Хуриддин так пекутся, чтобы я получил жилье в Сулиме? Уж не хотят ли этим привязать меня к стройке?

А сам-то я в этом — уверен?..

Одно я знал: пока тут работает Хурилико, я отсюда никуда не уеду...

II

Халмухамедов выполнил свое обещание. Хуриддин получил однокомнатную квартиру в новом доме, и тут же вручил мне один из ключей.

— Договоримся так: жить здесь будем пока на пару. Женишься на Хурилико, останешься на стройке, или мать привезешь, квартира твоя. А нет — тогда я ее единственный законный владелец.

Никаких возражений выслушивать он не захотел. Я взял

ключи и отправился к Хурилико. Должен же я был пригласить ее на новоселье...

Но по дороге меня перехватила Джурахан-цыпленок. Она так и вцепилась в меня.

— Салам, Эркин! Что это ты от меня прячешься?

— Приветник! — откликнулся я сдержанно. — Ни от кого я не прячусь.

— Но ведь ты меня видел на митинге? И не разыскал после.

— Я? На каком митинге? Ну, а если бы даже и видел, с чего это мне тебя разыскивать?

На ее лицо набежала тень.

— Как же... Мы все-таки учились вместе... И вот, теперь работаем на одной стройке.

— Ну, учились. Ну, работаем. И что же из этого следует? — Про себя я думал: и каким ветром знесло тебя на эту стройку? Ведь пристроил же тебя дядюшка, как мне стало известно, на теплое местечко в Главташкентстрое. Так нет, бросила все, сюда примчалась. С чего бы это? Такая уж энтузиастка? Или...

А не приехала ли она сюда из-за меня? Ведь она появилась на стройке уже после того как я побывал в Ташкенте и Бердыеву стало известно, где я работаю. Значит, и она об этом могла узнать.

Черт его ведает, что у нее было на уме. В школе-то, вроде, она была ко мне равнодушна. Хотя мы сидели за разными партами, но когда я случайно встречался с ней взглядом, она краснела и опускала белесые ресницы. А то начинала поддразнивать меня, кидаясь бесточками от урюка. Любыми способами она старалась обратить на себя мое внимание, и я поддался ее заигрываньям, одно время мы даже переписывались, — она была единственной, кто отвечал на мои пылкие записки. Но с моей-то стороны все это было неважно... А потом эта история с незадавшимся сватовством. Хоть я на корню пресек мамину затею, но у слухов быстрые ноги, и эти слухи наверняка дошли и до Джурахан, и та могла бог весть что вообразить. Как знать, не взбрело ли ей в голову, что я влюблен в нее, а свататься к ней не стал — боясь отказа. Такой уж я нерешительный и застенчивый... Или, того хуже, ей известна вся правда, и она задумала свести со мной счеты, и не успокоится до тех пор, пока не отомстит за то, что я пренебрег ею. Моя невежливость не смущала ее, она только ненадолго погрузилась, а потом опять затараторила как ни в чем не бывало:

— А из этого следует, что мы должны поддерживать дружеские отношения. Ты бы вечером зашел как-нибудь ко мне, поболтали бы, вспомнили старое... А хочешь, я к тебе загляну?

Вот уж чего я никак не хотел!.. И вспоминать с ней «старое» у меня не было желания. Есть такие «безликие» девушки, с которыми быстро становится скучно. Вот Хурилко — совсем другое дело. Она — как неповторимый цветок, на который сколько ни смотришь — немотришься...

Джурахан все не отставала.

— Ну? Когда к тебе можно прийти?

Я поспешно и испуганно сказал:

— Я же в землянке живу. У нас там одни мужчины...

— А чего мне их стесняться? Мы же с тобой давние друзья.

Ну, да, друзья, водой не разольешь. Я прямо не знал, как от нее отвязаться. Прицепилась, как репей... Видя мое замешательство, она проговорила, словно оказывая мне снисхождение:

— Ну, ладно. Тогда ты ко мне приходи.

Она назвала свой адрес и спросила:

— Придешь?

— Приду, приду, — пообещал я, чтоб только от нее отделяться.

Простившись с ней и вздохнув с облегчением, я поторопился к Хурилко.

Мы пышно отпраздновали новоселье, и я стал жить вместе с Хуриллином в однокомнатной квартире.

К Джурахан я, конечно, так и не зашел.

Но она не собиралась оставлять меня в покое. Ей без труда удалось выяснить, где я теперь проживаю, и как-то вечером она заявила к нам на квартиру. Я, к счастью, случайно увидел ее в окно и уговорил Хуриллину выйти к ней вместо меня и сказать, что меня нет дома.

Выслушав Хуриллину, она пожалала плечами.

— Смешной какой! Что он от меня прячется? Передайте ему, что я его жду...

Хуриллин, вернувшись, доложил мне о своем разговоре с Джурахан и спросил с подозрением:

— Слушай, что ей от тебя надо?

— Ей-богу, сам не знаю.

— Ты, может, выдал ей авансы?

Я так и взвился.

— Какие авансы! Сам знаешь, я люблю Хурилко, и ничто не заставит меня отказаться от нее. А с этим... цыпленком... ничего у меня не было и не может быть!

— Что ж она за тобой гоняется?

Пришлось мне выложить все Хуриллину, как на духу.

Тот вздохнул сочувственно.

— Втюрилась она в тебя, братец, вот что.

— Я не давал ей повода!

— Разве тут нужны поводы? Втюрилась, и все тут.

— Она же видит, что я ее не люблю!

— Может, и видит. Но она, судя по вссму, девица настыр-ная...

— А ты не думаешь, что ее давно уж бесит мое безразли-чие, и она только и ищет случая насолить мне?

— Каким же это образом?

— Ну... А если она узнала о моей любви к Хурилико? И хочет очернить меня в ее глазах?

— Это как же?

— Да ведь она все делает, чтобы все думали, будто между нами что-то есть. Вот даже и в твоей душе посеяла сомнение...

— Это точно,— согласился со мной Хуридин.— Так ты, значит, считаешь, что она мстит тебе?

— У нее имеются для этого все основания. Особенно если она влюблена в меня — как ты сам полагаешь...

Мне вспомнилось, как благоволила ко мне мать Джурахан. Она-то вроде надеялась видеть меня своим зятем. А когда по махалле прошел слух, что моя матушка вознамерилась сосва-тывать за меня «цыпленка», Джаннат-хон, встречаясь со мной, обязательно меня останавливала, вкрадчиво заговаривала о том, о сем, и испытующе, значительно заглядывала в глаза, вгоняя меня в краску. И Бердыев, помнится, стал тогда надо мной подшучивать и все советовал накопить побольше деньжо-нок — на калым. «Дочка моего брата стоит хорошего калыма,— говорил он, посмеиваясь.— Мы ее задешево уступить не собира-емся...». Мои приятели, переживая за меня, предупреждали, что если я откажусь жениться на «цыпленке», то этого мне не про-стят ни Бердыев, ни она сама, и я займею в ней злейшего вра-га. «Ты не представляешь, как жестоко мстят девушки джиги-там, поправшим их любовь». Я в то время не внял их словам, а ведь они, возможно, были правы...

Обо всем этом я тоже рассказал Хуридину, он с сомнением покачал головой.

— Я все же не думаю, что она держит на тебя зло и строит планы коварной мести... Все, братец, проще: втрескалась девка, вот и ищет встреч с тобой; может, все еще на что-то и надеется. Человек жив надеждой. А женщина, говорят, тоже человек...

— Я не хочу ее видеть.

— А она очень даже хочет. И, как я подсзреваю, она упор-на в достижении своих целей.

Уж в этом-то я скоро убедился. Джурахан буквально пре-следовала меня, «ища встреч», как говорил Хуридин; то она

«случайно» встречала меня на улице и затевала разговор, несмотря на мое явное нежелание его поддержать, то являлась в нашу бригаду и отзывала меня в сторону, навязывая «дружескую» беседу, то даже заглядывала к нам на квартиру — не мог же я ее выгнать!.. И когда к нам приходили комиссии, принимать готовые дома, я видел ее среди членов комиссии, и она всячески старалась выказать мне знаки внимания и расположения... Мне от нее житья не стало. Больше всего я боялся, что эти наши встречи и разговоры люди могут истолковать превратно, и о них узнает Хурилико, и ей тоже бог весть что взбредет в голову... Как ни уверял меня Хуридин, что Джурахан и не помышляет о мести, просто она влюбленная глупая девочка, — мне-то чудилось, что она расставляет ловушки, в которые я вот-вот попадусь, и тогда — прощай, Хурилико!..

И я стал подумывать, как бы удрать из города, где мне на каждом шагу попадалась проклятая Джурахан. Нет, мне и мысли не приходило — совсем бросить стройку, ведь я еще не оттрубил свой исправительный срок, но работа в бригаде каменщиков стала мне в тягость; ведь мы возводили дома на территории города, где меня в любую минуту могла зацапать Джурахан.

В общем, пораскинув мозгами, я пришел к выводу, что мне надо искать другую работу — подальше от города, от Джурахан.

И поближе — к Хурилико.

Нужно было торопиться, пока Джурахан не насынала отравы в чашу моей любви к Хурилико.

Я решил попроситься в бригаду монтажников, соорудивших Сарданскую ГРЭС.

III

Тяжело мне было расставаться с ребятами из бригады Забира-ака, к которым я успел уже привязаться. И тем более тяжело, что они-то сочли меня чуть ли не дезертиром, поскольку и не стал распространяться о причинах, побуждавших меня уйти из бригады.

Кто-то из ребят бросил мне обвинение в предательстве. Кто-то сказал, что я погнался за длинным рублем.

Забир-ака долго, изучающе всматривался в меня, словно стараясь угадать, что скрывается за моим решением покинуть бригаду и податься к монтажникам, потом проговорил, хмуро и рассудительно:

— Ты у нас, Эркинджан, действительно, мало зарабатываешь. Но ведь ты постепенно набираешься и опыта, и мастерства. По сути, ты ведь только-только становишься настоящим строителем... И вдруг сворачиваешь с полпути на другую дорогу. Не укладывается это у меня в голове. Дерево растет — на одном месте. Так и человек: он может вырасти в хорошего специалиста, мастера своего дела, лишь на постоянной работе. А из летуна ничего путного не получится... Необдуманно ты поступаешь, Эркинджан. Я, конечно, не вправе силой удерживать тебя в бригаде. Да и уговаривать тебя какой прок, если уж ты все решил. Но только зря ты от нас уходишь. Зря.

Одобрил мое решение лишь один Хуриддин, он и поспешил за меня вступить, не раскрывая истинных причин перехода в бригаду монтажников.

— Забир-ака! Ребята!.. Не старайтесь вы обвиновать Эркина прежде времени. Строитель — это ведь не только профессия, это и призвание, верно? Ну, а у него, положим, не лежит душа к нашей работе. Он еще ищет себя... Если бы он рвался на какую-нибудь непыльную работенку, ну, там, в контору, или пивом торговать,— я бы его тоже осудил. А монтажник — разве плохая профессия? И, может, она как раз по нему? Главное, чтоб наш Эркинджан человеком сделался. Отпустим его с миром, а?

Хуриддин сам и познакомил меня с бригадиром монтажников Валерием Рожковым. Монтажников на стройке не хватало, и Рожков взял меня к себе с удовольствием, тем более, что Хуриддин, с которым они были приятели, отрекомендовал меня как парня работающего и старательного (весьма преувеличив достоинства).

Желание стать монтажником, к некоторому моему удивлению, поддержала и Хуриликко. Она, как и многие, оставалась в неведении насчет подоплеку этого, вдруг возникшего, желания,— уж не знаю, прав был я или неправ, но не счит нужным посвящать ее в свои прошлые и нынешние отношения с Джурахан,— но она полагала, что специальность монтажника для меня более перспективна, чем профессия каменщика.

Ее поддержка была для меня, как бальзам на раны!

Встречались мне девушки, которым не нравился мой рост, для них я был «коротышкой». Другим не по вкусу была моя общительность, разговорчивость, они называли меня «болтуном». Третьих не устраивало, что у меня нет высшего образования и поэтому я никогда не выбьюсь в большое начальство.

А вот Хуриликко ни разу ни в чем меня не упрекнула, она принимала меня таким, какой я был. Наверно, ей хотелось,

чтобы я в чем-то изменился к лучшему, но мы уже на первых порах нашей дружбы словно договорились: не ставить друг другу никаких условий, не предъявлять друг другу никаких претензий. И Хурилко, слава богу, и не пыталась меня наставлять, поучать, отчитывать. Она только радовалась, когда мне удавалось в чем-то достойно себя проявить или добиться хоть малого успеха... Я же любил ее так безоглядно, что считал бы кощунством искать в ней какие-то недостатки. По моему мнению, их у нее просто не было. Ангел — он и есть ангел... В общем, несмотря на разницу в характерах, профессиях, нашу дружбу не омрачали ни споры, ни размолвки. И я очень этим доволен...

Когда я сказал ей, что буду теперь работать в бригаде Рожкова, и встретил с ее стороны не осуждающее недоумение, а поощрение, я не просто обрадовался, я был окрылен!

Надо сказать, что год работы на стройке не прошел для меня даром. Пусть я еще и не «стал человеком», но незаметно успел войти во вкус повседневного труда — бок о бок с верными товарищами. А ведь когда-то мне нравилось заниматься своими делами в одиночку. Да и какими делами... Торговля цветами, ирыком, неудачное гектарничество, — все мне казалось сейчас далеким и странным.

Наверно, по всему по этому я как-то быстро прижился в бригаде монтажников.

Меня поставили помощником к электросварщику Алексею... вот черт, я до сих пор не могу запомнить его фамилию; но в ней было слово «борода». Забородько? Майборода? Хорошо еще, что он сам предложил называть его просто Алик. Учитель мой был ненамного старше меня.

Как и Забир-ака, он прежде работал на строительстве Навоинской ГРЭС, и там его учил мастерству Рожков, который и сам, до Навои, был учеником монтажника-чудодея. Вот он и вырос в передового монтажника. Мастер — это всегда выученик мастера. И недаром же Алексей, принимая меня под свою руку, сказал: «Когда-то я был такой же, как ты сейчас. И я все сделаю, чтобы ты стал таким, какой я сейчас». Это не звучало похвальбой, просто каждому мастеру своего дела присуще чувство собственного достоинства.

Я с ним быстро подружился, как в свое время с Хуриллином. А когда твой учитель еще и друг тебе, то учиться дается легко. Ну, не совсем уж легко, работа у электросварщика непростая, и все же я делал заметные успехи. Уж не знаю, может, это свойство каждого мастера, но только и Алик, как и Забир-ака, и Хуриллин, был по отношению ко мне не только требователь-

ным, но и терпеливым, добрым, заботливым. И как бы порой не был утомлен, измотан, но стоило мне подойти к нему, он тут же подбадривающе говорил: «У тебя, видать, вопрос ко мне? Давай, выкладывай. Я тебе все разобъясню — по силе-возможности». Он возился со мной и в свободное от работы время.

Электросварка... Казалось бы, что тут особенного? А нередко мной словно открывался новый мир. Я познавал тайны огня и металла, особенности приемов, которыми пользуется умелый электросварщик.

Один мой знакомый толстяк говорил: «Я не такой уж обжора, каким выгляжу». Вот и я не такой уж невежда, каким иногда кажусь. Кое-что знал и об электросварке, но знания эти были более чем поверхностными. Еще в Ташкенте, проходя мимо новостроек, я часто глазел на электросварщиков, работа которых выглядела весьма эффектным зрелищем: из-под паяльной лампы бьет искристо-голубое пламя, лица прикрыты масками, похожими на рыцарское забрало. Вечером, в сумерки, все это представлялось особенно красивым: в разных точках, на разных высотах строящегося сооружения словно рассыпались крохотные фейерверки.

И вот теперь мне предстояло самому освоить ремесло электросварщика.

Сначала я только приглядывался к действиям моего учителя, и он мне разъяснял их смысл. Но наступил момент, когда он вручил мне сварочный аппарат и сказал: «Ну-ка попробуй теперь сам, пройдишь-ка вот по этому шву». Я поднес к лицу маску с защитными очками, включил аппарат, он загудел, кислород потек к наконечнику, я повел его по шву, руки у меня напряглись, металл вскипел, брызнув искрами, больше всего я боялся, что паяльная лампа у меня сделает какой-нибудь пьяный зигзаг, и про себя я молил — неизвестно, кого, наверное, святого — покровителя сварщиков (хотя вряд ли таковой существовал): «Будь милостив ко мне, не позволяй дрогнуть моей руке, не дай мне осрамиться!». И в эту минуту я мысленно представлял себе, как работают Рожков и Алик, и мне так хотелось быть похожим на них!

Не зря говорит пословица: что урюк зреет, видя зреющим соседний урюк. Я изо всех сил тянулся за своими товарищами по бригаде, не желая ни их подводить, ни самому выглядеть в их глазах неумехой. Самолюбия-то у меня на двоих хватало.

Труднее всего было учиться терпению. А терпеть приходилось, прежде всего, жару. Вернее, жар. Городской неженка, в Ташкенте всегда защищенный от палящего зноя тенью домов и деревьев, я первое время прямо изнемогал от невыносимого

жара. Попал я к монтажникам в разгар лета, работали мы днем, нас словно кипятком ошпаривало нещадно-жгучее солнце, нагретый им металл был горячее раскаленного угля, подбавляло жару и пламя электросварки, и порой казалось, что ты и сам вот-вот расплывешься, как металл под твоей паяльной лампой. А куда денешься? Такая уж у нас работа. Выбрал ее, так терпи, обретай огнеупорность. И я терпел и, хотя обливался потом, и, чудилось, оплывал, как восковая свеча, но старался и виду не подавать, как мне тяжко, боясь, как бы товарищи не подняли меня на смех. Для них-то это пекло было не в диковинку. Мне порой думалось, что если бы существовал ад, и кто-нибудь из наших сварщиков попал туда за свои грехи, и его стали бы поджаривать на сковородке или варить в кипящем котле, то он бы и глазом не моргнул.

И странное дело, хоть я и изнывал от жары, и работа у меня была нелегкая, но мне она пришлась по душе. Может, потому что она рождала во мне гордость собой, и я чувствовал законное удовлетворение, как всякий, кто проходит через трудовое испытание — и выдерживает его. И тешилсь сознанием, что принадлежу к племени монтажников — ведь монтажник был главной и чуть ли не самой популярной фигурой на строительстве ГРЭС. От него в первую очередь зависели прочность, качество всех опор электростанции, арматуры в железобетонных конструкциях, передающих мачт и генераторов...

Качество... Борьба за качество, к которой призывал нас бригадир Рожков, была главной нашей заботой.

— Качество, качество, и еще раз качество! — говорил нам бригадир. — Лучше меньше, да лучше. Лучше один раз сделать на совесть, чем потом десять раз передельывать. Нормы выработки для нас закон. Но если их выполнять халтурно, гонясь лишь за высокой цифрой, то на поверку эта цифра окажется липой.

Мы, сварщики, следовали правилу: семь раз отмерь, один раз отрежь. Иначе все наши труды пошли бы насмарку. Это когда-то работа электросварщиков казалась мне только эффективной, теперь же, приобщившись к этому делу, я убедился, какое оно тонкое и ювелирное. Оно требовало точного расчета, предельной внимательности, огромного напряжения и терпения.

Работа наша продвигалась медленно, но верно. Без спешки и без задержки.

Однажды Рожков сказал мне.

— Эркинджан, в Сулиме открывается техникум, не хочешь ли ты в него поступить?

— А как же работа? Только-только у меня сгало что-то получаться, а вы меня учиться гоните.

— Не гоню, а советую. И работу вовсе не надо бросать. Поступишь на вечернее отделение. Я тоже так закончил техникум.

Довод этот оказался для меня решающим, и вскоре я уже числился учащимся вечернего отделения Сулимского техникума.

В честь такого события я приготовил плов и пригласил на него — в общежитие, где я поселился, начав работать в бригаде монтажников — своих старых и новых друзей: Забира-ака, Хуриддина, Рожкова, Алика и других.

Хуриддин, конечно, не забыл прихватить с собой несколько бутылок «беленькой».

Первым, как самый старший, поднял тост Забир-ака.

— Хоть ты, Эркинджан, и перебежчик, но я предлагаю выпить за твои успехи — и в учебе, и в новой работе.

Мы опорожнили пилалушки с водкой, и Рожков, обращаясь к Забиру-ака, спросил:

— Значит, вы считаете его перебежчиком?

— А как же. Вы футболом интересуетесь? Так как называют футболиста, который из команды, воспитавшей его, переходит в другую, более сильную? Для старой команды он, конечно же, перебежчик. А для новой — так сказать, приклеившийся.

— Ну, не знаю, — засмеялся Рожков. — Вы, возможно, и вправду на него обижаться. Но мы-то не можем сказать, что он к нам «приклеился». Скорее припаялся, приварился. Он ведь электросварщик, а электросварщики именно спаяны крепкой дружбой. Такая пайка прочней вашего столярного клея...

— Ну, мы больше имеем дело с цементным раствором. Наша дружба под стать каменной кладке: кирпич к кирпичу, и ни один не оторвешь от другого.

Время проходило за шутками и разговорами, непринужденными и откровенными.

— Когда вы город постронте? — интересовался у Забира-ака Рожков. — Нам уж надоело тесниться в общежитиях.

— Дайте срок — построим. А вот когда вы сдадите первый энергоблок?

— За нас не беспокойтесь. Мы сдадим его даже раньше времени. Ведь нам помогает вся страна. Многие города стали нам побратимы и без перебоя присылают необходимые материалы...

Кто-то предложил:

— А давайте пошлем благодарность рабочим Таганрога?

Ведь они на два месяца раньше срока поставили нам агрегаты для парового котла.

— Тогда уж надо благодарить и рабочих Тольятти,— вмешался Алик.— Если бы от них вовремя не поступили трансформаторы, то это задержало бы нашу работу. И прощай-прости — высокие показатели!

Рожков повернулся к Забиру-ака.

— Наверно, и вы загорали бы на солнышке, если бы в нужное время не получали бетон, цемент, кирпич?— И удовлетворенно подытожил:— Вот где главные наши резервы — в дружбе всех труженников, всех наших республик... Мы ведь тоже в долгу не останемся; наш Дворец света многие города и предприятия одарит электроэнергией. И мой тост, братцы,— за дружбу! И в самом конкретном, и в самом широком смысле этого слова!

IV

Поскольку Хурилико не было на нашем тое-мальчишнике, я на другой день, наполнив кассу свежим вкусным пловом, понес его к «электронной» девушке.

Нужно сказать, что Хурилико решительно отвергала все мои подарки и угощения. Даже когда мы, случалось, вместе обедали в грэсовской столовой, то она стоимость своих блюд оплачивала сама, пресекая все мои попытки раскошелиться...

Но отказаться от принесенного домой плова — значило бы нарушить обычай, и Хурилико на этот раз оставалось только поблагодарить меня за мой скромный дар. Она отведала плова, мы поболтали немного и вместе отправились на работу.

Мне так хотелось сделать для нее что-нибудь приятное! Но что? Долго я ломал над этим голову, пока непароком не узнал от подруг Хурилико, что она страх как любит дыни и давно уже мечтает ими полакомиться...

Как раз наступила пора дынь. Но в нашей столовой ими и не пахло. А кооператоры завозили на стройку дыни никуда не годные. Вполне естественно возникла мысль о Баракабае. Я хорошо помнил его ухоженную бахчу и его дыни — плод истинного дехканского труда.

Правда, я не был уверен, что Баракабай растит свои дыни на прежнем месте; как знать, может, его уже вытурили из совхоза. Но, как молвит пословица, пока нерешительный раздумывает, решительный добивается своего. Э, была не была, сказал я себе, попытка не пытка, съезжу-ка я к Баракабаю. А не застану его, так уговорю кого-нибудь из других гектарщиков продать мне пару дынь.

Дело было за «колесами»...

В субботу вечером я подошел к Рожкову и как можно проинкновенней сказал:

— Дорогой товарищ бригадир! У вас есть «Москвич». А мне позарез нужны дыни с одной бахчи, она недалеко отсюда... Уступите мне на завтра свою машину. Водить я ее умею.

Что-то, наверно, и в мосм тоне, и в моем взгляде было такое, что Рожков не потребовал от меня более подробных объяснений, а тут же согласился на мою просьбу и даже предложил:

— Может, мне с тобой съездить?

— Зачем вам себя утруждать?

— Тогда вот что, ты держись подальше от населенных пунктов... Не дай бог, загребут тебя — без водительских прав. А у меня нет еще и техталона...

— Ну, от ГАИ я как-нибудь увернусь. Мне известны тут все дороги.

— Тогда езжай, — сказал бригадир. — И возвращайся с победой.

На другое утро я сел за руль и отправился в путь. От ГРЭС до Сулима и от Сулима до магистрального шоссе была уже проложена гладкая асфальтированная дорога. Асфальт, чуть размякший под солнцем, блестел, как ремень, о который точат свои бритвы парикмахеры. Но по этой дороге я доехал лишь до города, а уж дальше, обогнув Сулим, стал добираться проселками.

Когда я приближался к совхозу, где когда-то гектарничал, у меня глаза округлились от удивления. Земля, еще недавно словно изъязвленная проступавшей тут и там солью, была вся покрыта хлопчатником, уже отягченным коробочками; и на моем бывшем участке тоже рос хлопок, высокий, наверно, мне по колено. Может, тут уж и вовсе нет больше бахчей?

Я притормозил у борозды, по которой плыл, направляясь к дороге, словно ладья по зеленому морю, бойкий «Универсал», проводивший культивацию. Когда он достиг дороги и, сбавив газ, стал поворачивать, я, выскочив из машины, крикнул водителю.

— Хорманг!

Не думаю, чтобы он меня расслышал, но, как человек вежливый, остановил свой «Универсал» и посмотрел на меня вопросительно.

Я повторил свое пожелание, мы обменялись традиционными приветствиями, и я спросил, работает ли в совхозе Баракабай.

— Вон, видите деревья? Это наш новый сад. Там вы увидите три беседки. Баракабай-ака сейчас в средней.

Я направился к саду и все не переставал удивляться. Как преобразается Мирзачуль!.. Нынешний пейзаж в окрестностях совхоза совсем не похож на прошлогодний! На том месте, где прошлой весной гектарчики сажали дыни, кому где вздумается, сейчас нежно зеленел молодой сад. Лишь на краю его, между саженцами яблонь, располагались грядки с дынями. В центре сада красовались три просторные беседки, самой приглядной была средняя, рядом с ней отливала темным шелком вода большого хуаза, на нее падали тени деревьев, дующий из пустыни ветерок гнал по ней легкую рябь.

Я подкатил на «Москвиче» по широкой аллее прямо к средней беседке и, вылезши из машины, громко позвал:

— Баракабай-ака! Где вы, Баракабай-ака!?

Из нижней части двухэтажной беседки послышался знакомый голос:

— Кто там? Иду-у!

И навстречу мне вышел Баракабай, все такой же худой и в то же время как-то посолднеевший. Он обрадовался мне, мы обнялись, порасспросили друг друга о здоровье, и я тут же взял быка за рога.

— Баракабай-ака, я приехал к вам за дынями. Вы их еще выращиваете?

— Как же, конечно, выращиваю.

— А вы бы не отобрали мне несколько дынь из таких, какие приберегаете для самых дорогих гостей?

— Отчего ж, можно,— Баракабай лукаво прищурился. — Уж не понадобились ли они вам для свадебного тоя?

Я ответил ему улыбкой.

— Если аллах будет ко мне милостив, то, возможно, и до свадьбы недалеко.

— Рад за вас, Эркинджан. И готов исполнить любую вашу просьбу. Все, что пожелаете, для вас найду, хогь из-под земли достану.

— Зачем же из-под земли? Дыни-то на земле пока растут.

— Поезжайте за мной.

Я на машине последовал за Баракабаем, он остановился возле одной из грядок в конце сада, и не успел я и глазом моргнуть, как он наполнил багажник «Москвича» самыми отборными, длиной не меньше чем в аршин, дынями, и ярко-желтыми, и полосатыми. Я достал из кармана бумажник с деньгами, но Баракабай сказал, что не возьмет с меня ни копейки.

— Это мой подарок вам. К тою.

— Но дыни-то, наверно, совхозные?

— Я сам теперь совхозный,— заметив на моем лице недо-

умение, Баракабай повторил.— Да, да, я теперь в совхозе работаю. Развожу бахчевые культуры. Сад вот разбил... Но это,— он обвел руками грядки между саженцами,— мое личное хозяйство. Только теперь я дыни не на базар вожу, а дарю друзьям...

Я от души поблагодарил его и уж собрался в обратный путь, но Баракабай задержал меня.

— Куда вы сейчас, прямиком в Ташкент?

— Э, нет! Прямиком на Сарданскую ГРЭС!

Теперь пришла очередь Баракабаю удивляться.

— Так вы ГРЭС строите?

— Именно!

— Ну поздравляю, Эркинджан. От всего сердца поздравляю. Почетное это дело — возводить Дворец света. Кем же вы там?

— Сперва был подсобным рабочим в бригаде строителей: подай то, принеси это... А сейчас электросварщик.— Я показал на «Москвич»,— вот этот красавчик принадлежит моему бригадирю, он разрешил мне съездить на нем в ваш совхоз.

— Добрый, видать, человек...

— О, ему вообще цены нет! Да и все ребята в моей бригаде на подбор.

Баракабай задумался.

— Я слышал, что у вас там прямо-таки чудеса творятся. Да никак времени не выберу — съездить, посмотреть на стройку. Наш директор ни на шаг меня не отпускает. И все из-за дынь. Он радушный хозяин, любит принимать гостей, а какой же это дастархан без душистой дыни?..

— Все-таки постарайтесь вырваться, не пожалее. Так и порешим: с вас дыни, с меня экскурсия по стройке. Я вам все покажу, до последнего гвоздика. И, надеюсь, после этого мы сможем заключить с вами дипломатический пакт о дружбе и сотрудничестве.

— Скажете тоже, пакт!— У Баракабая от смеха выступили слезы на глазах, и он вытер их тыльной стороной ладони.— Каким вы были шутником, таким и остались...

— Да нет, я серьезно! Почему бы нам, строителям ГРЭС, и вам, труженикам полей, не вступить в братский союз?— На меня словно вдохновение нашло, и я торжественно произнес:— Скажем — Союз Серпа и Молота. Неплохо звучит, а? Ведь мы же работаем друг на друга! Вы нас снабжаете всякой всячиной — из садов, с бахчей и огородов. А от стройки вы воду получите. К вам же канал ведут. Вашей земле водичка разве не нужна? Как? Согласны?

— Руку, друг! — сказал Баракабай, протягивая мне свою натруженную ладонь.

Мы обменялись крепким рукопожатием, я от имени Молота, он от имени Серпа.

Домой я добрался благополучно, вернул «Москвич» Рожкову и, собрав товарищей и по старой, и по новой бригаде, угостил их дынями и рассказал им о моей идее дружбы Серпа и Молота.

— Серп, как видите, нас уже благодетельствовал, — я показал на дастархан, заваленный сочными дольками дынь. — Теперь надо нам взять шефство над совхозом, для начала пригласить на стройку Баракабая, как полномочного представителя Серпа, а потом организовать праздник Серпа и Молота.

Хоть тон у меня был полушутливый, но мою идею все приняли «на ура».

Выбрав из привезенных мною дынь самые лучшие, — даже постаравшись, чтобы и размеры, и узор на них были одинаковые, — я потащил их к Хурилико.

Ее подруги, увидев сумки с дынями, с восторженным визгом накинулись на меня и вмиг расхватили чуть не все дыни. Каждая прижала «свою» дыню к груди, словно спеленутого младенца. Казалось, в общежитие пришел праздник.

Когда я вручал Хурилико дыню-алычу, которую приберет специально для нее, глаза ее засветились радостью и благодарностью, и она тихо сказала:

— Спасибо, Эркинджан.

Если не считать плова, то впервые она взяла у меня предназначенный ей подарок и улыбнулась, и в душе у меня тоже забушевал праздник, ее улыбка озарила все вокруг, как солнце: никогда я еще не чувствовал себя таким счастливым.

Вечер превратился для меня в сияющий день.

Но, по пословице, в суп к голодному обязательно попадет муха.

Надо же было случиться, чтобы именно в этот вечер, в эти минуты в общежитие пожаловала... Джурахан!.. Подозреваю, что она меня просто выследила.

Я в это время разговаривал с Хурилико, метнув на меня ревнивый взгляд, Джурахан кивком поздоровалась со всеми и окликнула меня:

— Эркин-ака!..

Я сделал вид, что не слышу ее и продолжал как ни в чем не бывало беседовать с Хурилико.

Тогда Джурахан решительно подошла к нам, холодно и высокомерно поздоровалась с Хурилико (как не шло ей это вы-

сокомерие, какой жалкой и смешной выглядела она рядом с моей «пери») и сказала, протягивая мне руку:

— Салам, Эркин-ака!— Она повернулась к Хурилико.— Прошу прощения, я, кажется, помешала вашей беседе, но у меня срочное дело к Эркину.

Она и не думала скрывать, что пришла сюда из-за меня!

Девушки, жившие вместе с Хурилико, не отрываясь от дынь, которые успели уже разрезать, с любопытством наблюдали за этой сценой.

Хурилико, у которой появилось на лице недоумевающее и какое-то напряженное выражение (даже лоб в морщинки собрался), разрешающе кивнула мне, и мы с «Цыпленком» вышли на улицу. Погрозив мне пальцем, Джурахан жеманно протянула:

— Гадкий! Вынуждаешь девушку разыскивать тебя. Как перешел на другую работу, так ни разу у меня не появился...

Как будто до этого я к ней заглядывал!..

А она продолжала, уже на сердитой ноте:

— Мог бы и мне дыню привезти. Мы все-таки не чужие друг другу.

Я только усмехнулся.

— Ладно, теперь ты мне попался, и я тебя так просто не выпущу.— Джурахан постарался придать своему голосу небрежность.— Да, кстати, что это за девица, с которой ты так оживленно разговаривал?

Аллах великий, она меня еще ревновала! Я жалел, что не мог выложить ей всю правду обо мне и Хурилико; мне не хотелось вызывать огонь на дорогого мне человека. И я проговорил с деланным безразличием:

— Так, одна знакомая. Мы вместе работаем на ГРЭС.

— И о чем же вы с ней говорили?

— Ты что, в следователи записалась? О работе, конечно. Правильно сказал о ней Хуриддин: настырная.

— О работе?— с подозрением переспросила Джурахан.— Она ведь вроде не монтажница...

Мне все это надоело, и я взорвался:

— Слушай! Занимайся-ка ты своими делами и не лезь в чужие. На стройке у нас есть свой народный контроль.

В намерения «Цыпленка» вовсе не входило — восстанавливать меня. Видя, что злую, она приняла смиренно-покаянный вид. Это ее всегдашний способ самозащиты: начинает она обычно с атаки, ведет разговор на самых высоких нотах, а когда убеждается, что это не дает должного эффекта, тут же прикидывается невинной овечкой и резко сбавляет тон: так произош-

ло и сейчас, она заговорила мягче и просительней, стараясь вызвать к себе сочувствие:

— Прости меня, Эркинджан. Мы ведь с тобой давние друзья, и меня интересует все, что тебя касается. А эта девушка... мне показалось, что она тебе безразлична?

— Ну, и что?— рявкнул я.— Тебе-то какое до этого дело? Что ты таскаешься за мной по пятам? Я ведь тебе не муж и даже не жених.

От этих грубых слов Джурахан прямо остолбенела, а когда пришла в себя, лицо ее как-то раскисло, а глаза начали наполняться слезами.

— Зачем ты со мной так, Эркинджан?

— А как еще прикажешь мне держаться? Ну, чего ты преследуешь меня, навязываешь мне свою дружбу, суешь свой нос в мою жизнь? Что было, то сплыло, а теперь нам с тобой не по пути. Ясно? Повторяю: занимайся своими делами, а меня оставь в покое.

Слезы на глазах Джурахан высохли: глядя на меня чуть не с ненавистью и в то же время с болью и упреком, она молчала, кусая губы, а потом резко повернулась и стала удаляться торопливой походкой, которая, казалось, вот-вот перейдет в бег...

Вернувшись в общежитие, я сказал Хурилико, что это моя одноклассница, сейчас она работает в горсовете и печется о том, чтобы меня поскорее обеспечили квартирой.

Не знаю, поверила ли мне Хурилико...

V

Я вот думаю, а не пропустить ли мне несколько месяцев? Ведь ничего особенного за это время не произошло, дни были гохожи один на другой. У меня закончился срок исправительных работ, но мне теперь и в голову не приходило покинуть стройку. Я по-прежнему трудился в бригаде монтажников, с которыми сжился, как с родными; а если устранил по какому-нибудь поводу той (когда таких поводов не было, то их придумывал Хурддин),— тогда обязательно приглашал Забирака и его ребят; сварочный аппарат становился все более послушным моим рукам и я упрямо добивался от него еще большего повиновения. Несколько раз я съездил в Ташкент навестить маму, которая чувствовала себя совсем уже хорошо. Брат скрепя сердце мирился с этими моими визитами. Наши отношения с Хурилико топтались на месте,— может, потому, что работы у обоих было сверх головы, темпы строительства ГРЭС все нарастали, и у нас порой просто не было времени даже на

мимолетные встречи. Джурахан вроде вяла моей резкой просьбе — оставить меня в покое. Впрочем, на ГРЭС ей нечего было делать, а в городе я появлялся очень редко.

Да, все шло своим чередом, внешне как будто бы и однотонно. Вот только во мне что-то неуловимо менялось — медленно, но неуклонно. И когда я, отработав свое по приговору суда, без раздумий остался на стройке, меня самого это не особенно удивило. Я чувствовал, что стал уже, или правильнее пока сказать, становлюсь, другим...

Вот растет травинка и разве увидишь простым глазом, как она растет? Пришел сегодня — она совсем крохотная, заглянул на это же место спустя некоторое время — ба, как она вытянулась-то!.. Наверно, лишь при замедленной киносъемке можно проследить, как эта травинка постепенно наливается соками...

И в человеке — не все ведь на виду. Как уловить в нем переход от легкомыслия к серьезности, от беспечной любви к «легкой» денежке, которую, если оставаться честным, добывать-то, в общем, ой как нелегко, — к увлеченности самим трудом?

Меня меняла дружба с хорошими людьми. И воспитывала сама атмосфера большого строительства. На такой стройке просто нельзя было не стать ее патриотом.

Как-то незаметно наступил декабрь, с календаря осталось сорвать всего несколько последних листков, и как раз на это время пришелся первый большой праздник создателей Дворца света, Нурджанов и Нурхан — день пуска первого энергоблока.

На этот праздник, саиль, должны были прибыть гости из всех областей республики, из городов и кишлаков, с других строящихся или уже действующих электростанций.

Я не забыл о Баракабае и от имени всей бригады отбил ему телеграмму с внушительной пометкой «срочная»: «Ждем вас на той в честь дружбы Серпа и Молота».

Зима стояла суровая, снег выпадал редко, но все равно яростными ветрами в пустыне намело высокие сугробы, напоминающие хлопковые хирманы.

Лишь вокруг корпуса, который монтировала наша бригада, снега почти не было; хотя небо посыпало нас снежком и ветры несли его к нам, — но он таял, не долетая: уж очень горячая была у нас работа, мы постоянно имели дело с огнем. А огонь и снег — непримиримые враги...

Мы с нетерпением ждали праздника. Да, праздника, иначе его и не назовешь. Казалось бы, как прозаически это звучит: пуск первого энергоблока. Но ведь он должен был дать, шутка сказать, не менее грехот тысяч киловатт-часов электроэнергии!

Как-то к нам в бригаду один местный энтузиаст, собравший-

ся писать что-то вроде истории Сарданской ГРЭС, принес пластинку, о которой сказал, что она «историческая». Оказалось, что на ней было записано выступление первого Председателя узбекского Совнаркома Файзуллы Ходжаева, где он рассказывал о достижениях молодой республики рабочих и крестьян, в том числе и о строительстве Аккавакской электростанции, которая дала свет в несколько сотен домов.

Долго мы находились под впечатлением этой пластинки.

Аккавакская ГЭС... Сейчас от нее и следа не осталось, но в то время (для меня далекое-далекое), когда она была построена, это было большим событием. В домах, где люди сидели в полутьме, в удушливом чаду масляных и жировых коптилок, вдруг вспыхнули лампочки Ильича. Они мигали слабым желтоватым светом, но тем, кто их впервые увидел, эти лампочки казались маленькими солнышками. И, кидая вверх свои тюбетейки, дехкане кричали со счастливым восторгом: «Лампочка Ильича — это второе солнце на земле!», «Да здравствует лампочка Ильича — наше сияющее будущее!».

Аккавакская ГЭС... Одна из первых зажженных звездочек Ленинского плана ГОЭЛРО.

Мы про этот план еще школьниками чигали в учебниках, нам о нем говорили учителя. И представлялся он нам чем-то величественным и отвлеченным.

А вот наш Фунтиков был в числе тех, кто проводил этот план в жизнь. Сам он называл себя ветераном ГОЭЛРО и иногда рассказывал нам о своей жизни, связанной со строительством электростанций, о которых он говорил как о своих детищах — но прежде всего детищах ГОЭЛРО.

Он родился и вырос в подмосковной деревне Кашино. Это знаменитая деревня; когда Ленин призвал народ к осуществлению плана ГОЭЛРО, кашинцы первыми откликнулись на этот призыв и сладили у себя электростанцию.

Фунтиков тогда был еще сопливым мальчишкой, но события тех дней сохранились в его памяти так отчетливо, будто происходили совсем недавно. Он хорошо помнил, как кашинские крестьяне своими руками устанавливали столбы, тянули провода, возились с динамо-машиной, которую приобрели на собственные средства. Особенно незабываем был момент, когда в домах загорелись лампочки, деревня, окутанная вечерней мглой, засветилась яркими огнями — как будто звездная россыпь вспыхнула на земле...

С волнением вспоминал наш начальник строительства день, когда к кашинцам прибыли дорогие гости — Владимир Ильич и Надежда Константиновна Крупская.

— Это было четырнадцатого ноября тысяча девятьсот двадцатого года. Ленин и Крупская приехали часам к шести вечера. Бся деревня, от мала до велика, собралась на митинг. Даже древние старики приковыляли и женщины принесли на руках грудных младенцев. Расталкивая одиосельчан худыми локотками, я пробрался в первые ряды. И стоял совсем рядом с великим вождем, не отрывая от него восторженных глаз. И все взгляды были устремлены на Ленина, пока он держал речь. Он похвалил кашинцев, сказал, что они сделали замечательное дело, по что это только начало большой работы по электрификации страны.

Мы смотрели на Фунтикова с уважением и завистью: он видел, он слышал Ленина!..

Какой же путь пройден нашей страной от скромной Кашинской электростанции, от маломощной Аккавакской ГЭС, первых ласточек ГОЭЛРО, до наших дней, когда все возведенные на нашей земле Дворцы Света, и ГЭС, и ГРЭС, и ТЭЦ, и атомные электростанции не мог бы перечислить, наверно, и сам Фунтиков, ветеран ГОЭЛРО!

По моей телеграмме к нам пожаловал Баракабай и шутивно сказал мне:

— Ну, дорогой Балгабай¹, давай-ка выполняй свое обещание, показывай мне ваш Дворец света, кладовую электроэнергии...

— Сей момент, дорогой Урокбай²! — откликнулся я в том же тоне, — следуйте за мной, я проведу вас в Главный корпус первого энергоблока. Смотрите, запомните, удивляйтесь. Я покажу вам и зал, и замечательные машины, которые, между прочим, будут поставлять свет и воду и для вашего совхоза. — Меня уже понесло, и я заливался соловьем. — Не будем терять дорогое время, начнем приваривать Серп к Молоту, пусть дружба наша будет спянной навечно!

Когда я ввел Баракабая в просторный, необозримый зал Главного корпуса, он открыл рот от удивления, настолько мощно и величественно выглядели и сам зал, и сложные переплетения труб, и ритмичное чередование котлов и генераторов. Когда он задрал голову, чтоб глянуть на верхний свод корпуса, его чувственная тубетейка, вышитая белыми стручками-запятыми, свалилась на мраморный пол и покатилаь, описывая круги. Я поднял ее и подал Баракабаю, а он все ошалело восклицал:

— Высота-то какая!.. Сколько ж это тополей надо поставить друг на дружку, чтоб они дотянулись до потолка?

— Думаю, тут поместился бы семизэтажный дом.

¹ Балгабай — Молот-бай.

² Урокбай — Серп-бай.

— На чем же крыша-то держится? Я что-то не вижу никаких подпорок.

— На чем? А на конструкциях, которые сваривал ваш покорный слуга!

Я приосанился и окинул Баракабая победно-гордым взором.

Он стал расспрашивать меня о моей работе, я охотно рассказывал.

— И вы всему этому научились? — Он, дивясь, покачал головой и сожалеюще вздохнул: — Эх, годы свое берут, не то и я приобрел бы какую-нибудь серьезную специальность вроде вашей.

— Баракабай-ака! — поспешил я возразить. — Ваш труд тоже нелегкий и почетный. Кто еще способен выращивать такие чудесные дыни? Тут надо быть мастером...

— Вай! — спохватился Баракабай. — Я ведь привез вам зимние дыни. Пошли к машине, Эркинджан.

Он приехал на «Волге», которую доверил ему директор совхоза.

Вдвоем мы выгрузили дыни из багажника и, затащив их в фойе Главного корпуса, разложили в ряд, прямо на полу. На помощь нам подоспел Хуриддин, узнавший каким-то образом о приезде Баракабая и давно уже разыскивавший нас. Он приволок откуда-то столик, мы разрезали дыни, пристроили аккуратные ломтики, источавшие мягкий, сладкий, необычный для этого времени года аромат, на столе, и Баракабай всякого, кто входил в Главный корпус, радушно приглашал к импровизированному дастархану.

— Прошу вас, дорогие Нурджаны, отведайте дынь с моих грядок! Я их растил специально для вас. О, дорогие Нурхан, пожалуйста, угощайтесь, они вам предвзначены...

В одной из групп, пришедших осматривать Главный корпус (а в эти дни одна экскурсия сменяла другую), я увидел Хурилико и показал ее Баракабаю. Он бросил на меня понимающий взгляд и, выбрав лучшие дыни, устремился к моей пери:

— Драгоценнейшая Хурилико! В вашу честь я засадил дынями целую бахчу. А пока примите от меня вот эти две: одну я прибрел для вас к нынешнему празднику, другую к вашему новогоднему дастархану.

Я держался чуть поодаль, стараясь не привлекать к себе внимания Хурилико. У меня тоже был для нее сюрприз, в нашей городской оранжерее по просьбе Халмухамедова я вырастил гвоздики и сегодня прихватил с собой несколько цветов, чтобы преподнести их Хурилико.

Баракабай протягивал ей дыни, а она, я это ждал, была в нерешительности: брать их или нет, и во взгляде ее, скользящем по Баракабаю, сквозило недоумение.

— Простите... Мы с вами незнакомы... Откуда вы знаете мое имя?

— Мне его подсказал один наш общий друг...

Тут я ринулся к ним, бережно держа в руках гвоздики.

— Хурилико! Это — вам...

Лицо ее заалело, как тюльпан, от смущения и радости, она вся так и просияла и, взяв цветы, улыбнулась благодарно.

— Спасибо, Эркинджан... О таком подарке я могла только мечтать.

Я показал ей на Баракабая.

— Примите от него дыни, Хурилико, это же Баракабай, о котором я вам столько рассказывал. Он замечательный бахчевод. В совхозе им не нахвалятся.

Баракабай, не сводя с Хурилико восхищенных глаз, кивал в такт моим словам.

— Да, да, любезная, я тот самый Баракабай... Вот, Эркинджан звал меня в гости, и Серп приехал к Молоту. Берите, берите дыньки. Я, правда, берег их для вас...

Дыни достались и подругам Хурилико, и ребятам из моей бригады, с которыми я познакомил Баракабая. Они встретили его, как старого друга...

Так, с дынями в руках, мы все вместе отправились на митинг, посвященный пуску первого энергоблока.

Мелкая снежная крупа сыпалась с неба, снежинки-искорки острыми иголками кололи мне лицо и сначала тут же таяли, но поднялся холодный ветер, он все швырял и швырял в нас снегом, и скоро голова моя стала белой, как у старика. Я огляделся у всех, кто шел без шапок, волосы серебрились сединой. Ветер метался по стройке с разбойным поведением, а вместе с ним метался над землей снег, его уже навалило порядком, он скрипел под ногами, все больше жалил кожу...

Но ни ветер, ни снег, ни холод — ничто сегодня не могло остановить людей, спешивших на митинг. Они шли пешком, прибывали в автобусах и на грузовниках, приезжали на лошадях и ишаках.

Море голов колыхалось на площади перед Главным корпусом.

На деревянной трибуне, среди руководителей и передовиков строительства, мы увидели первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Шарафа Рашидовича Рашидова. Все сердечно приветствовали его дружными аплодисментами. Ведь он был одним

из инициаторов строительства дашей ГРЭС, наш сегодняшний праздник был и его праздником.

Всей церемонией пуска первого энергоблока, от начала до конца, руководил Фунтиков. Как и при закладке фундамента первого котлована, трибуну окружали знамена всех республик. Только теперь на стене Главного корпуса прикреплен был щит с четко выведенными цифрами, из которых видно, какой вклад внесла в общее дело каждая республика, каждый город, помогавшие стройке.

Впрочем, и без этих цифр' легко было определить, кто что прислал на стройку — по фабричным и заводским клеймам, отчеканенным на каждой машине, каждом изделии. На каркасных конструкциях стояла марка Новосибирского завода металлоконструкций, а световые панели прибыли из Свердловска, ленинградский завод «Электросила» поставил нам мощные турбины; пока они высились молчаливыми громадами, но мы знали: стоит им только заработать, загудеть, как содрогнется вся Мирзачульская степь на много километров окрест. На электромоторах виднелись литые надписи на армянском языке. А оконные блоки снежной белизны были присланы Грузией.

В своей речи Фунтиков перечислил дары и других республик, городов, областей:

— Газоходы нам дал Казахстан, мрамор — Таджикистан, ценнейший кабель — Прибалтика. воду — Сырдарья...

И он привел красноречивые данные о количестве полученных стройкой материалов, механизмов, машин.

Вот память!

Хурилко говорила мне, что ее умницы-машины произвели для выступления Фунтикова сложнейшие вычисления, но бумажку, куда они были занесены, он так и не вынул из кармана. Он и так знал, откуда и когда, раньше или позднее договоренного срока, поступила та или иная деталь, какие поставщики проявили добросовестность, а какие — нет; ему было известно в подробностях и все, что происходило на стройке, и он помнил фамилии не только передовых строителей, подлинных героев труда, но и всех, кто хоть чем-нибудь отличился за прошедший год.

Я даже вздрогнул, когда услышал свое имя. Фунтиков рассказывал всем, как я посадил на стройке первые цветы.

— Я помню, как Эркин Акбаров преподнес мне букет из первых цветов, выращенных в пустыне. При острой нехватке воды, в условиях, мало подходивших для цветоводства, — это было нелегким делом. Жаль, что наш Эркинджан сейчас отошел от него, но у него нашлись энтузиасты-последователи, и его цветники не остались без присмотра...

Я смотрел на Фунтикова с некоторым страхом. Мне вспомнилось, как недавно, встретив меня, он шутливо сказал своему спутнику, председателю горсовета Халмухамедову:

— Что ж это вы выпустили из-под своей опеки нашего цветочника? Я слышал, Эркинджан совсем забыл о цветах, а если и проявляет к ним внимание, то лишь тогда, когда они нужны ему для букета, — Фунтиков глянул на меня с лукавой пронизательностью. — Кому это ты теперь даришь свои букеты, а, Эркинджан?

Я боялся, что он и сейчас отпустит по моему адресу какую-нибудь шутку, и опасливо покосился на гвоздики, алевшие в руке у Хурилико.

Но Фунтиков уже заговорил о других строителях.

Я слушал его и поглядывал по сторонам. Меня терзали новые страхи: как бы не попасться на глаза Джурахан. Она наверняка была среди собравшихся, и я не сомневался, что, услышав мое имя, она начнет меня искать. Так и есть: вон она, совсем недалеко, и так и шарит вокруг загоревшимися глазами. Я поспешил спрятаться за спину своего бригадира Рожкова и, слава богу, Джурахан меня не заметила...

А вот Забиру-ака и ребятам из его бригады удалось меня разыскать. Крепко пожав мне руку и поздравив с праздником и с трудовыми успехами, Забир-бригадир, смеясь, сказал:

— Досталось тебе от начальства, а?

— Мне бы так досталось, — заметил Хуридин, — так я бы уже выставил батарею поллитровок.

— Ладно, не переживай, — успокоил я его. — Я уже заказал в столовой нашему Садыкпаше казан жирного плова.

— Ты уж не дразни меня, а то прямо слюнки текут. И, наверно, напрасно, потому что от твоего плова нам, грешным, не достанется ни рисинки. Как твой Серп на него наляжет...

— Плова на всех хватит. И уж своих старых, верных друзей я посажу на самые почетные места, во главе стола. Как, удовлетворен?

После митинга я пригласил Баракабая, своих друзей-монтажников и друзей-каменщиков и плотников в столовую, где в дальнем углу были составлены столы, ломившиеся от яств, которые в зимнюю пору мне с трудом удалось раздобыть. Позвал я и Хурилико. Она сначала отнекивалась, но я уломал ее и привел в столовую. Там стоял такой шум и стеченье ее сотрясали такие раскаты хохота, что Хурилико попятилась обратно к двери.

— Господи, что ж это тут творится!

— Ничего особенного, просто джигиты-строители отмечают свой праздник. А вон за теми столами и собрал своих друзей. И

смонтировал их за казаном с пловом,— Хурилко невольно улыбнулась моей «профессиональной» шутке.— У нас имеется и дополнительный повод для тоя: в гости к нам наведалься Баракабай-ака, и мы хотим закрепить за дружеским столом союз Серпа и Молота.

— Я-то тут причем?

— А вы будете представлять научно-техническую интеллигенцию.

— Неловко как-то...

— Вы сами увидите, какие все славные люди. Хурилкина-то вы уже знаете и многих других тоже.

После моих уговоров она все-таки присоединилась к нашей компании и, по-моему, осталась довольна.

Плов мы умяли в два счета, встреча наша, говоря языком дипломатической информации, прошла в теплой, дружественной обстановке. Расправившись с едой, мы вплотную приступили к обсуждению вопросов, связанных с укреплением связей между тружениками полей и рабочим классом Сарданской ГРЭС. Баракабай поблагодарил меня за угощение, которое я устроил в ознаменование дружбы Серпа и Молота, я рассмеялся.

— Дорогой Баракабай-ака, да это просто скромная пирушка, которой мы решили отметить ваше знакомство со стройкой и нашими джигитами...

— И с прекраснейшей в мире пери, — закончил Баракабай, повернувшись к Хурилко и приложив ладони к груди.

— Поправка принимается единогласно. А праздник Серпа и Молота еще впереди!

Забир-ака согласно кивнул.

— И дел впереди у нас еще невпроворот. И ГРЭС пока не построена, и город не возведен. Все самое главное — всегда впереди.

Я в этот вечер часто посматривал на Хурилко, она, смущаясь, отводила взгляд и все любовалась гвоздиками...

Глава седьмая

I

Минула зима, солнце начало пригревать по-весеннему, и в один из теплых, сухих, зеленых дней я предложил Хурилко съездить в Ташкент — «разветься». Она согласилась неожиданно легко, и вскоре мы сидели в автобусе Сулим—Ташкент, битком набитом по случаю воскресенья.

Я возлагал на эту поездку больше надежды. Радовался, что увижу маму, что смогу ей представить Хурилико. С Хурилико у нас, правда, еще не было серьезного разговора о будущем, но нас все больше тянуло друг к другу, мы оба искали встреч, и Хурилико уже не краснела, когда ее подруги и мои приятели добродушно подшучивали над нами. У них наша скорая свадьба не вызвала никаких сомнений.

То-то и матушка будет довольна, думал я, вспоминая одно из ее писем: «Сынок, пока я еще способна видеть и слышать, найди себе девушку по душе и женись на ней. Да сбудутся мои мечты о твоём счастье! Я умру спокойно, если в доме зазвенит голосок моего внука...».

Судя по тому, о чем и писала и говорила мне мама, она готова была одобрить любой мой выбор, только бы дожидаться внука, покачать его на коленях. А я был уверен, что ей понравится Хурилико. И как только мама даст нам свое согласие и благословение, мы устроим свадебный той. Такой пышный, что о нем долго будут все помнить... Даром, что ли, мы возводим Дворец бракосочетания?

Я еще не знал, где мы станем жить. Ну, на первых порах, пока не завершено строительство ГРЭС, — в Сулиме. Но я сохранил за собой и ташкентскую квартиру. Я уж как-то намекнул Хурилико, что как только Сарданская ГРЭС заработает на полную мощность, мы сможем с чистой совестью уехать оттуда, найти работу в Ташкенте и поселиться в моей квартире. И я обещал показать ей эту квартиру. «Она, правда, пока запущенная, но мы из нее конфетку сделаем!».

Надо будет в Ташкенте раздобыть справку, подтверждающую, что у меня нет лишней жилплощади. Ведь Халмухамедов сказал, что если я представлю такую справку, докажу, что в Ташкенте у меня лишь одна квартира, то он даст мне однокомнатную квартиру в Сулиме. Мне же еще долго там вкалывать — теперь уже по доброй воле, по собственному желанию. Думаю, наш мэр меня не обманет, ведь никто не тянул его за язык, а тут я еще выдвину и такой весомый аргумент: мол, на стройке появилась новая ячейка социалистического общества, новая молодая семья, и надо и ей где-то жить!.. Нет, он мне не откажет, а я попрошу его быть главным распорядителем на нашем свадебном тое. Это должно ему польстить...

Уж не знаю, о чем в эту минуту размышляла Хурилико, но вид у нее был задумчивый. Она смотрела в окно, за которым проплывали весенние степные пейзажи.

Удивительна весна в Мирзачуле!.. И не чувствуешь, что ты в пустыне: ни зноя, ни суши...

Пока мы ехали, шоссе побрызгало мелким дождичком и асфальт блестел, как зеркало, темной рекой лился под колеса автобуса.

По обе стороны от дороги земля зеленела; цвела верблюжья колючка, обласканная теплым солнышком; молодая полынь посвежела под дождем; и трава была еще свежая, сочная, и из нее выглядывали пестрые цветы.

По степи бродили овечьи отары, резвились ягнята, кудрявые, с крохотными хвостиками. Глядя на них, Хурилико улыбалась, и мне чудилось, что ей очень хочется выскочить из автобуса и побежать к этим смешным малышам...

Но вот степь сменилась так называемой «зоной культурного земледелия». Вдоль дороги потянулись тутовые деревья: толстые отростки гладких красноватых стволов уже выбросили веточки, и на них набухли почки, зеленые, как маш, каждая величиной с кукурузное зернышко.

За тутовником простирались хлопковые поля; земля, напоенная стаявшим снегом и водой первых поливов, томно нежилась под утренними солнечными лучами, как восточная красавица, которая просыпается, лениво потягиваясь...

У Хурилико, не отрывавшейся от окна, лицо было счастливое, а глаза светились наивным изумлением, как у ребенка, для которого все вокруг — открытие. Я улыбнулся. Бедняжка, она радовалась всему, как птица, вырвавшаяся из клетки. Ведь сердцу горянки так близка природа...

Навстречу нам тяжело грохотали самосвалы, осторожно обгаввшие наш автобус, неслись грузовики, наполненные удобрениями, навозом, черноземом; по полям брели дехкане с кетменями на плечах — видно, шли рыть арыки; женщины уже готовили трехъярусные стеллажи для ухода за шелковичными червями.

Хлопок и шелк — это главное богатство моей республики, которым она щедро делится со всей страной.

Мы и не заметили, как въехали в Ташкент.

Город, конечно, это совсем особый мир. Постоянный шум, спешка, сутолока, камень домов, асфальт мостовых и тротуаров... Но и в городе чувствовалась весна. Сады пенились белым и розовым цветом, изумрудно сияли влажные листья деревьев в парках, у домов, возле тротуаров, ташкентцы возились с саженцами, с цветами, владельцы частных домов и участков ремонтировали крыши, дувалы, пострадавшие от дождей и снегопадов, приводили в порядок дорожки перед воротами и в садах.

Мы сошли с автобуса и направились к моему дому. У нас в махалле тоже кипела работа. В воскресенье люди не сидели без

дела, занимались благоустройством и общих дворов, и своих жилищ, и участков.

На воротах, ведущих в наш двор, колыхалось красное полотнище, на котором белыми буквами было выведено: «Сделаем Ташкент самым зеленым городом на земле!» А возле ворот стоял Бердыев, на нем были заляпаные кирзовые сапоги, белая, навывпуск, рубаха с закатанными рукавами, в одной руке он держал лопату, в другой вишневый саженец, но сам не работал, а лишь начальственно покрикивал на ребятишек из нашей махалли, которые помогали ему сажать молоденькие фруктовые деревья.

— Копай поглубже, лентяй! Эй, принеси-ка воды, надо полить вон тот саженец. Опускай деревце в ямку! Ну!.. Что воропловишь? Кому говорю, сажай яблоньку...

Ребята на лету подхватывали его указания и тут же бросались их выполнять.

Мне вдруг тоже захотелось посадить хоть одно деревце, я приглашающе махнул рукой Хурилико и присоединился к ребятам. Бердыев то ли не узнал меня, то ли просто не заметил, чтоб поразмяться, он и сам стал копать ямки для саженцев. Когда я поднял голову, то увидел рядом Хурилико, она бережно пристраивала в ямке молодую хрупкую яблоньку.

Но вот Бердыев разогнулся, и мы встретились с ним взглядами. Он подошел ко мне, протянул руку.

— Хорманг, Эркин-булбул!

— Хорманг, раис.

— Видишь, озеленяем нашу махаллю. Ты тоже решил внести свой вклад в наше общее дело?

— Почему бы и нет?

Он кивнул на Хурилико, увлеченную работой.

— А это кто с тобой?

Я оставил его вопрос без ответа.

Меня обступили махаллинские мальчишки, глазенки их горели любопытством, и я знал, что каждое произнесенное мною слово пресом рассыпется по всей улице, шариком ртути покатыся по всем домам. Тут надо было держать язык на привязи...

Бердыев, обиженный моим молчанием, нахмурился, а я, взяв Хурилико за руку, направился с ней к нашему подъезду. На лице Бердыева появилось злорадное выражение, он язвительно крикнул мне вслед:

— Куда ты так спешишь, Эркин-булбул? Не ко мне ли в гости? Милости прошу!

Слова эти насторожили меня: ведь Бердыев жил совсем в другом месте, у него был собственный дом.

Когда мы уже поднимались по лестнице, Хурилико спросила меня:

— Что это за тип? Бр-р, какой неприятный. И слова у него скользкие, как лягушки.

— А, не надо обращать внимания. Хоть он и председатель нашего махаллинского комитета, но личность, и в самом деле, малопривлекательная.

Все же Хурилико явно чувствовала себя не в своей тарелке, и за мной, она озиралась по сторонам как-то отчужденно, напряженно-чутко, словно чужеземка во враждебной ей стране...

Когда мы достигли моего этажа, нас переждал Бердыев; он достал ключ, открыл дверь в мою квартиру и сделал приглашающий жест.

— Проходите, дорогие гости. Я сейчас чай для вас заварю. Правда, грузинский, да вдобавок второго сорта. Вы-то у себя на стройке, наверное, привыкли к индийскому? У нас его трудно достать. Да и конфет маловато осталось, ну, ничего, ведь главное, чтобы угощение было предложено от чистого сердца, верно, Эркин-булбул?

Я стоял перед дверью, как вкопанный... Чего это Бердыев такой возбужденный? И почему приглашает меня, как гостя, в мою же квартиру? И откуда у него ключи от нее? Я не знал, что и думать. И механически проследовал за Бердыевым. Хурилико шла за мной с недоумевающим видом, нервно покусывая губы. Она, верно, тоже ничего не понимала.

Очутившись в комнате, я совсем оторопел. Там не было ни одной моей вещи, вся мебель — другая.

Уже начиная подозревать неладное, я насмешливо заинтересовался у Бердыева:

— Никак мою квартиру воры обчистили? И брат купил новую обстановку? С чего бы такая щедрость...

— Нет, Эркин-булбул, все, что принадлежало тебе и матери, осталось в целости. Твой брат увез все вещи к себе домой...

— Это по какому праву?

— Ты не волнуйся, Эркин-булбул, все на законном основании. Я обвел рукой мебель, стоявшую в комнате, вскипая, спросил:

— А это чьи вещи?

— Это? Мои.

— Как ваши? — опять меня словно ударили обухом по голове.

— А так. Они куплены на мои кровные деньги. Почему же им не быть моими.

Хурилико смотрела на меня с явным испугом. И с тревогой. А Бердыев нагло и безмятежно ухмылялся, ожидая, что же будет предпринято дальше.

Я, с трудом сдерживая себя, показал Бердыеву на дверь.

— Вон отсюда, шайтан! Убирайтесь из моей квартиры — вместе с вашими вещами!

— Из твое-ей? — протянул тот издевательским тоном. — Была она когда-то твоя. А теперь мне досталась. — И попятился от меня, бормоча. — По закону, по закону!..

— Нет такого закона, по которому у меня могли бы отобрать квартиру и вышвырнуть из нее мои вещи!

— Эркин! Не кипятись. Я же сказал тебе, что все увез твой брат.

На губах у Бердыева все změлась улыбка, а голос сделался бархатно-вкрадчивым. Уж я-то знал этого человека, знал, что когда он начинает говорить с такой вот увещевающей мягкостью, то, значит, он держит камень за пазухой, а на кончике его языка — яд...

— Я понимаю, Эркинджан, твое возмущение. Будь я на твоём месте, так тоже, наверно, устроил бы скандал. Но, поверь мне, я поселился здесь на законном основании. Ты ведь работаешь на стройке уже около двух лет. А тот, кто не появляется в своей квартире более полугода, теряет на нее право, его лишают прописки.

— Да я сюда не раз приезжал!

— А где свидетели?

-- Соседи меня видели.

— Что они, счет вели твоим визитам? Нет, Эркин-булбул, д от души тебе сочувствую, но эта квартира — по праву моя, а не твоя.

Лишь позднее мне стало известно, как все произошло. Братец мой за большие деньги согласился уступить мою квартиру Бердыеву. Они вместе, от имени Бердыева, составили письмо в горсовет, где говорилось, что я, по существу, владею жилплощадью в трех местах. У меня, мол, есть квартира в Сулиме (в заявлении был указан точный адрес, по которому был прописан... Хуридин) и две в Ташкенте: в одной проживает моя мать, а другая пустует. И в письме содержалась просьба: разрешить махаллинскому комитету вселить в пустующую квартиру кого-либо из нуждающихся в жилплощади.

Горсовет устроил проверку и все вроде сходилась: я ведь действительно, не жил пока в Ташкенте, хотя на стройке имел только койку в общежитии и матушка моя, как забрал ее к себе брат, так больше не возвращалась в нашу ташкентскую квартиру.

Однако, когда это дело разбирали на исполкоме горсовета, то один авторитетный товарищ сказал: «Если вы примете решение отобрать квартиру у Акбарова, я буду категорически про-

тестовать против этого! Парень за ум взялся, трудится в поте лица на одной из самых грандиозных строек девятой пятилетки и, естественно, там пока и живет, — а мы лишим его ташкентской жилплощади, на которой он прописан? Она по закону должна быть за ним забронирована».

Квартира осталась за мной, но Бердыев, уже отдавший деньги моему брату, конечно же, не мог с этим примириться. Он кинулся к моей матери, сделал вид, будто его заботит только ее здоровье и благополучие, и начал плякаться: вот, мол, он хочет женить сына и оставить ему с невесткой свой дом, самому же ему деваться некуда, а вам (то есть маме и мне) квартира пока не нужна, и еще неизвестно, когда Эркин (то есть я) вернется со стройки, и хорошо было бы, и для всех выгодно и удобно, если бы ему позволили временно занять нашу квартиру, а по возвращении Эркина, он, Бердыев, немедленно ее освободит. В общем, ему удалось выманить у мамы бумажку, в которой было сказано, что она не претендует на нашу квартиру. Размахивая этой бумажкой и подчеркивая, что я не бываю в квартире по полгода (что не соответствовало действительности) и квартплату не вношу своевременно, а если высылаю ее, так по почте, Бердыев сумел убедить и махаллинский комитет и милицию, где у него была «рука» в паспортном столе, в том, что я утерять право на проживание в своей квартире, и ее следует предоставить ему, Бердыеву.

Махинации его были незаконны, и защитить мои и мамыны права мог бы брат, но он помалкивал. И, пользуясь моим долгим отсутствием, а значит, и моей вынужденной пассивностью — я ведь не мог вовремя занять оборону и отбить атаки этого жулика, Бердыев въехал в мою квартиру.

Но все это, повторяю, я узнал позднее, а пока чувствовал себя беззащитным перед ловкими доводами Бердыева. Я ведь в квартирных вопросах ничего не смыслил.

А тут еще Хурилико... В ее присутствии мне было не по себе, положение у меня было прямо-таки дурацкое. Хвастался, хвастался перед ней моей ташкентской квартирой, а выходит на поверку — она и не моя...

Бедная Хурилико, уж вот кому можно было посочувствовать. Ехала со мной «проветриться», а стала невольной свидетельницей скандальной истории. Я искоса поглядывал на нее во время перепалки с Бердыевым, и мне и жалко ее было, и стыдно перед ней. В глазах ее был испуг, она то краснела, то бледнела, и мне подумалось, она сожалела сейчас, что у нее нет крыльев — не то бы выпорхнула в окно и без оглядки понеслась стрелой к себе в Сулим...

Бердыев, наверно, ждал, что я брошусь на него с кулаками, но мне не хотелось больше позориться перед Хурилко. И я примирительно, с вымученной улыбкой проговорил:

— Ладно, потом мы с этим разберемся. Квартира-то, в общем, уж не бог весть какая удобная: потолки низкие, окна маленькие, уж о метраже и говорить нечего. Может, когда я вернусь со стройки, мне дадут квартиру получше и в центре, а не в этой захудалой махалле.

Хурилко, однако, понимала, что я пытаюсь строить хорошую мину при плохой игре, и это ее почему-то рассмешило. Она прыснула в кулак и отвернулась, боясь, что меня обидит ее смех. А я не обиделся — наоборот, обрадовался; меньше всего я желал, чтоб моя перебранка с Бердыевым испортила ей настроение. Она смеялась — ну, и отлично! Я подхватил ее под локоть и, не прощавшись с несколько ошарашенным Бердыевым, вышел вместе с ней на лестницу.

В глубине души я опасался, что уж теперь Хурилко никуда не пойдет со мной, а постарается под каким-нибудь благовидным предлогом отделаться от меня и поспешит к автобусной остановке. А она держалась как ни в чем не бывало, и у меня гора свалилась с плеч. Я стал болтать и шутить, как будто ничего и не случилось.

Только раз она задумалась на минутку и покачала головой:

— Ну и фрукт...

Нетрудно было догадаться, что ее слова относились к Бердыеву.

За разговорами мы незаметно дошли до дома, где жил мой брат.

На айване Мохинисо-апа, видно, занималась уборкой, в одной руке веник, в другой совок. При виде Хурилко она почему-то растерялась и смогла только пробормотать:

— Братец... Проходите, пожалуйста...

Я представил мою спутницу и моей невестке. Мохинисо положила на пол совок и веник, вытерла о фартук ладонь и протянула ее Хурилко.

— Проходите в комнаты... Мы гостям всегда рады... Чувствуйте себя как дома...

Хурилко еле удержалась от улыбки, видя, в какое смятение привела мою невестку. Она многое знала от меня о Мохинисо, ей не раз доводилось выводить ее имя на посылках, которые я время от времени отправлял матери. Обычно я покупал для мамы всякий дефицит: индийский чай, апельсины, и Хурилко помогала мне обшивать мешковиной ящики с посылками. А вот для Мохинисо появление в доме брата девушки, о которой она

прежде и слыхом не слыхивала, было настоящим сюрпризом. От неожиданности она чуть не начала заикаться; положение спасла мама, которая вышла на айзап, заслышав наши голоса.

Впрочем, какое там спасла... Она, правда, в отличие от невестки не смешалась, увидев рядом со мной незнакомую девушку, а с доброй, радостной улыбкой кинулась нам навстречу, обняла и поцеловала в лоб сначала меня, потом Хурилико, но зато первые же ее слова вогнали в краску и меня, и мою «пер»: —

— Входите, входите, дети мои. Да пошлет вам аллах счастья, дай вам бог прожить вместе долгую жизнь...

Маму можно было понять, она давно уж мечтала о том, чтобы я привел в дом невестку... Но на меня ее непосредственный порыв подействовал так, будто мне на голову неожиданно свалилась уложенная на крыше вязанка дров. Язык так и прилип у меня к гортани. На Хурилико я боялся смотреть, но не сомневался, что и ее взяла оторопь, и, не в силах опомниться от маминого «выступления», она застыла, как мраморная статуя — из тех, что поставили у нас в городском парке.

В довершение ко всему и невестка затараторила с сияющим лицом:

— Поздравляю вас, братец. Поздравляю вас, сестрица. От души желаю вам счастья...

Да, и непосредственность бывает порой неуместной...

Придя в себя от замешательства, я прикрикнул на Мохинисо:

— Что за чушь вы несете, келин-ойя!

Но у нее, видно, от радости заложило уши, она все не унималась:

— Ай, братец, как не совестно, отчего же вы не пригласили нас на свадьбу? Уж мы бы явились не с пустыми руками... Пусть вы сердитесь на своего брата, но свадьба — это свадьба, роднюто надо было известить...

Я довольно невежливо остановил поток ее слов:

— Прошу вас, помолчите, келин-ойя!

— Вай, сынок,— вмешалась моя мать,— почему ты грубишь своей невестке?

— Надо прежде думать, чем болтать всякую чепуху.

Тут моя матушка присмотрелась к Хурилико, у которой от смущения лицо пошло пятнами, и поняла, что допустила промашку, и ее радость по поводу женигбы сына несколько преждевременна. Слава богу, ни старость, ни болезнь не лишили ее мудрости, и она поспешила исправить свою ошибку, ослабить туго натянувшиеся струны.

— Сынок, дочка, что ж дурного в том, что мы пожелали вам счастья? Может, и сболтнули что лишнее, вы уж простите нас,

глухих. — Она ласково глядела на Хурилико. — Материнское-то сердце словно воск; как я увидела тебя, так оно и растаяло. Вот, думаю, славная пара моему сыночку. Он у меня хоть и непутевый, но душа у него добрая...

У Хурилико, видно, сердце тоже было мягкое, слова моей ма-тушки растрогали ее, и хотя щеки у нее еще были алыми, как кизиловое варенье, но она, по-моему, любовалась моей мамой, и если бы не застенчивость, то обняла бы ее по-дочернему. Так, во всяком случае, мне думалось, а может, просто хотелось так думать.

Мохинисо, пока мать говорила, согласно кивала головой, а улучив момент, вставила и свое слово:

— Что же мы стоим тут? Братец, сестрица, идемте в комнату.

Она быстро накрыла дастархан, мы все уселись вокруг, и мама прочитала фатиху.

— Пусть за этим тоем последует другой, свадебный! Амины! — закончила она, опять заставив Хурилико покраснеть.

В это время с работы пришел мой братец. Жена кинулась встречать его, что-то ему объясняла, а я слышал, как он ворчал:

— Я и его-то видеть не желаю, а он еще гостей с собой водит. Жил бы себе тихо-мирно в своей пустыне...

Мохинисо, как говорится, решила наступить ему на хурджун; бросив быстрый испытующий взгляд на Хурилико (не дошли ли и до ее ушей слова брата?), она сердито крикнула:

— Перестаньте!.. Гость в доме — счастье в доме. Идите в комнату, поздоровайтесь с Эркином и Хурилико-хон.

Но брат, продолжая что-то недовольно бормотать, не заглядывая в комнату, проследовал в кухню. Разговаривая с женой, он опять прошелся по моему адресу, я разобрал лишь отдельные слова, но сам-то я привык к братниным попрекам и боялся лишь одного: как бы он не оскорбил Хурилико. Она и так сидела в напряженной позе, и если бы слуха ее коснулось хоть одно обидное слово, она ушла бы из этого дома, и еще неизвестно, как бы дальше сложились наши отношения. Братец мой способен был наломать таких дров — что только держись. Над моими мечтами и надеждами нависла реальная угроза, и у меня сердце обдал неприятный холодок, когда я представил себе, что могло произойти... Чего я только не пережил, прежде чем поймать птицу моего счастья, — не дай бог, чтобы из-за моего брата она упорхнула от меня! Улетит и тогда душа покинет мое тело, а что такое человек, лишившийся души? Холодный труп! Да, да, потеряв Хурилико, я обратился бы в труп. И уж ничто не в силах было бы вселить в меня жизнь...

Я сидел, как на иголках, и временами с опаской косился на

Хурилико: слышала ли она слова брата и не обиделась ли на меня — или за меня?..

Мохинисо поставила на дастархан поднос со всякой всячиной. Мама принесла лакомства, которые припрятывала для самых дорогих гостей. Дастархан ломился от вкусной еды, но Хурилико даже не смотрела на него, глаза ее были опущены, она, казалось, внимательно изучала узор на красном, уже изрядно потертом ковре, покрывавшем пол.

Брат все не появлялся, и это выглядело оскорбительной демонстрацией.

Мама, у которой беспокойно бегали глаза, а голос ослабел от волнения, пыталась как-то разрядить атмосферу, насыщенную предгрозовою духотой, и суетливо предлагала:

— Доченька, прошу, угощайся, чем бог послал. Отведай-ка вот этой хамсы... Эркин, сынок, что же ты ничего не ешь? Вот изюм с орехами, ты же его любишь.

И Мохинисо, стараясь заглушать горькие складки в уголках губ натянутой улыбкой, как-то механически повторяла вслед за мамой:

— Прошу вас, угощайтесь... Кушайте, пожалуйста...

А у меня в горле словно ком застрял, глаза мои не смотрели на всю эту вкуснятину. Я видел, что и Хурилико ела без всякого аппетита.

Надо же было так случиться, что брат заявился домой в дурном расположении духа. Ведь бывало же, что он принимал меня в своем доме хоть и без особого восторга, но вполне миролюбиво. А что он мог иметь против меня? Жизнь свою я устроил, работал вдалеке от Ташкента, не докучал своими визитами, и матери оказывал материальную помощь. Но частенько брату словно вожжа под хвост попадала, и он набрасывался на меня с несправедливыми упреками и бранью. Вот и в этот раз его какая-то муха укусила. Я тогда не подозревал, что он просто чувствовал себя виноватым передо мной, потому и бесился...

Хурилико, Хурилико. Я готов был встать перед ней на колени и молить в отчаянии: «Прости меня, любимая... Прости, что я опять втянул тебя в неприятность, затащив в этот дом. Я ведь хотел, как лучше. И, ей-богу, не виноват, что все у меня получается шиворот-навыворот, и жернова моей мельницы крутятся в обратную сторону...».

Я все думал, как выручить Хурилико, но нас всех выручили малыши, вернувшиеся из детсада, мои племянник и племянница, Юлдаш и Лолахон. Недаром же говорится, что в доме, где есть дети, ссорам нет места.

Тот факт, что в гости к ним заявился не только родной дядя,

но и новый человек, красивая девушка, вызвал у ребятшек шумную радость: Племянник взобрался ко мне на колени, принялся выпрашивать, на чем я приехал, а Лолахон прильнула к Хурилико и учинила ей настоящий допрос:

— Тетя, вы тоже на стройке работаете?

— Да, маленькая.

— А кем? Доктором?

Для Лолахон это была самая авторитетная профессия: уж в доме брата, во время болезни мамы, она навидалась докторов.

Хурилико рассмеялась.

— Нет, я не доктор.

— А кто? Инженер?

— Ну, до инженера мне далеко.

— А кто вы?

Хурилико замаялась в поисках ответа.

— Ну... как это тебе понятней объяснить. Ты цифры-то умеешь складывать?

— Я даже знаю таблицу умножения!

Я с уважением посмотрел на племянницу. Вот она, акселерация... В ее годы мне было не до цифр, на уме у меня были одни ребячьи забавы.

— Так вот, есть такие умные машины, которые сами могут сложить и перемножить любые цифры.

— Даже миллион?

— Самые-самые большие числа. Эти машины называются электронно-вычислительными. Ну, а я даю им разные задания, и машины их выполняют.

— Они слушаются вас?

— Человек всегда будет хозяином машин.

У Лолы глазенки стали круглыми от восторга и удивления.

— Ой, я тоже хочу, чтобы машины меня слушались!.. Вы мне покажете их, Хурилико-апа?

— Непременно, девочка. Вот дядя Эркин возьмет как-нибудь тебя с братишкой на стройку...

В дверях появился мой брат, он метнул на детей сердитый взгляд и крикнул:

— Эй, что вы гостям надоедаете? Марш во двор. Играйте там.

Не думаю, чтобы брат так уж заботился обо мне и Хурилико; он выпроводил из дома детей, боясь, как бы они ненароком не проболтались о чем-нибудь, чего я не должен был знать. Ему вообще не нравилось, что ребятшки так привязаны к своему дяде. То есть ко мне... Ну, а их готовность полюбить и незваную гостью была для него как нож в сердце.

Когда дети ушли, он хмуро бросил маме и Мохинисо:

— Идите-ка, поговорить надо...

Нашего присутствия он, казалось, и не замечал.

Я поймал на себе виноватый, извиняющийся взгляд мамы. На лице невестки было написано только послушание.

Все скрылись в кухне. Мы остались в комнате вдвоем, невольно прислушиваясь к разговору между братом, мамой и Мохинисо. Хурилико сидела молча, стараясь не глядеть на меня, щеки у нее горели...

А за дверью, ведущей в кухню, разыгрывалось настоящее сражение. До нас доносились его отголоски — так порой пламя вырывается наружу из тандыра или сквозь щели дымохода просачивается едкий дым...

Мама увещевала моего брата:

— Ты ведь старший, ты должен был заменить отца Эркину. А ты с ним все время воюешь. Будто вы и не родные братья...

— Я как раз пытался его воспитывать!.. Но он совсем отбил от рук. И это вы, вы его избаловали. Как же, он ведь младшенький, такой слабенький, такой беззащитненький... Всю жизнь вы тряслись над ним, как насадка над хилым цыпленком, все ему спускали, а он теперь ни с вами, ни со мной не считается...

— Опомнись, что ты говоришь! Эркин — послушный сын. И к тебе он — с полным уважением...

— Вижу я его уважение. Сколько раз я ему говорил: не смей показываться мне на глаза! А он все лезет в мой дом...

— Он же меня навещает, сынок...

— Ладно, согласен, это его право... Но зачем же приводить в мой дом посторонних? Где он ее только выкопал, эту электронщицу?

В разговор вмешалась Мохинисо:

— Вы бы все-таки говорили потише. У нас гостья... Как знать, может, сна скоро нашей невесткой станет...

— Этого еще не хватало!

Пренебрежительная реплика брата возмутила маму.

— А чем она приишлась тебе не по душе? Ты же ее совсем не знаешь. А по мне, так Эркин, наконец, счастье свое нашел. И я о большем счастье и не мечтаю... Увидеть Эркина семейным человеком, понянчить его внуков — мне ничего другого и не надо, я тогда могу и умереть спокойно...

— Тоже мне сокровище, ваш Эркин-булбул!.. Дстойная-то девушка замуж за него не пойдет. Разве какая завалыщая... Представляю, каких недоумков они наплодят...

Мохинисо говорила испуганно:

— Тише, прошу вас... Они же нас могут услышать...

— Пусть слушают!

— Сынок,— в голосе моей мамы звучали и мольба, и гнев,— как ты говоришь о своем брате? Оба вы — дети мои, обоих я родила в муках... Вам бы жить в дружбе и согласии, а ты все на него набрасываешься...

— А он как ко мне относится? Никакого почтения к старшему брату!.. Поймите, мама, я вовсе не хочу мешать его счастью. Пусть шляется, с кем хочет, и женится, на ком хочет... У меня одно условие: чтобы он подальше держался от моего дома. Мирзачуль велик, там найдется место и для него, и для его крали...

И опять послышался успокаивающий голос Мохинисо:

— Зачем вы так? Хурилико-хон — хорошая девушка... Такая ученая... воспитанная...

— Ха! Она уже успела приворожить вас?.. Ну, меня так легко не купишь...

Кровь так и кинела во мне. Больше всего мне хотелось в эту минуту пинком распахнуть дверь в кухню, ворваться туда, схватить моего любезного братца за шиворот да так тряхнуть, чтобы он прикусил язык и все оскорбительные слова застряли у него в гортле. Если бы не Хурилико, я бы, наверно, так и поступил. Но не делать же ее свидетельницей еще одного скандала... Я взял себя в руки. Покопился на Хурилико. Краска отхлынула от ее лица, она была бледнее самой смерти. Я взял ее за руку, почувствовал, какая она холодная... Хурилико отдернула свою ладонь.

А баталия в кухне становилась все более ожесточенной. Я и не думал, что моя мама может быть такой властной и резкой. Брат, видно, вывел ее из себя, и она негодуяще вскричала:

— Тебя не купишь!.. Это ты можешь купить и продать, что угодно. Сколько ты получил от Бердыева за нашу квартиру? А? И разве ты не прибрал к рукам деньги, которые я по крохам копила на свадебный той Эркина? Ты обязан все ему вернуть. Слышишь, все, до последней копейки!

Брат поубавил тон — видать, растерялся.

— Мама, Эркин давно потерял всякие права на эти деньги. Ведь я вас содержу, а не он... Это я вас выходил, когда вы заболели, а он пальцем о палец не ударил...

Тут снова не выдержала Мохинисо:

— Как вам не стыдно!.. Это ведь ваш долг — содержать мать, заботиться о ней...

— А Эркин, что, не сын ей?.. Он обязан оказывать маме материальную помощь.

— Так он и оказывает. Для вас ведь не секрет, что от него

дважды в месяц приходят денежные переводы. И посылки с продуктами, которых в Ташкенте не достанешь.

— Ха! Переводы! Посылки! Родной-то матери он мог бы и побольше отвалить от щедрот своих. Что я, не знаю, сколько на стройке зашибают электросварщики. И дефицитными товарами магазины у них завалены. Сам бог велел ему делиться со своей родней... Что он, умрет, если оторвет от себя лишний рубль или апельсин?

— Ты несправедлив к нему, сынок, — у мамы голос дрожал от возмущения. — И все-то — только тебе должны! А ты сам! Разве ты не в долгу перед младшим братом? Твоя святая обязанность: помочь ему стать на ноги, свить семейное гнездышко... А ты что сделал? Лишил его жилья, положил себе в карман его деньги... Если ты не вернешь их, я...

Брат не дал ей договорить. Но и самому ему сказать было нечего, и он захлебывался словами:

— Что я его должник? А кто его вырастил? Кто обеспечивал ему безбедную жизнь? Мне, вон, не довелось учиться, а он школу окончил! И теперь еще претендует на что-то, тварь неблагодарная... Пусть пошире раскроет глаза!..

Я стиснул зубы. Вот хороший совет: пошире раскрыть глаза. Они у меня на многое уже раскрылись. И я поражался наглости своего брата. Он меня, видите ли, вырастил, благодаря ему я не жил в нужде и закончил школу!.. Ну, нет, это целиком — заслуга мамы... И не претендую я ни на что. Мне вообще только теперь стало известно, что брат продал Бердыеву мою квартиру и наложил лапу на мамнины сбережения. Вот до чего довела его алчность... Я уж давно знал о его заветной мечте: купить «Жигули», обзавестись гаражом. Вот на что понадобились ему деньги... А, черт с ними, с деньгами, пусть приобретает на них машину и катает на ней своих домочадцев. Но что он в мою-то личную жизнь суется? И какое он имел право распоряжаться моей квартирой?

С трудом сдерживаясь, я поднялся и сказал Хурилко:

— Понравился вам спектакль?

Она не ответила, продолжала сидеть с опущенной головой.

— Ну, а я сыт по горло. И предлагаю проветриться, подышать свежим воздухом. Тут, по-моему, задохнуться можно. Та еще атмосфера...

Говорят, нападение — лучший вид защиты. Я видел, что в Хурилко все напряжено до предела, и она вот-вот сорвется, и тогда мне не поздоровится, потому что во всем происшедшем она наверняка обвинит меня и будет права... Поэтому я поспе-

шил сам обрисовать обстановку в доме брата в самом черном свете.

Хурилико кинула на меня быстрый взгляд, то ли сочувственный, то ли осуждающий, встала, кусая губы, и мы вместе вышли на улицу.

Дабы отвести от себя возможные упреки, я — пока мы неторопливо прогуливались — продолжал с горькой иронией:

— Видали, какой у меня братец? Бравый джигит! На всех бросается, как бешеный волк, даже вас не пощадил, хотя и видит вас впервые... Вот что жадность делает с человеком!

— Зачем вы так, Эркинджан? — тихо сказала Хурилико. — Он все-таки брат вам. Неужели же родные братья не могут найти общий язык?

Я махнул рукой.

— Думаете, я не пробовал? Да я с ним — тише воды, ниже травы... А надо, наверно, по-другому: отвечать ударом на удар. Вот разыщу нашего участкового, пусть он разберется в этой истории с квартирой. Я такой шум подниму...

Хурилико усмехнулась:

— Вы хотите, чтобы вся махалля обсуждала ваши семейные свары? Не думаю, чтобы в данном случае надо было выносить сор из избы.

— А что же мне делать?

— Не знаю, — Хурилико пожала плечами. — Наверно, сначала следует взвесить все, спокойно и здраво, а уж потом принимать какие-то решения.

Я смотрел на Хурилико с восхищением. Какая она добрая, рассудительная!.. И, вроде, в разыгравшемся спектакле, я для нее герой положительный, она на моей стороне... И готова помочь мне... Мне хотелось крикнуть на всю улицу: «Да здравствует Хурилико, прекраснейшая из прекрасных, умнейшая из умнейших!» А с еще большим удовольствием я бы обнял ее и поцеловал, крепко-крепко... Как жаль, что мы еще не муж и жена!.. Уж я бы дал волю своей бурной нежности!.. Не знаю, может, у кого нежность проявляется и по-другому, а у меня от нежных чувств, которые я испытывал к Хурилико, спирало дыхание, они обжигали меня, клокоча, как кипятик!..

И тем больнее укололи меня слова, которые произнесла Хурилико после небольшой паузы:

— Вы, Эркинджан, горячая голова... Разве вы не знали, что представляет из себя ваш брат? Зачем же вы привезли меня сюда? Вот уж необдуманый поступок!.. Я верю, вы не хотели подвергнуть меня унижению, я не заслужила этого... Но посудите

сами, в какое положение вы меня поставили!.. Я до сих пор в себя не могу прийти, меня всю трясет...

Каждое ее слово, как пуля, вонзалось мне в сердце. Ведь все, что она говорила, было правдой. Без всякой разведки, не предупредив родных, не подготовив Хурилико, я очертя голову ворвался в дом брата, потянув за собой и свою любимую, и что из этого вышло? Хурилико вправе считать себя оскорбленной. Мама и Мохинисо, наверно, чувствуют себя неловко. Всем плохо, один братец — на коне!..

Мне оставалось только покорно выслушать справедливые упреки Хурилико. Поделом тебе, Эркин-булбул!.. Стой вот теперь, во весь рост, под разящими словами-пулями, и не жалуйся, достойно терпи боль, — или ты не мужчина?.. Пусть острый меч заслуженных укоров сечет твою повинную голову — горячую голову, так сказала Хурилико!..

Да я от нее все готов был снести, только бы она не бросила мне, как когда-то мой брат: «Больше не показывайся мне на глаза!» Вот это меня убило бы... И я в отчаянии возопил:

— Хурилико!.. Ну, я виноват. Казните меня самой страшной казнью. Но, ей-богу, я не думал, что все так получится... Поверьте, моя мама необыкновенная, замечательная женщина. И я видел, вы ей по душе пришлись. И Мохинисо-хола — сама доброта, вы же знаете, как она печется о маме... И она-то вас ничем не обидела, верно? Да и брата, когда он в духе, терпеть можно. Кто его знает, чего он сегодня так взбеленился!.. Ладно. Он меня видеть не желает, так и я больше не переступлю порог его дома!..

Жаркая моя речь, видно, проняла Хурилико, она ласково дотронулась до моей руки:

— Не переживайте так, Эркинджан. И не спешите с безрассудными клятвами...

Я удивился.

— Почему же — безрассудными?

— А вы подумайте сами... Ведь опять горячитесь, а? Мама-то ваша живет у брата. Что же вы больше не будете ее навещать? Она-то при чем?

Я ощущал себя так, будто на меня вылили ведро холодной воды, но как раз в таком душе я в тот момент и нуждался. Поразмыслив, я заявил:

— А мы маму увезем в Сулим!.. Что же я не в состоянии позаботиться о ней, прокормить ее?

Хурилико рассмеялась, и я воспрянул духом, услышав ее серебристый смех.

— Ох, Эркин, Эркин! Как же вы скоры на решения!..

— А что? Вы против того, чтобы я забрал маму на стройку?

— Да, я за, за, тысячу раз — за! Только ведь вам самим там пока жить негде. Где же вы свою маму поселите? К тому же она лишь недавно от болезни оправилась, ей нужны самые благоприятные условия. Вы сейчас можете их создать?

Опять Хурилико была права. Мама пожилая женщина, привыкла к уюту, покою, и хотя врачи подняли ее на ноги и самое страшное осталось позади, но сердце у нее и теперь иногда пошаливало, и она плохо переносила жару. А где у нас в пустыне найдешь прохладу?.. Летом-то солнце палит нещадно, воздух раскаленный, тень у нас самый большой дефицит. Правда, зелени в городе становится все больше и скоро зажурчат арыки, и в новых домах вполне терпимо... Но у меня-то в Сулиме квартиры пока нет. Я, правда, снова перебрался к Хуриллину: бригада наша пополнилась новичками, жить им было негде, одному из них я уступил свое место в общежитии, а сам вернулся в квартиру, которая фактически была моей; то, что она находилась далеко от ГРЭС, меня не пугало, а «Цыпленок» вроде перестала меня преследовать... Однако прописан-то в квартире был Хуриллин, и я не мог перевезти и поселить там маму. Теперь, конечно, я сумел бы доказать мэру, что в Ташкенте жилплощадь у меня одна, да и та пока незаконно занята Бердыевым, и меня прописали бы в Сулиме, но сколько на это ушло бы и времени, и лишних хлопот. Да и совестно было выставлять Хурилина из общей нашей квартиры...

Перебрав все это в уме и мысленно согласившись с Хурилико, я все же упрямо сказал:

— А вот мы спросим у мамы, согласна ли она поехать со мной в Сулим.

— Она-то, может, и согласится... Но как бы вам потом не пришлось везти ее обратно в Ташкент. Уж тогда-то ваш братец вдоволь над вами понзмывается!..

Ах, Хурилико. Хурилико!.. Она тревожилась и за маму, и за меня! Мне припомнилась одна газель, где говорилось от лица любящей женщины: «Все радости, победы — тебе одному, все горести и беды — себе я возьму». И подумалось, что Хурилико одна из тех, кому посвящались подобные газели...

Все-таки, когда мы вернулись в дом, я предложил маме переселиться в Сулим, хотя бы на время. Мы с Хуриллином потеснимся, отведем ей уголок... А там видно будет.

Мама согласилась с неожиданным энтузиазмом.

— Ой, сынок, да я хоть сейчас готова с тобой поехать! — она повернулась к брату и невестке. — Я должна жить вместе со своим младшеньким. Вот женю его и буду нянчить его ребятшек... Пока глаза мои видят, я хочу налюбоваться своими внуками...

И Мохинисо закивала:

— Верно, верно, пусть поживет с Эркинджаном. Она ведь так о нем скучает. Побудет с ним немного, а потом он ее назад привезет.

Но брату это, видно, не улыбалось, он вскипел:

— Нечего ей делать в пустыне! Мало ли что там с ней может стрястись. Эркин для нее ненадежная опора, он и жильем-то пока не обзавелся.

Я хотел сказать: «А ташкентскую квартиру ты у меня отнял!», но взглянул на Хурилико и прикусил язык. А брат продолжал:

— Внуки у нее и здесь есть. Если же нашему Эркину так дорога мать, то пусть он присылает ей побольше денег. Любящему сыну не к лицу жадничать...

Опять он заладил свое!..

Мама как-то виновато поглядывала на Хурилико. На нее вообще-то угнетающе действовали семейные сцены, и тяготили ее наши нелады с братом, а тут невольной свидетельницей семейного скандала стала девушка, которая впервые переступила порог этого дома... Представляю, что творилось в душе у мамы!.. Наверно, она сгорала от стыда, но она никогда не выдавала своих чувств. Вот и теперь таила все в себе, лишь изредка бросала на брата умоляющий взор — словно желая сказать: «Сынок, успокойся, постеснялся бы хоть гостьи...»

— По-моему, все должно быть так, как порешит мама... — робко проговорила Мохинисо.

— Нет, будет так, как решу я! — отрезал брат. — Пока я хозяин в доме, и мое слово закон для всех!

Хурилико подняла голову, собираясь что-то сказать. Все уставились на нее выжидательно. Я сидел, как на иголках... Мне страх как хотелось, чтобы она осадил моего дорогого брата. Меня-то она умела поставить на место! В то же время я боялся за нее: беда пока разговор шел обо мне, а она могла вызвать огонь на себя...

Но моя «пери» оказалась на высоте, она произнесла спокойно и примирительно:

— Ака, наверно, прав. Он — глава семьи, ему и решать. И ведь у нас еще будет время — вернуться к предложению Эркинджана. Извините, что я вмешалась в ваши дела...

Брат так и замер с раскрытым ртом. И все молчали. Но я-то понимал: это тишина, предвещавшая грозу. Затишье перед новыми яростными схватками. Они были еще впереди...

Пока же готовая вспыхнуть семейная распря — погасла: Хурилико залила ее из кувшина своей рассудительности. Послед-

нее слово осталось за ней. Я в душе порадовался столь благополучному завершению нашего визита, но все же, не сдержавшись, буркнул:

— Ладно, мама. Я устрою на стройке свеч дела и еще приеду за вами...

Мамины глаза набрякли слезами. Ей, видно, уже неважно было оставаться под кровом брата. Но что делать — я сейчас и вправду не мог забрать ее с собой. Одно угешало меня: рядом с ней по-прежнему будет Мохинисо, а уж в ее заботливой доброты я не сомневался.

Расстался я с родными вполне мирно: мама, Мохинисо и племянники проводили нас до калитки. Брат, правда, когда мы уходили, на меня и не глянул, но — о, чудо! — кивком головы простился с Хурилико, даже пробормотал что-то невнятное....

Все же на душе и у меня, и у Хурилико остался неприятный осадок. Всю обратную дорогу мы лишь изредка перебрисывались необязательными репликами.

В Сулим мы прибыли уже затемно.

Город встретил нас редкими звездочками освещенных окон. Нам приходилось экономить электроэнергию. Хоть сами мы и были творцами света, но наш Сулим пока отнюдь не купался в море огней. Крохи электроэнергии мы выключивали у ГЭС, расположенной неподалеку, и это были скудные подачки с богатого соседского стола.

Обоих нас в городе ждали сюрпризы.

Общежитие, где жила Хурилико, оказалось погруженным в полную темноту. Как выяснилось, кто-то поставил чайник на электрическую плитку, кто-то затеял глажку — включил электрический утюг, кому-то захотелось вымыть голову — и еще на одну электроплитку было водружено ведро с водой... Сеть не выдержала такого напряжения, пробки перегорели, и когда мы с Хурилико появились в общежитии, все блуждали в потемках, переругиваясь: искали виновников аварии.

Не к лицу мне было встречать в заваруху, устроенную обитательницами женского общежития, да я к тому же устал от собственных домашних передряг.

Простившись с Хурилико, я, еле волоча ноги, побрел к своему дому.

Войдя в квартиру, я зажег свет и остолбенел. Наша маленькая комната походила на общежитие. У стены, на постели Хуридина, спала какая-то женщина, а на двух раскладушках, поставленных посредине комнаты, сладко похрапывал Хуридин и незнакомый молодой парень.

Ни свет, ни шум, вызванный моим приходом, не потревожили спящих. Видать, крепко они были утомлены.

Я не решился разбудить Хуриддина и в полном недоумении осторожно выскользнул из квартиры.

Ночь я провел на скамейке в нашем молодом парке.

На работу я явился сонный, как муха, все валилось у меня из рук.

За обедом Хуриддин виновато, покаянно вздыхая, поведал мне, что же произошло в мое отсутствие.

Он как-то упоминал, что у него была жена, и когда он стал ездить по стройкам, она не пожелала разделить с ним тяготы его беспокойной жизни. Для меня Хуриддин был холостяком. О жене его мы с ним больше не говорили.

А она, что называется, образумившись, решила вернуться и стала разыскивать его по всем стройкам. В конце концов, ей удалось дознаться, где он работает, и она пожаловала к нему в Сулим вместе со своим братом. Ему ничего не оставалось, как приютить их.

— Пойми, Эркин, я чувствую себя перед тобой таким виноватым. Выжили мы тебя из твоей же квартиры. Но ведь жена приехала... Честно говоря, я все время по ней скучал, только помалкивал. И все надеялся, что она вернется ко мне... Вот — вернулась.. — Он потер ладонью затылок. — А может, мы и четвером пока проживем? В тесноте да не в обиде. А там уж я буду для себя добывать отдельной квартиры...

— Ты уже в этой прописан. Это мне надо жилье искать. С вами я не могу остаться, не хочу мешать твоей семейной жизни. Да ты не переживай, я где-нибудь пристроюсь. Главное — что у тебя все уладилось. Ну, с женой... — Я вздохнул. — Завидую я тебе...

Я не мог дожидаться, когда кончится смена. Но вот наступил вечер, все покинули рабочую площадку, а я остался и, выбрав местечко поудобней, свернулся клубком, как кошка, и тут же заснул.

Так дальше и повелось: я ночевал там же, где днем работал. А работы все прибавлялось. Фунтиков, как у нас говорили, «взвинтил темпы», сварка и монтаж производились одновременно на всех узлах нового, второго энергоблока. Мы облепили энергоблок, как пчелы — соты. Дело спорилось: помогал опыт, приобретенный на монтаже первого энергоблока. Но к концу дня я так уставал, что глаза начинали слпняться, и стоило мне прилечь где-нибудь, я сразу же погружался в богатырский, как мне казалось, сон. Под голову подкладывал всякие железяки и не чувствовал их твердости. Наверно, любому человеку, намажав-

шесюся за день, железобетон может показаться мягкой периной, а металл атласной подушкой. А может, у меня просто были крепкие нервы. А крепкие нервы — это здоровый сон.

Такими вот мыслями я утешался, но на самом-то деле по-настоящему отдохнуть мне не удавалось, меня все время клонило ко сну. Я даже от обеденного перерыва ухитрялся урвать несколько минут, чтобы задать храпака, притулившись у какой-нибудь конструкции...

— Что с тобой, Эркин? — спросил меня как-то бригадир, — уж не подхватил ли ты где сонную болезнь? Ступай-ка, братец, домой да выпипись как следует.

— Я что, плохо работаю?

— Да нет, твоей работой я доволен. А вот ты мне не нравишься. Боюсь, как бы ты не заснул за сварочным аппаратом. Иди, иди, домой. Отоспнись.

— Я бы пошел, да квартира моя занята.

— Это кем же?

— Понимаешь — гости у меня...

— Что же ты их одних оставил? Это непорядок. Хочешь, я тебе отгул дам. Побудь со своими гостями.

— Понимаешь — они во мне не очень нуждаются... Даже наоборот: я им мешаю.

— Что ты заладил: «понимаешь», «понимаешь». Как раз ничего не могу понять.

Я вынужден был объяснить ему, как обстояло дело. Мол, к Хуридину приехала жена с братом, и я сам не желаю цепляться к ним, как коллочка.

— М-да... Ты, конечно, поступил благородно. — Он посмотрел на меня внимательно — Где же ты почуешь?

— А где придется.

— Так не годится. Может, поставить в общежитии лишнюю койку?

— Там народу и так, как сельдей в бочке.

— Верно. Тогда вот что: располагайся-ка ты в моей конторе.

Конторой бригадирское обиталище можно было назвать весьма условно: это была просто будка, сколоченная из досок. Ребята окрестили ее «личным соловьиным гнездышком бригадира Рожкова». Вот там я временно и поселился. Кто-то из ребят раздобыл для меня раскладушку, и я теперь высыпался на славу.

Все чаще я думал о Хурилко. Все эти дни мы не виделись: работа и сон отбирали у меня все время. Но когда Рожков уступил мне свою контору, жизнь моя вошла в нормальную колею, я стал располагать досугом. Самая пора была — проведать Хурилко... Я уж было направился к ее общежитию, но погна сами

повернули обратно. Я чувствовал себя виноватым перед Хурилико — за все, что случилось во время нашей поездки в Ташкент. Мне стыдно было показаться ей на глаза, и я боялся, что она на порог-то меня не пустит...

Как потом выяснилось, опасения мои были напрасными. Хурилико и самою жгло чувство вины, ей казалось, что она в Ташкенте наговорила мне лишнего, я обиделся, потому меня и не видно. Но тут же она подумала: а не заболел ли я? Так или иначе, а она решила сама меня навестить и вскоре уже стояла перед дверью моей квартиры. На звонок вышла незнакомая женщина, окинула Хурилико с ног до головы подозрительным взглядом, неприязненно спросила:

— Вам кого?

— Эркинджан дома?

Взгляд у женщины смягчился.

— Эркинджан тут больше не живет.

— А где он теперь?

— Чего не знаю, того не знаю...

Хурилико вышла на улицу, теряясь в догадках. Что заставило меня покинуть квартиру? Неужели я снова спасался от преследовавшей пастырной девицы из горсвета?

Получить ответы на все эти вопросы она могла только от меня, а найти меня можно было, естественно, только на работе.

На другой день она пришла на площадку, где трудились монтажники, ей сказали, что я работаю в вечернюю смену, а живу в «соловьином гнездышке».

Все это я узнал от самой Хурилико, когда она, наконец, разыскала меня — я после смены отдыхал в бригадирской «конторе».

Настроение у меня в этот день было отличное. Мой наставник и opiekun, Алексей-Алик, доложил Рожкову, что я готов к самостоятельной работе, бригадир лично проэкзаменовал меня, и я получил свой первый рабочий разряд!.. С этого дня я уже считался не учеником, а РАБОЧИМ, мастером своего дела. Вот уж никогда бы не подумал, что такое событие переполнит меня радостью и гордостью. Ведь зарплата моя увеличилась всего на десять рублей. Раньше, наверно, я отнесся бы к этому с иронией: вот уж разбогател так разбогател!.. Сейчас же я радовался и этой прибавке, она ведь свидетельствовала о том, что я настоящий электросварщик, профессионал, мастер. И не гордиться этим просто невозможно.

Я в этот вечер работал в одной смене с Рожковым, он сначала следил за мной, проверял качество швов, которые я варил уже не под присмотром Алексея, а самостоятельно, а потом за-

нялся другими делами, и когда закончилась смена, даже не пошел посмотреть, как я справился с работой. Может, у него просто руки до меня не дошли... А может, — и я тешил себя этой надеждой, — бригадир был уверен, что я не подведу.

В общем, на душе у меня был праздник, а появленье Хурилико сделало меня таким счастливым, что я готов был воспарить под облака. Правда, с опасностью ушибиться о деревянный потолок «соловьиного гнездышка»...

Хурилико протянула мне розу на длинном стебле. Листья были шелковистые, как ее волосы, а цветок пылал, как ее разругавшиеся щеки.

Я положил розу на стол, а Хурилико спросила:

— Где вы пропадали все эти дни? Я уж думала — не захворали ли?

— Я рад бы был заболеть! Вы тогда навещали бы меня каждый день. Из сострадания к моему недугу...

Хурилико засмеялась.

— Нет уж, лучше не болейте. Я ведь и так к вам пришла...

— И кого вы видите перед собой? Нищего факира!

— Вы все стараетесь, чтобы я вас пожалела?

— Нет, правда, я факир! Ведь у факиров ничего нет, даже крыши над головой. Вот и я остался без крова, живу на птичьих правах в этой каморке.

— Я заходила в вашу квартиру. Почему вы оттуда ушли? Кто там поселился?

— Это долгая история. Ха, а вот и настоящий хозяин моего временного обиталища!.. Разрешите представить — мой бригадир товарищ Рожков.

Рожков не ожидал застать здесь Хурилико, он смешался, а Хурилико торжественно проговорила:

— Кто же на стройке не знает товарища Рожкова? Салам знаменитому бригадиру!

Рожков, почувствовав себя свободней, улыбнулся радушно.

— О, Хурилико!.. Рад вас видеть. Вы пришли поздравить нашего Эркинджана?

— С чем? С новосельем?

Рожков не принял шутки.

— Надеюсь, и с этим мы его скоро поздравим. Нынче же у него большое событие: он получил разряд и начал работать самостоятельно. — Он повернулся ко мне. — Я поглядел твою пайку. С моей стороны претензий нет. Молодчина, Эркин!..

Зная, как скуп Рожков на похвалы, я просиял от удовольствия. А Хурилико сказала:

— Выходит, я не зря пришла к вам с розой. Поздравляю, Эркинджан. От души поздравляю!

Меня распирало от гордости. А Хурилико уже обращалась к Рожкову:

— А вы мне как раз нужны!.. Секретарь нашей парторганизации поручил мне написать в многотиражку очерк о вас — как о лучшем бригадире монтажников. Вы уделите мне несколько минут?

Рожков нахмурился. Он сам редко кого хвалил, но уж совсем не выносил, когда похвалы расточались по его адресу. Вечно он был недоволен и собой, и работой своей бригады, и любил поворчать: «В наш-то век покорения атома и космоса — разве это работа? Примитив! А темпы? Что это за темпы? Черепашья — иначе не назовешь!»

Вот и сейчас он угрюмо пробурчал:

— Что обо мне писать? Таких бригадиров, как я, у нас на стройке — пруд пруди. — И вдруг глаза его загорелись. — Если уж вам так необходимо выступить с очерком, так напишите о ком-либо из моих монтажников!.. Ребята, конечно, могли бы добиться и больших успехов, но и в данный момент достойны всяческих похвал. Они полны энтузиазма и трудятся, не покладая рук...

— Кого же вы порекомендовали бы мне в герои очерка?

Рожков ткнул в меня пальцем.

— А вот хоть бы Эркина! За какие-нибудь несколько месяцев он вырос в отличного электросварщика! Главное — он старается! И вот результат: он мастерски проводит сварку.

Тут уж пришел мой черед запротестовать.

— Какой я мастер! Так, подмастерье. Вы, Хурилико, напишите лучше о тех, кто учит таких, как я. Об Алексее, вот сварщик — всем сварщикам сварщик. Я вам о нем могу дать столько материала...

Это был хороший предлог для более частых встреч с Хурилико.

II

Я многое рассказал Хурилико и о нашей бригаде, и о Рожкове, и об Алексее, и ее очерк напечатала наша многотиражка. Лишь обо мне в нем ни слова не было. Я сам настоял на том, чтобы она не упоминала меня, да ей и неловко было обо мне писать — учитывая наши отношения...

С меня, в общем-то, достаточно было и того, что Рожков похвалил меня при ней.

У нас уже был прорыт канал, и по нему на стройку резво побежала вода Сырдарьи. Поначалу она была такая мугная, грязная, что никто не решался купаться в канале, хотя и стояла страшная жара. Но со временем грязь осела, и прозрачная вода стала сверкать под солнцем, как зеркало.

И в один из выходных дней я предложил Хурилико пойти купаться, а она с готовностью согласилась.

Мы пришли на берег, когда солнце еще не успело раскалить землю и воздух. От канала веяло прохладой. Берега его были одеты в бетон, и все было бы хорошо, если бы не безотрадная пустыньность этих мест.

Я еще школьником ездил в Фергану, любовался Большим Ферганским каналом, по берегам которого тянулись ряды высоких тополей, а вокруг зеленели сады и виноградники. Живописны и берега канала, проведенного в Мирзачульской степи: они тоже обсажены деревьями и кустарником. Наш же канал радовал глаз своим полноводным течением, вода, казалось, готова была выйти из берегов, рассыпала жемчужные брызги, а сами берега производили удручающее впечатление. Ни деревца, ни кустика... Голо, неприятно...

Одежду нам пришлось положить на горячий песок. Поплав в бурливой воде, мы вышли на берег и, обсыхая, уселись тоже прямо на песке.

Хурилико проговорила мечтательно:

— Были бы здесь деревья, можно было бы одежду на ветки повесить, а самим отдохнуть в тени.

— А развести тут цветники — было бы совсем замечательно!

— А если еще заложить виноградники! Вон сколько тут солнца. Под его лучами такой виноград созреет!..

— Знаете пословицу: «Коня красит попона, а человека одежда»? Вот и берега нашего канала надо одеть зеленью, тогда от него — глаз не оторвешь... И вода будет всегда прохладная, деревья спрячут ее от солнца.

Мы уже словно видели эти деревья, с двух сторон обступившие канал, бросающие на воду и на песок благодатную тень...

Совсем недалеко от нас сидел с удочкой незнакомый мне мужчина. И, видно, прислушивался к нашему разговору. Последив за поплавком, прыгающим на быстрых волнах, он положил удилище на песок и подошел к нам.

— Как вода? Холодная?

— В самый раз, — сказал я.

Хурилико перебила меня:

— Знакомьтесь, Эркинджан, это товарищ Нусратов, секретарь нашей парторганизации.

О Хайдаре Нусратове, которого недавно выбрали секретарем парткома строительства, я уже был наслышан. Рожков говорил мне, что он внешне спокоен, сдержан, вежлив, и в то же время не дает спуску лодырям и халтурщикам, и особенно нетерпим к нарушителям дисциплины — и в труде, и в быту.

Я схватил свои шмотки, принялся торопливо их натягивать. Хурилико тоже стала одеваться. Нусратов пытался остановить нас.

— Да что вы засуетились? Вы же пришли купаться и загорать, ну, и загорайте.

— Вы же — одеты. — Я напустил на себя важный вид и изрек. — Пускай рыбы голыми плавают. А мы — люди. Причем современные, а не первобытные.

Нусратов добродушно рассмеялся.

— А ты кто же такой будешь?

— Я из бригады Рожкова. Бывший ученик электросварщика Алексея. А теперь — работаю самостоятельно!

В моем голосе звучала нескрываемая гордость.

— Постой, постой... Ты — не Эркин Акбаров?

— Точно. А откуда вы меня знаете?

— Ну, это обязанность партийного руководства: все и всех знать. А приказ о твоём «повышении» прошёл и через мои руки. Так что поздравляю тебя, Эркинджан, с присвоением первого рабочего разряда. Шагай так — и дальше!

Хурилико вдруг закричала:

— Ой, товарищ Нусратов! У вас клюёт!

Нусратов бросился к удилищу, рывком вытянул из воды леску. На крючке болталась крохотная, с палец величиной, рыбешка. Я постарался скрыть улыбку; вспомнил, что Нусратова в шутку называют «великим рыболовом», намекая на его всудачливость. Осторожно сняв с крючка рыбешку и бросив её обратно в воду, Нусратов возвратился к нам, вид у него был смущенный.

— Надо ж, какая маленькая попалась. Нам, рыбакам, не всегда везет... Пусть поплавает, скоро подрастет, и уж тогда сй от меня не уйти!

Рыбка, плюхнувшись в воду, повертелась у самой поверхности, словно поддразнивая Нусратова, демонстративно проплыла взад-вперед и скрылась.

Нусратов больше не стал закидывать удочку.

— Рыболовы, ребятаки, счастливые люди, — проговорил он каким-то оправдывающимся тоном. — Есть улов или нет улова,

а они все равно уходят домой с добычей: хорошим настроением и самочувствием. Пора и мне двигаться.— Он вдруг оживился и спросил, обращаясь ко мне:— Эркинджан, а можно в ближайшее же время высадить саженцы вдоль канала? Я ведь краем уха слышал, о чем ты толковал.

— В ближайшее время?— Я снисходительно улыбнулся.— Нет, лето — пора неподходящая. Этим делом можно будет заняться только осенью.

— А ты занялся бы?

— До осени еще далеко.

— Да, далековато,— с сожалением вздохнул Нусратов.— Ну, ничего, как-нибудь дотерпим.— В голосе его снова зазвучал энтузиазм.— За это время мы как раз раздобудем нужное количество саженцев. И ты, Эркинджан, возглавишь кампанию по озеленению берегов канала. А Хурилико с подругами — тоже с твоей помощью, конечно,— украсит эту землю цветниками. Ну, как согласны? Договорились?

Когда он ушел, перебросив удочку через плечо, Хурилико покачала головой.

— Хитрый какой... Мы и оглянуться не успели, как сделали инициаторами важного мероприятия!.. Вот так он всегда: стоит тебе только словечком обмолвиться, а он извлечет из него что-нибудь нужное для стройки. С ним надо ухо держать востро...

— Учту,— сказал я, мысленно браня себя за то, что позволил взвалить на свои плечи лишние заботы.

Одно дело — помечтать о чем-то, теша себя, а другое — как говорится, претворить мечту в жизнь, тут ведь придется здорово потрудиться.

III

Вскоре мне передали, что Нусратов просит меня зайти к нему в партком.

Когда я сказал об этом Рожкову, тот и не попытался скрыть свое удивление: ведь я не был даже комсомольцем, а глядя ж ты, сам секретарь парткома вызывает меня на беседу. Я ломал голову; зачем это я понадобился Нусратову? Для озеленения канала, вроде, еще не приспел срок. Может, брат наката на меня новую жалобу? Или «Цыпленок» — «Джуджахан» наклепала что-нибудь из чувства мести?.. Партийным руководителям, как я слышал, и такими делами приходится заниматься. Ведь им небезразличен, как выразился однажды Фунтиков, «нравственный климат» на стройке.

— Ну уж нет, все рассказывать я не стану!

— Так, значит, ты согласен?

Нусратов поймал меня на слове, и я без особого энтузиазма подтвердил:

— Ладно уж, потолкую с этими желторотиками, выложу им свою биографию. С некоторыми купюрами, конечно...

— Но и не слишком ее приукрашивай! Молодежь наша — чуткая на правду...

Это было первое в моей жизни партийное поручение. И то, что Нусратов вызвал меня к себе, разговаривал со мной по-дружески, на равных, оказал мне доверие, — приятно шекотало мое самолюбие.

Выпускники десятых классов, наведавшиеся на стройку, собрались на монтажной площадке Главного корпуса второго энергоблока. Лица у них были раскрасневшиеся, глаза блестящие. Когда Нусратов поднял руку, прося тишины, они устались на него с жадным любопытством и вниманием, так и замерли — в ожидании увлекательного рассказа о Сарданской ГРЭС. Но Нусратов и словечка не молвил о стройке, он поспешил переложить ношу на мои бедные плечи, торжественно объявив:

— Дорогие ребята, я пришел к вам с нашим передовым электросварщиком Эркином Акбаровым. Ему я и предоставляю слово...

Все взгляды мигом переметнулись на меня, а у меня язык присох к гортани, я испытывал непривычную растерянность и не знал, с чего начать... Это я-то, Эркин-булбул!.. Сам не понимаю, что со мной случилось...

Желая подбодрить меня, Нусратов сказал:

— Эркинджан, ребята, тоже, как и вы, окончил десять классов. Никакой специальной подготовки у него не было. А нынче он — монтажник, и хороший монтажник, пользуется у всех уважением, а зарабатывает не меньше инженера. Он накопил и жизненный, и трудовой опыт, и ему есть чем поделиться с вами... Хотите его послушать?

— Хотим, хотим! — дружно и горячо откликнулись ребята.

Нусратов повернулся ко мне с пощряющей улыбкой.

— Начинай-ка, Эркинджан.

Пока Нусратов говорил, я успел малость оклематься, обрел обычную самоуверенность (в конце концов, кто передо мной — девчонки и мальчишки, у которых и молоко-то на губах не обсохло), и речь моя потекла, как по маслу. Я на все лады расхваливал нашу стройку, рассказывал о разных профессиях — все, что сам знал, щедро сыпал пословицами: «Ремесло, которому

ты выучился смолоду, — самое ценное приобретение в твоей жизни», «Тот, кто владеет ремеслом, нигде не пропадет и не зависит ни от друзей, ни от врагов», «Все, что в юности высечешь на скале своей памяти — сохранится навечно...»

—Стройка даст вам замечательные профессии. Это тоже школа, с прекрасными, заботливыми учителями. Они вырастят из вас умелых мастеров — только не ленитесь смотреть, слушать, перенимать, впитывать в себя все. Возьмите, к примеру, меня. Я тоже, как и вы, окончил десятилетку. В институт не поступил — не обольщайтесь, многие из вас в ВУЗы тоже не попадут, сдавших экзамены всегда меньше сдающих экзамены. Долгое время я околачивался без дела, не зная, к какой профессии прибиться. И сейчас жалею о потерянном времени... Я ведь искал легкого заработка — а не самого себя, не свое призвание. Место свое я нашел на этой вот стройке. Она приняла меня — как насадка цыпленка — под широкое теплое крыло. Тут меня опекали, учили, не давали мне сорваться... И сейчас у меня целых три профессии: цветовода, каменщика и электросварщика. В бригаде каждый из нас взял обязательство овладеть еще одной специальностью, я выбрал — слесарскую. А еще я заочно учусь в техникуме. И не устаю повторять: спасибо тебе, стройка, спасибо, дорогие мастера-учителя, Забир-ака, Валерий-ака и Алексей. Спасибо, друзья-каменщики, друзья-монтажники!.. Я теперь кое-что умею, а умелый, говорят, обгонит и стрелу, выпущенную из лука.

Ребята не отрывали от меня горящих глаз, жадно внимали каждому моему слову, а мне только того и нужно было.

-- Запомните еще: это большое счастье и почет — возводить Дворец Света. Ведь вместе с этим мы превращаем пустыню в цветущий сад! — Меня вдруг и самого потянуло на цветистость и патетику. — Наши потомки, сидя за дастарханом изобилия, будут благодарить и славить тех, кто заливал страну потоками электроэнергии, — а значит, и нас с вами. На нас и сейчас смотрят с восхищением, какого мы еще не заслужили. Идет молодой строитель Сарданской ГРЭС — и ему уступают дорогу, и снимают перед ним шапку, как перед аксакалом. Идет машина, принадлежащая строительству, — инспектора ГАИ отдают честь. Для нас ладят высшей пробы дома, магазины, больницы, клубы... Надумаете пожениться — в вашу честь у входа в Дом счастья заиграют карнаи и сурнаи, и лучшие люди стройки соберутся на свадебный той.

Тут ребята энергично зааплодировали, воздавая должное моему красноречию.

А я уже вошел в раж и заговорил лозунгами.

— Идите работать к нам на стройку! Выбирайте себе профессию по душе! Стремитесь в своем деле быть первыми!

Нусратов улыбнулся, и эта его улыбка несколько охладила мой пыл. Я сбавил тон.

— Стройка — это, конечно, не санаторий, и жизнь строителя — не сплошной праздник. Вы тут и лиха хлебнете. Работать придется, закатав рукава. Ну и что? Вы молодые, силенок у вас хватит. Главное — вы получите здесь рабочую профессию. А профессия — это все. «Ремесло — это верный хлеб», — так говорят в народе. И еще говорят: «Не обучишься ремеслу — не познаешь счастья». Без ремесла — останешься с пустым карманом, не наскребешь денег на трехразовое питание в столовке. А что деньги. У нас ведь теперь не спрашивают: богат ты или нет, а спрашивают: какая у тебя специальность. Верно?.. В то же время специальность — это и достаток. Ну, а профессии на нашей стройке — самые разнообразные: хочешь — учишься на каменщика, хочешь — на монтажника, хочешь — на слесаря, плотника, шофера, экскаваторщика. Это — пока ГРЭС строится. А потом главной станет профессия электрика. Желаете продолжать учебу без отрыва от производства? Пожалуйста! В Сулиме два техникума. И двери заочных отделений в институтах для Нурхан и Нурджанов всегда открыты! Грызите гранит науки в свое удовольствие, одновременно добывая славу строителей Сарданской ГРЭС, чтобы было чем гордиться перед родней, друзьями, соседями по махалле! У нас говорят: его величество рабочий класс. Кому охота стать «его величеством» — подходите к товарищу Нусратову, он с вами побеседует, скажет, куда надо обратиться, чтобы зачислили в строители ГРЭС. Я буду рад, если кто-нибудь запишется в мою бригаду...

К Нусратову потянулись цепочкой недавние десятиклассники. Я не очень-то верил, что все, кто сейчас захотел поработать на стройке, назавтра же не изменят своего решения. Но что хоть с десятков ребят останутся у нас, — в этом я не сомневался. Что я даром ораторствовал?..

Нусратов был явно доволен мной...

IV

Не прошло и нескольких дней, как Рожков подвел ко мне одного из тех ребят, перед которыми я выступал с огневой речью.

— Принимаю ученика, Эркинджан! — сказал он со значением.

Паренек стоял передо мной, робко заглядывая в глаза и переминяясь с ноги на ногу.

И мне припомнилось, как еще совсем недавно Рожков произнес те же слова, представляя меня Алику:

— Принимай ученика, Алексей.

И я тоже не знал, куда деваться от смущения.

Алик тогда заговорил со мной так дружески, без тени превосходства и покровительства, что я сразу почувствовал себя с ним легко и свободно.

У меня было кому подражать... Я весело подмигнул своему «ученику».

— Выше голову, братишка!

Он подтянулся, заулыбался, но продолжал глядеть на меня с почтительным выжиданием: что-то еще изречет уста-Эркин?.. Я протянул ему ладонь.

— Руку, братишка! Нам теперь вместе работать! Будем дру- зьями, а?

Подросток сжал мою ладонь с такой силой, что я чуть не вскрикнул от боли.

— Ну и ну!.. Да ты, гляжу, прямо батыр! Как тебя звать?

— Батырхан.

— Ишь! Подходяще. Батыр, да еще и хан...

Подросток сверкнул мелкими, белыми, как мел, зубами.

— Хочешь, значит, учиться на электросварщика?

— Я хочу научиться всему, что вы сами знаете.

— Ишь, аппетиты у тебя — дай бог. Ладно. Сегодня же и приступим. Согласен?

— Чем скорее, тем лучше.

Я с любопытством посмотрел на паренька. И подумал: из него получится толк...

Начал я с того же, с чего начинал меня учить Алексей: познакомил Батырхана с устройством сварочного аппарата, показал, как надо с ним обращаться, как пользоваться щитком с очками, как следует вести шов... Но на теорию я особенно не нажимал, и целую неделю Батырхан лишь следил за тем, как работаю я сам. Только после этого я вручил ему закрепленный за ним сварочный аппарат и сказал:

— Теперь попробуй сам. Гляди на меня. И делай, как я.

Вскоре уже Батырхан самостоятельно управлялся с аппаратом. У него не только силы, но и упорства было на двоих.

Парень он был немногословный, но не скрытный, и в первые же дни я узнал его короткую нехитрую биографию. Он из большого кишлака, третий сын в многодетной семье. Двое старших уже женаты, стали на ноги, живут отдельно. Отец все сделал, чтобы Батырхан окончил школу. Но вместе с годами ухдили и силы, старик все чаще прихварывал, сам работать уже не мог,

а матери приходилось и за ним ухаживать, и приглядывать за другими детьми. Батырхан понимал: кто-то должен помогать семье. Но кто же — как не он?.. В институт он и не пытался поступить, а решил сразу же по окончании школы устроиться на работу. Можно было, конечно, остаться в колхозе, но душа у него не лежала к дехканскому труду. Ему советовали ехать на БАМ или КамАЗ — там, по слухам, легко зашибить большую деньги. Но ему не хотелось жить так далеко от родителей. Он уж вознамерился было податься в Зарафшан, где добывали золото, — работа там была хоть и трудная, но тоже вроде выгодная. «Б Мурунтау и пыль — золотая», — сказал ему один из приятелей... Однако как раз в это время вместе с другими выпускниками школ он приехал, пока экскурсантом, на нашу стройку, ему тут понравилось, и больше он уже не раздумывал: где ему работать, а твердо сказал себе: останусь — здесь. Я было сначала решил, что на него повлияла моя «речь», в короткой я так заманчиво расписывал строительные профессии и нахваливал нашу стройку. На самом же деле его скорее привлекло то, что строительство Сарданской ГРЭС велось не так уж далеко от его кишлака. Может, были у него и другие какие-то соображения... Но раз что решив, Батырхан стоял на своем.

Он учился профессии сварщика с завидным упорством, всего себя отдавая работе. И признался мне как-то, что даже во сне видит — как орудует сварочным аппаратом.

Но эта одержимость работой не мешала Батырхану интересоваться всем, что происходит на стройке. В свободное время он, не торопясь, обходил другие участки, наблюдая, как там продвигаются дела, степенно прогуливался по Сулиму, и ничто не ускользало от его цепкого взгляда.

Однажды он заявился ко мне в «соловьиное гнездышко» (самого его удалось приткнуть в общежитии) и проговорил с необычным для него нетерпением:

— Эркинджан, давайте-ка ваш костюм. Ну, тот, который вы прожгли кислородом. У нас мастерская открылась, где чинят мужскую верхнюю одежду. Честное пионерское, сам видел. Я даже занял там очередь, так что поторапливайтесь. Я отнесу ваш костюм в мастерскую, и он будет как новенький.

Батырхан относился ко всему очень серьезно, и присловье «честное пионерское» было его наивысшим достижением в области юмора.

На следующее же утро он принес из мастерской мой костюм — аккуратно подлатанный, тщательно выглаженный: ■ впрямь как новый.

Через некоторое время, уже на работе, он сообщил мне:

— Эркинджан, а в Сулиме теперь есть химчистка. Мы можем отдать туда нашу спецодежду, и если пятно посадите на пиджак или брюки — тоже не страшно. Чихнуть не успеете, как грязное станет чистейшим! Вы свою одежду и не узнаете...

Вскоре мы сходили с Батырханом в новую баню, прихватив с собой и Алексея. Символическая получилась из нас троица: два бывших ученика (теперь — учителя) и один настоящий...

Если прежде мы сами стирали свое белье (а так как с водой все еще были перебон, то порой просто выбрасывали его и покупали новое), то теперь отправляли в городскую прачечную. И очень быстро, что называется, вошли во вкус. А Халмухамедов, поклявшийся сделать Сулим городом коммунистического быта, развил бурную деятельность. Что ни месяц — он дарил нам какое-нибудь новое коммунальное предприятие.

Вот только с жильем по-прежнему было туго, и когда поднимался этот наболевший вопрос, у Халмухамедова, наверно, горели уши.

В один из вечеров, когда мы в «соловьином гнездышке» о чем-то болтали с Батырханом (я ведь не только сам отличался красноречием, но и других умел разговорить), к нам пришел Хуриддин. Следом плелся совсем молодой парень, ровесник Батырхана, волоча деревянный топчан. Я этот топчан сразу узнал: на нем я спал, когда жил в квартире вместе с Хуриддином. Парень мялся, не зная, куда поставить топчан. Кивнув на него, я спросил у Хуриддина:

— Кто этот достойный джигит?

— Это мой новый ученик. Недавно школу окончил... Был тут на экскурсии и решил заделаться каменщиком, поддавшись твоей неотразимой агитации...

Я радушным жестом указал юному гостю на табуретку.

— Присаживайся, братишка. Чувствуй себя как дома.

— Куда топчан-то поставить?

— Гм... топчан... Ну, топчан тебе придется унести обратно. Не на земле же я тут сплю. — Я повернулся к Хуриддину. — Хуриддин, ты что, совсем уж меня выселяешь вместе с мебелью?

— Понимаешь... — Стараясь скрыть свое смущение, Хуриддин строго глянул на своего ученика. — Что стоишь? Поставь топчан вон там, у стенки. — И пояснил, обращаясь снова ко мне. — Все-таки, он удобней, чем твоя раскладушка.

Ученика он отослал отдыхать, вместе со своим «коллегой» ушел и Батырхан.

Когда мы остались одни, Хуриддин, запинаясь от неловкости, сказал, что у них с женой — мир и согласие, и она уже устраивается медсестрой в новую, только что открывшуюся городскую

больницу. Я видел, что Хуриддина мучает совесть, он краснел и вздыхал, объясняя мне свое нынешнее положение.

— Конечно, я виноват перед тобой... Если ты пожелаешь вернуться в нашу квартиру, я отправлю жену обратно...

Я возмутился.

— Что ты мелешь! Еще друг называется... В чем ты виноват? В том, что у тебя дома все в порядке? Ну, знаешь... Если ты мне настоящий друг, то должен соображать своей дурьей башкой, что твоё счастье — это и мое счастье!..

— Но твои трудности — это и мои трудности. Ты-то где будешь жить? По-прежнему на птичьих правах?

— Безвыходных положений нет. Что-нибудь придумаю... А квартира с этого дня в твоём полном распоряжении. Дай бог тебе и твоей жене дожить в этом доме до старости! Если тебя не потянет на другую стройку...

— Нет, я уж думаю здесь осесть. Город — что надо, жить да радоваться...

— Вот и живи. А радоваться будем — вместе.

— Спасибо, друг...

Я только усмехнулся. Он еще меня благодарит. Да это я перед ним в неоплатном долгу, это я должен быть ему благодарен за все добро, которое он для меня сделал. Он учил меня, возился со мной, выручал в трудные минуты, переживал за меня. И я любил его, как старшего брата... Настоящий мой старший брат моей любовью, как известно, не пользовался...

— Эркин, — чуть приободрясь, сказал Хуриддин, — а как с твоей ташкентской квартирой? Все уладилось?

— Уладилось, уладилось. До такой степени уладилось, что за мной теперь не числится ни метра жилой площади, ни здесь, ни в Ташкенте!.. Да ты за меня не беспокойся. Я же сказал: что-нибудь придумаю.

— Давай уж вместе думать. Может, тебе подать заявление на имя Халмухамедова? Напиши, что ты собираешься жениться и позарез нуждаешься в жилье. Я что-то не понял насчет твоей ташкентской квартиры...

— А что тут понимать? В нее самовольно вселился один тип..

— Вот ты и объясни, что в Ташкенте жилплощадь, можно сказать, потерял... Представь справки, какие нужно. Пусть и Хуриликко подпишет это заявление...

— Мы с ней ни о какой женитьбе не говорили.

— Так поговори.

Я только вздохнул.

— Ну сам за нее подпишись. Важно же — выбить квартиру. Наш мэр обязан пойти тебе навстречу. Мужик-то он неплохой.

И хоть изображает из себя порой этакое неприступное чинушу, но сердце у него доброе.

Я не разделял мнения Хуриддина о доброте нашего председателя горсовета. Верно, он многое сделал для жителей Сулима, для строителей Сарданской ГРЭС, но особое внимание уделял тем объектам, которые бросались в глаза, которыми он мог похвастаться: вот, мол, как я забочусь о превращении Сулима в город коммунистического быта, у нас теперь имеются все виды коммунальных услуг!.. Жилищному же вопросу он придавал куда меньшее значение. Впрочем, чем черт не шутит. Бывает же и Халмухамедов в благодушном настроении? И если попасть к нему в это время, то, как знать, может, он и не поскупится на решительное «да». Мол, хоп майли, дорогой Эркин, будет у тебя квартира!.. Черт, как вот только угадать, когда он так покладист?.. Телепатическими свойствами я, к сожалению, не обладаю... Ха!.. А может, убажить его чем-то, предпринять что-нибудь такое, что подняло бы ему настроение!

И тут мне вспомнился разговор с Нусратовым об озеленении берегов канала. Ведь канал проходил и по территории города, а благоустройство этой территории — первейшая забота Халмухамедова. Он спит и видит, что весь город утопает в зелени. Парки, скверы, аллеи, ряды стройных тополей, — это ведь у всех на виду, за это можно удостоиться самых восторженных похвал. И если я предложу нашему мэру украсить саженцами берега канала, — это наверняка расположит его ко мне. А заодно я сдержу слово, которое дал Нусратову.

Уф!.. Не зря, видагы, я ношу голову на плечах.

Я кинулся к Хуриддину, обнял, в знак благодарности за дельный совет, и заговорщически подмигнул.

— Ладно, дружище, заставлю я Халмухамедова подмахнуть мое заявление!

Хуриддин так и не понял, почему я пришел в такой восторг, и только хлопал глазами...

На другой же вечер я отправился на розыски Халмухамедова. В горсовете я его уже не застал. Но мне подсказали, что я могу найти его на главной городской улице: его беспокоило состояние деревьев, высаженных вдоль тротуаров еще весной.

Мне повезло: Халмухамедов действительно оказался на улице, он шел по тротуару, останавливался возле каждого дерева. Было уже по-осеннему прохладно, улицу продувал студеной ветер. Я поздоровался с мэром, он ответил на мое приветствие довольно сдержанно и с недовольным видом пожаловался:

— Много деревьев посохло за это лето. Цыплят, говорят, по

осени считают. Вот я и подсчитываю, сколько саженцев уцелело. Итоги, прямо скажем, неутешительные...

Тон у него был холоднее ветра, и брови насуплены, он говорил со мной так, как будто это я был виноват в гибели засохших деревьев.

Уж не успела ли его настроить против меня Джурахан?.. Надо поскорей выбить меч из его рук.

Я готовно проговорил:

— За чем дело стало, товарищ Халмухамедов? Только прикажите — и мы посадим вместо засохших другие деревья. А будет на то ваша воля, так мы и берега канала озеленим. Время как раз подходящее: осень.

Лицо Халмухамедова засияло от удовольствия, он посмотрел на меня с доброжелательной улыбкой.

— Ну, молодец!.. Только с чего бы это вдруг надо мной солнышко взойшло? Уж от кого, от кого, а от тебя я не ожидал такого энтузиазма...

Точно, «цыпленок» чин чинарем обработала своего начальника. Прежде он не относился ко мне с таким предубеждением и знал, что я люблю сажать и растить цветы и всякую зелень.

— Товарищ Халмухамедов! — я прижал ладони к груди. — Да ради того, чтобы наш Сулим был самым красивым городом в мире, я на все готов! Вот только откуда взять саженцы?

— Саженцы я достану, — Халмухамедов задержал на мне испугующий взгляд, в котором мелькнуло недоверие. — Но твои слова — не пустая болтовня? Языком-то ты горазд трепать...

— Клянусь памятью моего отца!..

Халмухамедов сдержал свое обещание. В ближайшую субботу на берегу канала выстроились самосвалы, груженные саженцами. Деревья были как на подбор: все карагачи да чинары.

Я тут же приказал Батырхану:

— Слушай, обойди-ка всех ребят, которые работают, как и ты, учениками, и скажи им, чтобы завтра, с утра пораньше, они собрались на берегу канала — на хашар. По-нынешнему — из воскресник. Да пускай прихватят с собой кто что может: кетмени, лопаты, ведра, лейки... Будем сажать деревья — вдоль канала и в городе.

Сам я поговорил с молодыми рабочими, которые учились вместе со мной в техникуме, всех захватила «озеленительная» идея, да и как могло быть иначе? Ведь мы возводили и ГРЭС, и Сулим в пустыне, а здесь не только каждая капля воды, но и каждая травинка — на вес золота. Сарданцы знали цену зелени...

Еще не взошло солнце, а созванная мною молодежь уже принялась за посадку деревьев.

Работа была в самом разгаре, когда к каналу пришел Нусратов со своей удочкой. Он так и застыл на месте, оглядываясь вокруг с радостным изумлением. Потом подошел ко мне, обронил только одно слово:

— Хашар?

— Так точно, товарищ секретарь парткома.

— Ты организовал?

— Неважно. Идея — ваша. В следующее воскресенье мы думаем подновить и посадки в Сулиме. Боюсь только, саженцев не хватит нам. Все — на канал уйдут... Ох, меня тогда товарищ Халмухамедов живьем съест!..

— Ну, мы не дадим тебя в обиду. Я уж постараюсь выжать нужное количество саженцев. Хоть из-под земли...

Прислонив к одному из свежесаживаемых деревьев свою удочку, Нусратов присоединился к работающим.

Самосвалы пустели один за другим. Жители Сулима и проснуться не успели, как по берегам канала протянулись длинные ряды молодых чинар и карагачей.

По призыву Нусратова на следующий воскресник вышли чуть ли не все строители Сарданской ГРЭС. В городском парке, на улицах было многолюдно, шумно, и хотя все были заняты делом — царил праздничное настроение. Среди тех, кто обрезал засохшие ветви, сажал цветы, выкапывал не прижившиеся деревья, заменяя новыми, можно было увидеть и Хурилико с подругами, и ребят из бригады Забира-ака, и стражей порядка, возглавляемых капитаном Хакимовым.

Я с нетерпением ждал, когда же появится Халмухамедов. С утра он был в отъезде (его вроде вызывали в Ташкент) и лишь к полудню подкатил на кремовом «Москвиче» к зданию горсовета, перед которым тоже кипела работа (я вертелся именно на этом участке), вылез из машины и, заложив руки за спину, довольный, убогатворенный, прошелся по площади, любуясь динамичным, ярким, замечательным зрелищем, имя которому было — хашар...

«Ну, Эркин, — сказал я себе, — куй железо, пока горячо. Наш мэр вроде в преотличном настроении».

И я бросился к нему, держа в руках заранее заготовленное заветное заявление.

Халмухамедов приветливо поздоровался со мной, благосклонно принял от меня заявление, под которым стояли две подписи: моя (настоящая) и Хурилико (поддельная), пробежал его глазами, и тут же губы его скривились и лицо приняло кислое выражение.

— Эркинджан, вы же знаете порядок. В горисполкоме суще-

ствует очередь на жилую площадь. Вам надо записаться в нее...

— Да я уже стою в очереди.

— Вот и стойте.

— А где же мне жить, если я женюсь?

— Бог мой, у нас многие собираются жениться — не вы один. В Дом счастья — тоже очередь...

В это время откуда-то вывернулась моя старая знакомая Джурахан — ух, это по воле какого-то злого джинна мы учились с ней в одном классе! Перебив Халмухамедова, никого не стесняясь, она заворковала:

— О, Эркинджан, как я рада тебя видеть! Ты опять куда-то пропал! Верно, замотался на своей работе?.. Заглянул бы после воскресника ко мне домой, я бы угостила тебя такими вкусными вещами!.. Я сегодня дома одна. Я вообще провожу свои дни в одиночестве... Так придешь?

Мне не хотелось при Халмухамедове ни обрывать ее, ни говорить ей резкости. Я просто повернулся и, не сказав ни слова, ушел. Я ведь был одним из организаторов воскресника и вполне мог заторопиться по каким-то своим делам...

Заявление мое так и осталось у Халмухамедова.

Глава восьмая

I

С Хурилико у нас произошла первая серьезная размолвка — из-за этого злосчастного заявления.

Начальник нашей милиции, Хакимов, получивший уже звание майора, помимо своих прямых обязанностей, активно участвовал в благоустройстве Сулнима и неусыпно следил за соблюдением в городе чистоты и порядка. Однажды он заявился в общежитие девушек, подружек Хурилико, придирчиво осмотрел все, — и надо же было случиться, чтобы на глаза ему попала Хурилико. Ей он и сделал строгое внушение.

— Товарищ дорогой, что же это у вас творится? Двор не подметен, цветы под окнами не политы... Не знай я, что тут обитают прекрасные перы, так подумал бы, что попал в общежитие нерях-джигитов. Не стыдно вам?..

Хурилико (я обо всем потом узнал из ее рассказа) от стыда готова была провалиться сквозь землю. Не мешкая, она побежала за веником и ведром, и тут же, в присутствии (и не без помощи) Хакимова привела двор в порядок.

После уборки двор приобрел опрятный, уютный вид, что

привело Хакимова в хорошее расположение духа; ему, видно, понравилась и расторопность Хурилико, и то, что она с такой готовностью выполнила его указания. Он не только похвалил Хурилико («Спасибо вам, красавица, да будет ваша жизнь счастливой»), но и решил порадовать ее.

— Между прочим, я видел в горисполкоме ваше заявление. Очередища, конечно, большая, список очередников — длиной с километр. Но ведь я в Сулиме не из последних людей и пользуюсь кое-каким влиянием. И чем смогу — помогу вам и Эркину-булбулу. Постараюсь, чтоб они там ускорили рассмотрение вашего заявления...

Хурилико слушала его с изумлением, и, в свою очередь, заставила изумиться Хакимова, спросив его:

— О каком заявлении вы говорите?

— Как о каком? Вы же с Эркинджаном просите поскорее выделить вам квартиру, поскольку собираетесь пожениться...

От неожиданности Хурилико даже поперхнулась, быстренько закруглила свою, столь содержательную, беседу с Хакимовым, и как только он ушел, бросилась со всех ног ко мне, в мое «словынное гнездышко». Я как раз был у себя. Даже не поздоровавшись, задыхаясь от возмущения, она принялась меня отчитывать.

— Какое вы имели право писать какое-то заявление — и от моего имени? Там ведь и моя подпись стоит, верно? Вы ее подделали? Как вам не совестно! Это же подлог... А меня вы опозорили перед всеми! Глядите, как бы начальник милиции не заявил на вас уголовное дело...

Мне с трудом удалось вставить словечко..

— Откуда вы узнали... о заявлении?

— Мне сам товарищ майор сказал.

— Хурилико, но разве нам не нужна квартира?

— Мне — нет. Уж раз вы не сочли нужным даже посоветоваться со мной...

— Я и боялся, что вы скажете «нет». Думал: вот получу квартиру, приду к вам с ордером, и тогда...

А что «тогда»? Признался бы, что люблю ее? Предложил ей, так сказать, руку и сердце? А вдруг она мне отказала бы? О любви своей я должен был бы сказать прежде, чем подать заявление на квартиру. Почему я повел себя так, как будто между нами все уже оговорено?.. Сейчас я казался себе самонадеянным дураком. Вот и влип в историю... Ох, только бы не потерять Хурилико!.. Только бы она не оттолкнула меня совсем! Мне лишь в эту тяжкую для меня минуту стало ясно, как она дорога мне...

Она все не могла прийти в себя от возмущения.

— Подумать только: пойти на подлог!

— Да для вас, Хурилико, я на все готов!— возопил я в отчаянии.— Я квартиру-то торопился получить, чтобы поскорей быть вместе с вами! Я ради этого и воскресник затеял...

Хурилико даже отступила на шаг.

— Что-то?.. Ка-ак?..

— Ну, да, я хотел уболаготворить нашего мэра, чтобы он пошел мне навстречу...

— Так вы использовали... энтузиазм людей... в личных целях?

— Ничего я не использовал... Стоило только их кликнуть, и они с радостью взялись за это дело... ну, за озеленение канала и города... Я же ведь обещал Нусратову... Помните?

Я совсем запутался. Получалось, что я действительно созвал строителей на хашар из каких-то корыстных побуждений. Но ведь я все равно, не напиши даже этого проклятого заявления, не сегодня-завтра вспомнил бы об обещании, которое дал Нусратову, и организовал бы хашар. Правда, озеленили бы мы только берега канала... Впрочем, как знать...

Хурилико смотрела на меня так, словно впервые меня увидела, но в глазах ее было больше боли, чем презрения.

— Вот вы какой... Эркинджан...

— Я люблю вас, Хурилико!— крикнул я, но, по-моему, она пропустила эти слова мимо ушей.

Что-то все-таки мешало ей сразу уйти. Но больше она не произнесла ни слова. И как я ни клялся в содеянном, как ни умолял ее простить меня, она оставалась непреклонной.

Потом медленно повернулась, медленно вышла из «соловьиного гнездышка», медленно шагами стала удаляться...

И я понял: это она удаляется — от меня...

Я проклинал себя, заявление, Халмухамедова, воскресник, даже майора Хакимова, который сунулся в наши дела и все испортил...

К нему я и направил свои стопы. Не для того, чтобы что-то выяснить, а дабы хоть как-то защититься от неприятностей, которые мне грозили из-за совершенного мною подлога. Я вель не знал, что он хоть и видел мое заявление, но был в полном неведении относительно подделанной подписи Хурилико: она ведь ему ничего не сказала.

Хакимова я застал в его кабинете и принялся уговаривать его, чтобы он не давал хода этому делу с заявлением: мы, мол, давние знакомые, ну, мало ли, что я натворил сдуру, я хотел как лучше, потому что люблю Хурилико, а он раньше многое

мне прощал, и я бы благодарен был ему по гроб жизни; если бы он меня и сейчас пожалел и порвал мое заявление...

Майор ничего не понимал.

— Постой... Что ты мне в жилетку плачешься? Почему я должен порвать твоё заявление? Ничего страшного, по-моему, не произошло. Ты вправе требовать, чтоб тебе предоставили квартиру вне очереди...

— Но Хурилико мне сказала, что подделка подписи — это уголовное преступление...

Только тут майор начал что-то соображать, он с угрожающим видом подался мне навстречу.

— Так ты, значит, подделал на заявлении подпись Хурилико? То-то же она была такая ошарашенная, когда я сказал ей об этом заявлении...

Я только тяжело вздохнул. Опять я сглупил... Сам, по своей воле, отдал себя в руки Хакимова. Вот уж не везет, так не везет. А впрочем, причем тут невезение, когда я сам кругом виноват?

Хакимов смотрел на меня с укором.

— Я-то думал, ты человеком стал, а ты все тот же Эркинбулбул, от которого только и жди какого-нибудь фокуса. Да... Ты просишь пожалеть тебя. А мне тебя и жалко, честное слово. И обидно за тебя. Парень вроде с головой. На стройке хорошо себя зарекомендовал. Это я, конечно, учту. И все же придется наказать тебя. Крепко наказать — чтоб впредь тебе неповадно было выкидывать всякие коленца. Уж не маленький. Сколько тебе годков-то?

— Что?.. А... Двадцать один.

— Вот видишь. Ну, ступай. Когда понадобится, я тебя вызову.

Мне уже было все равно...

II

Дела на стройке шли своим чередом. Первый и второй энергоблоки давали электроэнергию, не только питающую Сырдарьинскую область, Андижан, Ташкент, но и вливавшуюся могучим потоком в широкую разветвленную реку, — энергосистему Средней Азии.

Наша бригада участвовала в монтаже уже третьего энергоблока.

Все трудились не за страх, а за совесть. А я в это время стал сбивать, как захромавший скакун, сварка у меня не клеилась,

все валилось из рук. Даже Батырхан по показателям обходил меня...

Все в бригаде замечали, что со мной творится неладное и приставали с расспросами: не заболел ли, не получил ли из дома худые вести... Я отмалчивался.

Но вот однажды ко мне подошел Нусратов, который чуть не каждый день обходил все цехи и участки. Понаблюдав, как я работаю, он заглянул в свою записную книжечку, пожевал губами, раздумывая о чем-то, а потом напрямик спросил меня:

— Что с тобой стряслось, Эркинджан? С некоторых пор твои показатели оставляют желать лучшего.

Я через силу улыбнулся.

— Так я нажимаю на качество сварки. Качество — это ведь тоже не последнее дело.

Тон у меня, видно, был не столько шуточный, сколько иронический, и Нусратов неодобрительно покачал головой.

— Неуклюжая отговорка, Эркинджан. Качество качеством, но важны и темпы. Прежде тебе удавалось совмещать и то и другое. А сейчас, по-моему, у тебя и качество хромает. Что с тобой?

От Нусратова ничего нельзя было скрыть, он умел угадать настроение человека по мимолетному выражению, мелькнувшему в его глазах, по самым неуловимым интонациям в его речи. Казалось, у него какое-то особое, обостренное зрение, и от него не укрылась бы и иголка, спрятавшая в стоге сена.

Продолжая глядеть на меня пристально и сочувственно, он сказал:

— Не хочешь довериться мне? А ведь я вижу: ты переменялся именно в последние дни. Без причин же ничего не происходит. Ну, почему работать ты стал хуже, это ясно: ты упал духом, попросту говоря — скис. А скис — по какой причине? — Он помолчал, не сводя с меня умных, с хитринкой, глаз. — Может, мне ее назвать, а? Только обещаю: если я попаду в точку, ты удостоишь меня своей откровенностью. Идет?

Я пожал плечами, в полной уверенности, что даже самому Нусратову, при всей его проницательности, ни за что не докопаться до истинной причины моего мрачного, подавленного настроения.

— Ну... идет.

— Так... — Его взгляд, казалось, прожигал меня насквозь. — Вот что я заметил, дорогой Эркинджан, в эти дни тебя нигде не видно вместе с Хурилико. Вы перестали с ней встречаться. Я прав?

Я только кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

— Вы поссорились?

Я опять наклонил голову. И то, что Нусратов с такой снайперской меткостью угодил в «десятку», меня даже развеселило. Ну и ну! Да у него тысяча глаз, тысяча ушей!.. Уж, наверно, если змея зашевелится в своей глубокой норе, он и то услышит, если пылинка попадет тебе в глаз, он и то углядит ее.

Словно прочитав мои мысли, Нусратов положил мне ладонь на колено и требовательно проговорил:

— А теперь выкладывай все, как на духу. Ты же обещал.

Я еще пытался сопротивляться, памятуя один совет моей матери: «Ни перед кем не раскрывай души своей, будешь делиться с каждым самым сокровенным, так потеряешь уважение людей и удача от тебя отвернется»,— и, усмехнувшись, обронил:

— Вы ж и так все знаете.

— Нет, не все. Я не знаю, из-за чего вы поссорились. Видимо, ты чем-то обидел Хурилико. А это на тебя не похоже.

— Похоже, похоже,— я опустил голову.— Вы, муаллим-ака, думаете обо мне лучше, чем я того заслуживаю...

И я рассказал Нусратову все, как было, не щадя себя, не возводя ни на кого напраслины. Умолчал я лишь о роли Хуридишна во всей этой истории.

— Вот так вышло,— закончил я свою исповедь,— что с Хурилико я в ссоре, и она не хочет со мной даже разговаривать, и квартира мне теперь не светит, и майор Хакимов считает меня чуть ли не преступником, того гляди, отдаст под суд... Какая уж тут работа, какие темпы!..

Нусратов протянул задумчиво:

— Такие, значит, невеселые дела...

— Уж куда хуже.

Но наш секретарь парткома был, видно, из породы неунывающих, в глазах его сверкнул задорный огонек, он хлопнул меня по плечу.

— И все же все поправимо! Так что ты носа-то не вешай. Наломал ты, конечно, дров, но не по злomu же умыслу. Горяч ты еще. И не научился следовать святому правилу: прежде чем сделать — обдумай. Ладно. Хорошо уже то, что ты сам все понял. Пораскинем мозгами — что нам теперь предпринять... Ну, с Хакимовым я все улажу. Не такой уж он страшный... с Хурилико все обстоит сложнее. Говорят: двое ссорятся — третий не встречай. Да и ситуация деликатная — из области чувств... Ладно. Хоть и негоже мне вмешиваться в чужую личную жизнь, я все-таки попытаюсь вас помирить. Личное перестает быть личным, когда из-за личного страдает работа? Я не прав? Ты ходишь, как в воду опущенный, у тебя неурядицы личного плана, и

вроде это только тебя и касается... Ан нет. Это отражается на твоей работе. На делах бригады! И моя обязанность — помочь тебе. Логично?— Он поглядел на меня и почему-то улыбнулся. — Но тут не одна логика. Просто ты пришелся мне по душе, парень, и я хочу, чтоб у тебя все было хорошо. Если бы каждый из хороших людей был счастлив, то не было бы и для меня большего счастья. Так что можешь положиться на меня. Я все постараюсь устроить.

Нусратов встал, протянул мне руку, прощаясь. Благодарно пожмая его ладонь, я спросил:

— А как вы все-таки смекнули, в чем у меня заковыка?

— А это элементарная наблюдательность — по отношению к тем, кто меня интересуется...

III

Я слышал и читал, будто для людей, у которых тоскливо, муторно на душе, — ну, для тех, кто близкого потерял или любит безответно, или еще какая беда свалилась, — лучшие лекари — время и труд. Спасаясь от своих несчастий, они с головой уходят в работу, так, что им просто некогда переживать и копаться в себе, и этим исцеляют свои душевные раны.

Не знаю, как у кого, но у меня получилось наоборот. Попал, на личном фронте, в крепкую передрягу, и сразу опустились руки, и работа застопорилась. А вот подбодрил меня наш секретарь парткома чутким, добрым словом и на сердце посветлело, и появилась надежда на счастливый исход моих дел, и я принялся так вкалывать, что небу жарко стало. Конечно, я хотел и забыться в работе: ведь пока-то тучи над моей головой не рассеялись. Но вместе с тем трудился я, как говорится, с настроением, быстро наверстал упущенное и личный свой план не только выполнил, но и перевыполнил. Теперь я шел в ногу со всей бригадой...

Целиком отдавшись работе, я и впрямь обо всем позабыл — даже об одной, очень важной для меня дате.

Напомнил мне о ней неутомимый Батырхан.

— Эркин-ака, а я вчера вечером проходил мимо прокатного пункта и видел девушек из общежития. Они тащили магнитофон.

— Ну, и что?

— Как что? Сегодня же у Хурилико-апа день рождения. Вы пойдете?

Батырхану я ничего не ответил и чуть не хлопнул себя с досадой ладонью по лбу.

Идиот! Как это у меня вылетело из головы, что у Хурилико сегодня — праздник?

Так-то ты любишь ее, Эркин?

Не поссорься мы, так я сам принес бы ей магнитофон, а у Алексея взял бы ленты: у него есть такие записи—закачаешься...

Но мы — в размолвке. И как теперь быть — идти мне к ней или не идти?.. Предположим — пойду. А она выставит меня за дверь. Или выльет на меня цистерну равнодушия. Ну, и что, убьет меня от этого, что ли? Мой долг — поздравить ее... Да, но она меня не звала... Так на дни рождения никого и не приглашают. — те, кому дорога именинница, приходят сами. А уж для меня-то дороже нее никого нет, она душу мою держит в своих нежных руках... Значит, идти? Или все-таки не идти? Э, пока трус колеблется, храбрец уже у цели. Не раздумывай, Эркин! Смелее, смелее!..

В общем, к концу рабочего дня я решил, будь что будет — пойду. Алексей охотно снабдил меня кучей магнитофонных лент, я надел свой парадный костюм (поглядели бы вы на галстук — яркий, как жар-птица!) и только собрался выйти из «соловьиного гнездышка», как ко мне ворвался Хуриддин.

— Привет! Ты куда это наладился? Ишь, расфрантился!

— Не задерживай, я в гости спешу.

Хуриддин поднял руку.

— Стоп! Никаких гостей. Я только что был в горсовете — тебя срочно вызывает Халмухамедов.

У меня было такое чувство, будто я с разбегу налетел на препятствие.

— Зачем это я ему понадобился? Да еще срочно?

— Чего не знаю, того не знаю. Но велено передать тебе его высочайшее повеление: явиться — немедленно!

Он сунул мне руку.

— Извини — тороплюсь. До скорой встречи!

Некоторое время я в раздумье топтался в дверях. Что же ему от меня нужно, нашему мэру? Может, кто наплел ему, что у меня в Ташкенте десять квартир, и он надумал вычеркнуть меня из списка очередников? Так это он мог сделать и без меня. Или он хочет доставить себе удовольствие, лично сообщив мне об этом? Вряд ли. Я ведь не из его недругов... А может, они поджидают меня вдвоем с Хакимовым, чтобы ткнуть мне в физиономию моим заявлением и прищучить как следует? Но ведь Нусратов обещал поговорить с майором. А что, если еще не успел?

Бедная моя голова! В последние дни она раскалывалась от досужих дум и сомнений!.. Хватит. Довольно. Вызывают — надо идти. В конце концов, чего меня могут лишить? Моего сварочно-

го аппарата? Жалы, конечно, но руки-то при мне останутся. Рабочие руки. Свободы? А я потерял уже нечто большее, чем свобода: Хурилико... Выше голову, Эркин! Смотри смело в лицо любой опасности! Вперед!

На улице разбойничал холодный ветер, он пронизывал до костей, бил в лицо — так, что трудно было открыть глаза. Я шел, прижмурясь, кутая шею в воротник пальто, ступая по земле с такой силой, словно на ней хотел выместить свою злость, отчаяние и досаду.

Неожиданно кто-то окликнул меня:

— Эй! Эркинджан! Это ты? Подойди-ка.

Это был Фунтиков. Возле него стоял офицер, одетый в щегольскую дубленку с белым меховым воротником.

— Будь добр, Эркинджан, — попросил директор, — проводи товарища командира к каналу, к тому месту, откуда ты начал посадку деревьев.

Не ко времени, конечно, пришлось это поручение, но я с готовностью согласился его исполнить. Подкупил меня Фунтиков этим своим: «ты начал...».

По дороге я узнал от офицера в дубленке, что он командир строительного батальона, который направлен на стройку — рыть котлован под четвертый энергоблок и выполнять другие земляные работы. На берегу же канала солдаты выкопают себе землянки: оттуда недалеко и до ГРЭС, и до города, и вода рядом... «Ну, уж если на помощь нам пришла армия, — удовлетворенно отметил я про себя, — значит, строительство теперь развернется всюду». Приведа офицера на место, указанное Фунтиковым, я попросил: мол, покажите свои землянки, где хотите, только строго-настрога накажите солдатам побережной относиться к саженцам и цветникам. Командир пообещал, что ни одна веточка не пострадает.

После этого я со всех ног помчался в горсовет. В приемной, несмотря на позднее время, еще сидела секретарша, откровенно скучая и позевывая в ладошку. Она накинулась на меня разъяренной тигрицей:

— Долго же вы копались, товарищ Акбаров, председатель уж уходит собрался.

Я видел, что она сама не чает поскорей смотать удочки. Она кивнула мне на дверь в кабинет мэра, я торопливо вытер носовым платком запачкавшиеся в пути ботинки, поправил одежду и, очутившись перед Халмухамедовым, на лице которого тоже было написано недовольство и нетерпение, по-военному отчеканил:

— Явился по вашему указанию, товарищ председатель!

— Позднее не мог «явиться»? — буркнул Халмухамедов. — Заставляешь ждать себя. Что, за тобой милицию посылать?

При слове милиция у меня по спине побежали мурашки, и я приготовился к самому худшему. Каково же было мое удивление, когда Халмухамедов, достав из ящика стола ключи и какую-то бумажку, протянул их мне, проговорив ворчливо:

— Мог бы, между прочим, не жаловаться в партком, а со мной поговорить по-человечески. Что я тебе, отказал бы? Вот получай ордер. Дом, правда, еще не достроен, но уж потерпи, пожалуйста, до Нового года, а там справишь новоселье.

У меня, наверное, был глупый вид, потому что Халмухамедов не удержался от улыбки.

— Что, от счастья и дар речи потерял? Мог бы и поблагодарить меня. С жильем, сам знаешь, у нас пока туго...

Я обеими руками (сжимая в одной ордер и ключи) пожал ладонь Халмухамедову.

— Ой, спасибо, товарищ председатель! Прошу на новоселье пожаловать ко мне в гости со всей семьей!

Только уже оказавшись на улице, я сообразил, что благодарить-то надо не Халмухамедова, а Нусрагова: ведь это его рук дело. А наш мэр в свое время и пальцем о палец не захотел ради меня ударить. Это теперь он разливается: разве бы я тебе отказал? Отказал ведь...

Мне захотелось с ордером на руках сразу же поспешить к Хурилико и обрадовать ее: дескать, с вас суюнчи, вот вам подарок ко дню рождения — ордер, к Новому году у нас будет отдельная квартира!

Но тут же я одернул себя: э, на что ты надеешься, Эркин? Хурилико не такая девушка, чтобы прийти в восторг от твоего подарка. Ей-то чему радоваться? Ведь она пока не твоя невеста. Правда, уже давно как-то само собой подразумевалось, что мы скоро поженимся, (она даже ездила со мной к моей маме), но сейчас-то мы в ссоре, и когда я признался ей, наконец, что люблю ее, она мне ничего не ответила. Ушла, и больше мы не виделись... Ну, да, для объяснения в любви я выбрал, прямо сказать, момент не очень-то удачный... Так что и ее молчание, и ее уход вовсе еще не говорили о том, что она полностью равнодушна ко мне. Но если она даже и неравнодушна, то что это значит? Она сердится на меня. Больше того: она считает меня обманщиком и аферистом. И я должен сперва смягчить ее, сгладить впечатление от нашего последнего разговора, вымолить у нее прощение, а уж потом, когда она сменит гнев на милость, хвастаться ордером...

И я повернул к городской оранжерее. Именно там, в этой обители красоты, способной усладить взоры розоволиких пери, я думал раздобыть самый лучший подарок для Хурилико, гвоздики, при одном виде которых у нее начинали рдеть щеки и от удовольствия разгорались глаза...

Я бежал так быстро, что у меня сбилось дыхание и сердце, казалось, подступило к самому горлу.

Запахавшись, я остановился перед дверью с вывеской: «Цветы Сулима». Толкнул дверь — она оказалась запертой. Но поскольку я видел через стекло, как внутри мелькала чья-то фигура в белом халате, то принялся колотить в дверь кулаком. Не мог я прийти к Хурилико без цветов!

Мужчина в белом халате, испугавшись, верно, что я могу разбить дверь, открыл ее, и я ринулся в атаку.

— Дорогой!.. Ты меня знаешь: я Эркин Акбаров, такой же цветовод, как и ты. Мне нужны хоть несколько гвоздик!

Мужчина, усмехнувшись, покачал головой.

— Гвоздики ему понадобились! Да у меня вообще никаких цветов не осталось. Все, какие были, отправил в больницу и роддом.

— Но мне позарез необходимы гвоздики! — взмолился я, чуть не плача. — Пусть увядшие, засохшие, но гвоздики! За ценой я не постою. Ты же должен меня знать: я Эркин!..

— Да кто тебя тут не знает? Только нет у меня цветов, понимаешь — нет! Мне ресторану, который заказывал цветы, я вынужден был сегодня отказать.

— Хоть одну гвоздичку!.. Пойми, добрый человек, у моей любимой девушки сегодня день рождения. А она обожает гвоздики, именно гвоздики, только гвоздики!

Цветочник вздохнул, то ли сочувственно, то ли сокрушенно.

— Вот напасть — сколько красавиц сегодня родилось! Ты ведь не первый просишь у меня цветы для именинницы. С утра было целое паломничество — как будто все девушки Сулима появились на свет именно в этот день!

— А не помнишь, кто приходил?

— Да тьма народу. Погоди-ка, вспомнил: был Хуридин. Совсем недавно. Пришлось отделать для него несколько гвоздик от букета, приготовленного для больницы. Я было занкнулся, что это заказ его жены, и она может рассердиться, но он сказал, что она будет только довольна, потому что они вместе пойдут с этими цветами на день рождения...постой-ка... ну, да, вроде к Хурилико, он это имя назвал.

— Ах, вот как... Ну, тогда все в порядке.

Я почувствовал некоторое облегчение. Ладно, пусть не я

сам, а Хуриддин преподнесет цветы именинице, важно, что Хурилико не останется без гвоздик. Как славно, что есть на этом свете Хуриддин! Догадливый Хуриддин. Хитрый Хуриддин... Ведь он ни словом не обмолвился, что идет на день рождения к Хурилико. Правда, он намекнул, что мы скоро встретимся... Верно, по мне было видно, что я тоже к ней собрался.

И с цветами — опередил меня. Что ж... Одно и то же может и огорчать, и радовать. Обидно, конечно, что он забрал последние гвоздики. Но и хорошо, что он их забрал, а то они не достались бы ни мне, ни ему, а значит, их не получила бы Хурилико...

Я извинился перед цветочником за свое неурочное вторжение, дружелюбно простился с ним, но почему-то медлил уходить. Отойдя на некоторое расстояние, обернулся, оглядел оранжерею, осмотрелся вокруг. В свое время эту оранжерею начинали строить на окраине Сулима «подопечные» майора Хакимова, оживляющие свои пятнадцать суток за мелкое хулиганство. Теперь же она оказалась чуть не в центре города.

Погоди-ка, Эркин... А на какой улице, в каком доме тебе-то выделена квартира?

Получив ордер от Халмухамедова, я так и не удосужился заглянуть в него. Ну-ка, посмотрим...

Я достал из внутреннего кармана пиджака ордер, поднес его к самым глазам, поскольку было уже темно. Так... Цветочная улица, дом тридцать, квартира семьдесят два, из двух комнат, с полезной площадью в тридцать один с половиной квадратных метр. Подходяще...

Ха, да ведь я и находился сейчас как раз на Цветочной улице! Имя ей дала и положила начало — оранжерея. Она сама, кажется, значилась под номером первым.

Я двинулся по Цветочной, поглядывая на номера домов. Вот двадцать девятый. Он высился темной, сумрачной громадой — хоть его и достроили, но, видно, он еще не был заселен. Так, а где же тридцатый? По всем расчетам он должен стоять где-то напротив. Я перешел через улицу. Вот двадцать восьмой. Тоже уже готов. А тридцатого пока не было. Ему еще предстояло появиться на свет божий, встать вот на этот фундамент, который старательно подметал осенний ветер.

Ну и Халмухамедов! Выходит, он надул меня? До Нового года осталось всего ничего, а дом, в котором, по словам мэра, под Новый год я должен был отпраздновать новоселье, еще и не существовал!

Медленной походкой, опустив голову, я побрел обратно. Давно пора уже быть у Хурилико... Но не идти же к ней с пу-

стыми руками? Гвоздик я не достал. Ордер оказался липой... Во всяком случае, на ближайшее время.

Ноги сами принесли меня к универмагу. Там я наугад выбрал духи «Нежность», но когда уже уплатил за них деньги в кассу, то увидел другие духи, называвшиеся очень многозначительно: «Всегда с тобой». Я купил флакон и этих духов. Слова, красовавшиеся на этикетке, давно уже звучали в моей душе. И я был уверен, что Хурилико поймет их символический смысл...

Говорят: удачливый приходит с цветами, неудачник — хотя бы с пучком лука. Что ж, духи все-таки лучше, чем лук.

Я уже говорил, что в небольшом нашем городке все знают друг друга. Поэтому даже по короткой улице идти пришлось долго: обязательно тебя кто-нибудь остановит, втянет в разговор. Вот и в этот вечер мне то и дело встречались знакомые, хоть на минутку да задерживали, — одни расспрашивали о работе, другие делились своими радостями и огорчениями, третьи настойчиво уговаривали распить с ними пол-литра... Я с трудом отбивался от них. Попался мне навстречу и Забир-ака:

— О, кого я вижу!.. Эркинджан! Куда путь держишь? Уж не спешишь ли к Хуридину с горячими поздравлениями?

— Хуридин, по-моему, сам в гостях. А с чем надо его поздравлять?

— Как? Ты ничего не знаешь?

— Недавно я видел его, но он мне ничего не сказал.

— Так он теперь у нас Хуридин-бригадир. Еще вчера возглавил молодежную бригаду.

— Думаю, я смогу его сегодня поздравить, — в моем голосе звучала искренняя радость. — Но и вы, Забир-ака, примите мои сердечные поздравления: ведь это ваш выученик.

Забир-ака только махнул рукой.

— Меня, братец, поздравлять не с чем. Лучших строителей у меня забрали, все они пошли на повышение, а замену дали такую, что хоть плачь. Желторотые птенцы! Пока они научатся работать, я, кажется, отправлюсь на тот свет...

— Типун вам на язык, Забир-ака!

— Ну, посуди сам, Эркинджан, много ли я настрою домов с этим детским садом? Один норовит лопату вонзить не в землю, а в собственную ногу, другой с мастерком не умеет управляться, третий — кирпич, того гляди, уронит на чью-нибудь голову.

— Когда-то я тоже ничего не умел, — напомнил я Забиру-ака.

— Но ты после школы успел уже шишечку себе набить. Получил от жизни кой-какие уроки. Эти же пришли в бригаду

прямо со школьной скамьи. А план-то нам — не сдизили. Халмухамедов требует, чтобы к Новому году мы завершили строительство последнего дома на Цветочной улице. Мол, пусть у тех, кому выделены там квартиры, будет двойной праздник: и новоселье, и Новый год. А мы с грехом пополам заложили пока только фундамент. Для них ничего не стоит пообещать: возвести многоэтажный дом за три месяца — руками младенцев, протянуть улицы Сулима до самого Ташкента, саму ГРЭС отгрохать за пять лет...

— Погодите-ка, Забир-ака... У дома, который вы должны построить, не тридцатый номер?

— Точно, тридцатый. А почему тебя это интересует?

— А потому, что у меня ордер на квартиру в этом доме. Вот! — Я вытащил из кармана ордер и ключ. — Мне только что торжественно вручил его сам товарищ Халмухамедов.

Забир-ака внимательно изучил мой ордер.

— Так. Все верно. Дом тридцать, квартира семьдесят два. Высоконько же загнал тебя наш председатель, на самый последний этаж. Что ж, ты, значит, сможешь, сидя у окна, любоваться родным Ташкентом.

Мы рассмеялись, но я тут же нахмурился.

— Этаж-то меня не смущает. Но сколько же мне ждаться — пока я начну втаскивать в него новую мебель?

Забир-ака пожал плечами.

— Ждать недолго, ты переедешь туда к Новому году. — Он лукаво прищурился. — Уж ради тебя мы расстараемся. Да и Халмухамедов насаждает на меня и не принимает никаких возражений. Так что — хоть кровь из носу, а придется уложиться в сроки, установленные горсоветом. И желторотки мои, думаю, меня не подведут...

— Что же вы тогда жаловались на них?

— А я не из тех бодрячков, которые кричат: «Ура!», какой бы груз на них не взвалили...

Дальше я зашагал уже бодрее, а напротив дома Хурилико вынужден был немного постоять, пропуская мимо себя колону солдат: они шли по улице, выбивая на мостовой сапогами четкую тяжелую дробь и выводя, в такт своей поступи, лихую песню. Среди них были совсем зеленые юнцы, вроде моего Батырхана, но маршировали они — любо-дорого глядеть, а голоса их сливались в один мощный голос.

Сбоку, командуя ими, вышагивал офицер в белой дубленке, тот самый, которому я недавно показывал место для землянок на берегу канала.

Я крикнул ему:

— Берегите саженцы, товарищ командир!

Он повернул голову, приветственно помахал мне рукой.

В комнате общежития, где Хурилко отмечала свой день рождения и куда, наконец, я попал, стоял невообразимый шум. За празднично накрытым столом теснились одни девушки. Многих я знал: тут были и сослуживцы Хурилко, и почтальонша с нашего «грэсовского» участка, и водитель самосвала, и бетонщицы, и конторские работники...

Когда я вошел, поднялся дикий шум.

— Эркин!

— Ого! Сам уста-Эркин к нам пожаловал!

— На почетное место его!

Я растерянно мялся в дверях. Не ожидал я, что незваным гостем вторгнусь на девичник... В самом центре стола высилась хрустальная ваза со скромным букетиком гвоздик, их наверняка принес Хуриддин, но самого его не было видно. Наверно, жена его задержалась в больнице, а без нее он не решился остаться в окружении веселой стаи щебечущих красавиц... Передал гвоздики — и ретировался.

Я тоже готов уже был попятиться, но тут, выйдя из-за стола, навстречу мне поспешила Хурилко. Румянец цвел на ее щеках, губы улыбались, глаза сияли... Ее явно обрадовал мой приход, а я боялся в это поверить... Голосом, вдруг охрипшим от волнения, я пробормотал:

— Поздравляю, Хурилко, от всей души поздравляю...

— Спасибо.

— Живите сто лет и будьте счастливы всю жизнь.

— Спасибо, Эркинджан, спасибо. Да вы проходите.— Она повернулась к гостям.— Девушки, освободите ему место за столом!

— У вас — девичник. Я не хочу быть ложкой дегтя в бочке меда.

— Ничего, ничего, не смущайтесь. Проходите.

Уж не знаю, говорил с ней Нусратов или нет, но сомнений не было: она не держала на меня зла. И я был счастлив, как никогда...

Еще в коридоре я чуть надорвал бумагу, в которую были завернуты духи, так, чтобы можно было увидеть этикетку с надписью: «Всегда с тобой».

Вручая свой подарок Хурилко, я повернул к ней сверток надорванной стороной. Она покосилась на этикетку, и так вся и вспыхнула, щеки ее сделались алее кувинских гранатов, глаза засветились еще ярче, чем прежде, и я приметил в них (может, потому, что мне хотелось это приметить) и благодарность,

и любовь... Наверно, я обнял бы ее и крепко прижал к себе; и покрыв поцелуями и щеки ее и глаза, если бы за нами не наблюдали гости Хурилко: кто с легкой усмешкой, кто с восторгом, кто просто с любопытством...

Меня усадили во главе стола, рядом с Хурилко, на самое почетное место, налили в рюмку вина, стали наперебой предлагать закуски, а я был в таком смятении, что только тупо смотрел перед собой, откинувшись на спинку стула.

Уже успевшая захмелеть почтальонша крикнула мне:

— Эркинджан, что ты истуканом-то держишься? Ты знаешь, что будущий год — это Международный год женщин? Так готовь себя к нему, учись, как надо вести себя с девушками...

— Точно! — прозвучал басовитый голос Дильбар, девицы, водившей самосвал. — Уж коли на все наше бабье царство вы один — мужчина, так ухаживайте за нами!

— И уж постарайтесь никого не обидеть.

Я постепенно приходил в себя... И чувствовал, что если не сумею отбить первые же атаки бойких девиц, так они заключат меня, истерзав своими насмешками, поставят мне шах и мат. Но я-то тоже был парень не промах и никогда не лез за словом в карман. Поднявшись с рюмкой в руке, я провозгласил довольно витееватый тост за виновницу торжества (что дало мне повод чокнутья с Хурилко, значительно взглянув ей в глаза), а потом, обращаясь к девушкам, сказал:

— Будущий год знаменателен не только тем, что он «женский». Мы будем праздновать и тридцатилетие Победы над фашизмом, ну, а победу добывали в жестоких боях, в основном, джигиты. Так что кому за кем положено ухаживать, еще неизвестно.

— Ты-то не воевал! — крикнул кто-то.

— Но я — джигит, потенциальный, так сказать, воин! К тому же вас много, а я один. Я, если можно так выразиться, в данном кругу — дефицит, и меня надо ценить, холить и лелеять...

Почтальонша высоко вскинула голову.

— Еще что!.. Пусть нас много. Но каждой из нас цены нет. Мы все такие красавицы, стройные, изящные, мы привыкли к поклонению, так что, Эркин, ты всем нам должен уделить максимум внимания! — Насмешливо прищурясь, она подчеркнула: — Всем... а не одной Хурилко!

Тут все засмеялись, зашумели, захихикали, а у меня от этого гомона разболелась голова... Впервые я очутился в такой вот девичьей компании, и как ни хорохорился, все-таки чувств-

вовал себя не в своей тарелке. Гости что-то выкрикивали, не слушая и перебивая друг друга, невозможно было понять, кто что говорит, кто к кому адресуется со своими шуточками и колкостями... Я был как в чаду, словно находился в накуренном помещении, хоть здесь никто не курил. Больше мне было невмоготу тут оставаться, я беспомощно оглянулся на Хурилико и беспокойно заерзал на стуле, думая лишь о том, как бы отсюда потихоньку смыться и хоть отдышаться в коридоре. Мои поползновения были сразу же замечены басовитой хозяйкой самосвала.

— Эй! Девчата!— гаркнула она во весь голос.— Наш гость хочет удрать! Не позволим единственному джигиту осуществить свое преступное намерение! Сторожите его — да повнимательней!

Мне ничего не оставалось, как примириться со своим положением узника, бдительно охраняемого представительницами прекрасного пола, которых я мог умилостивить только одним: беспрекословным послушанием и ухаживанием.

«Самосвал» на полную мощность пустила магнитофон, голос Магомаева заполнил всю комнату и, наверно, поднял на ноги все общежитие.

Почтальонша, подбежав, схватила меня за руку.

— Пошли, Эркин, потанцуем!

Она буквально вытащила меня на середину комнаты, и мы закужились в танце. Потом мне пришлось перетанцевать со всеми гостями Хурилико. Я порой оборачивался к ней с безнадежно-извиняющимся выражением лица (мол, сами видите, я не волен в своих действиях) и ловил ее взгляд, несколько настороженный (мне хотелось бы думать, что ревнивый)... В глазах у меня плыл туман. В поисках спасения, после одного танца, я ринулся к Хурилико.

— Не окажет ли мне именинница честь — станцевать со мной вальс?

Хурилико, просветлев, вскочила со стула.

— С удовольствием!

Мы танцевали молча, но молчание наше было красноречивей всяких слов. Когда вальс кончился, я попросил повторить его. И уловив момент, шепнул ей на ухо:

— Хурилико!.. У меня в кармане — ордер.

Она глянула на меня с недоумением, я пояснил:

— Ордер на квартиру, которую мы получим к Новому году. И надеюсь, справим тройной той...

— Тройной?

— Ну, да. Новый год... Новоселье... И...

Я не договорил, но Хурилико все поняла и в смущении опустила глаза.

Но она не сказала мне: нет!..

Глава девятая

I

Как-то рано утром, еще до работы, ко мне в «соловьиное гнездышко» ввалился Батырхан, размахивая свежим номером газеты.

— Эркин-ака! С вас суюнчи!

— А что случилось?

— Вот, читайте: наша бригада по всем показателям вырвалась вперед! Мы уже работаем в счет будущего года!

Я выхватил у него газету, еще пахнущую типографской краской, и так и впился глазами в статью, где говорилось и о нашей бригаде. На сей раз автором была не Хурилико, и я нашел в статье и свою фамилию. Особенно меня хвалили за то, что я «поставил во главу угла — качество работы и своим примером увлек всю бригаду».

Мы действительно начали борьбу за высококачественную работу — не снижая, конечно, при этом ни ее объема, ни темпов. Но моя роль тут была куда скромней, чем расписал газетчик...

В том месте, где речь шла об опытных монтажниках и их учениках, наряду с фамилиями лучших молодых строителей, старательно и увлеченно осваивающих свои профессии, была упомянута и фамилия Батырхана.

— Ну? Видали?— спросил торжествующе Батырхан, когда я дочитал статью до конца.— Наш Рожков — передовой бригадир! Алексей-ака — лучший электросварщик! Чемпион сварки!

Открытое его лицо сияло, мелкие зубы сверкали в улыбке, как жемчужины.

Я добродушно усмехнулся.

— А ты этого без газеты не знал?

— Одно дело самому знать, другое — прочитать об этом. Тут и про вас сказано, Эркин-ака.

— И про тебя — тоже. Или ты своей фамилии не заметил?

Батырхан густо покраснел.

— Ну... обо мне между прочим упомянули...— И тут же опять загорелся.— А нас по телевизору не покажут?

— Сие мне неизвестно. А тебе, дорогой, я посоветовал бы не быть таким тщеславным.

— При чем тут тщеславие? Просто — приятно было бы...

Мы, как я уже говорил, в это время монтировали третий энергоблок. Повсюду — на рабочих местах, на улицах Сулима, в столовых, в общежитиях — красовался лозунг: «Строить — быстро и добротнo!». Слова эти стали главным девизом создателей Сарданской ГРЭС.

Вот только жилищное строительство по-прежнему шло черпаемыми темпами.

А с «моим» домом вообще творилась какая-то срунда. Халмухамедову показалось, что Забир-ака, который отличался в работе не только предельной добросовестностью, но и какой-то, я бы сказал, основательностью, медлит с возведением этого шестиэтажного, самого высотного в Сулиме здания, и его бригаду перебросили на строительство другого дома, завершение тридцатого доверили строителям, которых возглавлял человек, удобный Халмухамедову: он ходил в передовиках, все дома сдавая досрочно, и готов был выполнить любое распоряжение председателя горсовета.

Я частенько заглядывал на Цветочную улицу, придирчиво наблюдая за работой строителей. Халмухамедов, наверно, был доволен ими: этажи росли не по дням, а по часам. Но меня эти авральные темпы строительства как раз смущали: я ведь сам проработал некоторое время каменщиком и знал, что спешка в нашем деле не могла привести к добру...

Я как в воду глядел: хоть дом и отгрохали к Новому году, о чем так мечтал наш мэр, но комиссия его не приняла: слишком многочисленны, велики, серьезны оказались недоделки.

Не повезло Халмухамедову с этой комиссией: она проявила редкую принципиальность и, как на нее не жал горсовет, составила такой суровый акт о качестве строительства, что и бригадиру-авральщику, и его покровителю — Халмухамедову грозили большие неприятности...

Но так или иначе, а мои надежды — справиться «тройной той» в доме номер тридцать — лопались, как мыльные пузыри.

Надо сказать, я мог бы в эти дни похвастаться не только прозорливостью, но и предусмотрительностью. Еще комиссия не сказала своего последнего слова, а я уже распротился с мыслью о новоселье и стал прикидывать: где встретить хотя бы Новый год.

На весь Сулим приходился лишь один небогатый ресторан, «Нурхан», днем превращавшийся в столовую с самообслуживанием. Порой, правда, там приходилось «самообслуживаться» и вечерами: официантов постоянно не хватало, на стройке это была профессия далеко не из самых почетных...

В этот ресторан я и сунулся накануне Нового года, чтобы забронировать столик. И получил от ворот поворот: желающих посидеть в новогоднюю ночь в ресторане было хоть отбавляй, запись на столики давно уже кончилась. Выручил Хуриддин: он предложил отметить Новый год у него дома, «по-семейному», и строго-настрого наказал:

— Жду тридцать первого к десяти ноль-ноль. Форма одежды парадная. Приходи вместе с Хурилико. Явишься один — не лушу.

Я с радостью согласился на все его условия.

II

Тридцать первого декабря большинство учеников, да и многие рабочие, разъехались по домам.

Я послал в Ташкент, домой, поздравительную телеграмму.

И с утра пораньше отправился на рыбалку: решил обеспечить праздничный дастархан свежей рыбой.

Конечно, если бы я попросил, то Рожков охотно предоставил бы в мое распоряжение свой «Москвич», да и мотоцикл Забира-ака всегда был к моим услугам. Но в этот день транспорт мог понадобиться им самим. Я вышел «голосовать» на шоссе и вскоре уже ехал в тесном «газике», в компании завязых рыболовов.

Настроение у всех было веселое, они, видно, «поддали» перед дорогой, да и предстоящий лов поднимал настроение: ведь ни один истинный рыбак не сомневается в удаче. Они оживленно переговаривались, перебрасывались густо поперченными асциями, поддразнивали друг друга, рассказывали смешные, а большей частью невероятнейшие истории.

Я сидел, забившись в угол, и хотя и смеялся вместе со всеми, но за все время пути не проронил ни слова (вот бы удивился мои знакомые).

По разговорам моих попутчиков я понял, что они представляли собой «руководящий состав» одного из совхозов, возникших в пустыне после того, как был пущен первый энергоблок нашей ГРЭС. Сарданская ГРЭС снабжала этот совхоз и электроэнергией и водой.

Судя по тому, как они ловко, на ходу, придумывали свои байки, выдавая их за самую настоящую правду («клянусь, так оно все и было на самом деле!»), — это были опытные, поднатренированные в безобидном, ритуальном вранье рыболовы и охотники. Барон Мюнхгаузен не годился бы им и в подметки.

— Охотился я как-то в Ургутских горах на архаров, — вдохновенно сочинял один из моих попутчиков. — И удалось мне, с

первого же выстрела, попасть прямо в зрачок одному архару — а до него было километра три, не меньше!.. Окривел он, значит, на правый глаз, куда ему оставалось бежать? Точно, налево. И угодил он, как миленький, прямо мне в руки.

— В глаз попасть — дело нехитрое, — вмешался другой пассажир, — и три километра — не расстояние. А я вот как-то, на охоте, поднял голову и вижу: высоко в небе беркут, размером с осла, а в когтях у него баран, как в ковше экскаватора. Ну, я вскинул ружье, прицелился, бабахнул сразу из двух стволов — и баран, кувыркаясь в воздухе, полетел на землю, а беркут взмыл еще выше. Подбежал я к упавшему барану, он уж мертвый был, гляжу: в боках у него, как крючья, торчат беркутиные когти, вцепившиеся в тушу мертвой хваткой. Я, выходит, беркуту, обе лапы отстрелил...

Мужчина, сидевший рядом с шофером, обернулся к нам и проговорил:

— Эко диво — отстрелить двумя выстрелами две лапы. Я вот одним выстрелом убил восемь волков сразу!

До сих пор мои попутчики и не пытались протестовать, спорить, сомневаться, слушая рассказы своих товарищей. Ничто их, казалось, не удивляло. Но тут все зашумели: рассказчик явно преступил в своей фантазии какой-то дозволенный рубеж.

— Э, надо бы и меру знать! — осадил его пассажир, окрививший архару.

— На охоте, конечно, всякое случается, — осторожно заметил охотник — гроза беркутов. — Но чтоб одним выстрелом — восемь волков...

— Могу поклясться, что я вам не соврал! Дело в том, что я убил волчицу, беременную семью волчатами. Одна да семь — восемь. Вы арифметику-то знаете?

И он весело рассмеялся, довольный тем, что его спутники попались на удочку...

Мы и не заметили, как добрались до водохранилища, образовавшегося перед головной плотиной гидроэлектростанции — нашей соседки.

Хуриддин любил приговаривать: «сильный отходит в сторону, завидев того, кто еще сильнее». Мне вспомнились эти слова, когда я увидел реку, плотину, пенящиеся воды, которым человек повелевал вращать могучие турбины. Зимняя стужа, словно испугавшись рева турбин, отступила перед творением рук человеческих, у нее не хватило сил — сковать льдом воду, «работавшую» на ГЭС, волны здесь высоко вздымались, грозно бились о берега; на мгновение речная стихия смирялась, будто отдыхая, набираясь мощи для новых атак, а потом снова при-

пималась за свое; волны рокотали, в воздухе летали тучи белоснежных брызг; казалось, настоящий шторм бушевал на водохранилище. И не верилось, что здесь могла водиться рыба...

А на берегу мороз продирает до костей, и некуда было деться от ледящего ветра.

Мой попутчик, тот, который сразил одной пулей восемь волков, спросил меня:

— А вы тоже приехали порыбачить?

— Да хотелось бы поймать пять-шесть сомов — к новогоднему столу.

— Сами-то вы откуда?

— Я ташкентец, а сейчас работаю на Сарданской ГРЭС, электросварщиком.

Мужчина посмотрел на меня с уважением.

— Зовут вас как?

— Меня лично — Эркин. Но в общем-то, всех нас, строителей ГРЭС, называют Нурджанами.

— Понятно. У вас, наверно, и Нурхан есть, и это она любит рыбу? А детками вы еще не обзавелись?

Я вздохнул:

— Мы и пожениться-то все никак не можем.

— Что так?

— Жить пока негде. У нас на стройке с жильем — ох, как туго.

— Ничего, все образуется, — подбодрил меня мой собеседник. — А сомы, между прочим, вам ни к чему. К столу хороша рыбка помельче да повкуснее. Присоединяйтесь к нашей компании. Мы сеть с собой захватили, так что наловим рыбы, сколько душе угодно.

— А это... не браконьерство?

Я теперь больше всего боялся нарушить закон...

— У нас есть разрешение. Конечно, приятней посидеть на бережку с удочкой... Но нам сегодня нужен добрый улов. Ну, как, согласны вместе с нами рыбачить? По пословице, одному коню большой пыли не поднять.

Меня не пришлось уламывать.

Сеть у моих попутчиков оказалась новехонькая, фабричного производства. Но прежде, чем забросить ее, рыболовы собрались в тесный кружок, и мой недавний собеседник (как потом выяснилось, директор совхоза) сказал:

— Дорогой Нурджан, перед рыбалкой надо согреться. Так что просим вас снизойти до нашего скромного угощения... Это вот масло, а это чай. Особый, бутылочный. Отхлебните пару глотков, закусите, и вы почувствуете себя батыром!...

В бутылке, конечно же, оказался коньяк.

За тостом дело не стало: мы выпили за нерушимый союз рабочих стройки и целинных совхозов!

По жилам разлилось приятное тепло, мы повселили и без боязни забрались в студеною воду, чтобы забросить сеть — в том месте, которое выбрал и на которое указал директор совхоза, самый, видно, опытный рыболов.

Первый раз мы вытащили ее пустой, но нашего распорядителя это не обескуражило, он крикнул нам, чтобы мы побыстрее кидали сеть обратно: сейчас, мол, должен пойти целый косяк сазанов... И он угадал: рыбы набилось в сеть превеликое множество, и она так грепыхалась, так извивалась, что, казалось, ячейки сети вот-вот порвутся. Но они были крепкие, капроновые, и вскоре перед нашими глазами уже переливалась рыба — золотистым и зеленоватым цветом, как листва тополя в ветреный солнечный день.

Еще дважды наша сеть наполнялась доверху. Но после этого, сколько мы ни опускали ее в воду — не попало ни рыбешки.

— Все. Заколodило, — сказал директор совхоза. — Отваливаем. Только сперва попробуем на вкус, что за рыбу мы поймали...

Я совсем замерз, мне налили еще «чаю», и я вызвался сходить за топливом к одинокому домику, как парус, белевшему вдалеке. Вернулся я с вязанкой сухих дров. Мы разожгли костер, зажарили на нем рыбу и сами немножко согрелись...

Никогда в жизни я не едал такого вкусного, сочного и нежного шашлыка из рыбы!..

В своем совхозе мои новые знакомые вышли из «газика», директор наказал шоферу доставить меня в Сулим, и как я ни сопротивлялся, мне отвалили добрую часть улова...

III

Я зашел за Хурилико, и мы отправились к Хуриддину.

Улицы были освещены по-праздничному. Халмухамедов расщедрился: многие здания города разноцветно сияли иллюминацией, чуть не на каждом перекрестке высились елочки, украшенные игрушками, всякой блестящей мишурой и маленькими, тоже всех цветов, лампочками.

Город стал таким нарядным, что им нельзя было не залюбоваться: мы останавливались у каждой елочки и в квартире Хуриддина появились чуть позднее десяти часов.

Хуриддин и его жена Кутбиниса уже ждали нас. Дверь от-

крыл сам хозяин. Мы поздравили его с наступающим Новым годом, и я вручил ему сумку, полную свежей рыбы.

Хуриддин только покачал головой.

— Вот это сюрприз, так сюрприз!.. И всегда-то ты что-нибудь учудишь, Эркинджан!..

Меня всего распирало от самодовольства.

— А что, хороша рыбка? Сплошной жир — от головы до хвоста...

У Хуриддина уже собрались все гости: тут были и Рожков с женой Варварой Сергеевной, и Забир-ака со своей супругой Махбузой-апа, которую он, как только убедился, что задержится на стройке, вызвал в Сулим и устроил штукатуром в ту самую бригаду, которая строила злополучный дом номер тридцать.

Женщины хлопотали вокруг стола, а Рожков и Забир-ака стояли, о чем-то разговаривая, у елки, красовавшейся в углу комнаты и подмигивавшей разноцветными яркими лампочками. В комнате вообще света было более чем достаточно, и я пошутил:

— Да здравствует дешевая электроэнергия Сарданской ГРЭС!..

Хуриддин и меня подвел к елке, сказал заговорщическим тоном:

— Пусть женщины занимаются своими делами, а мы тут проведем небольшое, чисто мужское совещание.— Он был возбужден, весел и как всегда балагурил.— Многие книжки, как известно, открываются предисловиями. Я считаю, что предстоящему новому году тоже должно предшествовать краткое вступление.

Он разлил по рюмкам коньяк, и мы выпили сперва за все хорошее, что было в уходящем году, потом — за победы, одержанные в семьдесят четвертом строителями Сарданской ГРЭС, потом — еще за что-то... Не забыли мы провозгласить тосты за наших учителей, и за наших учеников, и когда женщины объявили, что стол готов, мы тоже уже были «готовы»... Я, правда, выглядел трезвее других, спиртное на меня не очень-то подействовало, наверное, потому, что я намерз с утра и надышался свежим воздухом...

Женщины смотрели на нас в горестном изумлении.

— Ба! Они уже успели нализаться...

— Дорогие мужчины, да вам впору не за стол садиться, а прикорнуть под елкой...

— Они под столом поспят...

Время уже близилось к полуночи.

Мужчины смиренхоцько и чинно, стараясь показать, что они совсем не пьяны, расселись за дастарханом, ломившимся от самой разнообразной, дразнящей аппетит еды, каждый — рядом со своей женой (а я — возле Хурилико), и мы принялись терпеливо ждать, когда настенные часы пробьют двенадцать...

Но вот раздались первые удары часов, и по местному радио диктор провозгласил:

— С Новым годом, товарищи! С новым счастьем!

Мы со звоном чокнулись бокалами с шампанским.

Тосты сменяли один другой, но пили мы уже мало: жены бдительно следили за мужьями, сами устанавливали для них алкогольную норму.

Туже всех приходилось Рожкову. Варвара Сергеевна, его жена, преподавала в школе-семилетке, открывшейся в Сулиме этой осенью. От своих учеников она требовала не только хороших знаний, но и примерного поведения. Говорили даже, что дисциплину она ставит на первое место. Рожкову можно было только посочувствовать. Его жена еще не потеряла надежды и из него сделать «лай-мальчика». Вот и сегодня: она строго одергивала его, когда он утрачивал чувство меры, делала ему замечания, как расшалившемуся школьнику, называя его при этом по фамилии:

— Рожков! Прекрати свое пьяное балагурство.

— Рожков! Эту рюмку ты можешь пропустить...

— Рожков! Помни: меньше выпивки — больше веселья.

И Варвара Сергеевна пояснила все, как на уроке:

— Только трезвые способны веселиться по-настоящему, естественно, не подогревая свои эмоции водкой.

Порой, когда Рожков тянулся к рюмке, она ласково, как ребенка, хлопала его по руке.

— Опять за свое?

В общем, мне было даже неловко за своего бригадира.

Махбуза-апа на своего мужа не покрикивала, но и не выпускала из поля зрения. Если он, по ее мнению, слишком усердно налегал на коньяк, она просто отбирала у него рюмку и, словно компенсируя свою строгость, нежно поглаживала его по голове своей пухлой широкой ладонью.

Хурилико пока не имела права командовать мной, но стоило ей укоризненно посмотреть на меня, как я сам поспешно отдергивал пальцы от рюмки...

Лишь Кутбиниса не обращала на Хуриддина никакого внимания: видно, давно уже поняла, что с ним ей не сладить.

Когда ладонь Махбузы-апа в очередной раз легла на затылок Забира-бригадира, он пошутил:

— Что ты меня все оглаживаешь, как обон, когда вы их клеите? Выказала бы лучше свое старание, когда штукатурила и оклеивала обоями квартиры в доме тридцать по Цветочной улице.— И обратился ко мне, не меняя иронического тона.— Это вот они, отделочники, больше всего там напартачили.

— Ну-ну!— вскинулась Махбуза-апа.— Вечно вот так: как что — виноваты отделочники. Да для нас не подготовили фронт работ!.. Состряпали дом курам на смех. Там все стены надо заново перекладывать. Дай бог, если наша бригада управится к следующему Новому году.

Заметив, как у меня вытянулось лицо, Забир-ака напустился на жену:

— Ты бы поосмотрительней была, ведь с нами сидят будущие жильцы этого дома.

Но Махбуза-апа уже разошлась.

— Что ты меня одергиваешь? Почему я должна молчать? Да я, если надо, и самого товарища Фунтикова не побоюсь пропесочить. А уж председателя горсовета — тем более.

— Он-то причем?— сердито сказал Забир-ака, хотя ему-то больше других было известно, причем тут Халмухамедов.

— Причем? А при том, что ему захотелось всем пыль в глаза пустить. Дом тридцать — самый высокий дом в Сулиме, самый красивый дом в Сулиме, надо во что бы то ни стало сдать его к Новому году, чтобы его жильцы благодарно кланялись в ножки товарищу председателю, чтобы весь город хвалил товарища председателя!

Я и не подозревал, что у Махбузы-апа — ораторский талант. И грешок, водящийся за председателем, она точно определила: любил он, действительно, пустить пыль в глаза.

Махбуза-апа между тем продолжала с прежней горячностью:

— Вот он и подгонял нас. А наш бригадир в рот ему глядел: хоп, майли, раис-ака, будет сделано, раис-ака. Он ведь надеялся, что дом, как обычно, примут с недоделками, и мы за него еще премии отхватим. Под его нажимом мы и авралили, а значит, халтурили. Недаром ведь говорится: поспешишь — людей насмешишь. Самый красивый дом... Не дом это, а сплошное очковтирательство!

Я растерянно пробормотал:

— Значит, Халмухамедов подарил мне неродившегося теленка от еще не купленной коровы? Ничего себе новогодний подарок — да развалится его собственный дом!

— Да не слушай ты ее,— попытался утешить меня Забир-ака, недовольный тем, что жена его омрачила праздничное за-

столье, — мало ли что может наговорить самая болтливая из жен.

Но Махбуза-апа уже вошла в раж.

— Это я-то болтлива? Да под каждым моим словом — прочный фундамент! Ладно, я все сейчас расскажу про махинации нашего бригадира...

Хозяйка дома, Кутбиниса, решила разрядить обстановку.

— Гости дорогие, сегодня же такой праздник — Новый год!.. Давайте веселиться! Выпьем за все хорошее, и говорить будем только о хорошем — не то весь будущий год пройдет в спорах, ссорах да огорчениях.

— А ты, жена, не вмешивайся, — подал голос Хуридин. — Или тебе все равно: получит наш Эркин квартиру в новом доме или нет? Так давай тогда освободим нашу квартиру, он имеет на нее такое же право, как теленок на молоко коровы, которая его родила!..

Рожков, который до этого, под приглядом своей жены, держался тихо и смиренно, и настроен был благодушно, неожиданно приподнялся на своем стуле и стукнул кулаком по столу, так, что зазвенела посуда и вино выплеснулось из рюмок на скатерть и в тарелки.

— Да хватит вам! Что, в самом деле, мы Новый год встречаем или проводим профсоюзное собрание? — Он наполнил свою рюмку, она чуть подрагивала в его руке. — Я тост хочу сказать. Кутбиниса-апа права, в новогоднюю ночь надо говорить о хорошем. Помянем добром прошедший год: мы одержали в нем немало трудовых побед. Наши дехкане собрали пять миллионов триста тысяч тонн «белого золота» — это пока рекордная цифра!.. Рабочие заводов и фабрик тоже порадовали страну крупными достижениями. Ну, и строители Сарданской ГРЭС не отстали от других: подарили народу тысячи киловатт-часов электроэнергии!.. Спасибо старому году. И да здравствует Новый: год еще больших свершений!.. Пусть он будет счастливым для всех нас. И еще не надо забывать, что это Международный год женщин. Выпьем за будущие успехи, за наше счастье, за наших жен, верных наших подруг!

Жена Рожкова благосклонно выслушала его тост и позволила ему выпить.

А Кутбиниса отняла у мужа рюмку, которую он наполнил, собираясь тоже что-то сказать.

— Хватит, дорогой муженек. Всему есть предел. Я не хочу, чтобы вы попали к нам в больницу. У нас и так лежит немало мужчин, которых водка довела до больничной койки...

— Дохляки какие-нибудь, наверно,— буркнул Хуридин.

— Нет, джигиты в самом цветущем возрасте. А уже заработали себе инфаркты и инсульты.— Она приложила ладонь к груди Хуридина.— О, как сердце-то колотится! Словно выскочить хочет!

Хуридин нахохлился и больше уже не пил, но и не балагурил.

Надо сказать Махбуза-апа меня здорово расстроила. Уж кому-кому, а мне сам бог велел еще выпить. Я уже взялся было за бутылку коньяка, намереваясь перелить ее содержимое не в рюмку даже, а в фужер, но Хурилко, разгадав мой умысел, легонько стукнула меня по ноге своей туфелькой. Словно обжегшись, я отдернул руку от бутылки. И повеселел. Ведь Хурилко повела себя так, как будто уже была моей женой... Только жена имеет право приказать мужу: не пей!.. Тут же мои мысли приняли другое направление, я попытался представить себе, как будет держаться со мной Хурилко после свадьбы. Возьмет меня в ежовые рукавицы? Или ограничится только тем, что наступит мне на ногу или стукнет по руке, если я сделаю что-нибудь не так?.. А, какое это имеет значение! Я люблю Хурилко, и нет у меня большего желания, чем видеть ее своей женой, «верной подругой», как сказал Рожков. Под Новый год надо не только говорить о хорошем, но и загадывать хорошее, вот я и загадал: да состоится у нас в Новом году свадебный той! Надоело мне жить бобылем. Как молвит пословица, одной рукой в ладоши не хлопнешь...

Мы ушли от Хуридина раньше других: потянуло побродить по городу. До утра было еще далеко, но и ночь не походила на ночь: ярко горели звезды в чистом небе, светились окна в домах. Люди еще не ложились спать.

Легкий морозец пощипывал щеки. Бодрящий такой морозец...

Навстречу нам попался майор Хакимов, обходивший с несколькими дружинниками улицы Сулима. Жалко, что в новогоднюю ночь кому-то приходится работать. Иначе, конечно, нельзя, но — жалко...

— Видали?— сказал я Хурилко. — Моя милиция меня бережет.— И приветственно взмахнул рукой.— С Новым годом, стражи порядка! Как у вас сегодня, много пятнадцатисуточников?

— Ни одного!— весело откликнулся Хакимов.— Это добрая примета, когда вот так начинается Новый год... С Новым годом вас, Хурилко! С Новым годом тебя, Эркин! Будьте счастливы!

I

Строители Сарданской ГРЭС поставили перед собой задачу: сдать первую очередь электростанции накануне XXV съезда КПСС. Нусратов, все обдумав, обсудив, уточнив вместе с Фунтиковым (уточнив — не без помощи электронных машин Хурилко), призвал коммунистов стройки возглавить движение за досрочный пуск первой очереди ГРЭС.

Вот когда я впервые пожалел, что я еще не коммунист... Можно было, конечно, вступить в комсомол, но для комсомола я считал себя «перестарком»...

Беспартийность не мешала мне относиться к Нусратову как к своему руководителю, наставнику. И чем больше я его узнавал, чем чаще с ним сталкивался, тем все большее уважение испытывал к нему. Работа у него была незаметная глазу, ее нельзя было выразить ни в процентах, ни в других конкретных показателях, зато результаты она давала вполне ощутимые.

Мне нравилось в нем не любовь к заседаниям, совещаниям, длинным речам и громким словам. Я понимал, что важным оружием парработника является как раз слово. Но какое?.. Нусратов, в разговорах с людьми, умел найти слова душевные, проникновенные и в то же время обладавшие твердостью и весомостью стали. Речам и выступлениям он предпочитал сердечные беседы с людьми — и когда появлялся на крупных объектах с большим коллективом строителей, и в обыденной обстановке, и — один на один. И люди тянулись к нему: не стесняясь, раскрывали перед ним душу, доверяли ему самые сокровенные тайны, делились своими радостями, а если случалась беда — обращались к нему за советом и поддержкой.

По его предложению и настоянию у нас забрали Алексея, поставив его во главе бригады, монтировавшей четвертый энергоблок. Вскоре имя нового бригадира замелькало в газетах, о нем говорили по радио, показывали его бригаду по телевидению. Она уже наступала на пятки нашей бригаде.

Однажды в обеденный перерыв в столовую пришел Нусратов. Взяв себе первое и второе, он сел за мой столик, глянул, как всегда, пристально, испытующе, и я понял, что предстоит серьезный разговор.

Мы неторопливо ели и неторопливо беседовали.

— Как ты, радуешься за своего бывшего учителя? — спросил меня Нусратов. — Или он теперь для вас только опасный соперник?

— Опасный?— Я пожал плечами.— Кишка у него тонка — обогнать нашу бригаду.

— Ну, да; пока ее возглавляет Рожков...

Я насторожился.

— Пока?.. Его что, тоже думают у нас забрать?

— Что ж поделаешь, если люди растут! Рожкову уже можно доверить более ответственную руководящую должность. Вот тогда Алексей вам покажет, где раки зимуют...

— Погодите, товарищ Нусратов... А кого же прочат на место Рожкова? Кто нами-то будет верховодить?

— Вот об этом я и хотел с тобой потолковать...

И тут только до меня дошло: не зря заглянул Нусратов в столовую, не случайно подсел ко мне. Уж не собирается ли он мне предложить бригадирство?.. Лестно, конечно, но только я не чувствовал себя готовым к этому. Ну, работаю я сейчас вполне прилично. Норму перевыполняю. И обязался, как и все члены бригады, в этом году выполнить еще норму и «за того парня» — за одного из тех, кто погиб на войне. Меня похваляют (даже порой перехваливают), мой портрет появился на «Доске почета» (а я, оказывается, джигит — ничего, красивый), и заработки у меня дай бог каждому. Чего мне еще желать?.. Бригадой руководить — не шутка. И отвечай за каждого, и выбивай материалы и инструменты, и следи за выполнением общего бригадного плана... Мало ли еще обязанностей у бригадира. Сплошные заботы!.. Нет, уж лучше быть баловнем бригады, чем ее вожаком.

Но Нусратов не торопился заговорить со мной о главном, а начал издали:

— Как твой ученик трудится, Батырхан? Говорят, он уже приобрел рабочую сноровку. И ему пора присваивать разряд.

Тут не иначе как шайтан потянул меня за язык. Радуюсь за Батырхана, которого похвалил сам Нусратов, я заявил:

— Да он уж и других может учить! Ему что ни доверь — справится. Парень что надо. Грамотный. Способный — все на лету схватывает. И энтузиазма у него хоть отбавляй.

Нусратов поглядел на меня пристально.

— Вот как?

— Да, он теперь две нормы выполняет: одну за себя, другую за «того парня». Душа у него — широкая. Из его семьи в войну никто не погиб, сам он родился, когда у фронтовиков уже все раны затянулись, но как он чтит память всех, кто жизнь за родину отдал!

Если уж я кого начинаю расхваливать, то меня трудно было остановить.

— Когда мы на берегу канала деревья высаживали, так он мне всю душу вымотал: давай, говорит, повесим на каждое дерево дощечку — с именем одного из героев войны. Я еле убедил его, что это уж слишком. Профанация, так сказать... А сейчас он пристаёт ко мне с новым предложением: весна уж, говорит, на носу, скоро можно будет озеленением заняться, так лускай, говорит, каждый посадит в Сулиме два дерева: одно — за себя, другое — «за того парня». Вот в городе и появится новый парк...

У Нусратова загорелись глаза.

— А что! Неплохая идея! Это он замечательно придумал...— Достав блокнот, он что-то записал в него.— Можно так и назвать этот парк — Парк Героев. Или как-то вроде этого...— Он опять глянул на меня пытливо.— Так ты говоришь, Батырхан — парень что надо?

— Еще бы!.. Мой ученик!..

— Вот пусть и начинает работать самостоятельно. А ты...

Я так и замер, догадываясь, что он сейчас скажет.

— А ты готовься принимать бригаду. Вот так-то. И без возражений, пожалуйста. Руководство стройки все обдумало и остановилось на твоей кандидатуре. А от себя добавляю: подумай о вступлении в партию.

Меня будто током ударило. Вот уж такого предложения я никак не ожидал! К вступлению в партию я просто не был готов. И еще не заслужил права — зваться коммунистом. Коммунист — это человек кристальной честности, негибкой воли, преданного служения народу, человек, который сам героически трудится и ведет за собой других. Ну, такой, как Нусратов. Я прекрасно понимал, что мне до этого идеала еще далеко. Но у меня не хватало слов, чтобы все это выложить Нусратову, и я только пробормотал:

— Я ведь не комсомолец.

— Это плохо, конечно. Но не может служить решающим препятствием для вступления в партию. Ты рабочий человек. Трудись не за страх, а за совесть. Других учишь. Хороший пример всем показываешь. А с каким огоньком ты партийные поручения выполняешь — я сам видел.

— Но... Комсомольцем-то я не был — не случайно... Подай я в свое время заявление, меня бы и не приняли... Грехами оброс с ног до головы.

— Грехи свои ты уже, считай, замолил. И кто прошлое поманет, тому глаз вон. Правда, и сейчас ты иногда срываешься, но ведь если решишь в партию вступить, так последуешь за собой, а? И будешь выверять каждый свой шаг? Или я не прав?

Я молчал.

С обедом мы давно покончили, и Нусратов, поднимаясь из-за столика, положил мне руку на плечо и сказал:

— В общем, подумай, подумай. Можешь рассчитывать на мою рекомендацию.— Он посмотрел на часы.— Ох, засиделись мы с тобой. Иди работай. Желая успеха тебе, Батырхану, всей твоей бригаде!

II

Итак, я стал бригадиром. Забот у меня, естественно, прибавилось. Одно дело — обучать Батырхана, другое — руководить целым коллективом, пусть небольшим и уже сработавшимся, но все же пестрым, как букет полевых цветов. У меня не было ни опыта, ни умения, ни даже должного авторитета. Ну, опыт, как сказал мне Рожков, назначенный начальником участка, дело наживное. И умение придет. Он обещал по мере сил и возможностей помогать мне. Авторитет придется постепенно завоевывать. В конце концов, где ступил конь, там может ступить и жеребенок. Чем я хуже Алексея или Хуриддина? Они-то возглавляли бригады и ничего, не жалуются. И, между прочим, оба, как и Рожков, как и Нусратов, верят в меня. И моя святая обязанность — не подвести их.

Передавая мне бригаду, Рожков подбадривал меня:

— Не вешай носа, Эркинджан! В бригаде — замечательные джигиты, один другого толковей и проворней. Ими и командовать не надо. Действуй с умом, и все тут. А ума тебе не занимать стать. Хочешь — возьми к себе еще молодых ребят. Ведь объем работ все возрастает, и темпы надо наращивать. Потому сейчас и создаются новые бригады. И работать лучше всего в три смены. Подбери себе дельных помощников. И — давай, нажимай!

Добрые напутственные слова услышал я и от Алексея.

— Хоть в труде мы и соперники, но я ж тебе друг, и колготу будет; обращайся ко мне без стеснения. Я всегда окажу тебе поддержку. В общем, не бойся ничего, я рядом. Помнишь, как ты начинал работать под моим началом?

— Под началом — легче... Я бы предпочел до конца дней своих оставаться учеником. Никаких тебе хлопот, никакой ответственности. Присматривайся, слушай, что тебе говорят, отвечай: хоп майли, и выполняй. Не жизнь — малина!.. А бригадирство... Ну, сам посуди, какой из меня бригадир?

— Э, друг, не боги горшки обжигают. Держи хвост пистолетом! И ни пуха тебе, ни пера.

— Пошел к черту.

Традиционные эти слова я произнес с тяжелым вздохом.

Особое впечатление произвел на меня разговор с Фунтиковым. Он вызвал меня к себе после того, как я прошел все формальности в отделе кадров, и встретил радушно, как самого дорого гостя.

— О, Эркинджан! Входи, входи.

Отложив в сторону бумаги, которыми он до этого занимался, начальник строительства показал рукой на кресло, стоявшее впритык к его столу.

— Садись, Эркинджан. Потолкуем.

Кресло было такое мягкое, что я утонул в нем. Ростом я и так не вышел, а в этом глубоком кресле казался, наверно, совсем маленьким. И снизу вверх взирал на Фунтикова, восседающего за своим столом.

Фунтиков подробно разъяснил мне мои новые обязанности, предупредил о трудностях, которые меня ждут, ознакомил с положением в тех бригадах, с которыми мне предстояло тягаться, и с общим состоянием дел на стройке. Он говорил со мной, как равный с равным, тоном и дружелюбным, и отеческим. Меня тронуло и его доброжелательное внимание, и забота обо мне. Прощаясь со мной, он встал из-за стола, протянул мне руку.

— Я рад, что ты теперь поведешь вперед большой караван. Успеха тебе в трудном пути, товарищ ветеран Сарданской ГРЭС!. Уверен, ты не оступишься.

«Ветеран Сарданской ГРЭС...». Я почувствовал, как к сердцу моему подкатила теплая волна. Вон на какую высоту поднял меня Фунтиков! Меня, еще недавно торговавшего цветами и исырьком, мечтавшего о легких деньгах и беззаботной жизни...

«Ветеран Сарданской ГРЭС...». Эти слова долго еще звучали в моей душе. Я ужасно был горд собой. Ну, чем не историческая личность? «Ветеран...» Рабочая косточка.

Но хоть меня и распирала гордость, я со страхом думал: а сумею ли я оправдать те надежды, которые возлагают на меня и Фунтиков, и Нусратов, и Рожков, и мои друзья-бригадиры Алексей и Нуриддин?

Вот влип-то...

Когда я уже принял бригаду, ко мне наведалься Забир-ака. Он горячо поздравил меня и с напускной обидой проговорил:

— Гляди ты, все карьеру делают. Один я, старый сапог, все на месте топчусь. Все мои подопечные в люди вышли, а я как был бригадиром, так все и тяну эту лямку.

Усмехнувшись, я подумал, уж если кто и шагает широко вперед, так это как раз Забир-ака. И это его заслуга, что все

его выученики не подкачали, пошли в рост, как ухоженные саженцы. Ему-то уж не на что сетовать, побольше бы таких опенунов-бригадиров, как он!..

Мы принялись с ним вспоминать, как начинали работать в пустыне, как вбивали в песок первые колышки для первых палаток, как в зной и холод, под свирепыми порывами ледяных ветров, под снегом и дождем, под палящими лучами солнца строили первые дома в Сулиме.

И трех лет не прошло, а этих мест не узнать!.. Там, где была голая пустыня, вымахали первые энергоблоки. ГРЭС все набирает мощь. И Сулим все разрастается, хорошеет. Бригаде Забира-ака поручили строить комфортабельный, самого современного образца, с широкоформатным экраном, кинотеатр. Одного кинотеатра, с обычным экраном, нам уже было мало. Рядом предполагалось соорудить летний кинотеатр, с концертной эстрадой, и новый ресторан.

Впрочем, эти вести, сообщенные Забиром-ака, особого ликования у меня не вызвали, и я озабоченно спросил:

— А как дом на Цветочной? Доведется ли мне все-таки когда-нибудь в него вселиться?

Забир-ака воззрился на меня с удивлением.

— Да ты что, газет не читал?

— Не до газет мне сейчас, с бригадой хлопот пелон рот... А что в газетах?

— Из-за этого дома на Цветочной разразился бо-ольшой скандал! И на днях в нашей газете напечатали фельетон по этому поводу. В нем крепко досталось и бригадиру-очковтирателю, и самому товарищу Халмухамедову. Дальнейшее строительство дома будет вести теперь бригада Хуриiddина.

— Там же... только недоделки...

— Недоделки!.. Да все заново надо перекраивать. Нахалтурили, черти. Между прочим, моя супружница перешла в бригаду Хуриiddина. Теперь уж все должно быть в ажуре. Так что готовься к новоселью. Не забудь меня пригласить...

— Что вы, Забир-ака!..

Меня заинтересовал фельетон, о котором упомянул Забир-ака. Где бы разыскать эту газету? До библиотеки далековато. Может, зайти в парикмахерскую, там всегда на столиках лежат газеты с большим стажем!.. Свежая — редкость, а старых — полно. Кстати, и марафет наведу. Сегодня воскресенье, а еще не брился.

Но на ловца, как говорится, и зверь бежит. По дороге в парикмахерскую я повстречал Хуриiddина.

— Привет, бригадир! — сказал я ему.

— Привет, бригадир!— сказал он мне.— Ты чего какой-то замороченный? Не ладится что?

— Мое настроение теперь целиком и полностью зависит от тебя.

— Как это понять?

— Так ведь это ты отныне возишься с домом на Цветочной?

— А, вот оно в чем дело!— почему-то просиял Хуридин.— Точно, я, Вернее, моя бригада. Так что скоро ты справишь новоселье. Наверно, поднакопил уже денег на приобретение новой обстановки?

— Все накопленное я уже давно успел проесть.

— Начинать копить сызнава. Можешь поверить моему слову — в ближайшее же время деньги тебе пригодятся.

— Если товарищ Халмухамедов опять на вас не насядет...

— А он наседает! Чуть не каждый день нас навещает и об одном молит: братцы, поспешайте медленней, главное — качество!.. Уж делайте все так, чтоб ни одна комиссия не могла придраться.

— Вон как он запел!

— Запел-то — только после фельетона. Здорово этот фельетон на него подействовал. Как ведро холодной воды...

— Черт, все говорят об этом фельетоне. А я его не читал. Вот как раз и бегу раздобывать нашу многотиражку.

— Вряд ли тебе удастся ее найти. Халмухамедов, по-моему, скупил все газеты.— Я помрачнел, а Хуридин подмигнул мне лукаво.— Да ты не расстраивайся, у меня-то эта газетка имеется, и я ее повсюду с собой таскаю.— Он извлек из внутреннего кармана пальто довольно потрепанный экземпляр нашей многотиражки и протянул его мне.— На, и помни мою доброту. Читай себе на здоровье, я думаю, фельетон доставит тебе истинное удовольствие. Только гляди, не потеряй ее, этот номер — дефицитный.

Я с жадностью выхватил газету из его рук. Хуридин под-сказал:

— Фельетон на второй полосе. Извини, я тороплюсь. После с тобой потолкуем.

Попрощавшись с ним, я нетерпеливо развернул газету, и в глаза мне бросился заголовок, набранный крупными, черными-пречерными буквами: «Хотел подкрасить брови, а выбил глаз».

III

Я толкнул дверь, на которой красовалась вывеска с длинной надписью: «Парикмахерский салон отдела культурно-

бытового обслуживания населения города Сулима», и вошел в вестибюль, слева и справа от которого находились просторные, со стеклами во всю стену, мужской и женский залы. Очередь к мужским мастерам была приличная, я мог не только прочесть фельетон, но и выучить его наизусть. Поудобней пристроившись на одном из стульев с кожаным сиденьем, я углубился в чтение...

Да, прав был Закир-ака, нашему мэру досталось в фельетоне по первое число. Его обвиняли в стремлении к показухе; автор подробно излагал историю строительства шестизэтажного дома на Цветочной улице, перечислял огрехи, допущенные бригадой чересчур ретивого исполнителя указаний Халмухамедова, и всю вину возлагал и на него, и на самого мэра: «Законное желание председателя горсовета сделать подарок будущим жильцам этого дома именно к Новому году, в данном случае привело к обратному результату: дом до сих пор никем не заселен. И к благородной цели, оказывается, можно идти разными путями: собственно благородным, заботясь, прежде всего, о добротности, качественности строительных работ, и менее благородным: торопясь пустить всем пыль в глаза и не обращая внимания на брак в работе, серьезные недоделки, — так что хороший лозунг: «Сдать дом в срок!» обернулся авральным подстегиванием строителей: пусть тяп-ляп, но только поскорей!»

В последних строчках фельетона опять упоминался руководитель, который хотел как скорее, а получилось как хуже: хотел подкрасить брови, а выбил глаз.

Я собрался было еще раз перечитать фельетон, настолько он мне понравился, но в это время в дверях мужского зала появился мужчина в белом и пригласил меня стричься-бриться...

Парикмахер намазывал мне подбородок и щеки, а я думал: ведь этот фельетон, вызвавший во мне злорадное чувство, сулил для меня приятные перемены в ближайшем будущем. Судя по словам и Забира-ака, и Хуриддина, новоселье, а значит, и свадьба, уже не за горами.

Глава одиннадцатая

I

Мосей бригаде поручили монтаж котла и генераторов в корпусе «А» четвертого энергоблока, бригаде Алексея — в корпусе «Б». Объем и содержание работы у нас были одинаковые, и завершить ее — по графику — мы должны были к середине ноября.

Приближалось 9-е мая — тридцатилетие со дня Победы. Мы пока монтировали электрозал, и дело продвигалось куда медленней, чем нам хотелось бы. Я позвал Батырхана, обладавшего недюжинными способностями рисовальщика, сунул ему в руки кисть и банку с белилами и велел вывести на больших кусках картона крупными буквами: «Скоро — День Победы. Что ты успел сделать за себя и за того парня?» Эти транспаранты мы развесили на всех участках, где трудилась моя бригада. Такими же лозунгами украсил свою монтажную площадку и Алексей. Меня радовало, что это я подал ему пример...

На одном из картонных кусков мы написали: «Каждый день — сам отчитывайся в проделанной работе!». И под ним повесили тетрадь в клеточку, где каждая страничка открывалась фамилией члена бригады и была разделена на две графы, над которыми Батырхан написал: «За себя» и «За того парня». Прежде чем уйти домой после работы, нужно было заполнить обе графы.

У нас в бригаде все строилось на доверии друг к другу.

На сердце у меня светлело, когда я в конце дня просматривал заполненные графы: почти все члены бригады перевыполнили дневную норму более чем вдвое. Я собрал бригаду, и мы тщательно вывели и обсудили свои возможности. Дела у нас обстояли лучше даже, чем я думал. Призыв поработать и «за того парня» подстегнул ребят, отстающие подтянулись, опытные монтажники поддали темп.

Меня растрогал пожилой монтажник Гаврилов, который заявил:

— Пусть все, что я поработаю за этот год, числится «за тем парнем». Ведь свой личный пятилетний план я уже выполнил на десять месяцев и три дня раньше срока.

Мне пришлось остудить его.

— Товарищ Гаврилов, вы что же, решили целый год трудиться бесплатно? А о семье своей вы подумали?

— Почему же бесплатно?

— Так ведь все деньги, которые мы получим, работая «за того парня», решено пожертвовать на разбивку городского парка в честь героев войны.

Гаврилов наморщил лоб, потом твердо проговорил:

— А хотя бы и так. Ведь эти герои жизнью для нас не жалели. Неужто деньги дороже пролитой крови? Да мне ради памяти павших ничего не жалко!

Монтажники одобрительно закивали, в глубине души и я был согласен с Гавриловым и все же вынужден был сказать:

— Все верно. Но никто не вправе лишать рабочего его ос-

нового заработка, даже если он сам на это готов. Каждому — по труду. Это закон, закрепленный в нашей конституции.

II

Несмотря на все тяготы бригадирства, на работе я все-таки отдыхал душой.

А вот на горизонте моей «личной жизни» появились тучки грязноватого оттенка. По стройке поползли слухи о моих «отношениях» с Джурахан: мол, я завлек девушку в свои сети, пообещал ей всего всякого, преследовал ее, а потом, когда она уже привязалась ко мне, бросил, как докуренную сигарету.

Нет ничего страшней на свете, чем слух и сплетня. Это — как неожиданный, коварный удар из-за угла, когда ты даже не знаешь, кем он нанесен. А поскольку злых языков у нас еще хватает, сплетня катится, как снежный ком, обрстая все новыми и новыми, самыми невероятными подробностями.

Кто верил этим сплетням, кто нет; мои друзья, хорошо меня знавшие, только посмеивались над этими небылицами, а я себя чувствовал так, будто в меня залепили комком грязи. И хотя, по пословице, к чистому грязь не пристает, у меня на душе было мутно. А тут еще я встретил жену Забира-ака, Махбузу. Она шла из магазина, нагруженная авоськами с продуктами, я предложил ей свою помощь. По дороге она и ошарашила меня новостью:

— Знаешь, я недавно видела Хурилико, она и слышать о тебе не хочет. Что у вас с ней произошло? Я зашла к ним в общежитие, и ее подруги нападали на тебя так дружно, будто бы ты бог весть что натворил! Про какую-то Джурахан болтали... Кто это такая, у тебя, и правда, что-то с ней было?

— Махбуза-апа!.. Пусть я такой-сякой-разедакий, но разве я похож на совратителя? Вы же знаете, как я люблю Хурилико...

— Вот и муженек мой примерно то же сказал. Ох, а видел бы ты их комендантшу! Она пригрозила, что если ты появишься у них в общежитии, так она тебя из ружья пристрелит!

Я криво, через силу, улыбнулся.

— Из какого еще ружья?

— Ну, не знаю из какого. Только она сильно на тебя сердается — из-за Хурилико. Таких, говорит, ангелов обижать — это надо быть последним негодяем. Я начала их всех увещевать, так они и на меня накинулись. — Махбуза посмотрела на меня с сочувствием. — Кому ж это понадобилось напраслину на тебя лозвести?

Я пожал плечами.

— Кто знает... Человека порочат, когда злы на него и хотят и ему доставить неприятности.

— Кому ж это ты не угодил?

— А вот той же самой Джурахан. Говорят, я ее преследую... А я об одном мечтаю, чтобы она перестала меня преследовать!.. Мы с ней учились вместе, так она еще в школе вбила себе в голову, будто я в нее влюблен. Тут, на стройке, мы встретились... на мою голову. Я дал ей от ворот поворот. Вот она и не может мне этого простить.

— Ну, дела!— ахнула Махбуза и снова зачатила.— Ты бы все-таки постарался помириться с Хурилико. Коли ты чист перед ней, так должна же она тебе поверить! Кто любит — тот верит... По себе знаю.

— Сплетням она поверила...

— А это тоже оттого, что она тебя любит. Обидно же ей, что ты ей о любви говорил, а сам в это время за другой ухлестывал.

— Да не ухлестывал я ни за кем!

— Да я тебе верю, верю! Вот ты и Хурилико убеди, что кроме нее никто тебе не нужен. Мы-то все ждали, что нас вот-вот на свадьбу позовут, а оно вон как все обернулось. Нет, ты уж хоть разбейся, а помирись с ней.

Это было и моим самым большим желанием. Поэтому, проводив Махбузу-апа до ее дома, я вернул ей авоськи и поспешил к Хурилико, в ее вычислительный центр. В этот день мы работали в разных сменах... На месте Хурилико не оказалось, мне сказали, что она больна. Тогда я направился в женское общежитие. И у самого входа столкнулся с грозной комендантшей. Холодно поздоровавшись со мной, она спросила:

— Ты к кому это?

— Как к кому? К Хурилико. Она, говорят, захворала.

— Верно. Захворала. Только такой посетитель, как ты, для нее не подарок.

Она смотрела на меня строго и неодобрительно. Я прижал обе руки к сердцу.

— Поверьте, я ни в чем перед ней не виноват!

— Так уж и ни в чем?— Комендантша вдруг вздохнула и от этого лицо ее подобрело.— Ах, Эркин, Эркин, я так рада-ласа за нашу Хурилико, думала, нашла она свое счастье. К тебе, сам знаешь, всегда хорошо относилась. А ты так обидел бедняжку, что она слегла. Грех, грех обижать такую девушку.

Со всей искренностью, на какую был способен, я выкрикнул:
— Да не обижал я ее! Какая-то дрянь на меня поклеп воз-

вела, а вы все и развесили уши! Вы, говорят, грозились даже пристрелить меня, если я тут появлюсь. Ну, нате, стреляйте. Где ваше ружье, пистолет, пулемет, пушка?

Несколько растерявшись под моим натиском, комендантша смущенно кашлянула.

— Ну, ну... ничего я такого не говорила... Только Хурилико мне как родная дочь вот я и переживаю за нее. Поклеп... Откуда мне знать, правду о тебе болтают или кто оболгать тебя задумал...

Губы у меня скривились в горькой усмешке.

— Эх, вы... Надо верить тем, кого вы хорошо знаете. А я ведь у вас всех как на ладони...

Я видел, что комендантше не по себе. Вид у нее был совсем потерянный.

— Да я что ж... Может, ты и впрямь невиноватый. Ишь, весь так и пылаешь.— Из груди ее снова вырвался сокрушенный вздох.— Ну, есть же на свете люди, которым ничего не стоит ужалить кого ни попадя. А я — переживай...— Ее потянуло на откровенность.— Ведь сколько девушек в общежитии, столько у меня и забот. За каждую волнуешься, как за себя... Все нервы на них потратила. Я, знаешь, порой мечтаю: подыскали бы они себе все подходящих джигитов, свили семейные гнезда, ей-богу, бросила бы я тогда свое комендантство и стала бы работать по своей специальности. Я ведь электросварщица. И, говорят, неплохо справлялась со своим делом.

— Вон как! — весело удивился я.— Так подавайтесь ко мне в бригаду. У нас опытным сварщикам цены нет!

Комендантша тоже улыбнулась.

— А что? Я хоть сейчас. Только сперва обеспечить моих девушек хорошими женихами.

— Да на вас не угодишь. С одним-то женихом и то не можете найти общий язык. А так-то женихов на стройке пруд пруди. Только среди монтажников пятьдесят холостяков, и все как на подбор: рослые, образованные, один краше другого...

Так мы перешучивались, пока я не напомнил о цели своего прихода.

— Так можно мне — к Хурилико?

— погоди. Погляжу, может, она спит.

Я поджидал комендантшу, нетерпеливо прохаживаясь у входа. Вернувшись, она огорченно сказала:

— Не повезло тебе, парень. Хурилико только-только задремала. Не будем ее будить, а?

— Что за вопрос, конечно, не будем. Я потом еще загляну...
Расстались мы вполне дружелюбно. Но еще «заглянуть» к

Хурилико мне не пришлось: она сама наведалься ко мне следующим же вечером.

— Мне сказали, что вы вчера заходили ко мне...

Видно было, что ее что-то гнетет. Лицо у нее бледное, осунувшееся, то ли от болезни, то ли от переживаний.

— Ага, я хотел навестить вас. Вы ведь болели?

— Так... Нездоровилось...

— А как сейчас себя чувствуете?

— Получше.

— Тогда предлагаю прогуляться немного. Свежий воздух — лучшее лекарство от всех недугов.

Я быстро оделся, и мы вышли на улицу. Хурилико молчала, но я догадывался, что ее мучают невысказанные вопросы, и первым начал тяжелый и для меня, и для нее разговор:

— Хурилико! Когда человек очернен, то у него, естественно, одно желание: обелить себя. Я виноват перед вами лишь в том, что еще раньше обо всем вам не рассказал. Теперь-то я понимаю, если пойдете, то ничего не вправе утаивать от любимой. Погодите, погодите, не перебивайте меня. Дайте уж до конца высказаться... Так вот, если бы вы все заранее знали, то не поверили бы ни одной сплетне, которые про меня распускают. Но я, ей-богу, не придавал значения всей этой чепухе... Ну, всему, что было связано с Цыпленком...

Хурилико повернула ко мне голову, в ее глазах мелькнуло любопытство.

— С каким Цыпленком?..

— Вот, — сказала я почему-то удовлетворенно, — мы и добрались до сути дела. А теперь слушайте меня и очень вас прошу — не перебивайте!

И я выложил ей всю историю своих «отношений» с Джурахан. Конечно, я поступал не слишком-то порядочно, унижая одну девушку перед другой, но что мне оставалось делать? И я рассказал, как меня хотели против моей воли связать с Джурахан, как потом я встретил ее на стройке, как она домогалась моего внимания, лезла ко мне со своей «дружкой», пока я не потерял терпение и не отбрил ее, решительно и довольно грубо.

О Джурахан я отзывался так резко, что Хурилико даже пожалела ее:

— Бедняжка!.. Разве можно так обращаться с девушкой, Эркинджан?..

— Ага! — воскликнул я не без злорадства. — Нельзя!.. Да если бы я разводил с ней антимонии, то вы бы первая обвинили меня в том, что я, мол, с нею любезничаю. Уж тогда был бы дым не без огня... Да, мне порой ее и самому было жалко

несмотря на ее навязчивость. И все же я всегда старался поскорей от нее отделаться, чтобы не давать повода для сплетен...

— Сплетни-то все-таки гуляют по стройке...

— Так уж по всей стройке!.. Не такая уж я важная птица, чтоб обсуждать меня на каждом перекрестке. Но, конечно, есть у нас людишки, у которых язык без привязи. А иных хлебом не корми, дай только перемыть косточки своему ближнему...

— Не кипятитесь так...

— Ха! Как же тут не кипятиться. Вы, вон, эти сплетни на всеру приняли.

— Я и сейчас не знаю, что и думать... Вроде вы искренни... Но все-таки... с этой Джурахан... как все неприятно... Я пойду домой, Эркинджан. Не беспокойте меня пока... Мне надо в себя прийти...

Я проводил ее тоскливым взглядом. Все же все происшедшее оставило в ее душе какой-то осадок. А может, ее снедала ревность, для которой порой и не нужны никакие поводы — достаточно и тени подозрения?.. Но если она меня ревнует... значит, не все потеряно!

III

А сейчас я хочу рассказать об одной истории и одном разговоре, о которых сам я узнал много позднее.

Вскоре после нашей прогулки Хурилико на улице встретила случайно Джурахан, в лицо она ее знала, ведь Джурахан однажды, разыскивая меня, ворвалась в женское общежитие...

Уж не ведаю, как набралась Хурилико решительности, но она поздоровалась с Джурахан, остановила ее и сказала:

— Мне надо поговорить с вами.

Джурахан вскинула брови.

— О чем?

— У меня к вам один вопрос... Вы уж разрешите: я напрямик... Когда вы, наконец, оставите в покое Эркина?

Краска бросилась в лицо Джурахан.

— Да как вы смеете!.. Он... он сам только и ждет случая повидаться со мной.

Хурилико прищурилась.

— Так ли?

— Так, так!.. Может, вам неизвестно, что он сватался ко мне?

— Мне все известно,— со значением произнесла Хурилико,— больше, чем вы думаете.

Джурахан, видно, поняла, что скрывается за этими словами и переменяла наглый тон на плаксивый, как обычно делала в тех случаях, когда ей приходилось отступить.

— Хурилико... Дорогая... Если уж вы все знаете... то тем легче вам понять... Я люблю Эркина. Давно люблю, еще со школы. Из-за него я и приехала сюда, в пустыню... Прошу вас... Прошу... Не отнимайте его у меня!.. Ведь вы, как я догадываюсь, дружны с ним...

И тут Хурилико прорвало:

— Не только дружна. Я люблю его. И Эркин любит меня. И скоро мы поженимся!

Джурахан совсем завяла.

— Какая вы жестокая... Ну, что вам Эркин? Вы умная, красивая, захотите, так у вас отбоя не будет от женихов.

— Мне никто не нужен, кроме Эркина.

— А мне без него и жизнь не в жизнь!— истерически выкрикнула Джурахан.— Отдайте мне его! Вы без него сможете обойтись, а я — нет.

Но моя Хурилико, оказывается, могла быть твердой, как кремень. Подавляя в себе чувство снисходительной и брезгливой жалости к Джурахан, она отрезала:

— Не вам судить, насколько он мне дорог. Мой совет вам: забудьте и думать об Эркине! И зарубите себе на носу: никому не удастся его у меня отнять. Слышите, никому!.. И знайте, какие бы сплетни вы о нем не распространяли, я ему верю и всегда буду верить, всегда, всегда!

Джурахан метнула на нее пристыженно-ненавидящий взгляд, закрыла лицо руками и ушла — неверной, спотыкающейся походкой.

Хурилико, как она мне потом говорила, не испытывала в эту минуту победного торжества. Но на душе у нее сделалось спокойней.

Разговор этот на Джурахан, видно, подействовал, как холодный душ. Прежде она все-таки, наверно, на что-то надеялась, потому на нее и не производили особого впечатления ни мое равнодушие, ни моя грубость. Теперь же ей все стало ясно... И всем ее надеждам, мечтам, поползновениям пришел конец...

Меня она, во всяком случае, больше уже не тревожила, слякоти постепенно утихла, улеглись, как рябь на воде, поднятая залетным востерком, я мог жить спокойно...

I

Нет, не суждено мне было, видно, жить спокойно.

Слухи о моих «похождениях» затихли в Сулиме, но отголоски докатились до Ташкента.

Сначала мой братец заявил маме:

— Ну, и беспутный же у вас младший сынок! Мало того, что вам он не уделяет должного внимания, говорят, большой шишкой заделался, а деньги присылает все те же, ни копейки больше. Так он на стройке, как я слышал, завел шашни с Джурахан!.. Да, да, о Хурилико и думать забыл, а увивается вокруг Цыпленка. Когда его по-доброму хотели женить на ней, так он отбрыкивался, а сейчас сбивает с толку бедную девочку...

Бердыев подлил масла в огонь, зайдя якобы провести мою матушку, он справился о ее здоровье и тут же таинственным тоном проговорил:

— Знаете, новость? Эркин-то, говорят, женился. Теперь эти дела быстро делаются. Но вы уж не судите его строго: молод, горяч, еще ветер в голове гуляет...

Он не сказал, на ком именно я женился, и мама только вздохнула:

— Бог ему в помощь!.. Я всегда одного желала, чтоб он поскорей обзавелся семьей. Пусть до старости живут — в счастье и согласии.

Но кто моя избранница: Хурилико, которую я привозил в Ташкент и познакомил со свонми, или какая другая девушка, для мамы оставалось тайной. От тревожных дум и гаданий, от беспокойства за меня у нее голова шла кругом.

А тут братец принес новую весть:

— Ну, отколол номер ваш любимчик!.. И трех дней со своей женой не прожил, как уж подал на развод. И все свое добро, все, что он накопил за эти годы, оставляет своей трехдневной женошке... А мы опять в убытке...

Ох, и любил же он подсчитывать мои мнимые прибыли и мнимые траты!..

Мать не знала, что и думать. Она изболелась за меня сердцем, и ей захотелось увидаться со мной и все услышать от меня самого.

Однажды ко мне ворвался запыхавшийся Батырхан.

— Эркин-ака!.. Скорей в контору. Вам из Ташкента звонят.

Я со всех ног бросился в контору энергоблока, схватил телефонную трубку и, узнав голос Мохинисо, с тревогой спросил:

— Что стряслось, келин-айя?.. Маме плохо?

— Мама жива-здорова, сегодня я отправила ее автобусом к вам на стройку. Встречайте!..

Слышимость была плохая, и когда, каким рейсом выехала мама, мне так и не удалось узнать.

На работу я пришел сам не свой. Мне бы радоваться: мама сдет ко мне, скоро я ее увижу!— а у меня кошки скребли на душе. Давно уж она не выбиралась за пределы Ташкента, что же понудило ее пуститься в дальний путь? Ведь она еще больна, у нее давление. Может, с братом поссорилась?.. Ведь иначе ее не отпустили бы одну... Мне было известно, что брат приобрел новенькие «Жигули». В свободное время он возил на своей машине «левых» пассажиров, немало на этом подрабатывал. А мама поехала ко мне в автобусе...

Беспокойные мысли жалили меня, как осы.

Улучив свободную минутку, я побежал к Хурилко — хоть мы еще и не помирились окончательно, но большие мне некому было высказать все; что меня мучило. Она одна знала мою матушку, и когда они познакомились прошлым летом в Ташкенте, то, по-моему, пришли друг другу по душе.

Увидев меня, Хурилко забеспокоилась.

— Что с вами, Эркинджан? На вас лица нет...

— Моя мама сегодня приезжает ко мне!

— Вот и славно! — обрадованно воскликнула Хурилко. — Из понимаю, чего вы растерялись. Думаете, ей тут жить негде будет? Она поселится у нас в общежитии, я уступлю ей свою кровать. — Лицо ее приняло озабоченное выражение. — Надо будет прибраться там. И купить кое-что... Я сейчас отпрошусь с работы.

Она пошла на базар, а я выяснил, когда будет первый автобус из Ташкента, и возвратился в бригаду.

Как я уже говорил, в бригаде каждый выполнял свое обязательство, так сказать, под свою личную ответственность. Работали все по совести. Глупо было бы еще и понукать их: давай, давай!.. Мне вовсе не хотелось быть похожим на дневального, который, при появлении старшины, скомандовал взво-

ду: «Смирно!», а когда невдалеке показался генерал, отдал новую команду: «Еще смиренней!». Об этом случае рассказывал мне Хуриддин. И дневальным этим был тоже... Хуриддин. Я, в основном, следил за качеством работы своих ребят и иногда напоминал им: «Темпы темпами, но главное — качество!»

Вот и теперь я понаблюдал, как кто трудится. И, как назло, именно к тому времени, когда должен был прийти первый ташкентский автобус, обнаружил небольшой брачок в шве, который вел мой бывший ученик Батырхан. В нашем деле мелочей не бывает. И из-за небольшой промашки порой могут пойти насмарку труды всей бригады. Здорово я разозлился на Батырхана, накричал на него, а потом собрал бригаду и при всех его отчитал:

— Куда ты смотрел, слепая курица? Ты опозорил бригаду, которая борется за качество работы? Тебе не совестно?

Батырхан стоял, понурился, красный как мак. И чуть не плакал от стыда и унижения.

Я сам заново перевавил его шов.

Из-за этого «чепе» я задержался, и когда помчался к автобусной остановке, то налетел на майора Хакимова. Он схватил меня за руку, сказал, укоризненно покачивая головой:

— Ты почему же не встретил свою мать? Вот уж не думал, что ты еще и невнимательный сын.

— Она приехала? Где же она?

— Скажи спасибо, что я в это время оказался на остановке. Я отвел ее к добрым людям, сейчас она отдыхает у них.

— У кого?

— У Хуриддина, у кого же еще. Бегни туда!

Я сорвался с места и вихрем понесся к дому, где и сам жил когда-то. Дверь была открыта.

Мама сидела на постели, застланной новым одеялом, Кутбиниса суетилась вокруг нее, не зная, чем ей угодить.

Завидев меня, мама вскочила с места, кинулась мне навстречу.

— Сыночек! Родной мой! Ты жив-здоров?

— Матушка! Как хорошо, что вы приехали!

Мы обнялись и оба засмеялись от радости.

III

Мать буквально засыпала меня вопросами. На каждый я отвечал обстоятельно и откровенно, мама слушала меня, покачивая головой, участливо и понимающе и постепенно успо-

каиваясь, у меня же было такое ощущение, как будто тяжкий груз свалился с моей души.

Я боялся, что она, приняв близко к сердцу мои злоключения, размякнет, расстроится и, того гляди, еще пустит слезу, но она держалась молодцом, только не сводила с меня глаз и все поглаживала меня по плечу сухонькой рукой. А когда я закончил свою сыновью исповедь, неторопливо заговорила:

— Не зря молвят старики: пока не постраствуешь в чужих краях, ты не вправе считать себя правоверным. Вижу, сынок, трудненько тебе порой приходилось... Так ведь ежели ты сам не хлебнешь лиха, то и не научишься понимать чужое горе, дорожить своими близкими и друзьями, любить людей, ценить те подарки, которые преподносит нам жизнь... Ямы да ухабы на пути человека у слабых отнимают последние силы, а тех, у кого есть цель, кто крепок душой и чист помыслами, только закалят. Я рада за тебя, сынок. Рада, что ты нашел себе дело по душе, что все тебя тут знают и уважают. Наш бывший участковый, который проводил меня в этот гостеприимный дом — да будет он всегда полной чашей! — говорил мне о тебе много хорошего. И добрая душа, Кутбиниса, хвалила тебя. Как я всегда переживала за тебя, сынок!.. Все боялась, что ты свернешь на кривую дорожку, что тебя обойдут удачи и уважение людей... А ты работаешь на такой знаменитой стройке и у начальства на примете: вон, под твоей рукой целая бригада! Говорят, счастье зарабатывается только честным трудом. Ты и сам обрел счастье, сынок, и меня сделал счастливой...

На глаза мои готовы были навернуться слезы.

— Спасибо, мама, за добром слове...

Мать посмотрела на меня внимательно.

— Так, значит, ты не женился? А мне-то наплели всякого про твою женитьбу и развод... И будто все твое имущество жене досталось...

Я рассмеялся.

— Не успел я пока, мама, добра накопить!..

— Я с самого начала усомнилась, да правда ли все это. Вот и вышло, что напраслину на тебя возвели.

— Каждый рот ситом не закроешь.

— И то верно. Хотя мне и жаль, что ты все еще неженатый. Я все ждала, когда же ты пригласишь меня на свадебный той...

Какая-то мысль все не давала ей покоя. Она в задумчивости пожевала губами, потом вскинула голову.

— Хурилико-хон здесь, на стройке?

— Здесь, мама, здесь. И она хлопочет, готовясь принять вас, как самую дорогую гостью...

Кутбиниса сделала было протестующий жест, но мама обратилась ко мне, помешав ей что-то сказать:

— И вы с Хурилико-хоп любите друг друга?

За меня ответила Кутбиниса:

— Любят, любят!.. И раз уж вы здесь, матушка, то, значит, пришло время играть свадьбу!

— Я — хоть сейчас! — произнес я шутливо. — Жених и невеста — налицо. Только жениху некуда пока привести невесту после свадебного тоя.

— А вот и ошибаешься, Эркинджан, — сказала Кутбиниса. — Мы с мужем на месяц уезжаем в отпуск, так что эта квартира в вашем распоряжении. А там, глядишь, вы в новый дом переедете, он уж почти готов.

— Так вы уезжаете? А куда?

— На курорт! — похвасталась Кутбиниса. — Мужа премировали двумя путевками.

У меня вытянулось лицо.

— Значит, вы не будете на нашей свадьбе?

— А мы потом устроим отдельно — дополнительный той. Да вы не огорчайтесь, Эркинджан, ведь если бы мы не уезжали, так вам негде было бы начинать свою семейную жизнь. И свадьбу пришлось бы отложить.

— Ну, и отложил бы. Сколько уж терпел, потерпел бы и еще месяц.

— Нет, свадьбу надо сейчас справлять, пока ваша матушка тут. Не ездить же ей туда-обратно.

Слова эти направили мои мысли в другое русло, нахмурился, я спросил маму:

— Что, мой милый братец не мог доставить вас сюда на своей машине?

Мать замахача на меня руками.

— Что ты, сынок, зачем мне было его беспокоить? Я и в автобусе прекрасно досехала... Машина-то у брата только что купленная, и уж так он над ней трясется... — Она что-то вспомнила и воззрилась на меня с мольбой. — Сынок!.. Брат твой просит тебя об одном одолжении...

— Ну, конечно! Все я что-то должен...

— Да тебе ничего не стоит выполнить его просьбу. Машину-то он купил... А держать ее негде. Гараж нужен. А в Ташкенте его не достанешь. Уж брату твоему все ходы-выходы известны, и то он ничего не смог сделать. Уж ты помоги ему... Он говорит, что у вас тут запросто можно купить переносной

гараж, как раз такой, о каком он мечтает. Ты тут в почете, уж тебе в таком пустяке не откажут.

— Выходит, вы сюда не на свадебный той приехали,— шутливо упрекнул я маму,— и не с сыном повидаться, а хлопотать насчет гаража для моего братца?

— Что ты, что ты, сынок! Это я так, к слову. Пока ты не справишь свадьбы, я никуда отсюда не уеду. А чтобы рукам скучно не было, я выстегаю вам одеяла. Глаза мои хорошо видят, стежки получаются хоть куда...

Поговорив с мамой, я отправился к Хурилико, сказать ей, что матушка уже приехала.

Видно было, что Хурилико поджидала ее с радостью и нетерпением, она подняла на ноги все общежитие.

Меня весело приветствовала комендантша:

— О, Эркинджан! А мы тут готовим пышный той в честь твоей матушки. Не хватает только оркестра... Может, ты пригласишь джаз из ресторана?

— Где Хурилико?

— На кухне.

На кухне дым стоял коромыслом. Девушки во главе с Хурилико хлопотали у четырехкомфорочной газовой плиты, на которой четыре кастрюли исходили дразнящим аппетит, душистым парком...

Я отвел Хурилико в сторону, сообщил ей, что мама — на квартире Хуриддина, и попросил:

— Вы зайдите за ней, когда все будет готово. А я загляну на работу. Что-то мой Батырхан сегодня рассеян. По-моему, он заболел, только скрывает это.

Когда я подходил к корпусу «А», мимо промчалась машина «Скорой помощи», пронзительно, тревожно сигналила. У меня екнуло сердце, я ускорил шаг.

Оправдались самые худшие мои предчувствия. В бригаде случилось уже настоящее «чепе». Батырхан, расстроенный своей оплошностью и моей выволочкой, не пошел даже обедать, работал без перерыва, и то ли от усталости, то ли от недопомощия, которое он скрывал, у него закружилась голова, и он упал на землю. «Скорая помощь» увезла его в тяжелом состоянии: он сильно ушибся, сломал руки, говорили, что у него вроде сотрясение мозга...

На месте происшествия уже появились инженер по технике безопасности со своими сотрудниками, представители месткома, работники милиции. Майор Хакимов с сосредоточенным видом производил какие-то измерения, как при автомобильной катастрофе, один из его людей фотографировал котел, металл...

ческую балку, на которой во время работы стоял Батырхан.

Подозвав меня, Хакимов строго спросил:

— Как все это случилось?

— Вы же знаете, меня здесь не было, ко мне мать приехала.

Он кивнул.

— Верно. Так и запишем, во время происшествия отсутствовал.

Он дал мне подписать протокол и сказал:

— Ты тут все равно уже ничем не сможешь. Ступай к матери. Завтра с тобой потолкуем...

Той в женском общежитии все-таки состоялся. Маме я решил пока ничего не говорить, чтобы не волновать ее. Но каких усилий стоило мне делать вид, будто ничего не стряслось!..

На другой день мне пришлось отвечать на придирчивые расспросы и инженера по технике безопасности, и работников милиции, и Нусратова, потом меня пригласили на расширенное собрание месткома, где обсуждалось наше «чепе», и все обращались ко мне с одним вопросом:

— Ты-то где был? Куда ты-то смотрел?

А я был так обескуражен и подавлен случившимся, что только бормотал:

— Признаю свою вину... Я один во всем виноват...

Тщательно проведенной экспертизой было установлено, что моя вина не так уж велика. А тут еще Батырхан, оправившись от шока, прислал в местком записку: «Свидетельствую, что я пострадал по собственной вине, а Эркинджан тут ни при чем. Я еще с утра чувствовал себя плохо, но никому об этом не сказал, боясь, что меня отстранят от работы и пошлют в поликлинику. А там меня могли бы посадить на бюллетень, и я бы к 9 мая не выполнил норму «за того парня».

Мне все-таки вклеили выговор, и это было справедливо, потому что я как бригадир нес ответственность за все, что делалось в бригаде.

Нусратов позднее, беседуя со мной, спросил, не обиделся ли я на этот выговор, и я искренне возразил:

— На что же тут обижаться? Я получил его по заслугам. Раз уж у меня кто-то покалечился, значит, я не сумел обеспечить полной безопасности производимых работ.

— Молодец! — одобрительно произнес Нусратов. И раздумчиво продолжал. — Все-таки глупо мы иногда поступаем. Экономим копейку, теряем рубль. Я читал записку Батырхана. Славный парнишка! И я понимаю его желание не терять ни ми-

путь, работая за себя и «за того парня». Но погляди, что получается. Не «засекреть» он свое недомогание, так пробюллетенил бы два-три дня. У него ведь была небольшая простуда. А теперь ему лежать в больнице не меньше двух-трех недель. Вот какая арифметика...

Надо сказать, что в больнице Батырхан не скучал. Сотрясения мозга у него, к счастью, не оказалось, были только переломы рук и ребра. И друзья не оставляли его своим вниманием. По нескольку раз в день навещала его Хурилико. Ребята из бригады приносили ему столько вкусных вещей, что он не мог съесть и малой доли, и делился передачами с нянечками и медсестрами. Кутбиниса несла возле его постели бдительную вахту, первое время даже ночью. Обо мне и говорить нечего, если бы не работа, я не отходил бы от своего бывшего ученика. И если у Батырхана щеки постепенно округлялись и наливались румянцем, то я чем дальше, тем больше спадал с лица и худел. В конце концов, больным стал выглядеть я, а не Батырхан.

Он как мог меня успокаивал:

— Да не терзайте вы себя, устает! Я легко отделался и скоро совсем поправлюсь. Это мне в пору терзаться: я ведь навлек позор на всю бригаду!..

Тут уж я спешил его утешить:

— О каком позоре ты говоришь? То, что случилось, это беда твоя, а не вина. Ты выздоравливай и больше ни о чем не думай.

Мама чувствовала, что со мной творится что-то неладное, но ни я, ни Хурилико ничего ей не говорили. Все же, непонятно, какими путями, ей стало известно, что в моей бригаде случилось несчастье, и я получил выговор. У нее поднялось давление, снова зашало сердце, и Хурилико в Кутбинисе пришлось ухаживать за двумя больными: в больнице за Батырханом и в женском общежитии за моей мамой. Хурилико стряпала для мамы ее любимые блюда, Кутбиниса снабжала ее самыми редкими лекарствами.

Я разрывался между общежитием, больницей, работой..

IV

Хуридин и Кутбиниса укатили, наконец, на курорт. Мы с мамой стали жить в их квартире.

Мама все еще была слабой, и Хурилико мотыльком порхала возле нее, — дай бог всем невесткам так заботиться о своих свекровях!..

С Батырхана еще не сняли гипс, и он нервничал.

— Сколько еще мне в этих доспехах валяться? Я здоров, как бык, давно уже мог бы приступить к работе, а меня в больнице держат! Я же всю бригаду тяну назад!

Но он ошибался. В бригадном дневнике появилась еще графа: «За Батырхана», и каждый ежедневно (а работавшие в ночную смену — еженощно) записывал в нее, какую часть батырхановской нормы он выполнил. Так что, по нашему графику, и не заметно было, что один из членов бригады временно выбыл из строя. Мне грешно было отставать от других, да я и не мог допустить, чтобы сварочный аппарат Батырхана бездействовал, и потому, когда выпадала свободная минута, я брался за сварку, а всю проделанную работу относил за счет своего бывшего ученика.

Незадолго до Дня Победы мы подбили итоги, и оказалось, что и вся бригада, и лично Батырхан выполнили положенную норму и за себя, и «за того парня».

Я поспешил с этой вестью к Батырхану.

— С тебя суюнчи, братец!.. Поздравляю тебя, ты дал к Дню Победы двойной план. Спасибо ребятам, они здорово постарались...

Что-то не видно было, чтобы Батырхан очень уж обрадовался. Он глянул на меня как-то сумрачно, сославшись на усталость, повернулся лицом к стене и сделал вид, что уснул. Я на цыпочках вышел из палаты...

А на следующее утро, еще до работы, Хурилико сообщила мне, что Батырхан удрал из больницы — прямо в казенной пижаме. От гипсовых повязок его как раз перед этим освободили.

Придя на работу, я увидел беглеца, с какой-то яростью орудовавшего своим сварочным аппаратом.

— Ты что, спятил? — накинулся я на него. — Из больницы тебя, по-моему, еще не выписали.

— Ну и что? — буркнул Батырхан, не отрываясь от работы. — Я уже выздоровел.

— Это ты думаешь. А ну, марш обратно, на свою койку!

Он откинул со лба щиток с очками, посмотрел на меня серьезно и снисходительно.

— Никуда я не пойду. — И со значением напомнил. — После завтра — девятое мая.

На этот раз я воскликнул:

— Ну, и что?

— А то, что за мной — должок.

— Твой «должок» мы отработали всей бригадой. Я же вчера сказал тебе.

— Так то вы, а не я...

— Что ты успеешь сделать за оставшиеся два дня?

— Что успею, то и успею. За то, что ребята мою норму выполнили, спасибо им. А «за того парня» я должен сам поработать.

Я взорвался:

— Твой энтузиазм сейчас никому не нужен. Или ты ни в грош не ставишь старания ребят?

— Я же сказал: спасибо им.

— Ты что, хочешь залечь в больницу еще на месяц? — Мне вспомнились рассуждения Нусратова. — Какого черта ты сорвался с постели раньше времени?

— А разве «те парни» не удирали из госпиталей? — невозможно возразил Батырхан. — Что же я, хуже? Я ведь тоже боец — трудового фронта. И сколько раз можно повторять: я здоров, здоров!..

Убедившись, что мои доводы и крик на него не действуют, я решительно проговорил:

— Ты удрал в больничной одежде. А ну, снимай пижаму!

Батырхан безропотно скинул пижаму и майку и остался в одних трусах.

— И трусы снимай!

Лицо парня расплылось в торжествующей ухмылке.

— А трусы — мои. Ничего, сейчас уже не холодно, поработаю и в трусах.

Я понял, что мне его не переупрямить, послал одного из ребят за рабочей спецовкой Батырхана в общежитие, а сам собрал его одежду и отнес в больницу.

Когда я вечером после работы вернулся домой, морщинистое лицо матери просияло от радости:

— Сыночек, родной, ты дома, живой-здоровый! А я уж так волновалась!

В последнее время мама боялась, как бы и со мной что-нибудь не случилось, донимала Хурилико своими тревогами: почему так меня долго нет, где это я запропастился, а если я работал в ночной смене, то она не могла сомкнуть глаз.

Я рассказал ей о Батырхане, успокоил ее, сообщив, что все кости у него, судя по всему, срослись, и мама вздохнула с таким облегчением, словно это не Батырхан, а она сама была признана здоровой.

— Твой Батырхан джигит молодой. Будь на его месте человек постарше, так долго бы из гипса не выбрался, а на молодых все быстро заживает. Ох, сынок, как же я рада за тебя и за Батырхана! И Хурилико не надо больше ходить в больницу, отдохнет немного. Совсем она замаялась — со старым да малым...

Как раз в эту минуту, легка на помине, пришла Хуризинко, Она вручила мне письмо, которое передала ей почтальонша. Письмо было от брата, на имя матери, но я решил прочесть его первым: мало ли что там написано, мама еще опять разволнуется...

Брат осведомлялся о мамином здоровье и с упреком писал: «Вы совсем забыли о нас из-за вашего младшего сына. Верно, поладили с ним и готовы на него молиться? Он ведь у нас мастер пускать пыль в глаза. А мы, значит, совсем уже вам не нужны? Кстати, передайте Эркину, что я жду гараж. Мне негде держать машину. Пускай он хоть пальцем пошевелит ради старшего брата».

Мама посмотрела на меня испытующе и беспокожно.

— От кого письмо, сынок?

— От брата.

— И... что он пишет?

— Он передает вам сердечный привет и желает доброго здоровья.

— И... больше ничего? О гараже он не поминает?

— Поминает, поминает. Уж он если сядет на шею, так не слезет, пока не добьется своего.

Магь провела языком по пересохшим губам, вздохнула.

— Ох, сынок, напрасно ты так о нем. Он ведь тебе родной брат. И мы перед ним в долгу.

— Мы? В долгу? — у меня даже дыхание перехватило от гнева. — Да это он ваш должник.

— Все мы, сынок, в этом мире чьи-то должники. Я жила в доме моего старшего, он меня обиживал, значит, я ему задолжала... погоди, сынок, не перебивай. Как знать, что со мной может случиться, жизни наши в руках аллаха: может, дни мои уже сочтены...

— Мама! Зачем такие мрачные мысли? Вы же мечтали моих ребятишек понянчить...

— И понянчу, если будет на то воля аллаха. А коли нет, так я не хочу оставаться должницей своего старшего. — Мама устремила на меня искаженный взгляд. — Сынок! Купи ему гараж. Я поднакопила немного денег на свои похороны. Возьми их, они у меня в узелке. Не хватит, так добавь свои...

Я весь кипел от возмущения.

— Мама! Он и так вас обобрал, а вы ему хотите последнее отдать! И еще считаете, что не он у вас, а вы у него в долгу! Ну, и дела!..

— Сынок!

— А насчет гаража, мама, вы не беспокойтесь! Я уже его при-

обрел и на днях отправляю в Ташкент с одним знакомым, на грузовике. Это я делаю только ради вас! Братцу своему я лично ничего не должен. А если он полагает, что еще не все деньги из меня вытянул, так я расплатился с ним нашей ташкентской квартирой.

Хурилико незаметно подавала мне знаки: мол, держись поспокойней, помни, что мать больная... Но мама меня вроде и не слушала, до нее дошло только, что я достал брату гараж, и она облегченно вздохнула, а когда я закончил свою тираду, благодарно проговорила:

— Слава богу, сынок, от одной заботы ты меня избавил. Однако самое заветное мое желание еще не исполнилось...

И она многозначительно посмотрела на меня и Хурилико.

Ясно было, что она намекала на нашу свадьбу. В последнее время она только и повторяла: «Сынок, пока я жива, поторопись с женитьбой. Одна у меня мечта: присутствовать на твоём свадебном тое, услышать плач твоего первенца...».

V

Началась предсвадебная суета, хлопот у меня был полный рот, но это были приятные хлопоты. Я уже пригласил на свадебный той всех друзей, разослал телеграммы родственникам. До свадьбы оставалось три дня, когда я получил судебную повестку, приглашавшую меня в суд... тоже через три дня.

Меня эта повестка больше ошеломила, чем огорчила. Вот это сюрприз! Так сказать, свадебный подарок. На тебе, вместо торта — суд!..

От Хурилико я все это скрыл, но мать всполошилась.

— Сынок! Зачем это тебя в суд вызывают? Ишь, что надумали: превратить свадьбу в поминки!

— Мама, никакой вины я за собой не знаю. Тут какое-то недоразумение.

— Может, это из-за Батырхана?

— Вряд ли, расследование выяснило, что я ни при чем.

— Значит, тебя кто-то оклеветал. Кому-то понадобилось расстроить твою свадьбу.

В глазах матери стояли слезы, но тон был твердый и решительный.

— Ну, я этого не допущу. Веди меня к своему начальнику!

— Мама, начальство не имеет права вмешиваться в судебные дела.

— Тогда я пойду в суд. Уж я докопаюсь, кто это затеял против тебя козни. Я им скажу: мой сын — уважаемый человек на стройке. У него душа белее снега!

— Суд далеко, мама. В Бекабаде. А я не такой уж ангел...
— Чтобы снять вину со своего сына, я готова пешком идти до твоего Бекабада!
— Никуда вы не пойдете, мама. И я не пойду.
— Как же так, сынок. Ведь повестка...
— Ничего, перебьются. Я же сказал: тут недоразумение. Не откладывать же мне из-за этой повестки свадебный той. Вот сыграю свадьбу и отправлюсь в суд. Объясню, почему не пришел в назначенный день. Причину, надеюсь, признают уважительной... Только прошу вас, мама, Хурилико — ни слова. Зачем еще и ей портить настроение? Тем более, что я уверен: все образуется. Вообще никому пока не надо ничего говорить.

Сам я до свадьбы решил просто не думать о суде, вести себя так, будто никакой повестки и не было. Мне не хотелось мысли о ней омрачать предстоящее торжество.

Конец мая выдался жарким. Я «арендовал» под свадебный вечер банкетный зал ресторана «Нурджан». Гостей собралось много: пришли и Нусратов, и Халмухамедов, и Рожков, и друзья-бригадиры: Забир-ака, Алексей и ребята из моей и их бригады, и родичи из Ташкента, кроме брата с женой: любезный мой братец отговорился тем, что у него «горит» работа. Тоже мне, великий деятель!..

В зале, хотя за окнами еще не стемнело, ярко, во всю мощь сияли люстры, и было очень душно: гости парились в своих «парадных» одеждах.

Фрукты, украшавшие дастархан, прибыли из Ферганы самолетом и радовали глаз своей свежестью. А цветы были наши, доморощенные, сулимские. И я гордился тем, что когда-то положил почин местному цветоводству...

Незадолго до начала торжества к ресторану подкатил грузовик, кузов которого был доверху заполнен дынями ранних сортов. Из кабины водителя выскочил Баракабай и кинулся поздравлять меня и Хурилико.

— С великим вас событием, дорсгни! Живите счастливо и дружно не меньше ста лет!.. — Он кивнул на грузовик. — Это подарок и мой и нашего совхоза.

Свадебный вечер проходил со всеми церемониями, полагающимися по этому случаю. Строго соблюдался весь наш традиционный ритуал. Но вторгалась и современность — оглушительными звуками джаз-оркестра, пафосом речей, славящих нашу страну, нашу стройку, наш труд, нарушением некоторых обычаев: мы с Хурилико сидели рядом, во главе стола.

Согласно ритуалу, с поздравительными речами и заздравицами тостами выступали поочередно представители то женна, то невесты.

Здравницу в честь новобрачных провозгласили Нусратов, инженер, возглавлявший вычислительный центр, директор целинного совхоза, опекавший меня на зимней рыбалке.

Когда очередь дошла до Халмухамедова, он поднялся и с торжественным видом подошел к микрофону.

— Мы тоже явились на той не без подарка... Я от души поздравляю тебя, Эркинджан, вас, дорогие Хурилико, и прошу принять вот это... — Он положил передо мной красивую шкатулку. — Дом на Цветочной улице готов принять первых жильцов. Ордер на квартиру давно уже у Эркина. А в этой шкатулке — ключи от вашего семейного гнездышка. Живите и радуйтесь!

Все дружно, горячо зааплодировали. У Хурилико заалели щеки. Я ног под собой не чуял от счастья..

Сколько восхищенных взглядов было в эту минуту устремлено на нашего мэра!.. Он был очень доволен собой, лицо его лоснилось, как вынутая из тандыра румяная лепешка. А я подумал: вот всегда бы он так «пускал пыль в глаза»...

Место у микрофона занял Алексей. Он солидно откашлялся — как заправский оратор, привыкший выступать перед широкой аудиторией, — и громко выкрикнул:

— Товарищи!

После этого он отчитался в успехах своей бригады, выдал пространную характеристику своему бывшему ученику, то есть мне, предложил выпить за счастье новобрачных и, до дна опустошив свою рюмку, швырнул ее о пол...

Слова попросил Батырхан.

— Мы, Алексей-ака, тоже от вас не отстали, вот-вот выполним месячный план. Наша трудовая работа — это наш подарок уста Эркину, бригадиру и жениху!..

Все засмеялись, а я покраснел. Ох, Батырхан, Батырхан, вот уж загнул, так загнул.

После него нас поздравили Баракабай, комендантша женского общежития, майор Хакимов, «делегаты» от нашей махалли в Ташкенте и от горного кишлака, где родилась Хурилико.

Когда слово предоставили Рожкову, он сказал:

— Что-то иные выступления звучат как трудовые рапорты. А мы ведь не на производственном совещании, а на свадебном тое, мы пришли сюда выпить за новобрачных, пожелать им всяческого благополучия, повеселиться от души. Ну-ка, где музыка? — Он повернулся в сторону джаз-оркестра. — Сыграйте-ка танго. И всем танцевать!

Варвара Сергеевна должна была, как всегда, поправить мужа:

— Вальс! Сыграйте вальс!

Музыканты послушались все же женщину.

Грянул вальс. Чуть не все гости, начиная с Батырхана и кончая Нусратовым, вышли на середину зала и закружились, запорхали пары в легком и плавном, вольном и просторном танце...

Свадебный вечер проходил шумно, непринужденно и весело. Я танцевал с Хурилико, уделяя позволительную долю внимания и другим женщинам, разговаривал, спорил, перешучивался с друзьями и старался не думать о предстоящем свидании с судьей... А вот маме трудно было скрыть свои чувства, я видел, как на ее лицо порой набегала тень, она тайком вздыхала и все поглядывала на меня с печалью и состраданьем. И когда я ловил на себе ее грустный и тревожный взгляд, у меня самого начинало щемить сердце. Бедная мама!.. Как она переживает за меня, ей сейчас и радость не в радость. Она ждала этого дня с каким-то страдающим нетерпением — как хлопкороб в пору уборки ждет ясного неба. А небо заволокли тучи и неизвестно было, чем все это кончится...

Мне, в общем, тоже было несладко, и больше всего я боялся, как бы о моем вызове в суд не узнала Хурилико. Веселенькое дело: выходила она замуж за парня с чистой совестью, без сучка и задоринки на нынешнем отрезке его биографии, а этого невинного агнца советский суд призывает к ответу, — правда, пока непонятно за что...

Что я ей скажу, когда все (а что — все?) выплывет наружу? Ведь шла в мешке не утаишь, луну подолом не закроешь...

Впрочем, я лишь на мгновенье задумывался об этом и снова включался в общее веселье.

VI

Исполнилось, наконец, заветное мамино желание: младший ее сын женился, теперь оставалось ждать, когда появятся внуки. В невестке своей мама души не чаяла и радовалась, что все мы живем вместе.

На этот раз Халмухамедов нас не обманул: дом на Цветочной был «доведен до кондиции», и тотчас после свадьбы мы с Хурилико переселились в новую квартиру, взяв с собой и маму.

В этой квартире мы отпраздновали и новоселье, и чалляр. Сей обычай, впрочем, давно уже сделался пустой формальностью.

Теперь бы только жить — не тужить!.. Так нет же: счастье мое было омрачено необходимостью нанести визит судье. А тут

еще пришли два письма от брата, одно на мое, другое на мамин имя.

Брату откуда-то стало известно (может, от кого из гостей, присутствовавших на моей свадьбе), что мама уже оправилась от болезни, и он упрекал меня: «Как мать болела, так она тебе была не нужна, ты бросил ее на произвол судьбы.» Хорошо, что у нее был еще и старший сын, который о ней позаботился. Нынче же, когда мама выздоровела, ты, как я слышал, превратил ее в прислугу...»

То, что он писал матери, было еще более отвратительно: «Когда вы болели и жили у нас в доме, так не могли нахвалиться старшей невесткой. Еще бы: она ночей не спала, ухаживала за вами. Теперь вы, говорят, без ума от младшей невестки и сами се холите и лелеете. Если, мама, вам не чуждо чувство благодарности — за все, что мы для вас сделали, то вы должны как можно скорей вернуться в Ташкент. Мы с женой оба работаем, и некому присмотреть за домом и детьми. Надеюсь, что Эркин, коли он любит вас, будет по-прежнему оказывать вам денежную помощь. Он сейчас, наверное, все деньги готов потратить на свою любезную женушку, так мой совет: пусть он не слишком-то ее балует и помнит о своем долге перед вами и своей ташкентской родней».

Маму это письмо привело в состояние полной растерянности. Она все считала себя должницей старшего сына и полагала, что должна поехать в Ташкент и помогать его семье. В то же время и сомной ей нелегко было расстаться: возле меня и Хурилико она чувствовала себя счастливой, к тому же она не могла покинуть нас, не дождавшись завершения истории с вызовом в суд.

VII

Поведение мамы во время свадьбы и после нее было настолько подозрительным, что Хурилико не могла не обратить на это внимание, и мне пришлось во всем перед ней покаяться. Моя жена (моя жена!) отнеслась к моему рассказу удивительно спокойно и только спросила:

— Ты сам-то чувствуешь за собой какую вину?

— Честное слово, ни в чем я перед Советской властью не согрешил, если не считать ошибок юности. О них я тебе в свое время подробно все рассказал. Может, мне хотят вменить в вину случай с Батырханом? Так и этот инцидент вроде уже исчерпан...

— Тогда тебе нечего бояться, а маме не о чем тревожиться. Несмотря на все мои протесты, мама и Хурилико решили

сопровождать меня в Бекабад. На шоссе нам удалось перехватить такси. В дороге Хурилко всячески старалась успокоить маму, но та сидела с поникшей головой, пригорюнившаяся, озабоченная...

В приемной пришлось немного обождать, пока меня вызовут к судье. Мы молчали, каждый думал о своем. Наконец, секретарша попросила меня пройти за ней, и я очутился в небольшом кабинете, перед столом, за которым склонился над бумагами судья.

Когда я вошел, он оторвался от бумаг, смерил меня доброжелательным взглядом, предложил сесть и протянул несколько вырванных из школьной тетради страничек.

— Вот, почитайте, пожалуйста. Это письмо ваши друзья прислали в суд, где вы были приговорены к принудработам. Оттуда его переправили нам с просьбой объяснить вам кое-что...

Я начал было оправдываться.

— Вы извините, что я явился с запозданием... Понимаете... В тот день у меня была свадьба...

Судья прервал меня.

— Ничего, ничего... Это я должен перед вами извиниться — за то, что мы вас малость поволновали, не сообщили, зачем вы нам понадобились. В повестке всего не напишешь... — Он улыбнулся. — Значит, вы молодожен? От души поздравляю. А теперь читайте, читайте...

Я заглянул прежде всего в конец письма. Там стояла подпись: «Группа товарищей» (совсем как под некрологом!). А в самом письме содержались такие лестные для меня отзывы, каких я, по совести, не стоил. «Группа товарищей» пела мне дифирамбы и как «передовнику производства», и как «активному участнику благоустройства города Сулима», и просила суд снять судимость «с Эркина Акбарова, честного труженика, общественного, одного из лучших монтажников Сарданской ГРЭС».

Уж не знаю, почему письмо было анонимное. Может, авторы не хотели, чтобы мне стало известно — кто именно за меня ходатайствовал? Я, во всяком случае, многих мог подозревать...

Судья тоже сказал:

— Не понимаю, почему авторы скрыли свои фамилии. Из скромности, что ли? Во всяком случае, это хорошо, что у вас такие друзья — преданные, готовые вступить за своего товарища. Плохо вот, что они законов не знают. Как и вы, наверно... Так вот, при той мере наказания, которую определил вам суд, судимость автоматически снимается спустя год после отбытия наказания. Вас-то должны были об этом предупредить...

— Может, я прослушал... Или забыл...

— Вот-вот. И маялись, наверно: мол, у меня в биографии — судимость. И ваши друзья за вас переживали... Как и многих, вас подвело незнание законов. А судимость-то с вас давно снята, с чем вас и поздравляю.

Смысл этих слов дошел до меня не сразу, а когда я понял, о чем говорит судья, лицо мое расплылось в глупую блаженную улыбку.

Судья тепло со мной попрощался.

Когда я поделился своей радостью с мамой и Хурилико, они прямо-таки расцвели от счастья. А мне захотелось закатить новый той! Или продолжить свадебный.

У матушки гора свалилась с плеч, и по возвращении домой она сказала:

— Дети мои, зажились я у вас, пора мне ехать в Ташкент. У вас медовый месяц, зачем мне вам мешать? В Ташкенте меня ждут тоже сын и невестка. И по внукам я сильно соскучилась... Слава богу, уезжаю я со спокойной душой. — В глазах ее засветилось добродушное лукавство. — Вот появится у вас первенец, так я снова сюда попаду...

Она тут же принялась собирать вещи, мы проводили ее до рейсового автобуса. Пожелав нам дожить вместе до глубокой старости, матушка крепко обняла сперва Хурилико, потом меня...

Мы, конечно, скучали без мамы. Но в то же время были полны — друг другом... С изумлением оглядывался я назад и думал: какого же черта я столько времени жил холостяком? Прежнее, холостяцкое существование казалось мне сейчас бедным, скучным, лишенным самых ярких красок. Только после свадьбы я зажил, наконец, многоцветной, полнокровной жизнью. Я словно перенесся в другой мир, мир семейных радостей, ни с чем не сравнимых...

Я был по-настоящему счастлив.

Глава тринадцатая

I

Незаметно пролетело несколько недель.

Я получил письмо от мамы, она звала нас с Хурилико в гости, ей не терпелось показать свою новую невестку всем родным и близким. Сам я тоже успел соскучиться по матушке. Хурилико согласна была отправиться в Ташкент хоть сию минуту, но и у нее, и у меня работы было сверх головы.

Хурилико все-таки удалось отпроситься на несколько дней,

и мы договорились, что пока она съездит в Ташкент одна — себя показать и других поглядеть, а главное, убедиться, что мама жива-здорова, и все у нее в полном порядке, — так, во всяком случае, она уверяла в своем письме.

Эти дни без Хурилико показались мне вечностью, днем я не находил себе места, ночами меня мучила бессонница. Я угрожал себе: не один ты женатый, не одному тебе приходится ненадолго расстаться с женой, ну, что ты томишься, не знаешь, куда себя деть? Но тут же я отвечал самому себе: а разве у кого есть такая жена как Хурилико? Она лучше, прекрасней всех! Самая красивая, самая умная, самая добрая... Что я без нее? Ноль. Что жизнь без нее? Тоска зеленая...

Когда она, наконец, вернулась, мне почудилось, будто душу мою залил свет, который могла породить только энергия всей нашей ГРЭС.

Я встретил ее на автобусной остановке, и пока мы шли к дому, не отрывал от нее влюбленных, истосковавшихся, сияющих глаз.

На лавочке у подъезда сидели наши соседки, пожилые женщины, я слышал, как они, завидя нас, оживленно заговорили:

— Вай, глядите-ка, как он на нее смотрит, будто они только вчера поженились! А и трех дней не прошло, как она уехала...

— А я вот ей завидую... Какое счастье, когда человек так тоскует по своей жене!..

— Ну, не знаю. Моему муженьку все одно: дома я или нет...

— Что ж тут хорошего?

Когда мы очутились в нашей квартире, я обнял Хурилико и осыпал ее лицо поцелуями, она с трудом вырвалась из моих объятий.

— Погоди, Эркин, дай в себя-то прийти.

— Знала бы ты, как я по тебе соскучился!..

Она лукаво на меня взглянула.

— Ой ли? Наверно, пользуясь моим отсутствием, вел тут бурную разгульную жизнь.

— Спроси кого хочешь — я ходил, как в воду опущенный. Только работа меня и спасала. Не то — хоть в петлю. Дни тянулись медленно-медленно, как усталый верблюжий караван...

— Это ведь летние дни, а они длинные, — Хурилико посерьезнела. — Я тоже по тебе скучала. Хотя, по правде, скучать было некогда.

Переодевшись с дороги, она отчиталась мне о каждой минуте, проведенной в Ташкенте.

Мама, вернувшись в дом брата, оказывается, снова слегла. Но за детьми брата она все-таки приглядывала, и он был дово-

лен, что она снова — в его семье. Хурилико навезла всяких подарков — и ему, и Мохинисо, и маленьким Юлдашу и Лоле. И пока она гостила там, брат хоть и хмурился, но терпел ее присутствие, ничем не выдавая истинных своих чувств.

В махалле не было ни одной женщины, которой не хотелось бы хоть краешком глаза взглянуть на жену Эркин-булбула. И все ахали и охали: ах, как повезло непутевому Эркин-булбулу!

Эти подробности Хурилико передавала шутливым тоном, комментируя их с легкой долей иронии.

— Видишь, какая у тебя жена? Цени! А ты в глазах своих соседок так и остался прежним бездельником и повесой. Уж перед ним тебе трудно будет реабилитироваться... Самый ужасный суд — это суд болтливых кумушек...

Эти три дня утомили ее больше, чем месяц работы.

Когда она собралась уезжать, ее обступили мои желторотые махаллинские друзья, еще недавно — мальчишки-сорванцы, а теперь подростки, уже закончившие школу. Когда-то я обещал показать им Сарданскую ГРЭС и приглашал — после школы — присоединиться к славной когорте Нурхан и Нурджанов, творцов света. Хурилико они видели, когда я приезжал с ней в Ташкент, и сразу ее узнали, и окружили плотным кольцом. Старший из них (как потом оказалось, Камиль Бердыев) решительно заявил:

— Вы у нас в плену, и мы не выпустим вас, пока не узнаем все, что нам нужно.

— Хорошо, — улыбаясь, сказала Хурилико. — Я постараюсь удовлетворить ваше любопытство. Спрашивайте.

— Во-первых, — важно начал Камиль. — Почему Эркин-ака не выполнил своего обещания? Он хотел свозить нас на Сарданскую ГРЭС.

— Ребята, поверьте мне, он очень занят. Его назначили бригадиром монтажников, и видите, он даже не смог приехать в Ташкент вместе со мной. Но теперь я обещаю: в скором же времени вы обязательно побываете на стройке.

— Нам сейчас этого мало: просто так побывать. Мы хотим у вас работать.

— Мы с Эркинджаном сделаем для вас все, что сможем.

Кто-то спросил:

— Хурилико-апа, расскажите нам, пожалуйста, о Дворце Света...

На него зашумели:

— Ты что, такой темный?

— Да о Сарданской ГРЭС мы тебе можем сами все рассказать.

Хурилико подняла руку, успокаивая ребят, и сказала:

— Вот и расскажите. И ему, и мне. Я проверю ваши знания. Кто первый?

Из толпы ребят выступил худющий паренек в очках.

— У меня дедушка был энергетиком, он работал на самой первой электростанции в Узбекистане — Аккаважской. Так вот, если поставить ее рядом с Сарданской ГРЭС, то электроэнергия, которую она давала, покажется маленьким ручейком, а электроэнергия вашей ГРЭС — Аральским морем.

— А то и Атлантическим океаном! — добавил Камиль Бердыев. — Ведь она должна дать четыре миллиона киловатт-часов.

Насколько отгалкивающее впечатление произвел на Хурилико год назад сам Бердыев, настолько понравился ей Камиль, его младший сын. В данном случае яблоко от яблони далеко упало...

— Кто еще что-нибудь хочет сказать? — спросила Хурилико.

Руку поднял коренастый, плотный крепыш.

— Я!.. Моего брата зовут Фархадом. Это имя ему дали в честь ФархадГРЭС. Он родился как раз в день пуска электростанции. Брат очень гордится этим обстоятельством, а о ФархадГРЭС говорит как о «гиганте узбекской электропромышленности». Смешно! Ведь Сарданская ГРЭС мощнее ее в сорок раз! Выходит, вы строите сразу сорок ФархадГРЭС. Я бы с удовольствием поработал на этой стройке...

Камиль Бердыев нахмурился.

— А может, там для нас не найдется работа? — И безапелляционно заявил: — Тогда мы поедem на БАМ.

— Работы у нас всем хватит! — успокоила его Хурилико. — Представьте только, на стройке трудятся шоферы — сорока специальностей: водители тягачей, водители самосвалов, водители других машин. Так что рабочие руки у нас на вес золота. Мы с радостью примем вас, если вы приедете строить Сарданскую ГРЭС. Или — работать на ней.

Эта беседа дала свои плоды: Хурилико привезла с собой двадцать заявлений от ребят из махалли. От заявлений веяло юношеской романтикой, они были проникнуты духом патриотизма: «Хочу стать строителем Сарданской ГРЭС, чтобы сделать нашу Родину еще могуче», «Я не боюсь никаких трудностей; ни жары, ни мороза, ни змей», «Моя мечта — выучиться на инженера, но для начала я считаю необходимым поработать строителем...» В одном из заявлений было написано: «Постараюсь трудиться так, как трудятся герои Сарданской ГРЭС: Забир-ака, Рожков, Алексей-ака и наш Эркин Акбаров».

Я смущенно улыбнулся.

— Ого! Ребята и меня причислили к героям...

— Что ты удивляешься? Ведь ты же «парень из их города», даже из их махалли, — тоже с улыбкой сказала Хурилико. — Между прочим, один из номеров их школьной стенгазеты был целиком посвящен строителям Сарданской ГРЭС. Мне его показал Камиль Бердыев. Там есть и твоя фотография.

— Где же они ее раздобыли?

— А они выписали на школу нашу многотиражку, вот и вырезали из нее очерки, статьи, снимки. Помнишь, когда мы отмечали завершение первого энергоблока, ты преподнес мне гвоздики?..

— Гм... Было такое?

— Было, было. И этот момент запечатлен фотокорреспондентом областной газеты. Так ребята достали и эту фотографию, и она украсила стенгазету.

— Надо бы и нам ее достать, вставить в рамку и повесить на видное место. Такое памятное событие...

Мы разговаривали, перешучивались, и все глядели, глядели друг на друга... Словно век не виделись или впервые познакомились. Это было каким-то наваждением.

В эту ночь я не мог уснуть до самого рассвета. Спящая Хурилико лежала возле, я чувствовал на щеке легкое, лянющее, как вино, дыхание, и боялся пошевелиться, чтоб не потревожить ее сон. Мне бы хотелось и на работе видеть близко-близко ее лицо, слышать ее дыхание. К сожалению, это было невозможно. У нас — разные профессии...

Утром, по дороге на работу, мы зашли в Управление, к Фунтикову, — показать заявления, которые получила Хурилико от моих махаллинских друзей. Перечитав их и пробежав некоторые глазами, Фунтиков оживился.

— Что ж, это хорошее пополнение! Побольше бы таких «добровольцев». Двадцать молодых джигатов! Это же целая махалля — имени Хурилико и Эркина!

II

Середина лета выдалась жаркой и засушливой. На небе — ни облачка. Из пустыни дул знойный, колючий гармсилль. Засохла, пожелтела трава, привяла листва на деревьях.

Коротка в пустыне жизнь всяческой зелени. Ее постоянно мучает жажда, она чахнет прежде времени, достается ей и от гармсиля — хозяйна пустыни; и если у него недостает сил на то, чтобы сорвать зеленое одеяние, так он прекращивает его в желтый цвет.

От гармсия никому нет спасенья: ни растениям, ни животным, ни людям. В комнатах — духота, не дающая ни отдохнуть как следует, ни выспаться всласть. Идешь по улице — глаза слезятся от мыли; в ноздри, в уши, под рубашку набивается песок. Особенно тяжело приходится на работе. Сам труд у нас — горячий, а тут еще гармсий с его удушливой знойностью, он словно плавит тебя, выжимает из тебя ведра пота, выкручивает, как прачка мокрую простыню.

В ночь под воскресенье гармсий совсем распоясался. Мы закрыли окна, в квартире нечем было дышать, и стоял запах горелой резины. Казалось, гармсий тщился вынуть душу из обесиленного тела. Голова разламывалась, как с похмелья. Какой уж там сон...

Еще только забрезжил рассвет, как в квартиру длинно, настойчиво позвонили. С тяжелым вздохом я поднялся с постели и поплелся к двери.

— Кто там?

— Открой, Эркинджан. Это я, майор Хакимов.

Этого мне еще не хватало!.. С чего это он пожаловал ни свет ни заря? Вручить еще одну судебную повестку? Или вытащить на очередной воскресник? Нам всем в последнее время пришлось много возиться с деревьями и цветами, поливать их, чтобы спасти от жестокого, безжалостного дыхания гармсия.

Прикрывая ладоною зевок, я открыл дверь.

— Что случилось, товарищ майор?

— Во-первых, здравствуй.

— Здравствуйте. А во-вторых?

— Хм... Ты гостей приглашал?

— Еще что. Какой это дурак станет звать гостей в такую рань?

— А вот гости, представь себе, заявили, целой компанией. Чуть не вся твоя махалля к тебе прибыла. Так что принимай гостей, устранивай, но прежде всего — накорми. Они голодные, как волки. Добирались сюда на попутных машинах, умаялись и еще не завтракали.

Мы с Хакимовым на лифте спустились вниз, и на улице, перед нашим домом, я увидел стайку ребят из моей махалли; их возглавлял Камиль Бердыев. За плечами у них бесформенно вздувались рюкзаки, у некоторых в руках были палки, а у одного висела на груди «Спидола», оглушая улицу развеселой музыкой.

Я накнулся на него:

— А ну, убавь-ка звук, — и сердито оглядел ребят. — Вы что, пожаловали сюда в качестве туристов?

Ребята с гомоном обступили меня, но в это время Камиль Бердыев скомандовал:

— Джигиты! Будущие строители Дворца Света! Стр-р-р-ой-ся!..

Потолкавшись, «джигиты» образовали недлинную шеренгу.

— Смир-р-р-но!

Шеренга замерла. Камиль подошел ко мне четким шагом и по-военному отрапортовал:

— Товарищ Акбаров! Двадцать бывших учащихся школ номер сорок восемь и номер сорок явились в ваше распоряжение, чтобы работать на строительстве Сарданской ГРЭС! Командир добровольного отряда юных строителей Камиль Бердыев!

Хакимов, сдерживая улыбку, похвалил ребят:

— Ну, молодцы!.. — Он повернулся ко мне. — Судя по всему, из них получатся дисциплинированные рабочие и для жителей Сулима они станут образцом поведения.

Когда он, попрощавшись с ребятами, удалился, я отдал команду «Вольно!», и мои гости, сгрудившись вокруг меня, галдя и перебывая друг друга, принялись сыпать вопросами:

— Наши заявления уже рассмотрели?

— Нас примут на работу?

— Мы будем работать все вместе или нас раскидают по разным бригадам?

— А где мы жить будем?

— А когда надо приступать к работе?

— А где тут столовая?

Я гаркнул:

— Ти-хо!..

И когда установилась тишина, терпеливо разъяснил ребятам все, что они хотели узнать. Потом, в свою очередь, спросил их:

— Что это вы в воскресенье-то приехали? Вы, гляжу, так и горите желанием тотчас же приступить за работу. А сегодня ведь не рабочий день.

— Мы специально этот день выбрали, — ответил за всех Камиль, — чтобы не отрывать вас от работы. Ведь вы и Хурилико-апа обещали показать нам стройку. Пскажете, а?

Я не выспался, меня одолевала зевота, по Сулиму гулял гармисль, и солнце жгло все нестерпимо, но мне ничего не оставалось, как пойти навстречу ребятам: ведь они тоже пожертвовали домашним отдыхом, чтобы перед тем, как приступить к работе, осмотреть стройку, и проделали долгий, нелегкий путь... И я сказал:

— Ладно, ребята, сегодня я и Хурилико будем вашими гидами в экскурсии по стройке. Завтра вы покончите со всякими формальностями, необходимыми для поступления на работу, а послезавтра — за дело! Принято?

— Единогласно! — зашумели «новобранцы».

Кто-то робко поинтересовался:

— А где нас устроят ночевать? В гостинице?

Камиль усмехнулся:

— Смотрите, ему гостиница понадобилась!.. Тоже мне, иностранный турист! О жилье мы сами должны позаботиться. Не маленькие. Выроем себе землянку или соорудим шалаш из бурьяна. На первое время. А там нас где-нибудь поселят.

— Насчет жилья не беспокойтесь, — сказал я. — На улице у нас никто не живет. Подумайте только, где провести эту ночь...

На целый день я и Хурилико отдали себя в распоряжение моих махаллинских приятелей. Мы водили их по стройке, знакомили с различными участками работ, кормили их, где придется (правда, пообедать я пригласил их в наш ресторан), отвечали на их нескончаемые вопросы.

Ночевать ребята решили на берегу канала, в густом кустарнике.

Хоть гармсилъ и не уgomонился, но мы с Хурилико спали этой ночью, как убитые.

III

Утром я препроводил ребят в Управление строительства, а сам поспешил к себе в бригаду.

Оставалось около трех месяцев до завершения и сдачи монтажа корпуса «А». Мы не жалели сил. Каждый отдавал работе всего себя, всю свою энергию, все способности, всю душу. Я ревностно исполнял свои бригадирские обязанности, обеспечивал своих монтажников необходимыми материалами, инструментами, аппаратурой, следил за графиком работ, за расстановкой людей на монтаже, за ходом дел у каждого члена бригады, — да мало ли у меня было забот!.. — А если все же выпадала свободная минута, я брал в руки сварочный аппарат.

IV

К нам часто навевывались ребята из моей махалли — посмотреть, как мы работаем.

По инициативе Нусратова из них создали отдельную бригаду, которую они сами в шутку называли «самодетельной бригадой строителей-любителей», что, по-моему, соответствовало сути дела. Ни у кого из них не было квалификации, и пока им поручили работу, не требовавшую особого навыка и умения: копать

и перетаскивать землю на одной из строительных площадок четвертого энергоблока. Конечно, их могли бы, как это было с прежними выпускниками, приехавшими на стройку, раскрепить по бригадам, оформить учениками опытных мастеров. Но они хотели трудиться все вместе, а стройка остро нуждалась в чернорабочих. Ребята были согласны на любую работу, и в то же время всем скопом подали заявления: кто в техникум (где и я еще занимался по вечерам), кто в техническое училище. Осенью они должны были, без отрыва от производства, приступить к учебе.

Когда с ними беседовал Нусратов, он спросил:

— А вы трудностей не боитесь? Ведь вам придется одновременно работать и учиться. Работа — тяжелая. Да и учиться тоже, в общем-то, нелегко.

— Если бы мы боялись трудностей, то не бросили бы родной город и не устремились бы в пустыню, — отпарировал Камиль Бердыев.

Нусратов одобрительно потрепал его по плечу.

— Молодец! Ты, верно, у ребят главный заводила? — И лукаво улыбнулся. — Что ж, трудностями мы вас обеспечим. Только не ныть, не хныкать!.. Вы кем мечтаете быть?

— Квалифицированными строителями — как Эркин-ака и Хурилико-апа.

— Вот вы и пройдете здесь строительную школу — от начального класса до высшего. А я уж вас, так и быть, возьму под свою личную опеку.

Такой уж он был наш Хайдар-ака — заботливый, внимательный, человечный.

Его порой мягко упрекали: есть же на стройке комсомольская организация, достаточно того, что она занимается молодежью, а ему не стоит разбрасываться, и своих дел ведь хватает. Но он ничем не мог с собой поделаться, его тянуло к молодежи, каждый из молодых рабочих ощущал на себе его требовательную заботу, он вообще не ограничивал круг своих обязанностей и любил повторять:

— Когда еще было сказано: кадры решают все. Так вот, эти слова не утратили своего значения и по сей день.

Условия на стройке были не сладкие. Одно слово: пустыня. Пыльные бури, нестерпимый зной, резкие ветры, поднимающие песок, с корнем вырывающие чахлые растения. А сама работа? Надо было то спускаться в глубокий котлован, в котором мог бы уместиться семиэтажный дом, то лезть на верхотуру, где следовало передвигаться так осторожно, словно ты шел по ветке с аистиним гнездом.

И, естественно, особенно тяжело приходилось на стройке ре-

бятam, только-только простившимся с школьными партами, оставившим родные дома, вырвавшимся из-под теплого родительского крыла...

Они, конечно же, нуждались в постоянной заботе.

Первое время мои махаллинские приятели работали с подъемом, не жалея ни себя, ни своего времени. Все им было в новинку, все — удивляло и влекло. Они накинулись на работу с молодым задором, с какой-то даже жадностью, и это меня, признаться, несколько тревожило. Я опасался, что такая работа взахлеб, с нерасчетливым энтузиазмом, может быстро вымотать, и они, выдохнувшись, потеряют к ней интерес. Я по себе знал, как это бывает: ведь в свое время, желая отличиться перед Забиром-ака и всей бригадой, я порой тоже вкалывал до седьмого вота, но как я ни надрывался, сколько ни бегал, ни суетился, все плелся в хвосте, и когда вечером бездыханным трупом валялся на постель, то зло думал: «К черту все, к черту, надо, пока не поздно, сматывать отсюда удочки, все равно как я ни стараюсь, ничего у меня не получается». Я бы и сдался, и удрал, если бы у меня не было такого учителя, как Забир-ака, такого друга, как Хуриддин, если бы вся бригада не взяла надо мной ненавязчивое шефство. Видя, как я мечусь или лезу вон из кожи, Хуриддин останавливал меня, говорил с усмешкой: «Ну, что ты впустую тратишь силы? Главное в нашей работе не натуга, а сноровка. Поспешай медленно. Рассчитывай каждое свое движение. Веди счет минутам. И дело у тебя пойдет, как по маслу». И пошло! Не сразу, не вдруг, но я обрел умение и сноровку.

Надо было и мне не выпускать ребят из поля зрения, ведь это, по существу, были мои подшефные, они за мной потянулись на стройку...

Но как-то все некогда было ни понаблюдать как следует за их работой, ни побеседовать с ними. Меня цедиком поглотили заботы, связанные с монтажом корпуса «А».

Массу времени отнимала у нас возня с контрольными и измерительными приборами и щитками, которые надо было монтировать особенно тщательно. Тут счет шел на микроны, и если раньше нашим девизом были слова: «Семь раз отмерь — один раз отрежь», то теперь мы их переиначили: «Семь раз измерь то, что готовишься отрезать или приставить».

Над каждым довлело высокое чувство ответственности: от нашей работы зависели сроки сдачи всего четвертого энергоблока, а они намечались на февраль будущего года как наш подарок XXV съезду партии.

И в это самое время, когда мы дорожили каждой секундой, меня вызвал к себе Нусратов.

Вид его не предвещал ничего доброго: брови нахмурены, губы недовольно поджаты. Нетрудно было догадаться, что он чем-то огорчен или озабочен.

Дождавшись, когда я отдышусь после быстрого бега (а я не вошел — влетел к нему в кабинет), он спросил:

— Ведь это ты сорвал с мест, увлек на стройку своих юных махаллинских друзей? Я не прав?

— А что? Они вкальвают дай бог!

— И вкальвать — надо уметь... Ты ведь не родился ни электросварщиком, ни бригадиром. Тебя учили. О тебе заботились. Тебя за волосы тянули, чтобы ты рос и как человек, и как труженик. Почему же ты забросил своих подшефных, не интересуешься: как они работают, как и чем живут? Ведь ты головой за них отвечаешь!

Я прижал ладони к груди.

— Муаллим, клянусь, у меня хватает за что отвечать и в собственной бригаде. Вы же знаете, какой у нас сейчас напряженный момент...

— Знаю. Но все же это не избавляет тебя от забот о молодых рабочих — нет, юных рабочих! — которые приехали на стройку по твоему примеру и твоему призыву.

У меня похолодело внутри.

— А они... что-нибудь натворили?

— Ты все можешь узнать, если сходишь к ним в общежитие. Побывай у них после работы. Разберись во всем. Погвори с ними. Считай, что это — партийное поручение.

Не впервые я слышал от Нусратова эти слова, и они всегда вставляли меня как-то подбираться, они обязывали делать не только то, что было в моих силах, но и то, что, казалось бы, сделать было невозможно. «Партийное поручение...» Пусть я еще не вступил в партию, а только готовился к этому важному шагу, но все равно для меня это были святые слова!

В данном же случае Нусратов и не требовал чего-то особенного, необычайного. Надо было только провести ребят. И успокоить, кстати, и свою совесть.

Я не стал дожидаться конца смены, а отправился в общежитие, куда поселили моих подшефных, в обеденный перерыв.

Общежитие представляло из себя большую комнату, заставленную тесно двумя рядами коек.

И какой же адский царил беспорядок!.. Я и не подозревал, до какой степени безалаберны и неряшливы мои мальчишки. Они ушли на работу, оставив постели незаправленными, на спинках кроватей и стульев висела вразброс их одежда, на полу валялись где попало дынные корки, в углах стояли бутылки из-под лимонада.

Какой-то детдом двадцатых годов, а не общежитие рабочих великой стройки...

Прав Нусратов: ребята оставлены на произвол судьбы, никто за ними не следил.

Мне стало малость не по себе...

Три постели были заняты, на них спали ребята, почему-то не вышедшие на работу. На четвертой сидел Халдар, тот парнишка, который в день приезда на стройку интересовался, не поселят ли их в гостинице. Маленький, круглый, как колобок, он отличался настырностью и болтливостью. «Языком трепать — он первый, — говорили о нем ребята. — И оглынивать от работы тоже мастак. В общем, он всегда впереди, особенно, когда бежит в столовую».

При моем появлении Халдар поднялся, подошел ко мне и, задрвав голову, вопросительно на меня уставился.

Я сердито осведомился:

— Ты почему не на работе?

— Меня дежурить оставили.

— В чем же состоят твои обязанности?

— Ну... я сторожу комнату.

— А кому поручено ее убирать, следить за чистотой?

— Ну... тоже мне.

Халдар на этот раз оказался на редкость несловоохотливым.

— Почему же ты ее не прибрал? Погляди: вы же тонете в грязи!

— Эркин-ака, да я не могу ни рукой, ни ногой пошевелить. И поясница у меня болит. Как нагнешься, так ее будто током пронзает.

— На вид не скажешь, что ты такой хворый. Ишь, щеки-то, как налитые яблочки.

— Работа у нас больно тяжелая. Так за день наломаешься, что потом все косточки ноют. Тяжко с непривычки-то. Мне ведь никогда не доводилось орудовать лопатой, тачку возить...

Я вспомнил, что мне говорили когда-то мои учителя, и назидательно произнес:

— А легкой работы и не бывает. Ты думал, стронть Дворец Света — это тебе в игрушки играть?

— Мы же разнорабочие. Нам потрудней, чем другим...

— Сунуть бы тебе в руки мастерок каменщика. Или сварочный аппарат! Послушал бы я, что бы ты тогда запел! То, чем вы сейчас занимаетесь, это еще цветочки — по сравнению с настоящей работой.

Ребята, лежавшие на постелях, прислушиваясь к нашему разговору, вытянули из-под одеял, как черепахи из панцирей,

обмотанные полотенцами головы. Когда я приблизился к одному из них, он громко застонал, схватившись руками за лоб.

Я посмотрел на него испытующе.

— Что расстонался?

— Ох, голова трещит, мочи нет...

— Отчего ж это она у тебя так разболелась?

— Работаем на открытом воздухе... И вот... Солнечный удар...

— Так... А другие, что, тоже перегрелись на солнце?

— Ага.

— Врачу показывались?

— Ой, Эркин-ака, врач посадил бы нас на бюллетень. А так мы малость отлежимся — и на работу.

Я, усмехнувшись, покачал головой.

— Гляди, какие энтузиасты! — И строго скомандовал: — А ну, вставайте, и марш в поликлинику!

Ребята, стеная и охая, сползли с постелей. Я сам отвел их в поликлинику, и когда они прошли медосмотр, спросил доктора, что с ними. Тот добродушно улыбнулся.

— А ничего особенного. Намажались ребятки на работе, вот и решили отдохнуть. С новичками это частенько бывает.

— Так. Значит, они симулянты?

— Ну, зачем же так резко? Просто юнцы еще, мамино молоко на губах не обсохло.

Я привел притворщиков обратно в общежитие и велел им до блеска надраить комнату. Они заправили постели, выволокли на улицу весь мусор, вымыли полы. Халдара я послал к женскому общежитию нарвать цветов, которых там было видимо-невидимо, и когда он принес их, то ребята быстренько наполнили водой пустые банки и поставили в них цветы. На каждой тумбочке теперь красовалась банка с цветами. Комната приняла опрятный, уютный, даже нарядный вид. Я окинул ее удовлетворенным взглядом и наказал ребятам:

— Чтобы всегда у вас был такой вот порядок. Договорились?

Ребята, радуясь, что им не нагорело от меня за симуляцию, с облегчением, готовно откликнулись:

— Договорились, Эркин-ака!

Казалось бы, я мог со спокойной душой доложить Нустратову, что выполнил его партийное поручение. Но я понимал, что сделано только полдела, а то и меньше. Ведь Нустратов, судя по всему, побывал в ребячем общежитии, и если бы ему нужен был только порядок, он не вызывал бы меня к себе, а сам сказал бы ребятам: «Наведите чистоту в своей комнате». Но он дал мне партийное поручение. И ждал от меня большего, чем простой визит в общежитие и комендантские указания.

Я сбегал к себе на работу, отдал необходимые распоряжения, оставил за себя Гаврилова и вернулся к ребятам.

— Ты останешься здесь, — сказал я Халдару. — А мы пойдем с «больными» в их бригаду. Продолжай свое дежурство, только помни, что дежурить — это не значит гонять лодыря.

Когда мы уже уходили, Халдар крикнул мне вдогонку:

— А мой папа хорошо вас знает!

Я остановился, обернулся:

— А кто твой отец?

— Вы с ним знакомы, он новый участковый в вашей махалле.

— Аллаяров?

В душе я выбранил себя за то, что по приезде ребят на стройку не обратил внимания на фамилию Халдара.

— Ага.

— Так вы переехали в нашу махаллю?

— Нет, мы живем, где жили.

— Как же ты попал на стройку?

— А меня Камиль Бердыев сагитировал. Мы с ним приятели.

— Будешь писать отцу, передай ему привет от меня.

Хотя с Аллаяровым у меня были связаны малоприятные воспоминания, но сердиться на него я был не вправе, человек-то он, в общем, неплохой. Правда, по моему мнению, в отношении меня он порой перегибал палку, — так не от злого же сердца...

Сбоку стронтельной площадки, где трудилась бригада Камилля Бердыева, на длинном древке развевался алый флажок, — это означало, что ребята работают самостоятельно, у них свое задание, свои нормы, свой график работ. Камиль видел у нас бригадный «дневник» и завел такой же и в своей бригаде. В эту книгу учета ребята к концу дня заносили итоги проделанной работы. На обложке тетради было аккуратно выведено: «Трудовые достижения строителей-любителей». Я перелистал тетрадь... Разграфлена она была несколько иначе, чем наша. Первая графа: имя, фамилия. Вторая: цифры установленной дневной нормы. Третья: отчет о выполнении нормы. Четвертая: объяснение причин, по которым норма не выполнена. В этой графе, против некоторых фамилий, стояли записи: «болел», «понос», «солнечный удар». На одной из страниц вычерчены были кривые выполнения норм членами бригады. У ребят, с которыми я пришел, кривые походили на змеиный след: сперва шли высоко, потом стали делать зигзаги и, наконец, круто устремлялись вниз...

Заметив, что разглядываю тетрадь учета, ко мне подбежал Камиль Бердыев. Я ткнул пальцем в последнюю графу.

— Бригадир! Кто заполняет эту графу?

— Я сам, Эркин-ака.

— Тут, в качестве причин невыполнения норм, указаны различные болезни. Кто ставил диагноз? Тоже ты? Ты что, доктор? Какая же у тебя специальность: терапевт, хирург, а может, уролог?

Камиль густо покраснел.

— Эркин-ака... Мне ребята говорили, что у них болит... Ну, я так и записывал.

— Открыли, значит, прямо в бригаде пункт по диагностике различных заболеваний?

— Не врал же они мне...

Я кивнул на «симулянтов», робко теснившихся в сторонке.

— А ты спроси у них: вралли они или нет.

Ребята молчали, потупив головы.

Мне и жалко их было, и в то же время я понимал, что потачки могут их только разбаловать. И я сурово проговорил:

— Получается, бригадир, что они тебе вралли. И следовало всем им в последней графе проставить не название болезни, а одно слово: прогул. Вот уж, действительно, развели самостоятельность!

Камиль так зыркнул на них глазами, что они сжались, словно в ожидании удара.

Я открыл страницу со сведениями о Халдаре. Лишь в первый день он вышел на стройплощадку и выполнил норму... на 0,69 процента. Все остальные дни в графе «выполнение нормы» у него красовался «0», а последняя графа пестрела однотипными отметками: «Дежурил по общежитию».

Каламбур напрашивался сам собой, и я насмешливо спросил Камилля.

— Что же он у тебя, дежурный «дежурный»? Дежурных ведь принято назначать по очереди.

— Эркин-ака! Халдар совсем непригоден к тяжелому труду, я это сразу же понял. Очень уж он хлипкий...

— Ест-то он за двоих! — подал голос один из «симулянтов».

— Слышал? — сказал я. — Или это он подкрепляет гаснущие силы?

— Нет, правда, землекоп из него — никакой, — продолжал оправдывать приятеля Камиль. — Ну, я и решил: пусть постоянно дежурит в общежитии. А то еще сбежит...

— Вот и уезжал бы, откуда приехал. Его ведь здесь никто силком не держит. Стройке не нужны рабочие, готовые в любой момент показать пятки. Он что, не знал, что едет не на курорт?

— Да все он знал! И про трудности, и вообще... Эркин-ака, он чуть не плакал, умоляя меня взять его с собой на стройку! Отец его не отпускал, так он тайком сбежал из дому... Это уж потом

его предок со всем примирился... Я написал ему, что с Халдаром все в порядке, он трудится, не покладая рук...

Я покачал головой.

— Врать-то нехорошо. А если он из дома сбежал, так ему ничего не стоит удрать и со стройки. Отправь его к отцу. Он просто лентяй, и ничего путного из него не получится. А у тебя будут неприятности, коли он отсюда дезертирует...

Камиль набычился. Он явно был со мной не согласен. И то сказать: ведь Халдар ему — друг... Но что-то заставляло и меня прервать свою обвинительную речь. В мозгу заворожилась совестьливая мысль: эй, Эркин, ты что, забыл, как начиналась твоя-то жизнь на стройке? Разве и желание, и умение работать так сразу и дались тебе в руки? Разве сам ты не собирался, на первых порах, задать стрекача из бригады Забира-ака? Халдар — это ведь ты в юности, какого же черта ты на него взъярился? Что он, совсем пропащий парнишка? За тобой-то водилось грехов куда побольше. Лентяй... Просто он не приучен к труду и жизни еще не знает, вот и выкинул белый флаг при первой же задаче. Надо же: на старте — не дотянул и до одного процента выполнения нормы!.. А Камиль, вместо того, чтобы заставить его вместе со всеми пройти нелегкий путь от старта к победному финишу, взял да снял ношу с его плеч, отправил его бездельничать на формальных основаниях. Хотя, по словам Камиля, Халдар, зная, что его ждет на стройке, все же добился того, чтобы ребята взяли его с собой, решился даже послушаться отца... Нет, Эркин, нельзя рубить сплеча, нельзя вот так, одним махом, ставить крест на человеке. Всегда помни о том, как сложилась твоя судьба. Вернее: как сложили ее добрые люди...

Я прокашлялся и проговорил уже мягче и рассудительней:

— Хотя, как знать, может, Халдар еще станет когда-нибудь знатным строителем. Всякое в жизни бывает... Только ты не держи его в тепличных-то условиях, не иди навстречу его «ахам» и «кохам», не поддавайся на его хитрости. Пусть он работает вместе со всеми, у всех на виду. Ничего, если ты не будешь давать ему поблажек, а окажешь настоящую дружескую помощь, так он притерпится к работе. А трудности закалят его.

Камиль покосился на «симулянтов», произвольно вздохнул.

— Если бы Халдар один такой был... А то вот и эти... Я им верил, а они... Да и другие ребята носы повесили. Сперва-то я ими прямо нахвалиться не мог, норму они перевыполняли, а теперь еле копаются...

— Выходит, рановато вы озаглавили свою тетрадь учета: «Достижения бригады»?

— Да, рано. Достижений у нас — кот наплакал...

— Ну, вот, теперь и ты раскис!.. Выше голову, бригадир!.. Вы просто нерационально распределили свои силы. Вот и надорвались в самом начале пути. Ладно. Я теперь почаще буду к вам заглядывать. Поговорю с каждым отдельно. Поломаем вместе голову: как работать так, чтобы труд был не в тягость, а в радость. Чтобы ни у кого и в мыслях не было от него увилывать. И я уверен, придет к ребятам второе дыхание... Да и не век вам лопатами махать. Покажете свое рвение в труде, докажете, что действительно, полны желания остаться в рядах строителей, так вас здесь сменит новое пополнение, а вы начнете обучаться профессиям — какая кому по душе. Так что держи хвост морковкой, джигит-удалец!..

— Опыта у нас маловато...

— Завздыхал! А откуда ему взяться? Рабочий опыт — приобретается в работе.

Взгляд мой скользнул по щиту, укрепленному в самом центре площадки.

— А это что у вас?

Мальчишки — это мальчишки, и настроение у них меняется, как течение своенравной реки. Только что передо мной стоял Камиль, совсем упавший духом, теперь же он гордо вскинул голову.

— На щите — наши обязательства!

— Ну-ка, пойдём, поглядим.

Мы остановились перед щитом. Вокруг нас уже собралась вся бригада. Я вслух прочитал:

— «Здесь вырастет насосная станция энергоблока. Мы обязуемся закончить все земляные работы к началу нового учебного года — к 1-му сентября!» — И оглядел ребят. — Так... Значит, к первому сентября. К первому школьному звонку. Хорошо. Я уверен, что вы написали на щите слова, идущие от самого сердца. Но рассчитали ли вы свои силы, взвесили ли свои возможности?

— Честное слово, Эркин-ака, — горячо сказал Камиль. — Мы выполним свое обязательство!

— Ты только учти: у нас на стройке нельзя работать «на авось». Тут все звенья цепляются одно за другое. Сорвешь план, так не только сам осрамишься, но и других подведешь. Вы не уложите в срок, так полетит к чертям монтаж насосной станции, а ее вовремя не смонтируем, — задержится сдача всего энергоблока. Вот так-то. Теперь видишь, какая на вас ответственность? Так что если у кого кишка тонка, и он чувствует, что не выдержит всех тягот и работы, и условий, в каких нам всем приходится здесь трудиться, так пусть прямо и честно скажет об

этом. Мы переведем его на другой участок, где не потребуется так напрягаться. Ну, кто из вас слабак? Кто боится трудностей? Только не стесняйтесь в этом признаться, думайте, прежде всего, о пользе дела. Ненужный балласт может тянуть бригаду назад...

Ребята молчали.

— Так. Значит, слабых и трусливых среди вас нет. Но, может, есть такие, кому вообще неохота работать? Куда как приятней — нежиться в постелях в общежитии. Так вот, любителей бить баклуши с удовольствием отпустим домой. Так, ребята?

— Пускай катятся на все четыре стороны! — зашумели мальчишки. — Скатертью дорога!

— Ну, кто из вас не в силах одолеть в себе лень?

И на этот раз никто из ребят не отозвался.

— Молчите? Может, у вас не хватает смелости открыто заявить: мол, работа здесь мне не по душе или не по плечу? Даю вам слово: вас никто не осудит.

Ребята опять загомонили:

— Да нет у нас таких!

— Мы будем стараться, Эркин-ака!

— Обязательства свои — выполним!

— Только вы нам помогайте!

Я кивнул.

— Лады. Только уж не подводите меня, договорились?

— Договорились, договорились!

— Не подведем!

— И симулировать больше не будете?

Один из опозорившейся «троицы» выступил вперед и, глядя мне прямо в глаза, проговорил:

— Честное слово, впредь это не повторится.

Еще немного поговорив с ребятами, я ушел, довольный и ими, и собой.

Мне приятно было сознавать, что с партийным поручением Нусратова я, пусть пока хоть отчасти, но справился.

Глава четырнадцатая

I

Я стал чаще навещать своих подопечных и помогал им, чем мог. Я ведь все-таки накопил кое-какой трудовой опыт, и мне было чем поделиться с ребятами.

Дела в бригаде Камля Бердыева начали постепенно налаживаться, ребята старались всюю, хсятя, следуя моему совету;

не перенапрягались. День ото дня они все больше осваивались и с самой работой, и с обстановкой на стройке.

Все, как говорится, образовалось, и мне оставалось только радоваться за ребят, как вдруг, в субботу, исчез Халдар — сын участкового Аллаярова. Ребята всполошились, обшарили всю стройку, весь город, все окрестности, — Халдар как в воду канул. Решив, что он уехал в Ташкент, домой, мы отбили телеграмму его отцу, в которой спрашивали: собирается ли Халдар вернуться на стройку или его можно вычеркнуть из списков бригады?

Утром от Аллаярова пришла ответная телеграмма: «Сына дома нет вы ответите за его пропажу».

Не скрою, угроза участкового нагнала на меня страху. От него можно было ожидать всяких неприятностей.

Мы снова бросились на розыски Халдара, и опять они не дали результата.

Меня одолевали тревожные мысли и предчувствия, я совсем потерял голову и, в конце концов, отправился к Хакимову и сообщил ему об исчезновении Халдара.

Майор долго морщил лоб, а потом учинил мне форменный допрос: с кем дружил Халдар, не мог ли кто его обидеть, не ухаживал ли он за какой-либо девушкой, не отдала ли она предпочтении другому и кто этот другой?

Ни на один из этих вопросов он не получил от меня вразумительного ответа.

Мало я все-таки знал своих ребят...

Хакимов уставился на меня суровым взглядом.

— А может, вы его за что-нибудь покритиковали крепенько, взяли, так сказать, в крутой оборот?

— Было дело. Он отлынивал от работы, ну, ребята с ним по-свойски потолковали. После этого он взялся за ум, начал трудиться наравне со всеми и неплохо себя показал.

— Потолковали... Как потолковать! Критика критике рознь. От иной критики и в петлю полезешь...

Я побледнел.

— Вы думаете...

— Я не думаю, а строю предположения. Возможно, он и прячется где-нибудь — назло вам.

— С чего ему злиться? Я ведь сказал, что после разговора с ребятами он переменялся к лучшему. Так что критика на него благотворно действовала.

— Что же тогда с ним стряслось, и куда он делся?

— Ума не приложу.

Хакимов помолчал, пожевал губами и после тяжелой паузы произнес:

— А не сверзился ли он куда, как твой Батырхан? Может, его землей завалило? Или он угодил в бетонный раствор? Это я тоже — в порядке предположения.

От этих «предположений» меня мороз подрал по коже. Я и сам не знал, что думать.

— Ладно. Покумекаем. Разберемся. Ты ступай и пошуруй еще с ребятами, где только можно.

Мы всю стройку прочесали — Халдара и след простыл.

Пока мы занимались бесплодными поисками, в Сулим прибыл отец пропавшего, мой старый знакомый лейтенант милиции Аллаяров.

Он явился в общежитие бригады Камиля Бердыева, хмурый, как грозовая туча. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Где мой сын? — кричал он на Камиля. — Это ты утянул его на стройку! Почему ты не смог за ним уследить? Ведь он же твой друг!

Я в это время был у ребят, и Камиль обратил на меня беспомощный, растерянный взгляд, молящий о помощи.

Я попытался успокоить участкового.

— Товарищ лейтенант, мы найдем его. Человек — не иголка. Не сегодня, так завтра Халдар объявится. И мы доставим его вам — целого и невредимого.

Сам я слабо верил в то, о чем говорил.

Аллаяров молча глянул на меня из-под насупленных бровей, круто повернулся и ушел.

На другой день меня вызвал Нусратов.

«Так... — думал я угрюмо. — Теперь и парторг за меня возьмется. Куда же ты, скажет, глядел, наставник? Так-то ты выполнил партийное поручение. А я буду мямлить: мол, виноват, каюсь, недостойн звания члена партии, придется погодить с подачей заявления...»

А как мечтал о том моменте, когда, наконец, мог бы сказать самому себе: Эркин, на совести у тебя ни пятнышка, и твоя бригада, и твои подопечные работают так, что не придерешься, пришла пора вступать в партию.

И вот все рушится из-за «чепе» с Халдаром. Слишком много за последнее время поднакопилось таких «чепе».

Против моего ожидания Нусратов вышел из-за своего стола мне навстречу, открыто, добродушно улыбаясь, крепко пожал мою руку, пригласил меня сесть и сел рядом со мной.

— Эркинджан, ты думаешь о вступлении в партию? Я и Рожков дадим тебе рекомендации. Ты у нас передовик производ-

ства, а кому и быть костяком партии, как не передовым рабочим? Когда-то ведь в ее названии и было слово: «рабочая». РСДРП!

Прямо скажу, я был ошеломлен.

— Муаллим... Достоин ли я... Этот случай с Халдаром... Вы, наверно, слышали...

— Как же, слышал, — кивнул Нусратов. — На стройке только и разговоров было, что о пропаже вашего Халдара. — Он вдруг широко улыбнулся. — А парнишка, представь себе, сидит в данную минуту в больнице, возле своего отца, у которого сердечный приступ.

Я чувствовал себя, как во сне, настолько огорошило меня сообщение Нусратова.

Он поспешил рассказать мне, как было дело.

В субботу вечером мои подопечные всей бригадой собрались пойти в кино. Не было только Халдара... После киносеанса его не обнаружили и в общежитии. Вот тогда и поднялась паника, ребята известили меня о происшедшем, и все вместе мы принялись искать Халдара, довольно бессистемно и бестолково. Он не явился и ночевать. Обо всем остальном я уже рассказывал...

А Халдар, оказывается, в этот вечер встретился с рабочими, которые отправлялись на водохранилище ФархадГРЭС порыбачить. Он, как выяснилось, сам был заядлым рыболовом (а я этого и не знал!). И уговорил рабочих взять его с собой, не предполагая, что его исчезновение вызовет такой переполох. Логика у него была простая: он ведь жив-здоров, чего же за него тревожиться?.. Он как-то не учел, что нам-то это было неизвестно... Вечерняя рыбалка прошла удачно. Ночь была теплая, и любители свежей ухи прикорнули до зорьки тут же, на берегу, на мягкой, хоть уже и пожухлой, траве. С утра пораньше, когда наступил самый клев, рыбаки снова закинули в воду удочки, а двое из рабочих, совсем еще зеленые юнцы, решили половить рыбу бреднем. Рыбаки, как известно, народ увлекающийся; и эти двое, не зная, насколько здесь глубоко, охваченные азартом, удалились от берега и угодили в омут. Оба не умели плавать и начали тонуть. Рыбаки, услышав крики о помощи, растерялись, и лишь Халдар нашелся: сграбастав сеть, прихваченную на всякий случай, он вбежал в воду, кинул сеть барахтавшимся в омуте парням, те в отчаянии уцепились за нее, и Халдар выволок их на берег.

Они успели нахлебаться воды. Халдар, вместе с одним из рабочих, сделал им искусственное дыхание и повез на грузовике в больницу.

В общем-то, горе-рыбаки отделались легким испугом. Но Халдар стал героем дня!

Нусратов, прослышав обо всем этом, поспешил в больницу, узнал, что пострадавшие целы и невредимы, и горячо поблагодарил Халдара за спасение утопающих, пообещав походатайствовать перед соответствующими органами, чтобы парнишку наградили соответствующей медалью.

В это время в больницу на машине «Скорой помощи» доставили отца Халдара: от всех треволнений с пропажей сына у него сдало сердце. И Халдар остался в больнице уже в качестве сиделки....

Нусратов вместо того, чтобы вернуться домой, надумал заглянуть в свой кабинет, привести в порядок бумаги, связанные с приемом в партию нескольких рабочих. Тут-то он и вспомнил обо мне...

Как говорится, все хорошо, что хорошо кончается.

Когда Аллаярову стало лучше, Халдар проводил его до милицейской машины, на которой он приехал, заверил, что теперь он будет тише воды, ниже травы, — лишь бы отец разрешил ему остаться на стройке.

Скрепя сердце Аллаяров дал свое согласие, и Халдар с веселым видом, вприпрыжку, помчался в общежитие. Наверно, он ожидал, что все кинутся к нему с поздравлениями: как же, он чуть не подвиг совершил! И удивился, застав в сборе всю бригаду, увидев, что ребята сидят насупленные и смотрят на него с немым укором.

— Вот хорошо, что пришел. Мы как раз хотим о тебе поговорить, — строго произнес Камиль. — Бедь мы, кажется, договорились: если кто куда уходит или уезжает, так сперва докладывает бригаде. А ты...

— Прости, бригадир, что я не огпросился. Все неожиданно получилось...

— Неожиданно... — Тон у Камиля был ворчливый. — Потому что ты в тот момент думал только о собственном удовольствии, а не о своем долге перед бригадой. Знал бы, как мы тут нервничали. Эркин-ака, тот извелся весь.

— Я ведь утопающих спас, — напомнил Халдар.

— Ну, и что? — взвился кто-то из ребят. — Подумаешь, герой!

— На твоём месте любой из нас поступил бы так же.

— Перед бригадой ты все равно виноват!

— Нам самовольщики не нужны, — сказал Камиль. — Берно, ребята?

— Верно! Пусть он уезжает в Ташкент!

Камиль снова повернулся к Халдару.

— Мы ведь не против того, чтоб ты рыбу ловил — коли уж это доставляет тебе удовольствие. У других тоже есть свои хобби.

Козырнув этим словом, Камиль победительно оглядел ребят.

— Ничего плохого в этом не вижу. Но ты не посчитался с бригадой, столько хлопот всем навез, и отца своего чуть до инфаркта не довел... Уезжай-ка ты, действительно, домой подброду. От тебя нам одна дозука. Хватит, понянчились мы с тобой...

Халдар никак не думал, что дело примет такой оборот. Но лицам и выкрикам ребят было видно, что они поддерживают своего бригадира.

Губы у Халдара дрогнули, в глазах заблестели слезы, он умоляюще проговорил дрожащим голосом:

— Ребята! Честное слово, больше такого не повторится. Я без спроса из Сулима и шагу не сделаю, хотите, буду по струнке ходить, можете навалить на меня самую тяжелую работу, только не прогоняйте из бригады... Не хочу я в Ташкент!

Ребята переглянулись, потом вопросительно посмотрели на бригадира: что-то он скажет?

Камиль солидно откашлялся.

— Ладно. Простим его, ребята, на первый раз?

— Уже на второй! — крикнул кто-то.

— Все равно. Принимая во внимание его чистосердечное раскаяние... И обещание в дальнейшем исправиться... Думаю, мы можем оставить его в бригаде. Но объявим ему строгий выговор за недисциплинированность.

Камиль предупреждающе поглядел на Халдара.

— Но если ты еще выкинешь какой фокус — пеняй на себя! Хотя мы и друзья, но я церемониться с тобой больше не стану.

И обратился к ребятам:

— Кто за выговор?

Все дружно протянули вверх руки.

Халдар натянуто усмехнулся.

— Товарищ Нусратов объявил мне благодарность. А вы — выговор. Плюс на минус дает все-таки минус.

— Ты получил то, что заслужил, — сказал Камиль и, не сдержав улыбки, протянул ему руку. — Ладно уж, давай лапу. Мир, дружба!

Все с облегчением засмеялись.

I

Мои подопечные доставили мне еще немало хлопот.

Вскоре после истории с Халдаром я повстречал в нашем кинотеатре майора Хакимова. Он прохаживался, как и мы с Хурилико, по фойе, в ожидании начала сеанса. Я подошел к нему, поздоровался и не удержался, чтобы не поддеть:

— Вы, товарищ майор, говорят, слышите даже, как змея шепелится в глубокой норе. Как же вы не догадались, куда подевался сын вашего преемника? Помните ваши предположения? Землей засыпало... Попал в бетонный раствор... А он в это время спасал рыболовов, которые чуть сами не стали кормом для рыб. То, что он на рыбалке, вам и в голову не пришло, а?

Майор смущенно похмыкал, потом спокойно возразил:

— Я тебя просто припугнуть хотел. А сам за Халдара не беспокоился. Я знал, что он найдется. — Мне оставалось только принять его слова на веру, а он, усмехаясь, продолжал. — К твоему сведению, дорогой Эркин-булбул, майору Хакимову все известно — что творится и в самом Сулиме, и в сотнях верст от него. А ты вот наверняка не знаешь, что двое твоих подшефных загорают сейчас в отделении милиции...

Вот это сюрприз он мне преподнес! Я так и вскинулся:

— Что они натворили?

— Самосвал пытались угнать.

— Не может быть!

— Вот тебе и «не может быть». Ты и не подозреваешь, какие они шепутные. Я все жду, что они еще отмочат, и как увижу кого из твоей махалли, сразу настораживаюсь... Знаменитая махалля! Много она мне нервов попортила. С одним тобой сколько пришлось повозиться. Ну, да то дело прошлое. Ты теперь — его величество рабочий класс. Вот уж не думал, не гадал...

— Вы не тяните, товарищ майор!

— Ага. Ладно. Так вот, иду я по улице, гляжу, двое ребят в кабину самосвала усаживаются, он у тротуара стоял. Самосвал рванул с места, и видно, что ребята не умеют его водить. Машина шаталась из стороны в сторону, как пьяная, и ревела, как голодный верблюд. Я засвистел, самосвал остановился. Ну, отвел я этих молокососов в милицию. Вернусь из кино — разберусь.

Мне-то было уже не до кино. Я сказал Хурилико, чтобы она смотрела фильм одна, а сам ринулся в отделение милиции.

Ребята (те самые, которые недавно притворялись больными)

сидели с поникшими головами на скамье напротив дежурного офицера милиции.

— Привет, орлы! — обратился я к ним. — Что это вы держитесь, как мокрые курицы? Кто вас пригласил сюда в гости?

Ребята заговорили, перебивая друг друга:

— Нас майор Хакимов привел. Но мы, честное слово, не виноваты! Нас Дильбар-апа учит самосвал водить... Не век же нам землю копать...

— Дильбар-апа? — Так звали хозяйку самосвала, девушку-богатырку, которая на дне рождения Хурилко удивила меня своим басом. — А где она сама?

Ребята снова опустили головы.

И как раз в этот момент в «дежурку» ворвалась Дильбар и с ходу накинулась на дежурного:

— Вы почему держите здесь ни в чем не повинных людей? Это мои ученики! Зафар и Карим не первые, кого я выучила на водителя.

Дежурный ошалел от ее натиска и громоподобного голоса.

— Они хотели самосвал угнать... Товарищ майор захватил их на месте преступления.

— Преступления! Да я с ними была, на минутку только в магазин отлучилась! Ну, они, наверно, сели за руль, чтобы попробовать, получится ли у них что без меня. Велика беда! Ребята тянутся к самостоятельности, их надо поощрять, а не тащить в милицию. Где ключи от машины?

— У меня.

— Вот и верните мне их. И ребят отпустите.

Дежурный вздохнул:

— Не имею права... Вот придет товарищ майор...

— Долго его ждать?

— Он в кино, — сказал я.

— Ладно. Сеанс скоро кончится. Подождем.

Она подседа к ребятам, и у них завязалась оживленная беседа.

Я вышел на улицу, в задумчивости стал вышагивать вдоль здания, где помещалось отделение милиции. Зафар и Карим, конечно, заслуживали хорошей трепки за своеволие. Майор, наверно, и хотел сделать им внушение, а потом отпустить с миром. Но Дильбар права: поступок ребят свидетельствует о том, что им надоело быть землекопами, и они рвутся поскорей приобрести более достойную специальность. Может, вообще не следовало недавних выпускников школы, с их знаниями, ставить на черную работу? Но, с другой стороны, знания знаниями, а делать-то они ничего не умели. И им полезно было пройти «пер-

вый класс школы труда», как выразился Нусратов. Только не стоило в нем задерживаться. Пора уже думать о переходе в следующие классы. Надо будет поговорить об этом с Камилем...

Наконец вернулся из кино майор Хакимов. Он выслушал объяснения Дильбар, отдал ей ключи от самосвала, а ребятам, когда они собирались уже уходить, строго сказал:

— Смотрите, чтоб это было в последний раз! Мне уже надоели фокусы юных друзей Эркинджана. — Он повернулся ко мне. — Ты тоже, следи за ними, а то они совсем от рук отобьются.

— Не отобьются, — заверил я. — Наоборот: они вырастут.

II

Я не успел поделиться с Камилем мыслями, которые пришли мне в голову, пока я возле милиции поджидал Хакимова. Камиль сам, обдумав все, что произошло с Зафаром и Каримом, сказал мне:

— Эркин-ака... Техникум техникумом... Но не можем ли мы уже сейчас начать обучаться каким-либо профессиям? Я понимаю, земляными работами тоже кому-нибудь надо заниматься. Мы и не отказываемся. Но видите: ребят это уже не удовлетворяет. Зафар и Карим сами, по собственной инициативе, написались в ученики к Дильбар-апа. Другие, думаю, тоже непрочь были бы овладеть какими-либо специальностями. Если бы каждого прикрепить к какому-нибудь мастеру своего дела...

— Я — «за», если только это не помешает вам выполнить обязательства, которые вы на себя взяли.

— Не помешает, Эркин-ака! Мы уж поднатужимся...

— А потом опять станете хныкать: тяжело, трудно...

— Не станем! Мы уже ведь кое-чему научились...

— Значит, думаешь, справишься?

— Справимся, Эркин-ака!

Собрав ребят, Камиль изложил им свою идею, бригада без споров и шума обсудила ее и приняла решение: каждый должен, продолжая выполнять норму земляных работ, овладеть с помощью опытных строителей специальностью водителя, монтажника, бетонщика и другими.

— Учитите, — сказал Камиль. — Это решение — закон для всех!

Он уговорил, не без моего участия, нескольких «мастеров своего дела» в свободное от работы время обучать ребят своим профессиям. И организовал кружок, где ребята сами, после смены, поднакапливали теоретические познания в области строительных работ.

Само собой, поддержку им оказывали и комсомольская организация, и руководство стройки.

Внимательно наблюдал за жизнью молодежной бригады и Нусратов.

Вскоре можно было уже говорить о первых успехах ребят.

Сам Камиль выбрал специальность электросварщика, над ним взял шефство Батырхан и не мог нахвалиться своим учеником: такую тот проявлял понятливость, ловкость, сноровку в работе

Когда Нусратов познакомился поближе и с ним, и с его достижениями — как бригадира и как начинающего сварщика, то сказал одобрительно:

— Хороший человек из него вырастет...

Удивительно, до чего же был не похож Камиль на своего папашу! Прямо небо и земля. И слава богу, что сын не пошел в отца.

Камиль, хотя и слыл в махалле самым неумным озорником и верховодил другими озорниками, но в школе учился прилежно, с присущей ему энергией организовывал пионерские походы, субботники и воскресники, был застрельщиком многих хороших дел. В старших классах, особенно после того, как вступил в комсомол, Камиль вообще остепенился (шалопайство ведь проходит вместе с детством), но сохранил свою неумность, и не было ни одного комсомольского мероприятия, в котором он не принимал бы активного участия. Среди сверстников он пользовался непререкаемым авторитетом, и не случайно именно он возглавил группу ребят, решивших работать на строительстве Сарданской ГРЭС, и как-то само собой получилось, что он стал руководить бригадой «стронтелей-любителей»: ребята и не мыслили, что кто-то, кроме Камиля, может быть бригадиром.

Я недаром, говоря о Камиле, завел речь и о его отце.

Потому что однажды утром в моей квартире раздался звонок, и, открыв дверь, я увидел перед собой... Бердыева...

Была суббота, Хурилико еще спала. Напирая на меня, Бердыев втиснулся в переднюю, дальше я его не пустил. Грозно хмурая мохнатые брови (у него и усы были пышные, а голова гладкая, как бильярдный шар), он, даже не поздоровавшись со мной, спросил:

— Где мой сын?

— Наверно, у себя в общежитии.

— Там никого нет.

— Ну, наверно, ушел куда-нибудь с ребятами.

— Куда?

Мне противно было на него смотреть, я вспомнил о всем зле, которое он мне причинил, и взорвался:

— Я ни в чем не обязан давать вам отчет!

— Нет, ты мне за все ответишь, проходимец! Это ты смайл его в пустыню!

— Уж если кто проходимец... — Я не мог отказать себе в удовольствии высказать все, что думал об этом лицемере, — а еще и жулик, аферист, взяточник, вымогатель, «магарычком», алчная скотина, набивающая свои сундуки нечестно добытыми деньгами, обжора, скупердяй... так это вы, гражданин Бердыев!..

На некоторое время он лишился дара речи, лишь смотрел на меня круглыми, с хищным блеском, глазами, напоминающими глаза разъяренного филина. Губы его, жабьего цвета, тряслись, толстый, словно обруленный, подбородок дрожал...

Вот такое выражение лица я видел, навещая маму в больнице, у одного туберкулезника, душа которого уже готовилась покинуть брэнную плоть. Как мне рассказали, он страдал страстью накопительства, всю жизнь во всем себя ограничивал, копил, копил деньги, лишая себя и отдыха, и земных радостей, а теперь ему предстояло навек расстаться с ними, и от мысли, что они достанутся кому-то другому, он в бессильной ярости скрежетал зубами.

Подобная же бессильная злость обуюла и Бердыева. Я осыпал его оскорблениями, он, конечно, мог ответить мне тем же (по принципу «сам дурак», «от дурака слышу»), но его бесило, что по сути-то против меня теперь ничего нельзя было предпринять. Перед ним стоял не прежний Эркин-булбул, торговец цветами и исырком, презираемый всеми порядочными людьми, не тот Эркин, которого легко было и уязвить, и унижить, и запугать, а Эркин — строитель Сарданской ГРЭС, передовой бригадир, уважаемый человек. Вот это-то и выводило Бердыева из себя, и когда он, наконец, опомнился, то только прошептал:

— Ты и за эти слова мне ответишь... Ты еще у меня попляшешь!

Но это были пустые угрозы. Я его не боялся. Указав на дверь, я тихо проговорил:

— Вон отсюда, мерзавец! И чтоб духу твоего больше тут не было! А будешь мне угрожать, так я разоблачу все твои махинации. Мне ведь известно, каким образом ты оттяпал у меня квартиру. Я многое знаю...

Бердыев думал меня устрашить, но сам испугался моего решительного тона. Он с наслаждением раздавил бы меня, как

червяка, но такой возможности у него не было; и он, скрепя сердце, пошел на попятную.

— Эркинджан, не будем ссориться. Ты же знаешь, я всегда к тебе — со всей душой... В свое время мне ничего не стоило уечь тебя за решетку, как тунеядца и спекулянта... Я же не сделал этого.

— Вам выгодней было превратить меня в дойную корову и вытягивать из меня денежки.

Его передернуло от ненависти ко мне, но он постарался сдержаться.

— Вольно ж тебе навешивать на меня всех собак. Но я не обижаюсь. Я ведь пришел к тебе с самыми мирными намерениями. Ты только скажи мне, где Камиль?

— Могу лишь повторить: не знаю. А и знал бы — не сказал. Если уж он вам так зандобился, значит, ему заготовлена какая-нибудь гадость. То, что вы здесь, не сулит ему добра. А я не дам его в обиду! Я на стройке стал человеком. И из него хочу сделать настоящего человека.

Бердыев насупился.

— Что же, мой сын зверь какой, что ты собираешься из него человека сделать?

— Прошу прощения. Я оговорился. Камиль и так парень, что надо, — не чета вам...

— Не серди меня, Эркинджан. Отведи к сыну. Я уверен: ты знаешь, где он. Клянусь, я ничего плохого ему не сделаю...

— Зачем он вам нужен?

— Ну.... нужен...

— В Ташкент его забрать? Денег у него попросить? Бесплезно: заработки и у него пока не ахти какие.

Бердыев вдруг перешел на доверительный тон.

— Ладно, Эркинджан. Тебе я могу сказать. Камиль уже взрослый, и я хочу его женить. Я уже подыскал ему в Ташкенте невесту.

— Невесту? Но у Камилы есть девушка, на которой он хочет жениться. Лучше невесты и не сыщешь. Она работает тоже у нас на стройке. Вы не слышали такое имя: Малика?

У Бердыева опять яростно округлились глаза, он взвизгнул:

— Не позволю!.. Не видать ему этой паршивицы, как своих ушей! Он женится на той, ког я выбрал. Воля отца — закон!

Я усмехнулся:

— Вы что, забыли, где живете? А еще занимаете видный пост!

— Заботиться о счастье своего сына — не преступление!

— У вас с Камилем разное представление о счастье. У Камилля более верное. Предупреждаю: вся бригада встанет на защиту Камилля и Малики. И не только бригада...

Бердыев, уже ничего не соображая, кричал, брызгая слюной:

— Я никого не боюсь!.. Что мне эти сопляки? Камиль — мой сын! Я сам поговорю с этой беспутной девкой, которая совратила Камилля!..

— Эй, легче на поворотах. Если вы еще скажете хоть одно дурное слово о Малике, я за себя не ручаюсь.

Вид у меня, наверно, был решительный, потому что Бердыев притих. Подталкивая его к дверям, я сказал:

— Мой вам совет: убирайтесь-ка вы отсюда подальше. Не то как бы беды не вышло...

Я вывихнул его на лестничную площадку и с силой захлопнул дверь перед самым носом.

Хурилико, уже одетая, сидела за столом в большой комнате. Она глянула на меня вопросительно, и я объяснил, что произошло.

Мы ничего не скрывали друг от друга.

III

Малика и Камиль учились вместе с первого класса. Они сидели на одной парте, много времени проводили друг с другом, их сначала связывала обычная школьная дружба, но постепенно она переросла в любовь.

Ничто не в силах было разлучить Камилля и Малику.

Даже их родители, хотя они и пытались это сделать.

Бердыев терпеть не мог девушку, хотя бы за одно то, что его сын сам, без руководящих указаний отца, выбрал себе суженую. Да и семья Малики ему не нравилась; родство с ней, по его мнению, могло только скомпрометировать такую важную птицу, как он, Бердыев.

В чем-то он был прав. Отец Малики, Хаитбай, мелкий торговец специями, долгое время прожил в старом городе, в махалле Утынчи, и был ярким приверженцем отживающих обычаев и традиций. Если бы не закон о всеобщем и обязательном обучении, он запретил бы дочери посещать школу, держал бы ее дома, заставив носить паранджу. Все же, когда она приглянулась его дальнему родственнику, пожилому паттаци — сборщику платы за места на базаре, Хаитбай решил выдать ее замуж, как было принято в давние времена, когда женами становились тринадцатилетние девочки (Малике, правда, исполни-

лось уже четырнадцать). Он уже готовился справить брачный обряд — никах, с последующим пышным тоем, как вдруг получил по почте грозное послание, в котором анонимный автор предупреждал его, что если только он посмеет выдать несовершеннолетнюю дочь за нелюбимого паттачи, то ему не поздоровится, и он за нарушение советского закона понесет такое наказание, какое может сравниться только с карой аллаха за поругание корана. Тут же цитировались соответствующие статьи республиканского уголовного кодекса. В конверт также вложены были вырезанные из газет статьи, где сурово бичевались самодуры-отцы, следовавшие отжившим обычаям.

Письмо это отправил Хаитбаю Камиль, узнавший от Малики о грозившей ей беде. Надо сказать, за Малику он не особенно испугался: на ее стороне был закон, да и школа вкупе с комсомольской организацией не допустили бы свершения насилия над юной комсомолкой. Мракобесам крепко дали бы по рукам. Но сама весть о затеваемом никахе так возмутила Камилля, что он тут же настроил письмо Хаитбаю, полное гнева и весьма весомых угроз.

Хаитбай перетрусил, предполагаемый брак расстроился.

Спустя некоторое время он случайно обнаружил принадлежавшую дочери тетрадь, заполненную по-ребячьи паивными, выражавшими романтику, искренность и чистоту первого чувства любовными виршами.

Почерк показался ему знакомым... Он взял анонимное письмо, сличил его со стихами в тетрадке: сомнений не было, и то, и другое писал один человек.

Только кто же этот негодяй, обличитель и виршенлет, преследующий его дочь своей любовью?

Хаитбай не знал, с кем она дружит в школе. Целыми днями он пропадал на базаре, продавал специи на самом бойком месте, закрепленном за ним его приятелем-паттачи. Ему просто некогда было интересоваться, чем живет и дышит его дочь. Он был бездумно уверен, что в религиозной обстановке, окружающей ее дома, она растет робкой и покорной. Столкнувшись с ним Малика избегала, и он даже не подозревал, что она комсомолка.

После того, как он нашел в ее тетради любовные стихи, у него на многое открылись глаза.

Он взбеленился и призвал дочь к ответу: кто сочинитель этих богопротивных виршей?

Малика, как ни кричал на нее отец, молчала, упрямо сжав губы.

Тогда он решил любыми путями выведать имя автора и письма, и стихов, и ему это удалось.

Автором оказался комсомольский заводила, Камиль Бердыев (да, и его не обошла детская болезнь — тяга к стихотворству).

Хаитбай строго-настрога запретил дочери знаться с этим нечестивцем.

Но мог ли этот запрет иметь реальную силу, если Малика и Камиль учились в одной школе? Сколько Хаитбай не подсыпал горького перца и соли в родник их чистой любви — родник оставался незамутненным, они продолжали видеться каждый день в школе и встречаться после школы, и чувство их становилось все сильнее и крепче.

Когда же они окончили школу, Камиль махнул на стройку, договорившись с Маликой, что она приедет следом за ним.

Дома у нее произошли серьезные стычки с отцом. Он ни за что не хотел отпускать дочь на стройку, этот «вертеп разврата и безверия»; тогда она тайком покинула дом, и вскоре все на стройке любовались неразлучной парой — Маликой и Камилем, переживали за них, сочувствовали им... Малика попала в бригаду девушек, которым тоже была поручена самая простая, хотя и полегче, чем у ребят, работа. Не прошло и месяца, как Малику выбрали бригадиром, и ее бригада стала соревноваться с бригадой Камиля.

На работе они были соперниками, а все остальное время не могли насытиться друг на друга.

Мне казалось, что я и Хурилко — это пример любви, какая только может быть. Но и Камилю с Маликой можно было позавидовать. Они просто были созданы друг для друга. Когда они шли рука об руку или сидели рядышком, то чудилось, будто они вот так, вдвоем, и появились на свет. Наверно, и работа у них так ладилась, потому что мысленно они всегда были вместе. Когда они высказывались по какому-нибудь вопросу, то окружающие невольно улыбались: настолько совпадали их мысли, даже слова. Люди говорили о них: «Это наши Фархад и Ширин, Лейли и Меджун. Жаль, что не придумано медалей за верность и преданность в любви, не то они первые бы их получили». Что до меня, то я, правда, считал, что такие медали в первую очередь следовало бы вручить мне и Хурилко, но не об этом сейчас речь, раз над нашими влюбленными нависла грозная туча: отец Камиля может разрушить их счастье.

Камиль и Малика (я не хотел говорить об этом Бердыеву) были в этот день на субботнике по благоустройству территории ГРЭС. И Бердыев разыскал их, причем сначала на глаза ему

попалась Малика, и он накинулся на нее с оскорбительными упреками:

— Ты что ж это, задумала женить на себе моего сына? Не бывать этому! Я нашел ему более достойную невесту! Ты погляди на себя: замарашка замарашкой. Порядочной девушке не приличествует заниматься такой грязной работой...

Малика, проявлявшая удивительное упорство и энергию в труде и в общественных делах, была, в общем-то, скромной и стеснительной, ее ничего не стоило обидеть, привести в замешательство грубым словом. Но Бердыев настолько задел ее за живое, что она сумела побороть свою робость и тихо, внушительно проговорила:

— Как вам не стыдно!.. Люди же кругом. А работа у меня такая же, как у тысяч советских девушек. Я строю Дворец Света и горжусь этим!

— Поглядите, какая героиня!— не унимался Бердыев.— Но у невесты моего сына не должно быть мозолей на руках. Да и ему самому тут не место. Это ты сбила его с пути! Ты и этот проклятый Эркин-булбул. У меня была возможность пристроить его поваром в столовую напротив нашего дома, он бы катался, как сыр в масле, а вы его уволокли в пустыню, подсушили ему самую черную работу!..

— Он сам сюда приехал.

— Сам! Он, как ягненок, ползл следом за молокососами, набившими себе головы всякой романтикой.

— Нет, он привел сюда ребят, мечтающих о настоящей работе, а не о теплых местечках в Ташкенте.

В этот момент к ним подошел запыхавшийся Камиль; он издали увидел, что отец о чем-то спорит с Маликой и поспешил на защиту любимой.

— Ассалам алейкум! Рад вас видеть, дада. Как здоровье матушки?

Малика сочла за лучшее отойти в сторонку, а Бердыев хмуро буркнул:

— Алейкум ассалам. За семью не беспокойся, у нас-то все в порядке.

Камиль усмехнулся.

— Ага. Значит, это у меня что-то не в порядке, и вы приехали помочь мне советом и делом...

Как это ни странно, но Бердыев, со всеми державшийся нагло и бесцеремонно, побаивался своего младшего сына.

Сам Камиль с отцом всегда был почтителен. Дома он вообще отличался завидным послушанием, и когда отец кричал ему: «Камиль! Ты мне нужен», то он в ответ не бросал небреж-

ное: «Да?», а уважительно спрашивал: «Ляббай? Что прикажете?» и спешил исполнить наказ или просьбу. Отцу, казалось бы, не в чем было его упрекнуть.

Однако, когда дело касалось каких-либо важных, принципиальных вопросов, по которым отец и сын расходились во мнениях, то Камиль, внешне сохраняя и уважительность, и вежливость, не шел ни на какие уступки и самым решительным образом отстаивал свою независимость. Так было, когда он надумал ехать на стройку. Как ни бесновался Бердыев, как он ни кричал на сына, тот твердо стоял на своем. И Бердыев спасовал перед ним... Он хорошо знал своего сына: уж если тот упрется, так его нельзя ни подчинить себе силой, ни улестить ласковыми уговорами. Это был парень прямой, честный, с рано развившимся чувством самостоятельности и собственного достоинства. Много в характере сына раздражало Бердыева, он недолюбливал Камилля, не баловал его родительской нежностью и потачками, но, как я уже сказал, слегка робел перед ним, чувствуя в нем какую-то непонятную для него силу, и хотя из-за этого еще больше злился, однако старался сдерживать свои чувства.

Вот и теперь, еще не остыв от «схватки» с Маликой, он все же взял себя в руки, ворчливо посетовал:

— Не зря говорится, что мысли отца — о сыне, а мысли сына — в поле. Ты, верно, тут о семье-то и не вспоминаешь. А я вот только и думаю, что о твоём счастье. Как тебе хоть живется-то?

— Неплохо. Скучать не приходится.

— То-то и оно. Все отдыхают, а вы и в выходной нашли себе работку...

— Надо, дада. Дел-то на стройке невпроворот. А я — бригадир.

— Это хорошо, сынок. Какое-никакое, а начальство. Да... А как у тебя с заработками?

— Не жалуюсь.

— Наверно, уж поднакопил денег на свой свадебный той?

— Я о свадьбе пока не думаю.

— Пора и подумать... Гм...

Бердыев оглядел ладную фигуру сына, облаченную в аккуратную спецовку. Да, жених хоть куда. Но он все не решался заговорить о цели своего приезда и выбрал кружной путь.

— Я понимаю, замечательное вы делаете дело. — Он осмотрелся по сторонам. — Эж, какую махину построили!

— Строим еще.

— Ну, да, ну, да. Сколько же еще понадобится времени, чтобы достроить вашу ГРЭС?

— Она, отец, и ваша. Ведь ток-то даст всему Узбекистану! Ну, а завершить мы ее должны в начале одиннадцатой пятилетки. Только, думаю, мы раньше управимся, к концу десятой.

— Долгонько же тебе тут жариться на солнце.— Бердыев опять повертел головой.— Пустыня, она и есть пустыня. Зной да песок. В Ташкенте-то, близ родного дома, тебе жилось бы полегче...

— А я, дада, не ищу легкой жизни.

— Что ж ты и учиться дальше не собираешься?

— Почему не собираюсь? У нас на стройке есть для этого все возможности. И увидите, ваш сын еще станет инженером.

— Опять: на стройке... Н-да... А жениться ты, значит, так и не намерен?

— Почему не намерен? Но всему свое время.

Бердыев поскреб пальцами свою розовую, поблескивающую лысину: он всегда так делал, когда находился в трудном положении или раздумывал над какой-либо сложной проблемой.

— Гм... И невеста у тебя — Малика?

Камиль, внутренне ошетинившись, настороженно глянул на отца.

— А чем она вам не по душе?

Бердыев не выдержал миролюбивого тона, глаза его зло блеснули, брови насугились.

— Не пара она тебе. Я сейчас говорил с ней... Дерзкая девчонка! И семья ее — не ровня нашей. Мать темная женщина, отец религиозный фанатик. Отсталые люди!

Камиль хотел сказать отцу, что тот сам — отсталый человек. Парень догадывался, почему разговор вертится вокруг женитьбы. Уж, наверно, родители приискали ему в Ташкенте «достойную» невесту. Но для него лучше Малики не было никого в целом свете! Дерзкая... Да она овцы не обидит! Отец, наверно, со свойственной ему бестактностью напал на нее, а она защищалась. Молодец! Она умела постоять за себя. А его отец, как и родители Малики, живет старыми представлениями... Все это Камиль и хотел выложить отцу, но сдержался и только произнес:

— Малика-то при чем? Она за своих родителей не в ответе.— Он все-таки добавил.— Как и я за своих...

Бердыев пропустил эти слова мимо ушей.

Рука его опять потянулась к лысине. Он думал: сказать все-таки сыну о том, что он нашел ему невесту в Ташкенте

или промолчать об этом? И решил — промолчать. Сына не переупрямишь. Вон он какой колючий... Разговор с ним вконец развеял надежду Бердыева на то, что тот женится на избраннице родителей.

Из любопытства он поинтересовался:

— Ну, а когда же все-таки ты думаешь справить свадебный той?

— Когда отец Малики сменит гнев на милость.

— А не сменит?

— Тогда мы поступим так, как сочтем нужным. И у нас будет комсомольская свадьба.

Бердыев вздохнул. Он, видно, выпустил пары, выместив свое раздражение на Малике, да и понимал, что спорить с сыном — значит, зря тратить время. Подлая у него была душа, но дураком я его не назвал бы...

— Малика, значит, тебе весь свет застила?

— Не весь. У меня есть работа и друзья, и вы с мамой. Но Малику я любил, люблю и буду любить до конца своей жизни. И довольно об этом, дада.

Бердыев пристально посмотрел на Камиля... Как знать, может, его на этот раз не разозлила, а восхитила непреклонность и независимость сына.

Взрослый уже... И все-таки бригадир, не последний человек на стройке.

Так вполне мог думать Бердыев.

Поскольку субботник продолжался лишь до обеда, то всю вторую половину дня Камиль провел с отцом. Показал ему стройку, посадил на автобус. Расстались они вполне миролюбиво...

Глава шестнадцатая

I

На дворе стоял август, а в душе моей цвела весна!..

Хурилико захотелось сушеной дыни. А это значило, что она в положении... Долго же она не признавалась мне в этом.

Я был на седьмом небе от счастья.

На Хурилико, мою единственную, мою ненаглядную, я смотрел с каким-то умилением и готов был исполнить любую ее просьбу.

Что ж — дыню, так дыню, сушеную, так сушеную. Ее можно было достать или на ташкентском базаре, или в совхозе у

Баракабая. В другое время для меня ничего не стоило бы съездить в Ташкент или к Баракабаю, расстояние, в конце концов, нас разделяло пустынное, но как раз в эти дни оно казалось неодолимым... Моей бригаде, что случалось довольно редко, подкинули целую кучу необходимых для монтажа котлована материалов, которые мы давно уже ждали, и работы на нас навалилось столько, что некогда было даже почесать голову.

Но и желание Хурилико было для меня законом.

Не придумав никакого другого выхода, я отправился к начальнику участка, моему бывшему бригадиру Рожкову и попросил его на день отпустить меня с работы. Он воззрился на меня с изумлением.

— Что за срочность такая?

— Ну... у меня неотложное дело.

— Какое?

Я уныло переминался с ноги на ногу. Мне неловко было объяснять, что вот, мол, моя жена беременна, и ее потянуло на сушеную дыню.

Не дождавшись от меня ответа, Рожков сказал:

— Ты ведь знаешь, Эркин, сейчас у нас нет дела более срочного и неотложного, чем пуск энергоблока. Все наши мысли должны быть заняты только этим. Так что ты уж потерпи со своими «неотложными» заботами.

Что еще я мог услышать от Рожкова? Ему все казалось, что мы монтируем корпус «А» медленней, чем нужно, и что вообще стройке грозит опасность завалиться со сроками пуска четвертого энергоблока. Потому он рьяно призывал нас искать резервы, а главным из них считал экономию времени. «Нельзя тратить понапрасну ни минуты, ни секунды, ни мгновения, для нас сейчас самое дорогое — это время, и грех его транжирить». Так говорил Рожков, и глупо было надеяться, что в такую горячую пору он отпустит меня со стройки хоть на день. Для него это было — отпустить «на целый день!».

Популярный на стройке лозунг: «Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра — лучше, чем сегодня», он несколько сузил и требовал, чтобы мы работали с каждой минутой все качественней и быстрее. И зорко следил за тем, как выполняется это требование.

Меня его мелочная опека подчас раздражала, и я ворчал:

— Ну, что вы стоите у меня над душой? Думаете, удеру, как только вы отвернетесь? Поймите, мы привыкли работать без контроля, все и так отлично знают, что им надо делать. Рабочим следует больше доверять.

— Доверяй да проверяй,— тут же возражал Рожков.

Новая должность, прибавив ему чувства ответственности, превратила его в такого придиру — хоть плачь.

Я вот вполне мог положиться на своих ребят и был спокоен за них, полагал, что торопить людей вообще вредно, они волнуются и начинают работать небрежней. Я же качество предпочитал темпам. И был убежден, что если рабочий понастоящему овладеет мастерством, то темпы, как говорится, придут сами.

Впрочем, это задним числом легко излагать свою позицию, а тогда мне было не до рассуждений. Я ломал голову над тем, где бы взять сушеной дыни...

Обращаться с просьбой об отгуле к Фунтикову или Нусратову бесполезно: им ведь я тоже ничего толком не мог бы объяснить. Дело было уж больно щекотливое...

Дома же я встречал выжидательный, тоскующий взгляд Хурилико, от которого у меня сжималось сердце. К тому же такое событие, как скорое рождение ребенка, делает человека суеверным. Я слышал, что если не удовлетворить желание беременной женщины, которую потянуло на кислое или соленое, то у нее родится не здоровый крепыш, а какой-нибудь уродец. А мне так хотелось, чтобы мой первенец был парень первый сорт!..

Поделись я всем этим с Фунтиковым или Рожковым, они бы только посмеялись надо мной.

А кто меня понял бы?

Как молвит пословица, о своих страхах и бедах можно рассказывать лишь тем, кому ты ближе всех на свете.

И я отправил письмо маме. «Вашей невестке захотелось сушеной дыни,— писал я в полной уверенности, что мама уже по этим словам обо всем догадается,— а здесь ее днем с огнем не найти. Если вам не трудно, купите на базаре немного дыни и пришлите нам с оказией. Можно ее передать, в крайнем случае, с шофером рейсового автобуса».

Послал я письмишко и Баракабаю, доложил, над чем и как мы работаем, и мимоходом отметил: «Мы перепробовали много дынь с вашей бахчи, не едали только сушеные».

Когда улетели мои письма по указанным адресам, на душе у меня сделалось поспокойней. Я чувствовал себя так, как будто мои просьбы были уже исполнены, и Хурилико с аппетитом лакомилась дынями, поглядывая на меня нежно и благодарно...

II

Узнав из моего письма, что Хурилико нужны дыни, мама сразу поняла, что ее невестка ждет ребенка, и возликовала: «Хвала аллаху, тысячу раз хвала!» Мохинисо разделила ее безграничную радость.

Достать сушеные дыни оказалось не так-то просто. Мама обыскала все базары в Ташкенте, но всюду на вопрос: «Есть ли сушеные дыни?» ей с недоумением отвечали: «Да зачем вам сушеные, когда полно свежих — сочных и сладких. Сушеные дыни в ходу только зимой».

Пришлось маме купить свежих дынь, вынуть из них мякоть и высушить ее на крыше.

Обзаведясь, таким образом, подарком для невестки, она решила не искать okazji, а уговорила Мохинисо, умеющую управлять машиной, отвезти ее в Сулим.

Когда мама и келин-оия оказались, наконец, у нас в квартире, Мохинисо, не откладывая дела в долгий ящик, принялась рассказывать моей жене, какой она должна соблюдать режим, что есть и пить, какие принимать отвары из трав и плодов. Мама, запасшаяся на базаре пучком исырка, терпеливо поджидала своей очереди вступить в разговор, но не выдержала и прервала Мохинисо:

— Доченька, успеете еще наговориться. Надо окурить исырком мою младшую невестку.

Надо сказать, что хотя Хурилико и сама располнена, и лицо ее округлилось, но на коже не было пятен — столь характерного признака беременности. На щеках, гладких, как яблоки, пылали яркий, гранатового отлива, румянец.

Мама боялась, что ее могут сглазить, — потому и привезла с собой исырк.

Мохинисо подожгла веточки исырка над пламенем газовой плиты, положила их в металлическую миску и начала обводить ею вокруг головы Хурилико. Исырк источал душистый дымок. Мохинисо, как бы оправдываясь, приговаривала:

— Вы не смущайтесь, невестушка, исырк вещь полезная, он убивает все микробы...

А мама гнула свое:

— Исырк, он бережет от дурного глаза...

Когда эта процедура, на которую Хурилико согласилась лишь ради моей мамы, была закончена, мать развязала объемистый узелок и выложила на дастархан ломтики сушеной дыни.

— Угощайтесь, доченька. И пусть жизнь ваша будет такой же сладкой, как эта дыня.

Она с удовольствием наблюдала, как Хурилико поглощала сушеную дыню. По-моему, моя женушка проглатывала аппетитные ломтики, даже не прожевывая их, ломтик за ломтиком со сказочной быстротой исчезали у нее во рту. Как же, бедняжка, истосковалась она по сушеной дыне!..

Но так уж устроена жизнь: то, чего ты очень желаешь, кажется тебе недостижимым, а когда ты это получаешь, то оно перестает быть таким уж желанным.

Насытившись дыней, Хурилико потеряла к ней всякий интерес. Ей, верно, хотелось уже каких-либо других лакомств...

Мама и Мохинисо уехали от нас только к вечеру.

Глава семнадцатая

I

В пустыне осень вступает в свои права раньше, чем в других уголках республики.

Листья на молодых деревьях и совсем еще юных саженцах постепенно принимали оттенок, схожий с цветом бухарского золота, которое в старину шло на отделку кинжалов. Легкий ветерок шевелил мохнатые сережки на тополях и ивах, росших по берегам канала. Солнце утрачивало свою жгучую яркость.

Правда, Хурилико и ее подруги еще могли любоваться розами, благоухающими в тщательно ухоженных цветниках. И это, издалека, улыбалось им прошедшее лето...

Близилась ноябрьские праздники.

Это прибавляло нам сил, мы спешили управиться с монтажом котла, всего корпуса «А».

Кипела работа и на других участках.

На Доске почета первой красовалась фамилия Алексея, моя помещалась чуть пониже. Все было правильно: учитель и должен опережать ученика. И все же в глубине души я огорчился, что никак мне не удастся его догнать.

«Сырдарьинская правда» напечатала большой, с фотографией, очерк об Алексее, где рассказывалось, как в его бригаде рационально и эффективно используется каждая рабочая минута.

В графике работ, который они для себя составили, с точностью до одной секунды было расписано, какие операции в какой срок должны выполняться. Неукоснительное соблюдение этого графика стало стилем работы бригады Алексея.

Продуктивность их труда повышалась с каждым днем.

Фунтиков сам надел на руку Алексея золотые часы, которыми его наградило управление строительства, членам его бригады были вручены денежные премии — повесомей наших...

По их примеру и мои джигиты ввели у себя график работы, еще более жесткий, чем у Алексея.

Но мало того, что мы продолжали отставать от его ребят, — нам на пятки наступали другие бригады.

Рожков ворчал на меня:

— Тебе не на кого пенять, кроме как на себя. Если бы ты не бегал за начальством, выпрашивая отгулы, то выпел лидера соцсоревнования был бы у твоей бригады. Работать надо, а не сб отгулах думать. Не то, гляди, как бы тебе не пришлось догонять тех, кто пока плетется в хвосте.

Начальник участка был ко мне несправедлив: всего-то один раз и только у него я попросил отпустить меня на день с работы. И ребята справились бы со своим делом и без меня. Все же слова Рожкова заставили меня призадуматься. Он прав: не было на стройке бригады, которая не мечтала бы занять первое место. Все трудились пусть с разной продуктивностью, но с равным энтузиазмом.

А темпы строительных работ были настолько стремительны, что мне невольно представлялась картина, обычная для самых оживленных автострад: там, если ты ведешь машину и хоть чуточку расслабишься, замешкаешься, тебя враз обгонят другие машины, а ты, выбившись из общего потока, совсем потеряешь скорость, и чем дальше, тем трудней будет наверстывать упущенное.

То же самое происходит на горячей магистрали соцсоревнования, хоть и широкой, да тесной: ведь все рвались вперед, и даже юные джигиты не только не снизили темпы, набранные ими недавно, но и увеличивали их, и общее движение к трудовой победе, которой строители хотели отметить праздник Великого Октября, было неуклонным и нарастающим.

Мы шли навстречу не только ноябрьским торжествам, но и XXV съезду нашей партии, который должен был состояться в феврале следующего, 1976 года, и бурный трудовой подъем на строительстве Сарданской ГРЭС Нусратов с полным правом называл «предсъездовским». На доске, где отмечались успехи всех участков, всех бригад, появился торжественный заголовок: «Показатели социалистического соревнования в честь XXV съезда КПСС».

Мы порой настолько увлекались работой, что забывали вовремя победать, и однажды у меня от голода даже голова закружилась и пришлось сбежать в столовую и подкрепиться

пиалой густо заваренного кок-чая; поесть я так и не успел, некогда было...

Обстановка на строительной площадке, где работала моя бригада, менялась прямо на глазах. Мы смонтировали все агрегаты, одели их в огнеупорные материалы.

Нашу задачу можно было считать выполненной, мы завершили и все отделочные работы, и убрали территорию корпуса «А»: так тщательно все подмели, полили водой, такой добились чистоты, что можно было, по поговорке, слизывать с земли пролитое на нее масло.

Я уж направился было к телефону, чтобы позвонить Нусратову и отрапортовать ему о досрочном выполнении бригадой взятых обязательств, но не успел сделать и нескольких шагов, как увидел идущего навстречу мне секретаря парткома.

Обычно мы при встрече обменивались традиционными приветствиями, но на этот раз он без предисловий спросил:

— Ну как, все закончили?

— Ага, я хотел как раз отчитаться перед вами.

Лицо его расплылось в довольной улыбке.

— Молодцы!.. Ты уже подготовил рапорт?

— Не успел. Не до писанины было. Но вы можете во всем сами убедиться.

— И то верно. Как говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Ну, показывай мне свои владения.

На стройплощадке у нас все так и сверкало чистотой, видно было, что и монтажные работы проведены на совесть.

Нусратов одобрительно похлопал меня по плечу.

— Поздравляю, бригадир. Придаться у вас вроде не к чему. Мне Рожков жаловался, что, мол, вы тут копаетесь, а вы уложились в сжатые сроки. В общем, все у вас в порядке и с качеством, и с темпами.

— Темпы без качества — это халтура, — сказал я. — А поздравлять надо не меня, а вот их, — и я кивнул на ребят из моей бригады, сопровождавших нас с Нусратовым.

Секретарь парткома горячо пожал руку каждому из членов бригады. Задержавшись возле Батырхана, он улыбнулся.

— Надеюсь, больше ты не задашь хлопот своему бригадиру? Ох, могли из-за тебя снять с него стружку. Ты уж впредь полет свой направляй не вниз, а вверх. Ладно, дело прошлое. Поздравляю тебя, товарищ электросварщик.

Батырхан запунцовел, то ли от смущения, то ли от удовольствия.

II

Спустя пару дней, даже до 1-го ноября, было произведено испытание смонтированного нами парового котла.

Специалисты проверили каждую деталь, включили контрольные приборы, пустили котел в ход... Затаив дыхание, вся бригада следила за его работой, за показаниями приборов. Я переводил напряженный взгляд с одного шва на другой: а вдруг какой разойдется ненароком? Тогда все наши труды — насмарку.

Воздух наполнился ровным гудением, монтажные узлы чуть потряхивало.

Сердце мое отбивало гулкие удары. Казалось, это не котел, а меня самого испытывают, каждый нерв был натянут, как струна, в голове гудело, кровь по жилам шла горячими волнами, как пар в трубах...

Один из «экзаменаторов», не отрываясь от приборов, показал большой палец. Я подошел к измерительной аппаратуре, впился глазами в дрожащую стрелку на шкале манометра. Давление пара было нормальным. Приборы показывали, что наш котел вырабатывает более девятисот тонн пара в час.

Наша работа была принята с оценкой «отлично».

Можно было вздохнуть свободно.

Я шел домой, бесконечно счастливый. Свежий ветерок овеивал мое усталое, разгоряченное лицо. Солнце, скатываясь по бледно-голубому небу к горизонту, золотило стекла домов, пожелтевшую листву на деревьях.

Осень, как и солнце, перевалило свой зенит, краски блекли, вечера становились все прохладней.

Осень...

Мысли мои отвлеклись от наших строительных работ, и я подумал: мы-то свои обязательства выполнили, и все бригады работают с опережением графика, празднику мы готовим добрые трудовые подарки: а каково-то сейчас хлопкоробам? Середина и конец осени для них — самая страдная пора. Они убирают хлопок.

III

Украшение земли нашей — это хлопковое поле.

И если в городах, и у нас на стройке, осенью господствовал золотистый, желтый цвет, то в полях — белый. Когда начинали раскрываться коробочки хлопка, то поля словно пеной покрывались... И это белопенное половодье разливалось широко-широко.

Хлопок, правда, называют «белым золотом», но словом «золото» определяют не цвет его, а ценность.

Осенью весь Узбекистан болеет за наших хлопкоробов. Когда мы разворачиваем наши газеты «Совет Узбекистана» или «Правду Востока», то ищем взглядом, прежде всего, сводку с данными об уборке хлопка. Недаром ведь сказано, что хлопок — это наша «национальная гордость и богатство».

В этом году на хлопкоуборочном фронте шли тяжелые бои — за каждый грамм хлопчатника.

Минувшая зима выдалась почти бесснежной. Хуже всего было то, что мало снега выпало в горах, откуда берут начало наши реки. Редкими были и весенние дожди. Дехканам приходилось раздобывать воду для полива полей буквально по капелькам, они, как говорится, рыли землю иголками, извлекали артезианскую влагу из ее недр, бережно копили глубое сокровище в водохранилищах и расходовали его с расчетливостью рачительных хозяев.

Нам, строителям, работающим в пустыне, особенно монтажникам, хорошо была известна цена воды. Сторонись огня, молвит пословица, когда солнце палит, превращая все вокруг в головешки. А наш труд как раз связан и с огнем, и с жарой. Сидишь, бывает, на раскаленной, как уголь, металлической конструкции, на самом солнцепеке, ведешь сварку, и из-под пальника брызжет огонь. Каким живительным кажется в эти минуты глоток воды!.. А воды — мало, надо беречь ее, и нам оставалось только мириться с мучительной жаждой...

Хлопчатник этим летом тоже изнывал от жажды, но дехкане скупой поили его водой, он, как и мы, лишь смачивал горло...

Все же хлопкоробы вырастили неплохой урожай, и перед ними теперь стояла задача: убрать его без потерь.

На помощь им спешили горожане: служащие, студенты...

Дошла очередь и до нас, и мы проработали на хлопковом поле соседнего колхоза целое воскресенье, с раннего утра и до позднего вечера. Когда мы вернулись в город, и я очутился у своего дома, мрак уже совсем сгустился, он был черный-черный, и у меня сердце сжалось от какого-то недоброго предчувствия.

В парадном меня дождалась Кутбиниса, жена Хуридина. Лицо у нее было бледное, губы тряслись. Увидев меня, она тихо вскрикнула:

— Наконец-то!.. Я уж к вам несколько раз заходила. Потом узнала, что вы приезжаете... вот, прибежала... Вы пока домой не заглядывайте, Хурилико не о чем не должна знать. Пойдемте со мной.

Ее тревога передалась мне, я беспрекословно последовал за Кутбинисой, по дороге спросил:

— Куда вы меня ведете?

— К нам, в больницу.

Я даже вздрогнул. В больницу... Зачем? Почему так срочно и так поздно?

Душу мою обдало волной холода. Может, мама надумала приехать ко мне и в пути с ней стряслась беда? По шоссе теперь грохочет столько плитовозов, самосвалов, движение такое оживленное, что недолго угодить в аварию.

Но почему тогда Хурилико ничего не должна знать?

Я не знал, что и думать, голос мой дрожал:

— Кутбиниса-апа. Что случилось?

— Вы ведь знаете такую девушку... Джурахан?

— Ну?

— Так вот, она... Она хочет видеть вас.

Я вздохнул с облегчением.

— Уф!.. Кутбиниса-апа, нельзя же так пугать человека.— И покачал головой.— Вот ведь настырная. Надо же: залечь в больницу, чтобы я навестил ее! Как говорится, не мытьем, так катаньем...

Кутбиниса оборвала меня.

— Что вы говорите, Эркинджан!.. Ее жизнь на волоске держится. Прибавьте шагу.

Слова и тон Кутбинисы не на шутку меня обеспокоили.

— Извините, Кутбиниса-апа, я не знал. Что с ней?

Еле поспевая за мной, Кутбиниса заахала:

— Ох, бедняжка, ох, несчастная... Ей совсем плохо. И она никого не хочет видеть, кроме вас. Мать к ней из Ташкента приехала, так Джурахан и с ней не разговаривает. Сказала только: пусть придет Эркинджан... Пошли скорее. Ее жизнь в ваших руках.

У меня голова шла кругом. Зачем я нужен «Цыпленку»? Что с ней приключилось? Почему Кутбиниса говорит, что от меня зависит ее жизнь?

Но вот мы и в больнице. Кутбиниса накинула на меня белый халат и провела в палату, где лежала Джурахан.

Глаза мне зашипали слезы, когда я взглянул на нее. Наверно, ее мучила дикая боль, она то, как змея, извивалась под одеялом, то стонала, зарывшись лицом в подушку. Возле постели сидела ее мать, Джаннат-апа. При виде меня она вскочила, из глаз ее брызнули слезы, она схватила меня за руку и потянула за собой в коридор. Там, задыхаясь, она проговорила:

— Эркинджан! Спасибо, что пришли. Вы вовремя успели,

врачи говорят, что часы ее сочтены. Бедная моя доченька!— Ее сотрясали рыдания, но она нашла в себе силы продолжать.— Ее привезли в больницу вчера вечером, она была без сознания. Всю ночь на уколах держалась... Когда я приехала, она уже пришла в себя, но такая была слабая... Я еле поняла, что она хотела сказать. Мама, говорит, пусть придет Эркин, если я услышу от него одно слово, то, может, и выздоровлю или...— Слезы душили бедную женщину,— умру спокойно. Я послала за вами Кутбинису, а вы, оказывается, на хлопок уехали...

Я не решался ее прервать, в горе ведь не все молчаливы, иным надо выговориться, вот и мать Джурахан прямо захлебывалась словами:

— Весь день доченька бредила, корчилась от боли, а когда к ней возвращалось сознание, она поднимала голову, оглядывалась, как во сне, и спрашивала: «Эркин еще не пришел?» Так она истрадалась... Доктора уж ничем не могут ей помочь... И лекарств уже больше никаких не дают... Одно ее может вылечить, сыночек... Вы ведь скажете ей слово, которого она от вас ждет?

Она подняла на меня глаза, полные слез и мольбы, а я не нашел ничего лучшего, как спросить:

— Какое... слово?

— Неужто не догадываетесь? Ведь она из-за вас... из-за вас... решила руки на себя наложить...

Меня будто током пронзило. Вот оно в чем дело... Джурахан пыталась покончить с собой... Из-за меня, из-за своей любви ко мне, которую я отвергал с таким небрежением.

Не в силах смириться с мыслью, что я навсегда для нее потерян, хуже того, принадлежу другой, она в отчаянии приняла искусную эссенцию. Застав ее в постели, бледную, стонущую от боли, ее подруги по общежитию решили, что она отравилась арбузом, выращенным на селитре, принялись отпанвать ее катыком, но ничто не приносило ей облегчения, и тогда они вызвали «Скорую помощь». Только в больнице врачи и установили истинную причину ее состояния. И — развели руками: доза эссенции была слишком большая, и Джурахан уже ничего не могло спасти.

Все это я узнал позднее. А тогда, когда я стоял перед рыдающей матерью Джурахан, мозг мне сверлила одна мысль, сердце жалило одно чувство: она наложила на себя руки, и в этом и я повинен, и я обязан искупить перед ней свою вину...

Мне в эти минуты было и искренне жаль «Цыпленка», и вместе с тем я испытывал к бедняжке какое-то почтительное уважение. Я-то считал ее и легкомысленной, и назойливой, и при

каждой встрече старался поскорей от нее отвязаться... А она оказалась способной на большое, сильное чувство, на ее беду — безответное. В памяти у меня как-то даже начали стираться те черты ее характера, поведения, которые когда-то вызывали во мне брезгливую неприязнь, и перед моим мысленным взором вырастал иной образ: любящей, твердой в своем постоянстве, глубоко несчастной девушки. Я жаловался друзьям, что она не дает мне житья, «бегает» за мной, «пристает» ко мне, а она просто по-настоящему любила меня, ну, по-своему, конечно, но безоглядно, всей душой, принося в жертву этой любви и девичью скромность, и чувство собственного достоинства. Может, зря я ее так грубо отталкивал. Можно было бы держаться с ней поделикатней, более чутко, не принимая ее любви, но и не отказывая ей в обычной дружбе. Как знать, не разжигало ли в ней любовь мое демонстративное равнодушие...

Но что теперь было думать об этом? Она дошла до точки и приняла укус. И умирает в больничной палате... Ничего уже не вернешь, не исправишь, жизнь, как я где-то читал, пишется начисто, единожды, без черновиков, и в уже написанное нельзя ни вставить ни словечка, ни что-то вычеркнуть.

Судя по словам ее матери, я мог скрасить только последние часы жизни Джурахан... Я догадывался, какое заветное слово должен ей сказать. Ее мать верила, что это слово чуть ли не поставит Джурахан на ноги. Мне в это не верилось. Там, где медицина признала себя бессильной, — бессильны и любые слова.

Но Джурахан, умирающая Джурахан, так ждала от меня этого слова... Ждала, как последней радости... Мог ли я, имел ли я право не пойти навстречу ее желанию?

А пойти — значит, солгать.

Никогда в жизни я не лгал. У меня в юности был шуточный девиз: врать можно, лгать нельзя. Вранье, как я полагал, это штука безобидная, от него никому ни жарко, ни холодно, а вот ложь — это похуже, она всегда от эгоизма, от шкурничества, и почти всегда — во вред людям.

Потом я понял, что лучше ни лгать, ни врать. То и другое можно ведь перепутать. Или бессознательно подменить одно другим.

Но что же мне было делать в той страшной, трагической ситуации, какая сложилась? Речь ведь шла о человеческой судьбе, и вопрос стоял так: доставить или не доставить умирающей эту последнюю радость?

Наверно, в редких случаях все же бывает ложь — на благо... И хотя меня мутило, и все во мне переворачивалось, когда я

представлял себе, как произнесу «заветное слово», в котором — ни доли правды — я все-таки решил его произнести.

Если даже Джурахан хоть чуть от этого полегчает и то хорошо.

В те минуты я, конечно, не раскладывал все по полочкам, и к постели Джурахан подходил прямо в каком-то лунатическом состоянии, больше ощущая, чем сознавая, что я должен сделать...

Мы с матерью Джурахан остановились у изголовья умирающей, боль уже не скрючивала ее, она лежала спокойно, я думал — она без сознания, но она приоткрыла глаза, в которых светилась надежда и ожидание, губы ее беззвучно зашевелились, и я понял, какой вопрос готов был — и не мог с них сорваться... Я опустился перед ней на колени, погладил ладонью ее лоб, прошептал:

— Прости меня, Джурахан... Я был глупый, потому и не сказал тебе раньше: люблю...

Она попыталась приподнять под одеялом руку, но сил у нее совсем уже не было, она глубоко вздохнула, потом снова пошевелила губами, и это не слова были, а какой-то легкий шепсел:

— Значит... любишь?

— Да, Джурахан, да.

— Дурачок... И я... тоже...

Губы ее дрогнули в счастливой улыбке, она смежила прозрачные веки и замерла...

Впервые взрослым я увидел, как умирает человек.

Улыбка навеки застыла на лице Джурахан. Какое-то величественное спокойствие разлилось по нему.

За моей спиной раздались неутешные рыдания матери «Цыпленка»...

Я не жалел, что солгал Джурахан в последнюю минуту ее жизни.

Кто поступил бы иначе, пусть бросит в меня камень.

IV

Близилась уже полночь, когда я, опечаленный, донельзя усталый, шел из больницы домой.

В голове у меня была полная пустота, сердце окаменело, словно спасая себя от острой боли, я еле передвигал ногами...

Кто-то взял меня под руку, я, вздрогнув, обернулся и увидел рядом с собой майора Хакимова.

— Я провожу тебя, Эркинджан,— сказал он, и в голосе его я уловил нотки и участия, и некоторого смущения.— Поговорить надо. Я тоже был в больнице. Случай, сам знаешь, какой, и нас касается. Вот, решил тебя догнать. Между прочим, особой трудности это не представляло, ты вроде домой не спешишь...

Я молчал, и Хакимов после паузы спросил:

— Послушай, она какой-нибудь записки или письма не оставила?

Я пожал плечами.

— Не знаю.

— Понимаешь... — Хакимов выбирал слова.— Те, кто решился на такое... обычно объясняют в записках, почему они это надумали сделать... Так, значит, не знаешь... Но сам-то что думаешь о причине ее смерти?

— Причина известна врачам, спросите у них.

— Я не о том. Что побудило ее... ну, к этой попытке? Между ней и тобой ничего не произошло в последнее время? Вспомни-ка.

— Это что, допрос?

— Эркинджан, ну что ты кипятишься! Я просто с тобой беседую. Должен же я выяснить, почему беда случилась. Такая уж у нас работа.

— Ладно, отвечу. Мы с ней в последние месяцы даже и не виделись.

— А когда виделись, она не грозилась, что, мол, покончит с собой, если ты... ну, не ответишь на ее любовь. Все же знают, что она была к тебе неравнодушна.

— Нет, о смерти она не думала. Джурахан всегда была очень жизнерадостная. Уж я все делал, чтобы она поняла: между нами ничего не может быть. А она только улыбалась, и видно было, что она мне не верит. Неумная она была... И упрямая...

Странно мне было произносить это слово: «была»...

— Но ты ведь потом женился?

Я через силу усмехнулся.

— Это что, преступление?

— Скажешь тоже, Эркинджан!.. Но за Джурахан ты после этого ничего не замечал?

— Я ее вообще не замечал.

— Н-да... Ты мог все-таки ее ранить — случайным грубым словом.

Я все же вспыхнул:

— Вы хотите во что бы то ни стало доказать, что это я толкнул ее на самоубийство?

Майор вздохнул.

— Трудно с тобой говорить, Эркинджан. Ничего я не хочу доказывать, а только пытаюсь докопаться до сути дела. Пойми сам, если вмешаются ее родственники и начнут искать виновного, так нам обоим надо быть наготове. И ради твоей же пользы — я должен быть в курсе всего, что у вас там было...

— А ничего не было.

— Но она тебя все-таки позвала перед смертью. И, наверно, что-то тебе сказала...

— И она сказала, и я сказал, но это никого не касается. Оставим этот разговор, товарищ майор. Мне и так муторно...

— Ладно, я тебя еще вызову, с тобой должен следователь побеседовать. Только ты уж, будь добр, не пори горячку, а обстоятельно нам все разобъясни. Так для тебя же будет лучше. Если у тебя совесть чиста, так тебе нечего опасаться неприятностей, — что бы тебе ни приписывал, ну, предположим, уважаемый товарищ Бердыев. Уж будь спокоен, он не упустит возможности свалить на тебя всю вину. Но, как говорится, к чистому грязи не липнет.

На прощанье Хакимов дружелюбно потрепал меня по плечу; вскоре я был уже дома.

Хурилико еще не ложилась спать, она сидела на подоконнике, прижавшись лбом к стеклу и вглядываясь в темноту. Когда я вошел, она с облегчением проговорила:

— Вернулся, наконец! Где ты пропадал столько времени? С хлопка все уже давно приехали. Я извелась вся...

Значит, ей никто ничего не говорил: щадили ее, зная, что она в положении.

Но от меня она вправе была ждать и требовать полной откровенности.

Я рассказал ей обо всем, не утаив ни одной подробности...

Мы долго молчали...

Хурилико, при ее впечатлительности, любое радостное известие приводило в восторг, любая же неприятность подавляла. Мой рассказ, по-видимому, просто оглушил...

Наконец она подняла голову, глаза ее были полны слез.

— Значит, ты сказал ей, что любил ее?

— А что бы ты сделала на моем месте?

— Не знаю...

— Ты не представляешь, как мне ее было жалко. Умереть так рано... Что она успела увидеть в жизни? Да ничего. Ни один

из лепестков ее счастья так и не раскрылся. Даже такое светлое чувство, как любовь, для нее обернулось драмой...

— Как же она тебя любила, Эркин, если могла пойти на такое...

— Не всякий, кто любит без ответа, кончает с собой.

— Значит, у нее в жизни больше ничего не было.

— Наверно...

Хурилико вдруг разрыдалась.

— Мне тоже ее жаль. Но ты не должен был говорить ей эти слова!..

— Это слова утешения, не больше. Ты же знаешь, что я люблю только тебя. Не плачь, а то и я разревусь.

— Я ничего не могу с собой поделать...

— Грешно ревновать к мертвым, Хурилико. У нас-то с тобой все впереди. А она...

Я вытер слезы с лица Хурилико, она прильнула головой к моему плечу.

V

Правду говорят, что у дурных вестей — быстрые крылья.

Весь Сулим уже знал о смерти Джурахан. Судачили всякое... В Ташкенте же, в нашей махалле Утинчи, меня считали прямым виновником гибели «Цыпленка»... Об этом позаботились родственники Джурахан, хотя ее мать пыталась меня оправдать.

На каждый рот не наденешь сито. Что только не говорили обо мне досужие сплетники!..

В довершении всего из-под дров¹ махалли вылезла самая ядовитая змея: в Сулим заявился Бердыев.

У него было немало причин ненавидеть меня: я, по его мнению, сманил на стройку его сына, я относился к нему, Бердыеву, без должного уважения и не боялся бросить ему в лицо все, что думал о нем, я в свое время отказался вступить с ним в родство, жениться на его племяннице. Его злило, что я его раскусил. И он на все был готов, чтобы насолить мне, свести со мной счеты.

Появившись в Сулиме, он прежде всего пожаловал ко мне на квартиру (хорошо, что Хурилико не было в это время дома), и потрясая пачкой писем, вне себя от бешенства, заявил:

— Вот — доказательства того, что ты убийца Джурахан!..

¹ Игра слов: утинчи — дрова.

Берегись, эти письма тебя погубят. Я представлю их в суд, и скоро ты будешь биться башкой о стены камеры в ташкентской тюрьме!

Я только усмехнулся.

— Что же это за письма?

— Узнаешь в свое время. Это важные уличающие документы.

— Они уличают меня в убийстве?— Я старался сохранять спокойствие. — Но зачем мне понадобилось убивать вашу племянницу?

— Ты мстишь нашей семье.

— За что?

— За то, что, только по своей вине, потерял квартиру...

Я с сожалением смотрел на бесновавшегося Бердыева. Сколько же в нем тупой злобы, тупой самонадеянности, всепоглощающей любви к своей особе. Да плевать ему на племянницу, им руководила корысть и ненависть ко мне. Он любого мог возненавидеть, кто наступил бы ему на мозоль...

Покачив головой, я сказал:

— Ох, Бердыев, Бердыев. Да мне уж давно на дух не нужна эта квартира. Мне и в Сулиме неплохо. И матушку я думаю сюда забрать.

— Вон как ты запел, Эркин-булбул?— Губы не слушались его, челюсть тряслась.— Ишь, квартира ему больше не нужна... Что ж тогда твой братец под меня копает? Что он всюду треплет, будто заключил со мной незаконную сделку?

Это было для меня новостью... Значит, между Бердыевым и братом пробежала черная кошка. С чего бы это? Или в брате, наконец, совесть заговорила? Или он что-то не поделил с Бердыевым?

А Бердыев все кричал, брызгая слюной:

— Ничего, я всем вам прижму хвост! А начну с тебя. Ты у меня еще попляшешь.

С трудом мне удалось выдворить его из квартиры.

А на следующий день меня вызвал к себе майор Хакимов.

Бердыев уже сидел у него, у них, видно, состоялся крупный разговор, Хакимов морщил лоб, покусывая губы,— обычно он так кривился лишь тогда, когда был чем-то недоволен. Но Бердыев не знал об этой его привычке, и когда я, по приглашению майора, присел к столу, продолжал самоуверенно, в повышенном тоне:

— Вам всего этого мало? Ну, а письма? Разве они не изобличают этого подонка.— Он небрежно кивнул на меня,— как убийцу несчастной девушки?

Хакимов, обращаясь ко мне, спросил:

— Ты видал эти письма?

— Понятия о них не имею.

— Это письма моей племянницы! — вскричал Бердыев. — И все они адресованы этому мерзавцу.

— Но Эркинджан их не получал?

— Она их не отправляла, только изливала в них свою душу. Бедняжка, она без памяти была влюблена в этого негодяя.

Хакимов поднял бровь.

— Ну и что?

— Как это что? — Бердыев распалялся все больше. — Он заманил ее в свои сети, вскружил ей голову, соблазнил ее...

— Ее никто не соблазнял, не лейте грязь на покойщую...

Строгий и рассудительный тон майора несколько охладил пыл Бердыева. Он смешался.

— Я не в том смысле... Он обещал жениться на ней...

— Это доказано?

— Я знаю... И все говорят...

— Ну, это еще не доказательство. И вот что... — Хакимов протянул руку к Бердыеву. — Дайте-ка мне эти письма. Вы, кстати, не имели права читать их. Где вы их взяли?

— Ну... у сестры...

— Вот и надо вернуть их ей. Только она вправе распоряжаться всем, что оставила ее дочь. — Майор сурово глянул на Бердыева. — Нехорошо это, читать чужие письма. Даже мы от этого воздерживаемся, если, конечно, этого не требуют интересы следствия. В данном же случае нам все ясно.

— Что ясно?

— А то, что ваши обвинения в адрес Эркинджана — это злостная клевета. Вы требуете, чтобы мы привлекли его к ответственности? А за что? За то, что сердце его не лежало к той, которая его любила? Это ее беда — но не его вина. Глядите, как бы вам не пришлось отвечать перед судом — за клевету.

Бердыев уже понимал, что ему не удалось и не удастся заморочить голову майору: этот видел его насквозь. Он как-то обмяк, раскис, как кусок лепешки, опущенный в воду. Но его растерянность длилась недолго, он припрятал письма во внутренний карман пиджака, поскреб свою лысину, процедил сквозь зубы:

— Ладно, на вас свет клином не сошелся, товарищ майор. Есть начальство и повыше вас. И справедливость еще существует на свете!

— Ага. Существует. — Обрадованно кивнул Хакимов, и гла-

за его блеснули задором.— Это меня и успокаивает. Я верю, что на таких, как вы, всегда найдется управа.

Выражение лица Бердыева сделалось каким-то оторопелым. Он, видно, был поражен таким оборотом дела. Еще бы! Нечестным людям никогда не понять честных.

Мысль Бердыева текла по какому-то неведомому нам руслу. А когда он обрел дар речи, то с угрозой протянул:

— Та-ак... Вы, видать по всему, друзья с этим убийцей...

— Мы с ним старые друзья.

— Понятно. И живете с ним в одном городе. Как же вам его не защищать? Он ведь герой, строитель Сарданской ГРЭС!

— Это мой долг — защищать таких, как он, от нелепых обвинений таких, как вы.

— Так, так. Все понятно.

— Ничего вам не понятно, Бердыев,— сказал Хакимов, привставая за столом. — Считайте, что наш разговор окончен. Можете идти. Мне надо еще потолковать с Эркинджаном.

Но не успел он произнести эти слова, как в кабинет ворвался... мой брат!

Потом я уже узнал, что на его поездке в Сулим настояла моя матушка. Когда ей стало известно, что Бердыев с недобрыми намерениями отправился на стройку (разве в махалле можно от кого-нибудь что-либо скрыть?), ее охватила тревога. И она приказала брату:

— Поезжай в Сулим. Знаю, ты не любишь моего младшего, но вы с ним одной крови. И как бы ты не относился к Эркину, твой долг — встать на его защиту!.. Ты-то уж хорошо знаешь этого Бердыева, вот и расскажи там, какой он негодник.

— А вы откажетесь, так я поеду,— вставила свое слово Мохинисо.— Ваш Бердыев для меня здесь, как на ладони. Уж я раскрою все его махинации, и с квартирой, и другие... Я скажу: не верьте ни одному его слову.

— Да вы что на меня насели?— взвился брат.— Меня не надо уговаривать. Я этого негодяя сам приструню. Вот он где у меня.— Он провел ребром по горлу.— Совсем его жадность заела. Вы, мама, не беспокойтесь, квартира вам принадлежала, за вами и останется. И Эркина уж я сумею как-нибудь выручить. Брат он мне все-таки...

Тут и выяснилось, что у брата — зуб на Бердыева: тот обвел его вокруг пальца, посулил за квартиру кучу денег, а от делаться решил какими-то грошами.

Наверно, в решении брата поехать в Сулим играли какую-то роль и родственные чувства.

Так или иначе, но мы встретились с ним в кабинете Хакимова.

Бердыев уже шел к двери, брат шагнул к нему, схватил его за отвороты пиджака, тряхнув хорошенько, возмущенно проговорил:

— Ага! Сразу в милицию поспешил — клеветать на моего брата? А не пора ли тебе заткнуться? Ты уж достаточно распустил сплетни в нашей махалле. Ох, не серди меня, Бердыев: Не то я заставлю тебя, как скорпиона, ужалить самого себя.

Он, казалось, готов был задушить Бердыева или разбить ему голову об стену. Хакимову пришлось вмешаться.

— Товарищ Акбаров, не давайте волю рукам. Как вы ведете себя в официальном кабинете, в присутствии майора милиции? Ну-ка, успокойтесь. Сядьте. И вы, Бердыев, погодите уходить.

Мой брат и Бердыев, усевшись, впелись друг в друга испепеляющими взглядами. Побакваясь майора, брат с трудом сдерживался, чтобы вновь не накинуться на своего недавнего приятеля, а теперь заклятого врага (если уж приятели становятся врагами, так только заклятыми), я думал, он вот-вот лопнет от расправившей его злости, но Хакимов спас его от этой беды, обратившись к нему с вопросом:

— С чем вы ко мне пришли, Акбаров? Ведь не для того же вы влетели в мой кабинет, чтобы расправиться с Бердыевым.

— Я пришел, чтобы выбить из его рук камень клеветы, чтобы напрочь вырвать у этого скорпиона ядовитое жало! От него моему брату в Ташкенте житья не было, теперь он Эркина и тут преследует. А у него самого рыльце в пушку. Он незаконно вселился в квартиру брата, немало за ним и других темных дел... Он и сыну своему жизнь заел. Тот хочет на любимой девушке жениться, а Бердыев, гонясь за богатством, сватает за него какую-то уродину. Он, да будет вам известно, похитил письма Джурахан у ее матери!

Брат разошелся, и Хакимов еле остановил бурный поток его обвинений.

— Погодите, Акбаров. Вы можете все это доказать?

— Могу, могу, я все могу. Я этого жулика, клеветника, сребролюбца знаю, как свои пять пальцев. Пусть я сам пострадаю, но я отправлю его на скамью подсудимых. Будет знать, как поднимать руку на честных людей!..

Я видел, что Бердыев малость перетрусил, лицо его побледнело, нервно дергался уголок губ. Сам я с изумлением наблюдал за своим братцем. Еще недавно он и слышать обо

мне не хотел, поносил меня всячески, не пускал на порог своего дома. А на Бердыева чуть не молился. И гляди, какая перемена! В роли страстного правдолюбца, грозного обвинителя я видел его впервые. Он грудью встал на защиту младшего брата и обрушил праведный гнев на своего кумира. Что с ним произошло?

В те минуты я еще не знал подоплеку его поведения, того для меня неожиданного.

Брат, между тем, продолжал:

— Да разве вы сами не раскусили его еще в Ташкенте? Не видите, какой это прохвост?

Хакимов барабанил пальцами по столу.

— Это все слова, Акбаров. Доказательства, доказательства?

— Я сам свидетель многих его махинаций. Нужны еще свидетели? Они за дверью.

У Бердыева вытянулось лицо, Хакимов вопросительно глянул на брата, тот вскочил, скрылся за дверью и привел.. мать Джурахан, Камиля и Малику.

Бедная женщина с плачем подступила к Бердыеву.

— Как вы посмели рыться в моем шкафу? Не стыдно вам? Где письма моей дочери?

Хакимов проговорил повелительным тоном:

— Бердыев! Немедленно верните ей письма.

Бердыева всего трясло, когда он лез за письмами в карман пиджака.

— Так-то лучше,— удовлетворенно кивнул Хакимов.— И учтите, если все, что говорил Акбаров, правда, то вам несдобровать. Уж перед судом-то общественности вам придется предстать...— Он повернулся к Камиле.— Камильджан, уведи своего отца в общежитие. Пусть он придет в себя...

Глазки Бердыева сверкали злобой, но это была злоба отчаяния. Он прошептал робелевыми губами:

— Ладно... Я всех вас выведу на чистую воду...

— Выводите, выводите. Хорманг вам!.. Пока же — Камиль выведет вас отсюда.

Камиль не представлял в полной мере, что произошло в этом кабинете. Его и Малику притащил в милицию мой брат, сообщив только, что у майора Хакимова сейчас находится отец Камиля; с братом была мать Джурахан, которую он привез из Ташмента; и то, что отец его и тетка в Сулиме, — обрадовало Камиле. Дело в том, что Камиль и Малика решили в день торжественного пуска четвертого энергоблока расписаться в Доме счастья.

Сперва, конечно, надо было получить фатиху от родителей. Как раз накануне Камиль и Малика съездили в Ташкент, Бердыева дома не оказалось, и Камиль заручился лишь благословением своей матери, женщины робкой и забитой; Малике с превеликим трудом удалось добиться согласия своих стариков на брак с младшим Бердыевым; она привела к ним Камиля, тот сказал, что они с Маликой давно любят друг друга и клятвенно обещал беречь их дочь пуще глаза. Хаитбай не преминул припомнить ему и письмо с угрозами, и стихи в тетрадке дочери. Прижав обе ладони к груди, Камиль пылко проговорил: «А что мне оставалось делать, Хаитбай-ата? Надо мной нависла опасность потерять Малику, а дороже нее не было у меня никого на свете! Если письмо было написано в неподобающем тоне, так простите меня». Хаитбаю пришлось по душе и горячность, и искренность Камиля, и почтительность, звучавшая в его словах. К тому же Камиль сумел убедить стариков, что на все готов для Малики, жизни не пожалеет, только бы она была счастлива. В конце встречи Хаитбай уже благосклонно взирал на Камиля.

Дело было теперь только за Бердыевым.

И вот он — стоит перед сыном в кабинете Хакимова!

Камиль с улыбкой обратился к хозяину кабинета:

— Товарищ майор, погодите нас выпроваживать. Мне надо кое-что сообщить отцу... Тут как раз и тетушка, и Эркин-ака, и его брат. Мне от них, и от вас тоже, скрывать нечего.— Он повернулся к Бердыеву.— Отец!.. Мы с Маликой хотим пожениться. Мама и ее родители дали свое согласие. Надеюсь, и вы не будете возражать против нашей свадьбы?

Хакимов взглянул на Бердыева с насмешливым любопытством:

— Ну, как, товарищ Бердыев? Вы благословите союз молодых героев стройки? Или все, что говорил о вас брат Эркина — правда?

Прямой вопрос сына и слова Хакимова повергли Бердыева в состояние полной растерянности. Он-то думал, что Камиль вообще с ним не посчитается, женится на этой девчонке и без его согласия, и он, Бердыев, будет поставлен перед свершившимся фактом. Но сын ждет от него решающего слова, и вокруг — люди, которые уж не упустят случая осрамить, ослабить его, если он заупрямится, и выставят перед всеми таким самодуром, противящимся любви — как это сказал Хакимов? — да, «молодых героев стройки». С ними надо ухо держать остро... Как бы не просчитаться, не дать им в руки оружие, которое они могли бы обернуть против него.

И Бердыев через силу выговорил:

— Когда же... вы собираетесь... справить свадьбу?

— На другой день после того, как будет пущен четвертый энергоблок.

— Это скоро?

— От монтажников зависит — раньше или позже состоится свадебный той.

Бердыев прищурился, что-то соображая.

— Значит, время еще есть... — И лицемерно вздохнул: — Что ж, сынок, бог в помощь. Я не против.

— Вот и хорошо! — обрадованно сказал Хакимов. — Надеюсь, Камильджан и Малика, вы не забудете меня пригласить на той?

— Не забудем, не забудем! Все приходите!

Майор попросил задержаться меня и мать Джурахан, и когда остались одни, обратился к ней:

— У вас, Джаннат-апа, есть какие-нибудь претензии к Эркинджану?

— Нет, нет, — торопливо и словно испуганно произнесла она. — Эркинджан чист, как стеклышко. Тут ни на ком нет вины... — Из груди ее вырвался не то вздох, не то всхлип: — Судьба..

Сердце у меня защемило от жалости к ней...

Глава восемнадцатая

I

Брат погостил у меня пару дней и держался со мной воистину по-братски (впервые за последнее время). Хурилко все делала, чтобы угодить ему, и он сказал, что я не стою такой жены. На прощанье он пообещал, что если Бердыев все-таки станет под меня «копать», то ему не сносить головы.

Но, судя по всему, Бердыев (оказалось, не надолго) утихомирился, если можно только назвать утихомирившимся волка, который собирался напасть на овец, но сам угодил в капкан...

Дела на стройке шли своим чередом.

Бригады Забира-ака и Хуриддина начали работать по-злобински.

«Строители-любители» были распределены по бригадам, Камиль и Малика попали в мою, экс-«симулянты» стали водить самосвалы, Халдара Аллаярова и еще нескольких его товарищей взял к себе Хуриддин.

Ему как раз требовалось пополнить свою бригаду, придать

ей универсальность (исходя из злобинского метода), она теперь состояла из мастеров всех строительных профессий: землекопов, бетонщиков, каменщиков, кровельщиков, отделочников... Каждый старался овладеть еще одной-двумя специальностями, чтобы в нужный момент прийти на помощь товарищу. Принимая в бригаду бывших подопечных Камиля Бердыева, Хуриддин с каждым провел беседу, объяснил суть работы «по-злобински».

— Наша бригада — это коллектив на все руки, мы целиком и полностью, всем гуртом, отвечаем за строительство всего дома. Но нас не так уж много, и мы должны добиваться своего, как в армии, не числом, а умением. Если, по пословице, молодцу и семи ремесел мало, то каждый из вас обязан научиться и сорок первому. Наши святые правила: забота о качестве работ, взаимовыручка, железная дисциплина.

Бригаде дали подряд на возведение шестиэтажного здания, под лабораторию и служебные помещения, и Хуриддин взял новичков в ежовые рукавицы. Ведь предстояло проводить своими силами — все строительные операции, начиная от рытья котлована и кончая отделкой комнат, санузлов, парадных. Ребятам некогда было вздохнуть.

Когда я встретил Халдара и спросил, как ему работает на новом месте, тот только рукой махнул.

— И не говорите!..

— Что, достается?

— От каждого аж пар идет.

Я критически оглядел Халдара. Да, по одному его внешнему виду легко было догадаться, как несладко ему приходится. За несколько дней он превратился из колобка в щепку...

Рассчитывая на мое сочувствие, он пожаловался:

— Бригадир только и ищет, к чему придраться. Такой строгий...

Но я не поддержал его.

— Нет, братец, бригадир у вас — золото. Уж я-то его хорошо знаю. Ты в его бригаде многому научишься. Не бойся, приноришься, и снова вес наберешь. От работы лишь поначалу худеют. Ты еще будешь благодарить судьбу, в лице отдела кадров, что она отдала тебя под руку Хуриддина.

Наверно, и мои ребята втайне ворчали, что им достался придирчивый бригадир. Я тщательно следил за тем, чтобы каждая операция выполнялась не просто хорошо, а высококачественно. И если кто допускал хоть малейшую небрежность, я заставлял его переделывать всю работу.

Однажды я услышал, как Камиль говорил кому-то: «Качест-

во — это идея фикс нашего Эркина-ака». Может, он надо мной иронизировал (хотя вряд ли), но я воспринял это как похвалу.

Мы монтировали свод машинного зала четвертого энергоблока. Работы шли на отметке «двадцать пять», под самым сводом. Высоты мои джигиты не боялись: дело привычное, надо лишь соблюдать осторожность, а я уж после истории с Батырханом, обжегшись на молоке, дул на воду, и чуть не каждый день специально проверял, насколько мои монтажники усвоили правила техники безопасности.

Но педаром же говорится, что споткнуться можно и на ровном месте.

Я и не думал и не гадал, что со мной может случиться несчастье...

II

Миновали уже октябрьские праздники, все бригады несли трудовую вахту в честь приближающегося XXV съезда нашей партии.

Про себя я уже решил, что заявление о вступлении в партию подам накануне съезда.

И надо же было, чтобы в самую «сградную» пору, когда каждый монтажник был на счету, один из лучших моих рабочих, съев дыню, выращенную на селитре, попал на больничную койку. Я злился и на этого рабочего, польстившегося на дыньку покрупнее и посочнее, проклинал в душе плута-бахчевода, ублажавшего свою бахчу удобрением, предназначенным для хлопковых полей, и выходившего, в погоне за барышом, отравленное лакомство. Попадись он мне на глаза, я бы ему руки-ноги переломал, навек отбил бы у него охоту мошенничать...

Заменить заболевшего монтажника было нечем, и я сам полез на отметку «двадцать пять».

Злость — плохой помощник. Я работал, мысленно бранясь с монтажником-чревоугодником, которого отхаживали сейчас доктора, и с жадной-бахчеводом, потом мысли мои приняли другое направление, история с отравленным рабочим напомнила мне о гибели Джурахан, мне почудилось, будто я вижу перед собой заплаканное лицо ее матери (какая же это оказалась честная и самоотверженная женщина!), но тут же наплыло другое лицо, бердьевское, искаженное злобой, мстительностью...

От этих видений у меня закружилась голова. Я уцепился рукой за какую-то железяку и вдруг с ужасом обнаружил, что по рассеянности забыл привязаться к конструкции монтажным

страховым ремнем. Тут еще черт меня дернул глянуть вниз... Мне стало совсем дурно, руки ослабли, и я сорвался с конструкции.

Не знаю, сколько времени я летел вниз, наверно, всего несколько секунд, но в эти короткие мгновения я успел услышать чьи-то суматошные, панические вскрики и увидеть бетонный пол, неотвратно надвигавшийся, и сотни мыслей молниями промелькнули в моем сознании!.. Наверно, нет на свете ничего быстрее человеческой мысли. Я прощался с жизнью, с Хурилко, с друзьями, обрывки каких-то воспоминаний путались в моем мозгу, почему-то я позавидовал циркачам, которых ждет внизу спасительная сетка, если они даже не удержатся под куполом цирка. Вместе с тем я лихорадочно соображал, а не могу ли я и сам спастись, выбрав место для падения: ведь внизу были и лужи, и горки песка... Только бы не шмякнуться о бетон и не угодить в кучу металлолома...

Бам!.. Острая боль пронзила все клеточки тела, в голове вспыхнул цветной фейерверк и погас, и я словно провалился в черную бездну.

Больше я уже ничего не помнил.

III

Очнулся я в больнице, и все вокруг было белое: подушка, простыня, пододеяльник, бинты, которыми я был весь перемотан, халаты врачей и сестер, склонившихся надо мной и как будто что-то от меня ожидающих...

Впрочем, сперва я увидел только белый потолок, а уж потом, пошевелив зрачками, смутно разглядел все остальное.

Врачи о чем-то меня спрашивали, а я и слышал, и не слышал их. Все голоса сливались в жалающий пчелиный гул, я напрягся, пытаюсь понять, чего от меня хотят, но в глазах у меня помутилось, я снова закрыл их, мне показалось, что вот теперь-то я умираю по-настоящему, и вдруг я почувствовал боль во всем теле, и меня озарила радостная мысль: нет, я жив, я выжил, я живу!.. Потому мне и больно, что я живой!..

Первое время у меня было такое ощущение, будто весь я — комок боли. Постепенно определились отдельные болевые точки, и их было так много, что я уж думал — на мне вообще нет живого места и весь я в ранах и дырах, как решето. Потом боль сосредоточилась в левом плече и ребрах. Когда я ворочался, мне чудилось, будто они скрежещут, как битое стекло, колюще обжигая мне легкие.

Все это я ощущал, осознавал в те короткие минуты, когда приходил в себя, но больше я валялся в беспамятстве. Мени лихорадило, горел лоб, было жарко под веками, я часто бредил, мучали кошмары. В страшных снах я все время поднимался на крутую, высоченную гору, а потом кувырком катился вниз по склону, усеянному обломками камней, и боль разрывала мне жилы и кости. И вот я лежу у подножья горы, а вокруг меня припрыгивает, приплясывает Бердыев, и руки его зловеще распростерты, как крылья ястреба, и он смеется, но это не смех даже, я какое-то свиное уханье. И я во сне с испугом и отчаяньем думаю: неужели я умер только ради того, чтобы торжествовали мои враги? Нет, я должен жить, я уж как-нибудь вырвусь из лап безглазой, я еще повоюю — с кем надо... А то мне привиделась Хурилко, она склонилась над моим бездыханным телом, глаза у нее были опухшие от слез, волосы растрепанные, и я слышал ее вопль, способный разбудить весь мир: «Эркин! Не уходи, не бросай меня одну, я не смогу жить без тебя. Люди, люди, помогите, не дайте ему умереть!» Она была одна, но я слышал пронзительный крик ребенка, и от этого крика грудь у меня готова была разорваться, и я, мертвый, шептал пересохшими губами: «Не бойтесь, у буду жить, буду жить...» Странно, правда? Во сне я был мертвый, и жаждал жить!..

Хурилко была со мной и наяву. Когда я ненадолго открывал глаза, то прежде всего видел ее, она сидела возле моего изголовья, осунувшаяся, с синевой под запавшими глазами. Верно, не одни сутки провела она у моей постели. По ее изменившемуся лицу можно было судить, сколько я уже пролежал в больнице... Я пытался протянуть к ней руку, заговорить с ней, но она быстро нагибалась надо мной и умоляюще произносила:

— Не разговаривай! Не шевелись! Тебе предписан полный покой.

Когда сознание стало возвращаться ко мне на более длительное время, врачи начали допытываться, как же все произошло, а я только беспомощно моргал ресницами: почти ни на один вопрос я не мог ответить, в памяти зияли какие-то глубокие провалы... Кто-то поел арбузов. Покончила с собой Джурахан. Надо было работать — без задержек, без передышки. И надвигался на меня, с неотвратимой стремительностью, бетонный пол.

Долго я был не в состоянии связать все эти воспоминания воедино.

А когда вдруг припомнил — все, сразу по всей последовательности, то понял: я уже выздоравливаю, все самое страшное — позади.

И врачи смотрели на меня повеселевшими, подбадривающими взглядами.

Я узнал, что при падении грохнулся в кучу песка, у меня насчитали множество мелких и несколько серьезных переломов костей в левой части тела (я ухитрился-таки упасть боком): меня заковали в гипс, и теперь мне оставалось только терпеливо ждать, когда треснутые кости срастутся.

Если в первую неделю у моей постели позволили дежурить только Хурилико, и больше никого ко мне не пускали, то теперь, когда мне стало лучше, и врачи уже не беспокоились за мою жизнь, ко мне потоком хлынули посетители.

Кто только не перебивал в моей палате! Чуть не вся стройка. Приезжали и брат, и Мохинисо, порывалась проведать меня и мама, но брат удержал ее дома, сказав, что со мной все в порядке: она сама чувствовала себя неважно, и ее нельзя было волновать.

Серьезный разговор состоялся у меня с Нусратовым.

Правда, начался он с шуток.

Войдя в палату, Нусратов пристрелил на тумбочке традиционный пакет с апельсинами, подсел ко мне, с улыбкой сказал:

— Салам, джигиту-парашютисту!.. Здорово, говорят, ты спланировал, прямо на песок.

— А то бы костей не собрать, да?

— Твоим косточкам и так досталось. Хорошо, хоть голову уберег... И как это тебя угораздило про ремень забыть? Ты же не новичок в своем деле.

— Я в тот день какой-то рассеянный был, и в голову черт-те что лезло...

— Тогда зачем тебя на верхотуру понесло? Знаешь же, что рассеянность до добра не доводит. Тем более во время такой работы.

— А что было делать, если у меня выбыл из строя один из лучших монтажников?

Нусратов развел руками.

— Ну, ты рассуждаешь!.. Ты же бригадир, твое дело искать выход, мозгами шевелить, чтобы принять оптимальное решение. Ведь когда Батырхан лежал в больнице, ты же не работал за него? Легче всего, конечно, было самому взобраться на двадцатипятиметровую отметку. Представь себе, что и я начал бы подменять всех заболевших секретарей низовых парторганизаций? Что хорошего бы из этого вышло? Я бы не сумел тогда справиться с основными своими обязанностями. — Заметив, что я приуныл, он легонько дотронулся до моего плеча. — Да ты не горюй. Я это к чему веду? Тебе скоро в партию вступать. Ты

теперь должен думать над каждым своим шагом, все время себя спрашивать, верно ли поступаешь, так ли надо решать данный вопрос? Ведь чем коммунист отличается от беспартийных? Большеей требовательностью к себе, большим чувством ответственности.

Я слабо усмехнулся.

— Какой из меня коммунист? Сами же говорите, легкомысленно я поступил. И на всю бригаду пятно наложил. На всю стройку!

— Ты брось это. Брось! — рассердился Нусратов. — Какое еще пятно? От несчастий никто не застрахован. И какая сейчас перед тобой задача? Залечивать свои переломы, выздоравливать, а не забивать себе голову всякой чепухой. — Он ласково погладил меня по загипсованной руке. — Да, да... рыцарь в белых латах... мы все одного тебе желаем: поскорей выздоравливать, вернуться в бригаду.

— Как там ребята... без меня?

— А они тебе не рассказывали?

— Я хочу от вас услышать.

— Молодцы они. Без бригадира-то, кажется, можно повольней себя чувствовать, а они, наоборот, подтянулись, работают споро, четко. Не хотят тебя подводить.

Нусратов рассказал мне, как идут дела на стройке, что еще осталось довершить, чтобы пустить четвертый энергоблок и отрапортовать XXV съезду партии об окончании первой очереди строительства Сарданской ГРЭС.

— Мы — у финишной ленточки, — заключил он, и я почувствовал одновременно и гордость, и грусть.

Замечательно, что мы уже у финиша. И жаль, что я-то в эту решающую пору оказался не у дел, из участника общих победных деяний превратился в стороннего наблюдателя. И все по своей вине: меня подвели и беспечность, и самонадеянность. Да, мне еще учиться и учиться: и жить, и работать...

Нусратов словно угадал мои мысли и настроение, подбадривающе сказал:

— Ты только душу-то себе не растравляй, об одном думай: как поскорей на ноги подняться. Выше голову, Эркинджан!..

IV

Хурилико, в отличие от Нусратова, от моих друзей, старалась не говорить со мной о работе. Она свято соблюдала все предписания врачей, и стоило мне только пошевелиться, как она накидывалась на меня:

— Эркин, ну, какой же ты непослушный! Тебе что сказано: лежать, не тревожить свои переломы...

Как я был благодарен ей за ее любовь и заботу, за ночные бдения у моей постели, за беспрерывное дежурство, какого не выдержала бы ни одна сиделка.

Как-то я сказал ей:

— Умучал я тебя, женушка. Вид у тебя такой усталый... Столько я доставил тебе хлопот и волнений. Отдохнула бы хоть немного... Ведь ты... ребенка ждешь...

— Ну, и что тут особенного? — спокойно возразила Хурилко. — Миллионы женщин рожают и ничего. За меня не надо беспокоиться, у меня здоровье — на двоих. Не думай обо мне.

— Хорошо, я буду думать о своих болячках.

— Тоже не стоит.

— Да моя главная болячка сейчас — это бригада. Как подумаю, сколько им придется трубить без меня...

— О бригаде и о работе уж совсем не надо думать, это тебя может только разволновать.

Я возмутился:

— Но человек просто не в состоянии — ни о чем не думать. Тем более, когда ему нечего делать. Думать — это сейчас единственное занятие, на какое я способен.

Хурилко, получив от меня шач и мат, наморщила лоб, а потом повеселевшим тоном проговорила:

— Вот тебе занятие: слушать меня. Хочешь я тебе сказки буду рассказывать? А ты полеживай себе да подремывай...

Рассказывала она, надо признать, интересно, но я слушал ее только из вежливости. Мне было не до сказок: мысли мои, по мере того как здоровье шло на поправку, все чаще устремлялись на монтажную площадку, где трудилась моя бригада. Что у ребят нового? Далеко ли вперед они продвинулись? Укладываются ли в график? Сумеют ли справиться со своими обязательствами к XXV съезду партии?

Ребята, навещая меня, уходили от разговора о работе, я чувствовал, что это не без влияния Хурилко.

Развлекая меня очередной сказкой, Хурилко заметила, что я пропускаю ее слова мимо ушей и думаю о чем-то своем.

— Ну, вот! Опять твои мысли где-то далеко.

— Не могу же я совсем не думать о работе.

— Работа от тебя не убежит. Скоро с тебя снимут гипс, ты начнешь ходить, тренировать свое тело... А там, глядишь, и выпишешься, и вернешься в бригаду. Тогда думай о работе — сколько хочешь...

Я встрепенулся.

— Снимут гипс? Кто тебе это сказал?

— Врачи.

— А как скоро?

— Наверно, через несколько дней, точно я не знаю. А пока терпи. У тех, кто не умеет терпеть, получается халва из недозревших фруктов.

— Меня бы и такая устроила. Лишь бы скорей отсюда выйти.

Хурилико знала, как отвлечь меня от мыслей о работе. Она взяла мою здоровую, правую руку и положила ее себе на живот поверх халата.

— Ничего не чувствуешь?

Я прикрыл глаза.

— Погоди-ка... Да он, кажись, пинается!.. Вот озорник!..

Хурилико рассмеялась.

— Видно, вырастет таким же бедовым, как ты.

— Это я когда-то был бедовый. А сейчас — само смирение. Ангел, да и только, лишь крылышек не хватает.

— Ангел... Ну, не сказала бы.

Она задумалась.

— Эркин, а не придумать ли нам уже сейчас имя ребенку, чтоб потом не ломать голову?

— Дело!.. Ну, так... Если родится мальчик — давай назовем его Камилем.

Хурилико чуть скривилась.

— Как сына Бердыева?

— А что? Сын за отца не ответчик. А Камиль — джигит, что надо. Я его за то и уважаю, что он не в отца. Самостоятельный парень, за такими — будущее. Ты гляди, какая цепочка протянулась: Рожков, Алексей, я, Батырхан, Камиль... Камиль — это уже пятое поколение на стройке.

— Высчитал! — засмеялась Хурилико. — Ты, выходит, в дедушки ему годишься? Нет, все мы, кроме Рожкова, одно поколение: семидесятых годов...

— Так ты согласна на Камиля?

— Посмотрим. А если родится девочка, назовем ее, как твою маму. Ладно? Она такая хорошая...

Так шли (нет, плелись) дни.

Я лежал все еще в гипсе, но чувствовал себя превосходно и все больше укреплялся в мысли: любыми способами добиться, чтобы меня выписали из больницы как можно скорее.

Посещения друзей только подзадоривали меня.

Рожков явился однажды сияющий, возбужденный, будто после пышного тоя. Он положил на тумбочку пузатый пакет.

— Это тебе от Варвары Сергеевны. Твои любимые беляши.

— А чему вы так радуетесь?

— Можешь поздравить: участок досрочно выполнил месячный план.

— Здорово!.. Моя-то бригада — не подвела?

— Второй идет, после бригады Алексея. Вот выздоровеешь, и выведешь ее на первое место! — Он лукаво улыбнулся. — Боясь только, бросишь ты после больницы стройку...

— Это почему же?

— В цирк поступишь!.. С твоими-то акробатическими способностями — да тебя с руками и ногами оторвут. Какой прыжок совершил — ни одному акробату он не удался бы. И ничего, жив-здоров...

— А вы ждали, что я концы отдам? Дудки! Нельзя мне помирать и некогда. Мы первую очередь ГРЭС не отгрохали, а нам еще вторую строить и третью.. А сколько других электростанций.

— Да, работы на наш век хватит, — согласился со мной Рожков.

Я заинтересовался, не знает ли он, как здоровье монтажника, отравившегося дыней.

— А ты у него самого спроси, — ответил Рожков. — Он в приемной дожидается, когда я халаг сдам. Там и Батырхан, и Камиль с Маликой...

Один за другим заходили в палату члены моей бригады, все — с добрыми вестями, но мне эти вести почему-то не принесли облегчения, я рвался — в бой...

Ребята показались мне малость похудевшими, и я сказал Батырхану:

— Что это ты так отошал за последнее время? Может, тоже отравился дыней или арбузом?

— От такой работы не потолстеешь. Так вкальваем... Да и не отошал я вовсе, а окреп. Полные-то люди — обычно хворые.

Они там вкальвали, а я здесь изнываю от безделья... Терпению моему пришел конец, и я решительным тоном заявил Хурилко:

— Зови моего доктора, пусть снимет гипс, не то я этот панцирь в порошок раскрошу! Довольно, понежился тут — и будет с меня. Больница без меня обойдется, а стройке я еще пригожусь...

То ли моя решительность на врачей подействовала, то ли уж срок приспел, но на следующий день меня, наконец, высвободили от гипсовых оков. Хирург крепко пожал мне руку и с улыбкой проговорил:

— Считайте, что вы уже выздоровели. Организм у вас крепкий, кости молодые, все сложилось куда лучше, чем я ожидал. Порадовали вы нас, врачей.

Я тут же отпарировал:

— Чем-то вы меня порадуете? Надеюсь, на днях выпишите на работу?

— Так уж и на днях. Ну-ка попробуйте встать на пол.

Я поднялся на постели, спустил ноги, но только встал, как меня шатнуло, и я бы упал, если бы не поддержали Хурилико и врач.

— Вот видите, — сказал он назидательно. — Вам предстоит сызнова учиться: держаться на ногах, передвигаться, работать левой рукой, как раньше... А вы «на днях». Придется еще немно-го у нас погостить.

Мне назначили упражнения: для рук, для ног, для всего корпуса, и дело постепенно пошло на лад.

У Хурилико, и до этого державшей меня под неусыпным контролем, появилась еще одна забота: следить, как бы я прежде времени не удрал из больницы. Боялась этого и Кутбиниса: хорошо помнившая волнения, связанные с побегом Батырхана, покинувшего больницу в казенной одежде...

К великой моей радости, ко мне наведался Баракабай. Он привез мне в подарок целую гору дынь и арбузов.

— Угощайтесь, поправляйтесь.

— Вкусотища!.. — Я даже зажмурился от наслаждения, отправив в рот дынную дольку. — А то, понимаете ли, есть артисты, которые дыни на одной селитре выращивают. И одна из них — послужила косвенной причиной моего пребывания в стенах этого богоугодного заведения...

Баракабаю уже поведали историю моего злополучного «акробатического прыжка», и мне не пришлось объяснять ему, при чем же здесь дыня с селитровой начинкой.

Я с упреком продолжал:

— Что же это за союз «Серпа и Молота», если дехкане травят дынями рабочих...

— Эй, Эркинджан, думайте, что говорите! На моих бахчах все дыни со знаком качества.

Хурилико метнула на меня недовольный взгляд.

— Что ты привязался к Баракабаю-ака? Он не отвечает за всяких любителей легкой наживы.

— Нет, отвечает. И он, и они представляют один класс — колхозного крестьянства. Понимаю: в семье не без урода. Но паршивая овца все стадо портит. Почему же честные дехкане допускают, чтобы их позорили нечестные?

Баракабая, как видно, мои слова не обидели, он слушал меня, согласно кивая головой.

Излив свой гнев на уродов в семье дехкан, я принялся спрашивать Баракабая о его жизни...

Так я и проводил (точнее, убивал) время: в разговорах с Хурилико и друзьями, в раздумьях, в тоске по работе, по бригаде... Чем дальше, тем тягостней мне было валяться на больничной койке. Ночами я не спал, днем, когда был свободен от визитов, торчал у окна, мрачно смотрел на улицу. Там, за стенами больницы, шла настоящая жизнь. И я, словно заключенный, мечтал о «воле»...

Мне не верилось, что когда-то я бежал от работы, как от огня, и алкал легкой жизни... Теперь я твердо знал, ощущал всем сердцем: нет в жизни большего счастья, чем любимая работа, дело, в котором ты можешь проявить себя, свою смекалку, и какая это радость — чувствовать локоть друга, который работает вместе и рядом с тобой, чувствовать напряженный ритм всего строительства.

Глава девятнадцатая

I

Я не сообщил Хурилико точного часа, когда меня должны были выписать, чтобы не беспокоить ее, не отрывать от работы.

Когда, наконец, я очутился «на воле», у меня глаза разбежались. Мне хотелось не только окинуть взглядом, но как бы вобрать в себя все, что меня окружало.

С какой-то жадностью я осматривался вокруг...

Как я соскучился по улицам Сулима, сейчас припорошенным легким снежком, по его разноцветным домам, по деревьям, многие из которых я сажал сам, по автобусам, которые изредка проносились мимо с натуженным гудом.

Но сильнее всего влекли меня к себе строительные площадки, с их шумом, скрежетом и лязгом металла, шипением сварочных аппаратов, стуком молотков, с едким запахом карбида, который я бы не спутал ни с каким другим запахом, с рабочей суетой, только на первый взгляд, казавшейся беспорядочной.

Я не стал ни заходить домой, ни дожидаться автобуса, курсировавшего между городом и стройкой, а зашагал напрямиком по направлению к Сарданской ГРЭС.

Ноги сами несли меня, и скоро я увидел похожую на минарет трубу, которая все росла и толстела на глазах, по мере моего приближения к ней, потом показалась крыша главного корпуса, верхние, а затем и другие окна. Стекло и металлическая кайма, разделявшая этажи, поблескивали под лучами зимнего солнца, выглянувшего из-за облаков.

Солнце и стройка как будто приветствовали меня.

И сердце мое забилось взволнованно...

Я перешел по мостику через канал, несущий воду к котлам, которые превращали ее в пар, и оказался на территории ГРЭС.

С удивлением смотрел я на высокое здание, которое еще при мне начала возводить бригада Хуриддина. Оно, видно, уже приняло обитателей — лаборантов, работников администрации, в окнах мелькали тени, порой словно вспыхивали белые халаты. Быстро же управился Хуриддин, вот что значит работать по методу Злобина!..

Откуда-то сверху меня окликнули:

— Эркин-ака! Эй, Эркин-ака!

Я задрал голову. На крыше здания Халдар укреплял флаг управления стройки. Он помахал мне рукой...

Строительный шум окатывал меня невидимыми волнами.

Тарахтели трактора-тягачи, вздымая снежную пыль, с гулом и грохотом сновали самосвалы. Рычали экскаваторы, грызаясь в начавшую уже промерзать землю.

И множество людей, сосредоточенно и споро, занимались своими делами.

С благоговейной осторожностью взошел я на мраморные ступени, ведущие в главный корпус. Этот мрамор бережно и тщательно укладывала три года назад бригада Забира-ака — моя бригада, в которой я начал тогда накапливать свой трудовой стаж...

Три с лишним года прошло, и вот уже действуют первый, второй и третий энергоблоки, и монотонно гудят турбины, рождая ток и рассылая его по проводам высоковольтных линий во все концы республики и за ее пределы.

Зал потрясал своей пустынной огромностью. Тут были только машины.

Я поднялся по лесенке наверх, приоткрыл дверь в одно из помещений с пультами управления. Перед пультом сидел оператор и читал книгу. На меня он даже не взглянул...

Тут мне делать было нечего, я прошел в машинный зал четвертого энергоблока, он вот-вот тоже должен был вступить

в строй. Сейчас в нём шли отделочные работы, проводимые бригадами монтажников, в том числе и моей.

На ажурных переплетениях и узлах металлоконструкций, разветвляющихся подобно виноградным лозам, тут и там виднелись фигуры монтажников, издали они походили на пчел, облепивших медовые соты.

Знакомая, родная сердцу картина.

Я закричал: «Хормангляр!», но мой голос увяз в густом месиве самых различных звуков, никто даже не повернулся в мою сторону. Мне стало обидно. Но я тут же подумал: «Чего ты обижаешься? Поставь себя на место ребят, разве ты, весь уйдя в работу, вертел бы головой, разглядывая, кто это шатается без дела по залу?».

Вот место, куда я грохнулся с двадцатипятиметровой высоты. Мемориальной доски я здесь, конечно, не нашёл. Все было залито бетоном, а рядом громоздилась турбина, и сварщики вели последние швы.

Взобравшись по лестнице на длинную галерею, нависшую над залом, я оперся о перила и некоторое время наблюдал с одобрением и завистью за работой моих ребят, которые, как раз неподалеку от меня, корпели над одним из последних монтажных узлов.

До меня и здесь никому не было дела. Не то чтобы ребят оставило равнодушным мое появление,— они просто меня не заметили. У них не было времени оглядываться по сторонам.

А меня просто мучала жажда принять участие в их работе. Я стосковался по конструкциям, с которыми приходилось возиться монтажникам, по монтажным инструментам... Ближе всех от меня находился Батырхан, я пробрался к нему по временному мостику, буквально вырвал у него из рук сварочный аппарат, отнял щиток и принялся доваривать шов, который вел мой бывший ученик. Тот смотрел на меня, разинув рот...

Поработать мне, к сожалению, довелось недолго: наступил обеденный перерыв.

Вот тут-то мои монтажники, наконец, меня увидели, окружили, и поднялся такой радостный галдеж — хоть затыкай уши. Со мной здоровались, все наперебой поздравляли меня с выздоровлением, желали всяческих благ, расспрашивали о моем самочувствии, интересовались, когда я снова приму бригаду под свою руку. Я убедился, что не только я скучал по ребятам, но и они по мне. И благодное тепло омыло мне сердце...

На другой же день я приступил к работе.

В это время был опубликован для всенародного обсуждения проект ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». В нем, как одна из главных задач десятой пятилетки, выдвигалось повышение эффективности общественного производства, рост производительности труда, всемерное улучшение качества работы...

Надо ли рассказывать, какой энтузиазм охватил строителей нашей ГРЭС?

Бригады моих друзей: Алексея, Забира-ака, Хуриддина трудились уже в счет десятой пятилетки.

К заветному рубежу приближалась и моя бригада.

Меня радовало, что мы еще до опубликования проекта начали вести борьбу за качество работ. Я, выходя, стоял на правильном пути...

Правда, в мое отсутствие, ребята в отношении качества допустили кое-какие огрехи. Мы держали экзамен перед авторитетной комиссией, возглавляемой Фунтиковым. Экзаменаторы придирчиво осмотрели каждую конструкцию, каждый узел, смонтированный моей бригадой, каждый шов, сваренный моими ребятами. Такая придирчивость была естественна и понятна: ведь четвертый энергоблок готовился к пуску...

И сбывшись худшие мои опасения: комиссия забраковала последний наш узел...

Фунтиков сам объяснил нам, в чем состоят недоделки, под-казал, что надо предпринять для их устранения.

— Весь положенный объем работ вы выполнили,— сказал он,— и притом досрочно. И я бы с удовольствием похвалил вас, если бы у вас не хромало качество... Акбарова я в этом не виню, качество — это как раз его конек, но он долгое время лежал в больнице. Бригада без него больше жала на темпы...— Фунтиков повернулся ко мне.— Но теперь, Эркинджан, ты за все в ответе. И если в ближайшие же дни узел не будет доведен до кондиции... учти, я с тебя спрошу!

Он мог бы мне этого и не говорить...

Когда комиссия ушла, я оглядел ребят. Они были какие-то растерянные, приунывшие.

— Ну, что головы повесили?— обратился я к ним.— Не по душе вам — здоровая критика?

Батырхан пожал плечами.

— Мы вроде, старались... Так хотели порадовать вас...

— Оно и видно. Ну, да ладно, что теперь турусы на колёсах разводите.

Ребята, действительно, все делали, чтобы не подвести меня, и скорее я их подвел, угодив в больницу и оставив молодежь без пригляда. Ведь бригада моя за последний год здорово помолодела...

И я сказал ободряюще:

— Что надо делать — мы знаем. Так за работу!

Прежде всего, мы сами подвергли проверке качество нашего монтажа, да еще более строгой, чем комиссия. И принялись кропотливо сглаживать все допущенные шероховатости. Мы действовали, следуя старой поговорке: «Не показывай никому свою жену неряшливо одетой». Переваривали заново каждый небрежный шов, меняли болты, плотней пригоняли друг к другу детали конструкций, потускневшие места протирали маслом или покрывали свежей краской, а когда привели узел в божеский вид, то взялись за швабры, веники и мокрые тряпки, и вымыли, надраили все вокруг до сверкающей чистоты.

Вот уж не думал, что доделывать, переделывать, наводить глянец — это такая тяжелая работа...

Смахнув пот со лба, я поспешил к телефону, позвонил Фунтикову и доложил ему, что мы готовы к повторной проверке.

На этот раз к нам пришли лишь главный инженер и Нусратов. Они в эти дни тоже не знали ни покоя, ни отдыха, вид у обоих был утомленный: у Нусратова ввалились щеки, под глазами темнели круги...

Поскольку им надо было только проконтролировать, ликвидированы ли отмеченные комиссией недоделки, то справились они со своим делом быстро. Лицо Нусратова просияло, и улыбка словно смыла с него следы усталости.

— Молодцы!.. Все, что говорил вам начальник строительства, вы поняли правильно. У нас нет к вам претензий. Вы теперь спокойно можете ждать прибытия Государственной комиссии.

Весть эта ошеломила меня.

— Какой... комиссии?

— Государственной. Она будет принимать всю первую очередь нашей ГРЭС. В основном, конечно, это касается четвертого энергоблока. Всей стройке предстоит держать трудный, ответственный экзамен. В том числе и твоей бригаде.

Он отвел меня в сторону, сказал:

— Эркинджан, я думаю, сейчас тебе самое время подавить

заявление. Партия нужны такие, как ты; представители инициативной рабочей молодежи, передовики производства. Как я тебе уже давно обещал, одна рекомендация — моя.

III

«Всей стройке предстоит держать экзамен», — сказал Нусратов.

А сколько мне в жизни пришлось выдержать экзаменов, испытаний? Ладно, во многие передряги я попадал по своей вине.

Одно то, что я рано лишился отца, рос под присмотром лишь больной матери, — это уже немилость судьбы, для меня в детстве и юности это было тяжкое испытание, и я перед ним славословал. Я жил не по долгу совести, а так, как мне хотелось, и из всех путей выбирал самые легкие, а они ведь — самые кривые... У одних сиротство рождает чувство ответственности, у других — ощущение не столько даже безнадзорности, сколько бесконтрольности. Так было у меня...

Сдавал я и обычные, школьные экзамены, от них меня с души воротило, все ученье было как бы бегом с препятствиями, которые я преодолевал с грехом пополам. Учебники я ненавидел, усаживался за них скрепя сердце, и лишь книги (в основном, не входящие в школьную программу) были моими лучшими друзьями. Почему они не помогли мне сразу стать на прямую дорогу? Верно потому, что я относился к ним потребительски, «проглатывал» их, а не вдумывался в прочитанное.

Первым по-настоящему серьезным экзаменом стала для меня работа на строительстве Сарданской ГРЭС, жизнь в коллективе настоящих тружеников. Этот экзамен я, по-моему, все еще сдавал, не без помощи множества «репетиторов»: моих наставников, друзей, товарищей по труду...

Интриги и наветы таких, как Бердыев, испытывали меня на стойкость; я учился выдерживать характер, отражать атаки противника; и сама жизнь укрепляла во мне веру в то, что хороших людей вокруг больше, чем плохих, что в конечном счете побеждает справедливость...

Перед трагическим испытанием поставила меня гибель Джурахан. Тут держала экзамен — моя совесть... Уж не знаю, вел ли я себя в те дни, как надо и правильно ли мыслил, но я убедился, что еще не научился понимать людей, и осудил себя за то, что в отношении к Джурахан мне не хватало элементарной

чуткости. Да, она сама была не ангел, и многое в ней меня возмущало и раздражало (чего стоят слухи, которые она обо мне распускала!), но если бы я был зорче, снисходительней, то разглядял бы под наносным — истинное, и тогда, по-прежнему избегая ее и уж, конечно, не отвечая на ее чувство, поостерегся бы наносить ей размашистые удары, щадил бы ее хотя бы за то, что она слабее меня...

А вот экзамен по такому важному, труднейшему предмету, как любовь, закончился для меня успешно. Говорят, любовь ослепляет... Неправда, она заставляет пристальней присматриваться к самому себе, к своим поступкам, и как бесценную премию за свое постоянство, упорство, — я получил благосклонность моей Хурилико, она сделала меня счастливым...

Если бы меня спросили, в чем я вижу подлинное счастье, я бы без раздумий ответил: в любви!.. Не зря же говорит народная мудрость, что человек, лишенный любви, это комок сухой глины, никому не нужной и ни на что не годной. Небо надо мной посветлело, когда я узнал — любовь. А после женитьбы на Хурилико жизнь сделалась еще содержательней, полнокровней, дороже...

Любовь Хурилико — это подарок судьбы.

Я обрел свое счастье и в труде, но нельзя сказать, что я добился его сам, лишь своими силами, нет, мне помогли его завоевать и Нусратов, и Забир-ака, и Рожков, и Алексей, и Хуриддин, и Фунтиков, и многие, многие другие.

Я испытывал сейчас всю полноту счастья.

Но я шел к нему трудными дорогами, порой продираясь сквозь дикие заросли, одолевая и внешние преграды — и себя, претерпевая жизненные невзгоды, стужу и ливни, град и зной. Я иголкой копал котлован под фундамент моего счастья и закалялся в горниле трудностей и неожиданных бед, в чистом огне любви и работы.

И вот я — семейный человек, представитель Его Величества рабочего класса.

Достойный ли представитель, достойный ли семьянин?

Не знаю... Не мне об этом судить.

А впереди меня ждали другие экзамены.

Как-то оценит мой труд, усилия моей бригады, всех строителей — Государственная комиссия?

Какую-то оценку дадут мне, как человеку, коммунисты, которые будут принимать меня в партию?

Я готовился совершить самый решающий, важнейший шаг в моей жизни.

Вот уж — испытание из испытаний...

Я подал заявление и соответствующие документы в партбюро нашей цеховой парторганизации и дальше жил — как в тумане.

Меня бросало то в жар, то в холод, минуты душевного подъема сменялись часами тревог и сомнений, я перебирал всю свою жизнь, мысленно отвечая на вопросы, которые могли мне задать, сам себя мучая вопросами: а все ли у меня в последнее время шло так уж гладко, не спотыкался ли я, всем ли своим существом достоин звания коммуниста? Мне ведь вправду были припомнить и мое прошлое, и случай с Батырханом, и беспечность мою, которая привела меня на больничную койку, и историю с самоубийством Джурахан, в которой я был, хоть и косвенно, замешан...

Особенное волнение охватило меня перед заседанием бюро парткома стройки, уже после того, как меня приняло в партию общее партийное. Еще бы, ведь в парткоме представлены достойнейшие из достойнейших, и я боялся их суда...

Ночь я провел без сна, а утром, по пути в партком, встретил Рожкова, который был членом бюро парткома. Мы шли вместе, заметив, как я волнуясь, он положил мне руку на плечо:

— Спокойней, Эркин, спокойней. Я понимаю: сегодняшний день — необычный в твоей жизни. У меня, помню, и на общем собрании, и на парткоме поджилки тряслись... Это когда я в партию вступал. Но тебе не о чем тревожиться, отношение к тебе самое доброе, ты заслужил это почетное право — стать коммунистом.

— У нас не все ладно было с последним узлом...

— Но в конце концов ваша работа была принята на «отлично». А важен результат.

— Бердыев может на меня накапать. Он до сих пор, говорят, носится с толстой папкой всяких разоблачительных заявлений...

— Ничего, партия умеет отличать правду от клеветы. Твой Бердыев ни для кого не загадка. Верно, он это время не сидел сложа руки, от него и в партком пришли «компроматериалы», мы уже обсудили их и все обвинения по твоему адресу отменили как несостоятельные. Неужели ты все еще не уверен в себе, Эркин?

Я почесал затылок.

— Сложно все это... Я все пытаюсь в себе разобраться...

— Разбирайся, разбирайся, это дело полезное. Человек,

говорят, растет, познавая себя. Только не занимайся зряшным самокопанием. Учитывай и чужое мнение. Вспомни-ка, что говорили о тебе коммунисты на общем собрании...

А на собрании никто худого слова обо мне не сказал. Это воспоминание и разговор с Рожковым малость меня приободрили.

Но как только началось заседание бюро парткома, я снова замандражил... И все ждал каверзных вопросов. А их — не было...

Заседание проходило по-деловому. Нусратов зачитал мое заявление, все три рекомендации (его собственную, Рожкова и Забира-ака) и решение общего партийного собрания. Его слушали с сосредоточенным вниманием.

Слово получил я, рассказал обо всем, что было в моей жизни хорошего и дурного. Никто меня даже не перебил...

Все выступающие упоминали и о моих прошлых грехах, но лишь затем, чтобы показать, как я «вырос» на стройке.

Даже приглашенный на бюро Халмухамедов меня похвалил. Вот чудной человек... Я-то все считал его своим недоброжелателем, и за многое его осуждал, а он оказывается, умел быть объективным: по-моему, он даже переборщил, распространяясь о моих заслугах по озеленению и благоустройству города. Нет, плохо я еще знал людей... Обычно я рубил сплеча: черное — белое, а люди были куда сложнее...

Надо сказать, то единодушие, с каким поддерживали меня все выступавшие, несомненно настораживало: выходит, все тут шло по заранее отрепетированному плану? А потом я подумал: наверно, принято являться на такие ответственные заседания с заранее продуманным мнением. А мнения, случается, и совпадают. Мне-то следовало только радоваться этому.

При всей деловитости атмосферы, царившей на заседании, она все же была и какая-то торжественная... Все выглядело серьезным и значительным: выступления, отношение членов парткома к делу, сам ритуал (не подберу много слова) обсуждения...

Бюро парткома единогласно постановило: утвердить решение общего партийного собрания о принятии меня кандидатом в члены партии.

Улыбаясь, Нусратов сказал:

— Поздравляю тебя, товарищ Акбаров. Я уверен: ты будешь хорошим коммунистом.

Глава двадцатая

I

Повествование мое подходит к концу, и мне, при всей моей болтливости, то бишь моем красноречии, поневоле приходится быть лаконичным. К тому же столько произошло больших, торжественных событий, что я просто не в силах достойно их описать. Тем более, что праздники чем-то ведь походят один на другой...

Перед Государственной комиссией мы не оплошали. Она приняла первую очередь Сарданской ГРЭС, завершённую досрочно.

Накануне XXV съезда КПСС (уже моего съезда) на стройке состоялся митинг, посвященный пуску четвертого энергоблока и вступлению в строй (как у нас говорят, «задействованию») всей первой очереди нашего Дворца Света.

Малика и Камиль, которыми я как бригадир не мог нахвалиться, как и собиравшись, после пуска энергоблока закатали пышный свадебный той. Он прошел шумно и весело, в теплом кругу рабочих и строителей. Еще один той (так сказать, филиального характера) молодожены намеревались устроить в Ташкенте, для родни.

На «сулимский» той был приглашен мой брат. Странные у нас с ним были отношения: внешне — родственные, и явно улучшившиеся, но я по-прежнему многое не принимал в брате, а он — во мне. Разные все-таки мы с ним люди...

Брат вроде явился на этот той «со стороны». Но я лично считал единственным посторонним здесь — отца жениха, Бердыева. Он и держался особняком, все хмурился, почти ни с кем из нас не перемолвился ни словом, на меня глядел волком, молодых поздравил без особого энтузиазма, и я слышал, как он ворчливо говорил Хакимову:

— Слишком уж самостоятельна наша молодежь, со старшими не считаются, все норовят делать по-своему. А своеволие до добра не доводит... Вот увидите, наши молодожены скоро заявят, что не сошлись характерами и подадут на развод. Не слушась родителей, крепкую семью не создашь...

Хакимов только усмехнулся брезгливо и, не снизойдя до возражений, демонстративно отошел в сторону...

Бердыев проводил его злым взглядом... Он и не думал сдвигать свои позиции, и я понимал, что и с ним, и с такими, как он, всем нам еще придется повоевать...

На свадьбе было все, что положено: подарки, тосты, музыка, танцы.

Свое искусство показал самодеятельный танцевальный ансамбль, созданный все тем же неугомонным Камилем. Танцевали девушки и ребята с таким заразительным задором, что и Хурилико не смогла усидеть на месте и присоединилась к танцующим. Пройдя по ресторанным залу два круга, она вдруг остановилась и медленной походкой направилась к выходу. Я поспешил за ней. Она уже вышла на свежий воздух, стояла, приклонясь к дверям, лицо у нее было бледное-бледное. Я перепугался не на шутку.

— Что с тобой?

— Так... Голова закружилась... Отведи меня домой...

— Нет уж, пешком тебе в таком состоянии нельзя идти. Погоди, я поищу машину.

Существует «закон бутерброда»: когда тебе что-нибудь позарез нужно, ты этого ни за что не найдешь. Правда, возле ресторана стояло несколько машин, на которых прибыли гости, но я не рискнул беспокоить гостей, тем более, что все они наверняка были навеселе. По улице же не прошла ни одна машина. Я уж совсем отчаялся, когда у ресторана затормозил «газик» начальника строительства, приехавшего на свадьбу с большим опозданием. Я бросился к Фунтикову, объяснил в чем дело; он окинул Хурилико оценивающим взглядом, сказал мне:

— Ей не домой надо, а совсем в другое место.

И велел водителю везти нас напрямик в роддом.

Дежурная медсестра, глянув на Хурилико, побежала за врачом, и они увели от меня мою женушку. Вскоре медсестра вынесла мне ее одежду.

— Отправляйтесь домой, завтра зайдете.— Помолчав, она добавила:— Вовремя вы ее привезли...

Эти слова почему-то встревожили меня, и я хотел остаться, но медсестра чуть не силком выставила меня на улицу.

— Ох, уж эти отцы!.. Все им мнится, что только их жены и рожают. Ступайте, ступайте. Сейчас вам все равно ничего не скажут, завтра узнаете — как и что...

Терпеть до завтра!.. Это было свыше моих сил. Всю ночь я проторчал возле роддома, не замечая ни студеного ветерка, ни февральской промозглости. И все повторял про себя: только бы все было в порядке, только бы все прошло благополучно...

Утром, как только открылась дверь роддома, я ворвался в приемную, кинулся к дежурной медсестре.

— Ну, как?

— А никак. Такие дела скоро не делаются.— Она осмотрела меня критически.— Как вы только не замерзли, герой!.. Вам,

наверно, на работу нужно, вот и идите. Оставьте свой телефон, если будут какие новости, мы вам позвоним.

С одеждой Хурилико под мышкой я направился домой.

II

Только я вышел из дома, как к парадному подкатил «газик» Нусратова, и водитель, распахнув дверцу, крикнул:

— Садитесь, поедem в райком партии. Товарищ Нусратов послал за вами...

В райкоме сам первый секретарь в торжественной обстановке вручил мне и еще нескольким молодым коммунистам кандидатские карточки.

Он и Нусратов душевно поздравили нас.

Я бережно положил билет в боковой карман пиджака, поближе к сердцу, и прижал к груди правую ладонь...

Трудно представить, какую я испытывал радость...

Нусратов сказал, что на работу я могу прийти позднее, и подбросил меня до роддома.

Я написал на листке, вырванном из блокнота (который завел по примеру Нусратова): «Хурилико, дорогая, можешь меня поздравить, сердце мое греет билет с заветными словами: «кандидат в члены КПСС». И попросил медсестру передать записку Хурилико.

Медсестра долго не возвращалась, и одному мне известно, что пережил я за эти несколько бесконечных минут...

Но вот она появилась, наконец, в приемной, у нее улыбались и глаза, и губы, и ямочки на щеках.

— С вас суюнчи, палаша!

Я только выдохнул:

— Кто?

— Мальчик. И такой крепыш!..

Некоторое время я не понимал, на том я свете или на этом. А очухавшись, достал из бумажника деньги, всучил их женщине, принесшей светлую весть.

— Вот... купите что-нибудь... себе и всем...

Я думал, меня сразу же пустят к Хурилико, — не тут-то было. Я протомился еще несколько дней, выработав неизменный маршрут: квартира — роддом, работа — роддом — квартира...

Слава богу, палата, в которой лежала Хурилико, находилась на первом этаже, ей разрешили подходить к окну, и я мог видеть ее через стекло и переговариваться с ней знаками. Открывать окно было нельзя, погода стояла мерзкая: холодный дождь перемежался с мокрым снегом. Ребенка мне не показывали..

Я впервые увидел своего сына, когда Хурилико вышла из роддома, а как следует разглядел его уже в квартире. Мне все хотелось разобрать, на кого же он больше похож, на меня или на мать, но сделать какие-нибудь четкие выводы пока было трудно: если он на кого и походил, так это на всех других новорожденных, и жидкими волосенками неопределенного цвета, и безбровым, сморщенным, красным, как свеколка, личиком... Но все равно — это был мой сын, с этого дня такой же для меня дорогой, как и Хурилико. У нее после родов был цветущий вид, и мне даже не верилось, что эта красавица — моя жена...

Говорят, беда одна не ходит. И я это когда-то испытал на собственной судьбе. Но и радость, видно, не любит одиночества, и одно счастливое событие влечет за собой другие. В этом я убедился в последнее время.

Хоть мы с Хурилико и обсуждали когда-то — какое имя мы дадим сыну, но тут вдруг единогласно решили назвать его Нурджаном.

А что? Законно.

Все эти дни не было отбоя от гостей, спешивших поздравить нас с нашим первенцем.

В день, когда мы «обмывали» имя сына, по настоянию Хуридина был зарезан черный баран. Уж не знаю: то ли на счастье, то ли от сглаза. Я не слишком разбираюсь в приметах и обычаях.

Рожков и Алексей на этот той явились с опозданием (чего прежде за ними не наблюдалось).

Когда мы усадили их за стол, Рожков поднялся с какой-то бумагой в руках и, многозначительно прокашлявшись, сказал:

— Мы задержались, но по уважительной причине, и хозяева, думаю, извинят нас, когда узнают — по какой; и еще извините, что мы вынуждены внести в семейное торжество некоторую официальность.

Вот это закрутил сюжет!.. Мы все сгорали от любопытства. А Рожков, протянув мне бумагу, продолжал:

— Будь добр, Эркин, поставь тут и свою подпись.

— А что это? — спросила Хурилико.

— Это — рапорт коммунистов стройки двадцать пятому съезду нашей партии. Огласить текст?

В рапорте говорилось, что строители Сарданской ГРЭС, под руководством партийной организации, досрочно завершили сооружение первой очереди электростанции и посвящают трудовую победу XXV съезду.

— Под рапортом — подписи всех коммунистов. Теперь твоя очередь, Эркин Акбаров!

С волнением вывел я свою фамилию в конце этого документа...

Вот и еще один нешуточный экзамен — позади...

Я словно расписался в том, что я, Эркин Акбаров, стал — Человеком... И разве я не вправе был гордиться своей принадлежностью и к великой армии коммунистов, и к рабочему классу нашей страны?

В то же время я испытывал такое чувство, будто лишь теперь мне и предстоит держать решающие экзамены...

Но стоп! Не буду ничего загадывать наперед.

Я ведь только в начале пути...

1974—1978 гг.

Ибрагим Рахим

(Ибрагим Абдурахимович Рахимов)

ТРУДНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

(Как закалялся человек)

Р о м а н

Перевод с узбекского

Редактор *Р. Ю. Москалева*. Художник *М. А. Кагаров*. Художественный редактор
В. С. Нежировский. Технический редактор *У. Н. Киш*. Корректор *Л. В. Лебедева*

ИБ № 1042

Сдано в набор 08.02.79. Подписано в печать 13.12.79. Формат 60×84 1/16. Бумага типографская
№ 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 17,67. Уч. изд. л. 19,01. Тираж
129000. Заказ № 100. Цена 1 р. 40 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент, 700129, ул. Навои, 30.

Типография № 1 Ташкентского производственного полиграфического объединения „Матбуот“
Государственного комитета УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Ташкент, ул. Хамзы, 21.

Рахим Ибрагим.

Трудные экзамены: «Как закалялся человек». Роман/Автор:
пер. с узб. Юрия Карасёва.— Т. Изд. лит. и искусства, 1979.—304 с.

Самый трудный экзамен—это жизнь, и только сдавший его успешно, вправе нести гордыня Человека. О судьбе простого узбекского парня, сдавшего этот самый главный в жизни экзамен,—новый роман Ибрагима Рахима „Трудные экзамены“ („Как закалялся человек“).

ББК 84 Уз
Уз

Р $\frac{70403 - 123}{M352(04) - 79}$

84—79—3703040100